КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

3

Часть 1
АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

3

일제에 앗긴 조국을 되찾기
위하여 피를 흘리고 목숨을
바친 사람들만이 조국이
얼마나 귀중하고 조국에로 다시
가는 길이 얼마나 험난하고
시련에 찬 것인가를 진정
백성에 사무치게 느낀다고
말할 수 있다.

김일성

Только те, кто проливал кровь с риском для жизни за возрождение потерянной Родины, можно сказать, до мозга костей представляют, насколько дорога Отчизна и насколько труден, крут обратный путь к ней.

Ким Ир Сен

Встреча с О Тхэ Хи, как когда-то в партизанском районе.

Варварские злодеяния японских оккупантов. Цзяньдао было превращено в море крови.

Покинув родные края, многие семьи ходят в Цзяньдао.

Один из ноябрьских (1933 г.) номеров газеты «Тоньа ильбо» писал: среди всех 570 тыс. населения Цзяньдао восемь десятых являются корейцами.

Полицейские обыскивают на границе.

Воет ветер

вдали...

Сколько погибло

людей.

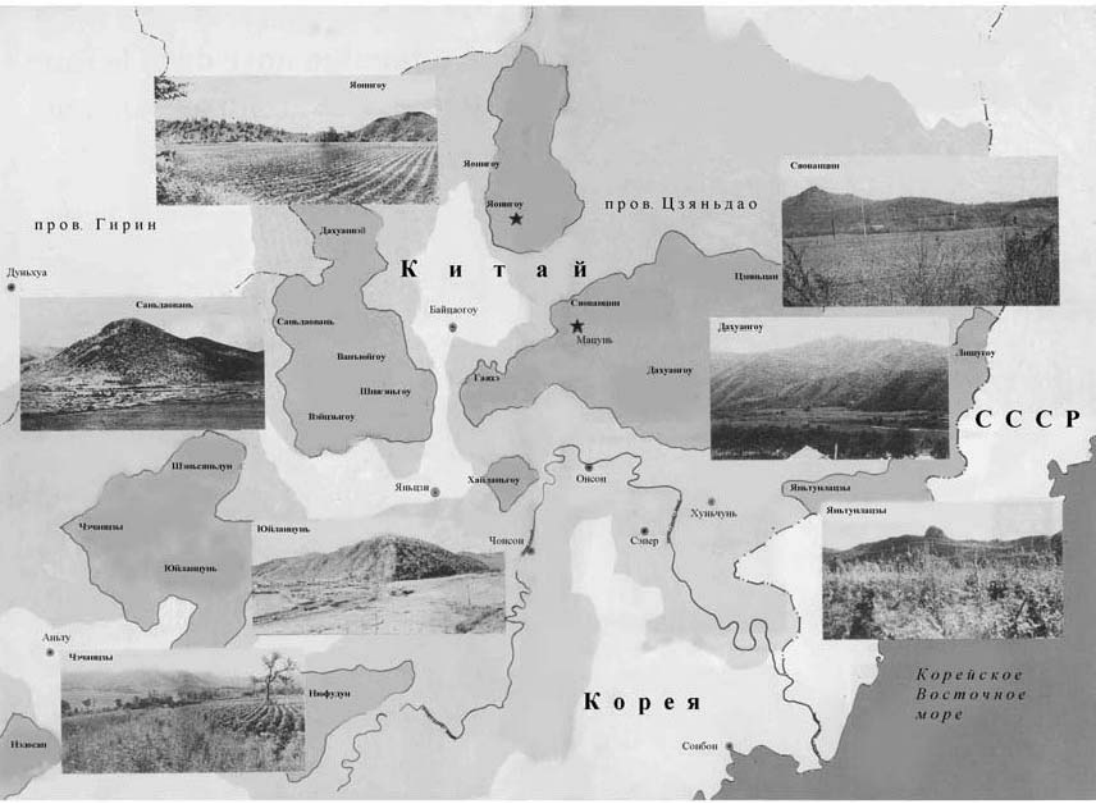
Море крови,

скажи –

Сколько в тебе

смертей?

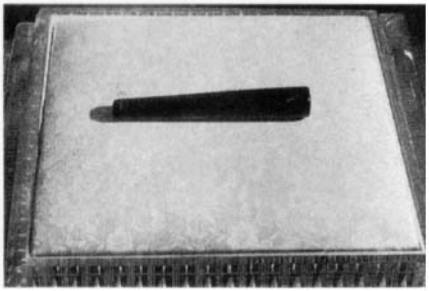
Опорная партизанская база в бассейне реки Туман (1932- 1935)



Бревенчатый дом — штаб партизанского отряда в Мацуне Сяованцина.

Печать, которой я пользовался.

В сентябре 1933г. Произошла моя встреча с Чвэ Хеном. На память о первой встрече я подарил ему янтарный мундштук.



Родник, которым мы пользовались

Учебное поле для партизан.

Первые командиры в партизанском районе

Рян Сон Рён.

Ан Гир.

Пак Тон Гын.

Пак Кир.

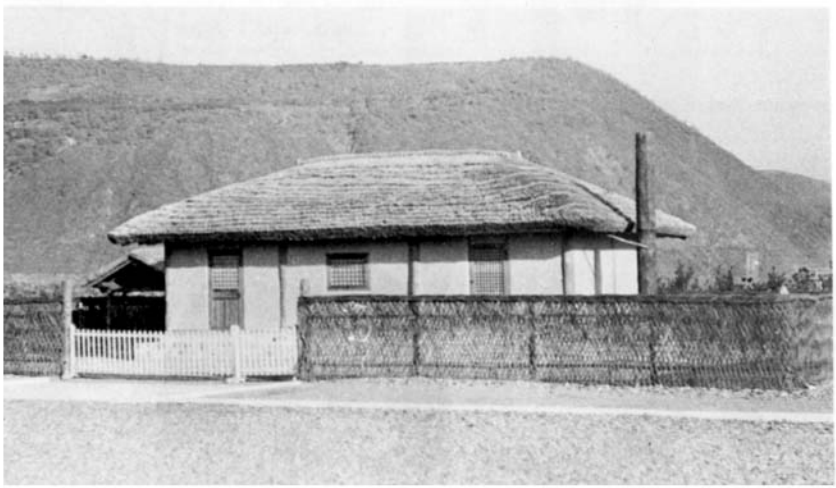
Ким Хэ Сан.

Чха Рён Док.

Чвэ Чхун Гук.

Гора Ванчжэ.

Место, где 11 марта 1933 г. проходило совещание руководителей подпольных революционных организаций и партизан-подпольщиков района Онсона. Лозунг, начертанный на дереве, расположенном вблизи.



В весенний праздник *тано* 1933 г. меня пригласили на обед в дом О И Сона, что в селе Синхын уезда Чонсон.

Посещение места, где проходило Ванчжэсанское совещание.

Вооруженную борьбу – внутрь страны

Лозуннг, сохранившийся на одном дереве в районе Онсона, где проходило совещание представителей партийных и других революционных организаций в Корее (февраль 1934 г.).

Тхамаккор, где запечатлены первые шаги во время рейда на Родину.

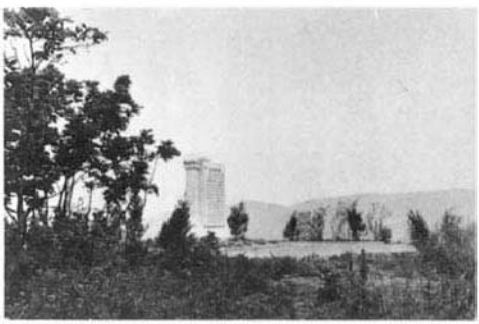
Общий вид острова Рюда.

Сообщение о вступлении партизан на родную землю.

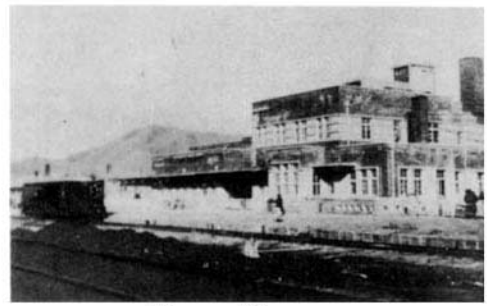
Переправа Чандок в Онсоне.

Ванчжэсанский тайный лагерь.

Соксэгорский тайный лагерь.



Место боя под Унамом в Чонсоне.

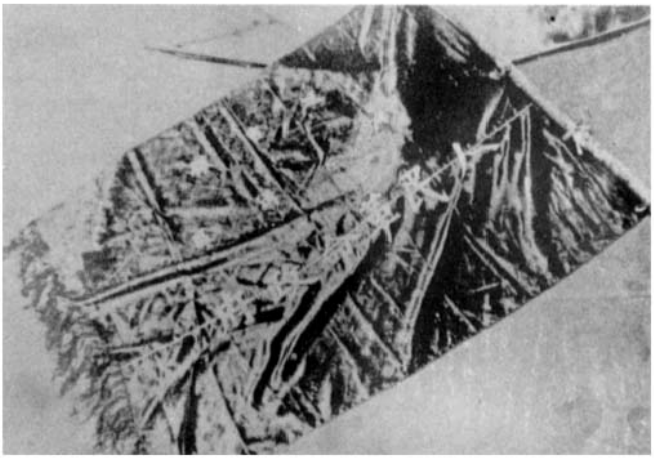


Гора за Тумынем.

Карачжибонский тайный лагерь.

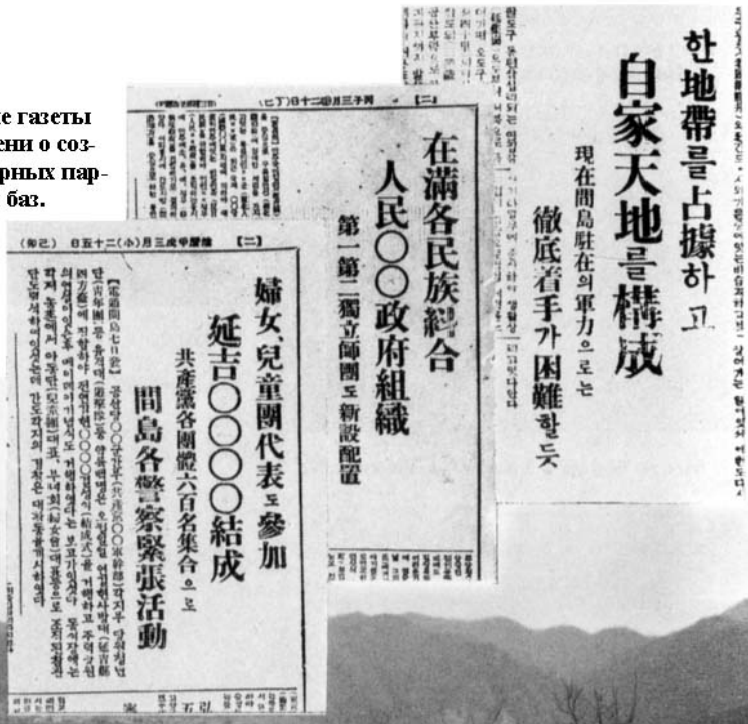
豫審繫屬一年만에
穩城勞農事件終結
맹비十五名中五名은妙齡女
清津法院公判에廻附
全長元을中心으로

Сообщение газеты того времени об организационно-партийном строительстве в Корее.



Флаг народно-революционного правительства Ваньюйгоуского партизанского района.

Сообщение газеты того времени о создании опорных партизанских баз.



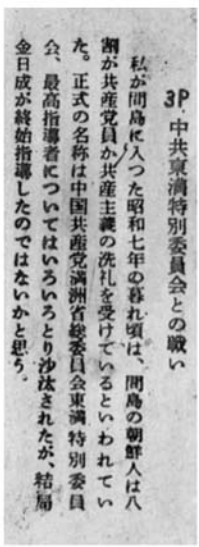
한地帶를占據하고
自家天地를構成
現在間島駐在의軍力으로는
徹底着手가困難할듯

在滿各民族統合
人民○○政府組織
第一第二獨立師團도新設配置

婦女、兒童團代表도參加
延吉○○○○結成
共產黨各團體六百名集合으로
間島各警察緊張活動

Общий вид Сышуйпина в Гаяхэском партизанском районе. Здесь было создано первое народно-революционное правительство.

Материалы для политзанятий, напечатанные на опорных базах.



3P 中共東満特別委員会との戦い

私が間島に入った昭和七年の暮れ頃は、間島の朝鮮人は八割が共産党員か共産主義の洗礼を受けているといわれていた。正式の名称は中国共産党満洲省総委員会東満特別委員会、最高指導者についてはいろいろとり沙汰されたが、結局金日成が終始指導したのではないかと思う。

Воспоминания одного из чиновников генерал-губернаторства в Корее о деятельности парторганизаций в партизанских районах.

Казарма Дахуанвэйского партизанского отряда и подземный проход.

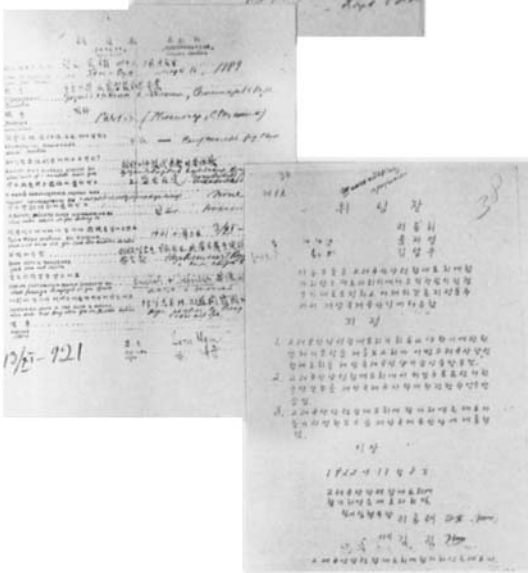
Посланец Коминтерна Ли Ги Дон (Пань Циню).

Статья, написанная в мае 1933 г. и опубликованная отдельной брошюрой.

Общий вид Сяованцина.

Свидетельства истории о надежде на помощь Коминтерна

Хон Бом До.



Ли Дон Хви.

Материалы из архива Коминтерна.

Ре Ун Хен.

Воскресают в памяти

Следовало бы перефразировать изречение «Верная собака, любимый конь» так: «Верный конь, любимая собака». Белый конь – мой спутник в огненные дни антияпонской войны. При воспоминании о своей жизни в Ванцине у меня в памяти всплывает этот легендарный конь.

Мои первые ординарцы

Чо Валь Нам.

Ли Сон Рим.

Командир взвода
О Бэк Рён.

Чвэ Гым Сук.
Во время моей болезни она была незаменимой сиделкой.

Корейско-китайский антияпонский совместный фронт создан ценою крови.

Секретный документ того времени. Партизаны, посланные в антияпонские отряды, были арестованы и убиты из-за интриг японских империалистов, которые сеяли раздоры между нациями.

Семья Ли Гвана
(сам он первый справа
в заднем ряду).

Секретные директивы японцев, пытавшихся внести раскол в революционные ряды.

Материалы японских империалистов о бое в уездном центре Дуннин (1934 г.).

У Ичэн.

Ши Чжунхэн.

Чай Шижун.

Здание, на котором был установлен пулемет во время налета на Дуннин, и общий вид городка.

Память о буднях партизанских районов

Место боя за оборону Яоингоу.

Место боя за оборону Нэдосана.

Место боя под Сань-даохэцзы.

Юн Чхан Бом.

Чан Рён Сан.

Рю Ран Хан.

Ким Ен Хван.

Чон Ман Сон.

Чвэ Ин Чжун.

Место боя за оборону Сяованцина.

Жители партизанского района возводят сожженные карателями дома.

Оружие, боеприпасы, медицинские инструменты и лекарства, изготовленные в партизанских районах.

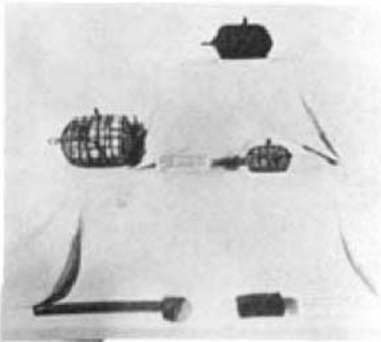
Сон Вон Гым.

Пак Ен Сун.

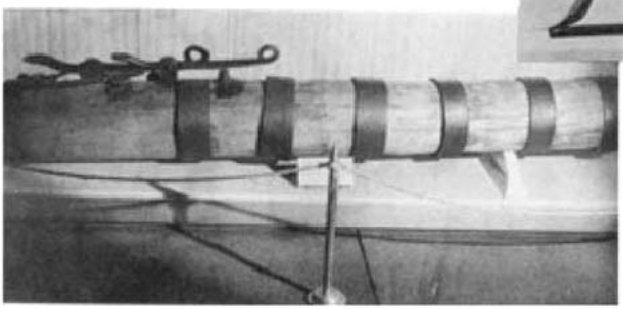
Пак Ту Ген.

Партизанская швейная машина.

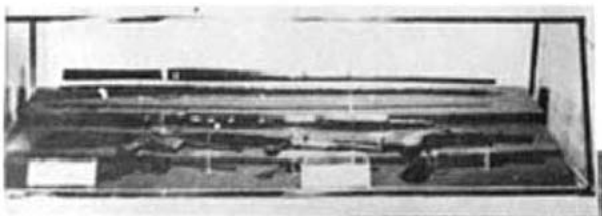
Медикаменты и инструменты.



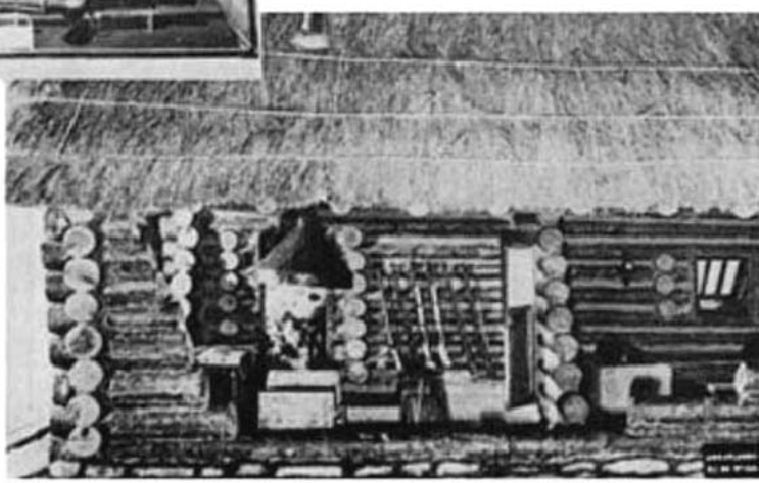
«Енгирская бомба» и приспособления для ее изготовления.



Пушка из дерева.



Различные виды оружия.



Оружейная мастерская в Сяованцинском партизанском районе (макет).

Во имя будущего революции

Ким Гым Сун.

全く

Сообщение газеты о героической смерти Ким Гым Сун.

Статья о юной героине Ким Гым Сун из «Памяти антияпонским борцам Северо-Востока Китая» (май 1936 г.).

Рю Гван Сун.

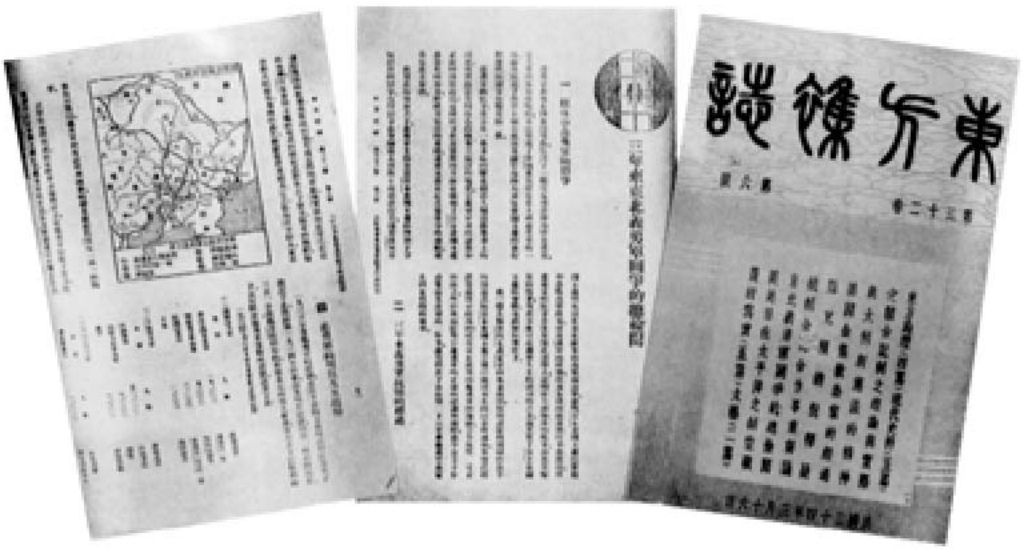
В водовороте общенационального Первомартовского народного восстания Рю Гван Сун в 16 лет стала дочерью корейской нации, а 9-летняя Ким Гым Сун под знаменем идей чучхе стала героиней Кореи в антияпонской войне. Немало было неувядаемых «цветков» тех юных лет. Слишком рано ушли они от нас. Чем бы утешить горе, как возвысить дух юных патриотов и патриоток, лица которых даже трудно рисовать по памяти?

Ли Сун Хи.

Пак Киль Сон.

Школа Детского отряда в Юйланцуньском партизанском районе.

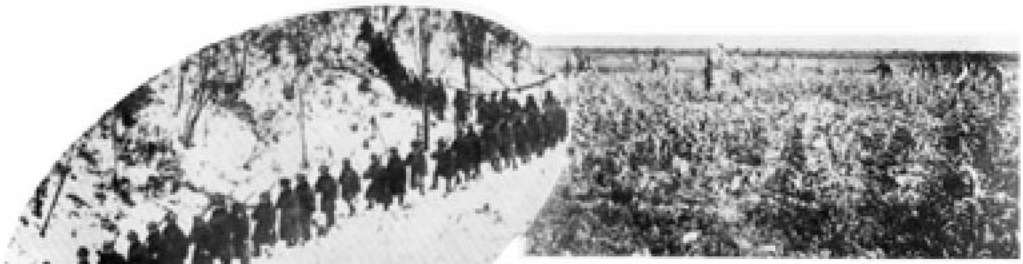
Корейская Народно-революционная армия



«Журнал Востока» писал: в Цзяньдао имеется 3000 бойцов КНРА (март 1935 г.).

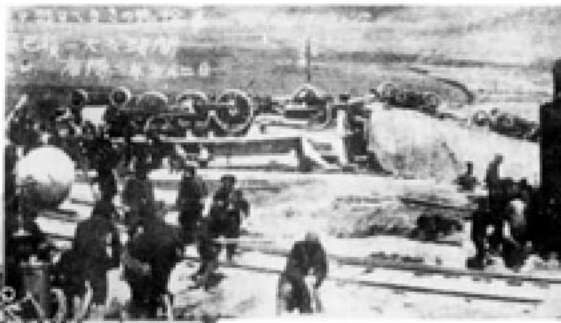
Карательная операция японских войск. Горят сельские дома.

Разведка японской авиацией.



Озлобленные японские самураи топчут посевы на опорной партизанкой базе.

Японская армия направляется на разгром опорной партизанской базы.



Японские воинские эшелоны, пущенные партизанами под откос.

Наблюдательная вышка Сишаньского форта во время боя в Лоцзыгоу.

В этом доме я находился, руководя боем в Лоцзыгоу.

Хан Хын Гвон.

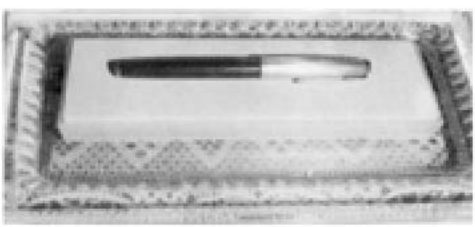
Чвэ Гым Сан.

Чо До Он.

Сообщения о поражении японских войск во время налета партизан.

Лаоелин — свидетель событий антияпонской революции. Не имею возможности передать ни имен, ни фотографий деда по фамилии Ким. Он спас мне жизнь от верной гибели, привел нас в дом Чо Тхэк Чжу, располагавшийся в горах Лаоелина.

Перевал Лаоелин



Я подарил Чо Тхэк Чжу лошадь — трофей, взятый во время боя в Лаохэйшане. Она была обменена на авторучку, которую мне подарили 15 апреля 1961 г.

Чо Тхэк Чжу и его сноха Чвэ Иль Хва.

Революционные узы на просторах Маньчжурии

Ван Дэлинь.

Тун Чанжун.

Чжоу Баочжун.

Ян Цзинюй.

Ван Дэтай.

С любовью к многострадальной нации и духом сопротивления Японии

Кан У Гю (1855 — 1920). **65-летний патриот бросил бомбу на японского генерал-губернатора в Корее.**

Син Чхэ Хо (1880 — 1936). **Патриот и автор многих исторических, литературных и других произведений; скончался в Люйшуньской тюрьме.**

Ли Бон Чхан (1900 — 1932). **Перед отъездом в Токио патриот клянется убить японского императора.**

Юн Бон Гир (1908 — 1932). **От руки патриота в Шанхае были убиты и ранены командующий японского экспидиционного отряда в Шанхае и многие другие.**

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ**. МИР НАРОДА**

1. Вольный край
2. Днем — мир врага, ночью —наш мир
3. Совет или народно-революционное правительство?
4. Посланец из Коминтерна
5. Воспоминание о белой лошади

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. **ПОД ЗНАМЕНЕМ БОРЬБЫ ПРОТИВ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА**

1. Ли Гван
2. Переговоры с У Ичэном
3. Рейд в уездный центр Дуннин
4. Об ультрademократии в войсках
5. Мацуньская операция
6. Оружейная мастерская в тайге
7. Вечно неувядаемые цветы

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. **ПЕРВЫЙ ПОХОД В СЕВЕРНУЮ МАНЬЧЖУРИЮ**

1. Корейская Народно-революционная армии
2. Богатый и бедный
3. Через перевал Лаоелин
4. Звуки губных гармошек в Нинане
5. Пурга на перевале Тяньцяолин
6. Окрыленные любовью народа

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мир народа

Вольный край

Днем — мир врага, ночью — наш мир

Совет или народно-революционное правительство?

Посланец из Коминтерна

Воспоминание о белой лошади

Февраль 1933 — февраль 1934

1. Вольный край

Февраль 1933 года. В середине месяца мы отправились в Ванцинский партизанский район, куда нас вел старик Ма. Восемнадцать партизан, воодушевленные началом активных действий, бодро шагали по тропам. Все это можно было понять — ведь двадцать дней мы провели в лесном шалаше, устав от бесконечных дискуссий на политические темы. Разумеется, бойцы еще не оправились как следует от пережитых ими зимой испытаний, но тем не менее отряд выглядел молодцеватым, живым и энергичным.

Спросишь нынешних ванцинцев: «Чем примечателен ваш край?», и услышишь в ответ: «Край наш известен длинными речами начальника уездной управы, большой длиной начальной школы и бесконечными горными ущельями». Столь остроумная шутка придумана, пожалуй, местными юмористами-балагурами. Безусловно, это лучший признак любви и привязанности к своему родному краю.

Если бы в 1933 году мне довелось услышать нечто подобное, то я представляю, какой бы была реакция на это моих боевых друзей, испытавших неимоверные муки, — они бы покатилисьсо смеху. Но тогда на вопрос бойцов: «Что вы можете сказать о Ванцине?», я ответил кратко: «Там много эмигрантов».

Что это означало? Существовала такая закономерность: если в провинции много эмигрантов — значит, много революционеров.

В Цзяньдао было много уездов. Но один из них, Ванцин, имел репутацию края, охваченного мощным пламенем антияпонского движения за независимость. Далеко за пределы уезда докатилась слава о поле брани, на котором старейший военачальник Хон Бом До нанес сокрушительное поражение карательному отряду японской армии. Здесь же базировалась

часть Армии независимости, которая принадлежала Северной военной управе, руководимой Со Иром, Ким Чва Чжином, Ли Бом Соком и другими. В этом же районе действовал Ли Дон Хвн, отдавая все свои силы делу подготовки кадров Армии независимости.

Высокая маневренность Армии независимости, активные действия участников движения за независимость ускорили процесс пробуждения национального самосознания местных жителей, с новой силой вдохновили народ на патриотическую борьбу против японского империализма. Но после того, как движение Армии независимости уже пережило кризис отмирания и руководители движения за независимость ушли в Приморье и в зону советско-маньчжурской границы, руководящая роль в национально-освободительной борьбе в Ванцине постепенно переходила в руки коммунистов. Произошла переориентация от националистического движения к коммунистическому. На почве любви к Родине и нации, ухоженной руками националистов, произрастало и набирало силу коммунистическое движение благодаря усилиям предтеч нового идеологического направления.

Однако сама движущая сила этого движения не претерпела заметных изменений. Абсолютное большинство участников национального движения переориентировались на коммунистическое мировоззрение. В рядах этого движения были люди разных категорий: одни с самого начала встали на путь коммунизма, другие же вначале исповедовали национализм, а уж потом, пережив процесс идеологической перестройки, постепенно вставали на позиции коммунистов. Одними «чистейшими» людьми, не принадлежащими ни к каким идеологическим течениям, трудно укрепить коммунистическое движение. Именно в этом заключается наш руководящий принцип преемственности, обновления в развитии революции.

Идеи коммунизма — вершина истории человеческой мысли. Коммунистическое движение является высшей стадией

революционного движения в целом. Но неверно было бы думать, что оно рождается и развивается на пустом месте, как говорится, из ничего.

В этом смысле Ванцин был во многом благоприятным местом—он имел длительную историю антияпонской борьбы, располагал надежной опорой в массах, прочными политическими устоями. Немаловажное значение имела также близость Ванцина к шести уездным городкам Кореи, к районам Яньцзи и Лунцзина — центрам патриотического культурно-просветительного движения в Цзяньдао.

Ванцин в полной мере оправдывает поговорку: «Где глубокая вода, там скопляются рыбы». Так и в этом краю собиралась целая плеяда революционеров.

В то время в народе распространенными были утверждения: «Хочешь учиться хотя бы в нужде — иди в Японию; хочешь полакомиться хлебом — в Советский Союз; хочешь делать революцию — в Цзяньдао». Фразы эти ярко отражали душевный настрой корейской молодежи того времени, которая считала Восточную Маньчжурию передним краем движения за возрождение Родины, питала к ней безмерную симпатию.

Идти в Цзяньдао — было делом рискованным, подобно тому, как броситься на амбразуру. Но мы без малейшего колебания готовы были закрыть собой огневые точки, чтобы активно включиться в революционную борьбу.

С легкостью душевной шли мы в этот партизанский район. И не потому, что там ждали нас какие-то угощения, вкусные блюда или теплые постели. Мы знали — там нас встретят настоящие друзья, с которыми мы сможем разделить горе и радость, там был наш народ, была земля, по которой мы сможем ходить свободно. Там был построен настоящий наш мир свободы, которую нельзя подавить ни приказами японского императора, ни указами генерал-губернатора.

К февралю 1933 года, когда старик Ма сопровождал нас в Чжуаньцзяолоу, завершилась в основном работа по созданию

опорных партизанских баз в районах Восточной Маньчжурии. Следует отметить, что их наличие уже начинало демонстрировать свою жизненность.

Создать опорные партизанские базы, а затем, опираясь на них, развернуть активную вооруженную борьбу — одна из главных задач, которая была определена корейскими коммунистами на зимнем Минюегоуском совещании. Эта идея и стала нашим курсом действий. В то время мы твердо настаивали на необходимости создания позиций, необходимых для вооруженного сопротивления. Термин «позиция» был нашим скромным выражением, означавшим опорную партизанскую базу.

Еще весной 1932 года на совещании в Сяошахэ была серьезно обсуждена проблема создания партизанских баз — освобожденных районов. Об этом шел разговор и раньше на зимнем совещании в Минюегоу. На этот раз вопрос был включен в повестку дня отдельно и снова были серьезно обсуждены возможные пути его решения. После совещания в районы Цзяньдао были направлены способные руководители из числа наших активистов для ускорения процесса воспитания сельских жителей в революционном духе. Таким был первый этап работы по созданию опорных партизанских баз — освобожденных от оккупантов районов.

До создания партизанских районов временными опорными пунктами служили для АНПА отдельные деревни, жители которых были проникнуты революционным духом. Они стали почвой для рождения опорных партизанских баз.

Базы создавались одна за другой в горных местах Аньту, Яньцзи, Ванцина, Хэлуна, Хуньчуня, которые еще на зимнем совещании в Минюегоу считались идеальными резервными пунктами, например, в Нюфудуне, Ванъюйгоу, Хайланьгоу, Шижэньгоу, Саньдаоване, Сяованцине, Гаяхэ, Яоингоу, Юйланцуне, Дахуангоу, Яньтунлацзы, а также в других местах.

Партизанские районы в горах Цзяньдао были созданы корейскими коммунистами в вихрях острого противоборства с врагами. Это было результатом их стоических усилий, стараний и пережитых ими кровавых мук.

История навеки сохранит память об алой крови и неутомимом труде корейских коммунистов, которые внесли свой неоценимый вклад в создание опорных партизанских баз в бассейнах реки Туман. В их числе—Рян Сон Рён, Ли Гван, Чан Рён Сан, Чвэ Чхун Гук, Чу Чжин, Пак Тон Гын, Пак Кир, Ким Иль Хван, Чха Рён Док, Кан Сок Хван, АН Гир, Ли Гук Чжин, Ли Бон Су и многие другие.

К тому времени из Кореи и некоторых зарубежных стран на партизанские базы в Цзяньдао нескончаемым потоком прибывали авторитетные, хорошо известные деятели. В районе Ванпина собиралось много таких людей. Приехали в Сяованцин и коммунисты Северной Маньчжурии, в том числе Ким Бэк Рён, Чо Дон Ук, Чвэ Сон Сук и Чон Мун Чжин.

Среди тех, кто переселился в Сяованцин, оказались люди самых разных биографий: одни действовали раньше в Приморье как коммунисты или же участники движения за независимость Кореи, другие на протяжении многих лет вели подпольную работу в контролируемых врагом районах, а после провала вынуждены были изменить места своей деятельности, третьи были патриотами и сторонниками марксистского учения. Последние перешли из Кореи через границу, получив известие о том, что в Цзяньдао находится центр корейской революции.

Итак, на опорных партизанских базах Восточной Маньчжурии собрались, я бы сказал, убежденные сторонники борьбы за независимую Корею. Они были готовы принять активное участие в революции, многие из них уже были закалены и обладали большим опытом практической борьбы. Что же касается местных жителей, то их состав был так чист, как была прозрачной вода реки Даванцинхэ. Их боевой порыв и

готовность к дерзким действиям показывали, что каждый из них и все вместе были готовы сражаться с врагом «один против ста».

Нельзя не отметить, что образовавшийся очаг революции создал благоприятные условия для деятельности корейских коммунистов. Стремясь не упустить свой шанс, они приступили к дальнейшему расширению на базах антияпонской борьбы партизанских отрядов, создали партийные и комсомольские организации, Антиимпериалистический союз, Крестьянское общество, Антияпонское общество женщин, Детский отряд, Детский авангард, Красное ополчение и другие организации, в том числе полувоенные формирования, с учетом всех слоев населения. Таким образом были созданы все необходимые условия для развертывания всенародного сопротивления оккупантам.

На каждом партизанском участке была установлена революционная власть. Именно она предоставила народу подлинно демократические свободы н права, которыми никогда не могли пользоваться паши дедушки и бабушки, как и все предыдущие поколения. Эта власть представляла интересы народа и была их защитницей в подлинном смысле этого слова. Именно она положила начало созданию вольного края парода. Революционная власть дала людям землю, право на труд, всеобщее бесплатное обучение и лечение. Она приступила к построению нового общества, в котором впервые в истории были осуществлены идеалы всеобщего равенства и где царил благородный моральный принцип: все помогают друг другу, поддерживают друг друга, заботятся друг о друге. В партизанских районах не было ни надменных богачей, щеголяющих тростью, ни горемык, проклинающих беспросветную жизнь, вечно пребывающих в тисках неоплаченных долгов и налогов.

На партизанских базах постоянно царил неописуемый восторг, который не угасал даже при появлении каких-либо бедствий или страданий. Это была романтика народа, который,

полностью освободившись от гнета и всевозможных социальных зол, прокладывал путь к новой, независимой жизни. Народно-революционное правительство раздало крестьянам землю. Хлеборобы, оградив полученные земельные наделы деревянными колышками, с азартом били в медные тарелки квэнгвари и на радостях пускались в пляс.

Все, что приходилось тогда наблюдать, действительно, было эпохальной панорамой преобразования мира. Такое чудо на пустоши Цзяньдао могли сотворить только корейские коммунисты. И несмотря на то, что жизнь людей почти постоянно омрачалась кровопролитием и жертвами, они никогда не теряли надежды на лучшее завтра, их не покидали светлые мечты и задушевные песни.

Партизанские базы в Цзяньдао не дрогнули ни при каких провокациях и карательных акциях противника. Гордо возвысившись на одном участке Восточного материка, они начали открывать миру страницы новой, торжественной истории — истории национального освобождения. Они стали вольным краем, образно говоря, земным раем, к которому устремил свои взоры народ Родины, выражая тем самым свое неуемное восхищение и симпатии. Соотечественники, независимо от места жительства, исповедуемых идеалов, взирали на нашу твердыню, воссозданную ценой крови коммунистов, как на единственный маяк освобождения Родины, и оказывали ей искреннюю поддержку.

Короче говоря, в партизанском районе люди могли жить подлинно человеческой жизнью, переполненной чувствами романтики, восторга и надежд. Он постепенно становился тем идеальным краем, где сбывались многовековые мечты народа.

Для главарей Верховной Ставки в Токио существование партизанских баз не могло не стать хронической головоломкой. Этот край, лишь рекой Туман разделенный с северной частью Кореи, был для них как бельмо на глазу. Очень характерным является утверждение Такаги Такэо[1], который в свое время

писал, что район Цзяньдао был «сердцевиной в сопротивлении Маньчжоу-Го и Японии, артерией компартии, которая проходит с севера через Корею в Японию».

Японские милитаристы называли партизанские базы Восточной Маньчжурии «опухолью мира на Востоке». Эта фраза— свидетельство того, что группировки японской военщины испытывали чувство животного страха, вызываемое самим существованием партизанских баз.

Империалисты Японии видели в партизанских базах Цзяньдао «опухоль мира на Востоке» отнюдь не потому, что их территория чрезвычайно обширна, и не потому, что там были сосредоточены громадные вооруженные силы коммунистов, которые могли бы подавить Квантунскую армию. Их боязнь была вызвана также не тем, что самодельная бомба будет брошена из Цзяньдао и взорвется на крыше императорского дворца или в районе Верховной Ставки в Токио. Для них Цзяньдао было бельмом на глазу прежде всего потому, что абсолютное большинство жителей этого края составляли корейцы, пропитанные сильным антияпонским духом, и что большая часть этих корейцев отличалась высокой революционностью, готовностью без малейших колебаний пожертвовать собой ради свержения ненавистного японского режима.

Если принять во внимание тот факт, что более 90 процентов коммунистов и комсомольцев в Цзяньдао составляли корейцы, то можно легко понять, почему правящие круги Японии воспринимали партизанские районы этой местности словно самую острую головную боль, как серьезную помеху поддержанию своего господства над Маньчжурией.

Здесь была сосредоточена значительная часть храбрых воинов Армии справедливости, а также уцелевших сил Армии независимости, которые на протяжении десяти с лишним лет продолжали сопротивление на территории Кореи, а также на обширной территории Маньчжурии в знак протеста против

«договора Ыльса» и «аннексии Кореи Японией». Мушкеты патриотических сил постоянно держали под прицелом войска и полицию Японии.

Именно в Цзяньдао был рожден яркий образец нерушимого братства и кровных уз коммунистов двух стран — Кореи и Китая. Пример этот ширился, распространялся в масштабе всей Маньчжурии, всего Китая.

Партизанские базы в Цзяньдао вовсе не были «опухолью мира на Востоке». На самом деле это был пышный цветок, маяк мира на Востоке.

Стратегической задачей нашей революции было создание партизанских баз. Милитаристские силы Японии лезли из кожи вон, чтобы удушить антияпонскую вооруженную борьбу в ее колыбели. Из-за варварских карательных операций противника революция столкнулась с серьезными испытаниями. Однако проведенная противником операция «выжженной земли», вопреки ожиданию врага, привела лишь к дальнейшему ускорению процесса создания партизанских баз в Цзяньдао.

Весной 1932 года Квантунская армия и оккупационные японские войска в Корее обсудили так называемые «меры по умиротворению» в Цзяньдао. Пресловутые заговоры имели целью направить в Цзяньдао временный экспедиционный отряд из состава армии, дислоцированной в Корее, и по давить революционное движение в этом районе. Согласно запланированному заговору был сформирован Цзяньдаоский временный экспедиционный отряд, основу которого составлял один из полков японской Ранамской дивизии. В составе отряда были также Кенвонский гарнизон, кавалерия, полевая артиллерия и даже авиационное звено. Главной мишенью удара стали все села и города четырех уездов Восточной Маньчжурии, где в свое время разгорелось пламя борьбы по поводу осеннего урожая, а затем начались выступления в период весеннего голода. Каратели обрушили беспощадный ураган огня на головы людей, поднявшихся на борьбу за свободу и независимость

Родины, за самостоятельную жизнь человека. Жилища сносились ураганным огнем артиллерии.

Вражеская атака началась с налета на поселок Даканьцзы в первые дни апреля 1932 года. В море крови оказались и горы и поля Ванцина. Дело в том, что именно в поселке Даканьцзы в свое время возглавлял борьбу за «осенний урожай» Ли Гван вместе с Ли Ун Гором, Ким Ён Бомом и другими. Именно здесь Ким Чхор, Рян Сон Рён, Ким Ын Сик, Ли Ын Ман, Ли Вон Соб и другие борцы за свободу напали на ведомство общественной безопасности и захватили оружие у врага. В поселок неудержимыми волнами хлынули крупные полчища Ранамской 19-й дивизии, оснащенные пушками, пулеметами при поддержке авиации. Находившийся в поселке отряд Армии спасения отечества, подчиненный Ван Дэлиню, начал поспешное отступление в Сидапо через гору Мопаныпань. Отряд охраны поселка, не оказав сопротивления, сложил оружие перед силами карательных войск.

Захватив Даканьцзы, японские войска нанесли массированный налет с воздуха на городок Ванцин, сметая с лица земли его улицы. В населенных пунктах захватчики совершали убийства, поджоги и грабежи. Оккупационные войска сожгли также усадьбу крупнейшего в городке Ванцине помещика и богача Ли Хэнчжуна.

Расправившись с Ванцином, каратели превратили затем в море огня села Дэюаньли и Шанцинли. Погром был столь жестоким, безжалостным и варварским, что ванцинцы даже сложили об этом печальном событии такую песню:

Шестого апреля тридцать второго года
Начата в Даканъцзы война антияпонская,
Снаряды свистят кругом в горах,
Очереди пулеметные и шрапнель — словно дожди.
Самолеты с воздуха бросают бомбы,
Убивают бедняков как хотят.

Пламя вДадучуане вздымается в небо,
В селеДэюанъли все сгорело дотла.
Прахом невинных усеяны поля,
На равнине Ванцина ни души — тихо.
Массы обнищавшие, живущие в Маньчжурии,
Пусть все поднимаются на борьбу, как один.
В сердцах наших кипит кровь алая,
Всех зовет она на поле брани.
В бою с врагом мы победим,
Над головами взметнется знамя победы!

В ущелья Сяованцина и Даванцина нескончаемым потоком направлялись колонны беженцев, лишенных крова и родных в вихрях варварских погромов. Японская авиация безжалостно бомбила потоки мирных жителей, пытавшихся спастись в горных ущельях.

Речная вода в Ванцине, всегда прозрачная, как хрусталь, вмиг обагрилась алой людской кровью. Порой на волнах реки всплывали внутренности растерзанных людей.

Поселение Чжуаньцзяолоу, куда нас повел старик Ма, тоже сильно пострадало от рук палачей Цзяньдаоского временного экспедиционного отряда. Налетевшие враги злодейски убили десятки юношей и девушек, людей среднего возраста, женщин и детей. Варвары загоняли их в горящие дома. В мгновение ока поселок сгорел дотла. В то время во многих уездах Восточной Маньчжурии распространялось воззвание «Ко всем соотечественникам по случаю трагического события в Чжуаньцзяолоу», что убедительно показывает, какими были масштабы совершенного захватчиками погрома и их варварство.

Чжуаньцзяолоу было расположено неподалеку от Лоцзы-гоу, а также Сяованцина—одного из главных очагов революции в Цзяньдао. С давних пор это село систематически подвергалось испытаниям антияпонской борьбы. Здесь в конгломерации кишмя кишели тысячи крестьян, плотовщиков и лесорубов.

Здесь была разветвлена сеть партийных, комсомольских и других авангардных организаций, а также других революционных объединений, действовавших в различных слоях населения. Эти организации мобилизовали массы на восстание в период весеннего голода и даже довольно чувствительно потрепали охранный отряд - осиное гнездо противника в поселении.

До смерти напуганные гневом поднявшихся на борьбу людей, охранники искали спасение в горах. Не смея спускаться оттуда, они постепенно превращались в местных разбойников.

Борьба в Чжуаньцзяолоу победила, однако революционные массы понесли потери. Жертвами кровопролитных боев стало 13 человек.

В вихрях непримиримой борьбы поселение Чжуаньцзяолоу выковало замечательных революционеров. Так, Чан Рён Сан, бывший плотовщик, работавший на сплаве от Чжуаньцзяолоу до Саньчакоу, стал командиром 3-й роты Ванцинского партизанского отряда. Невдалеке от этого поселения, всего в нескольких десятках ли от него, в селе Хаматан действовал одно время Ли Гван, прикрывавшийся вывеской старосты стадворика.

Обнаружив в поселке хотя бы одного коммуниста, враги готовы были истребить всех его жителей. Их девиз был таков: не останавливаться перед гибелью сотни жителей, лишь бы уничтожить одного коммуниста. Так и поступали отряды японской армии и полиции. Известно, что во время китайско-японской войны Окамура Ясудзи, командующий японскими войсками в Хуабэе, применял при нападении на освобожденные китайские районы так называемую тактику трех истреблений — все убивать, все сжигать, все грабить. Но фактически эта политика уже проводилась и до него. Еще в 20-е годы ею руководствовались японцы во время карательных операций в Цзяньдао, а затем в начале 30-х годов. Подлинная сущность этой политики предстала в полной наготе во время карательных

санкций, про водимых с целью превращения партизанских районов Восточной Маньчжурии в зону «выжженной земли».

Практикованная японскими империалистами в Корее и Маньчжурии политика трех истреблений и политика создания «коллективных поселений», целью которой был «отрыв жителей от бандитов», известна была еще из арсенала французских колонизаторов, проводивших военные операции в Алжире с целью подавления сил Сопротивления, а затем была еще более усовершенствована американскими войсками на вьетнамской земле.

Саньдаовань, Хайланьгоу, Лунцзин, Фэнлиньдун и все другие известные своей революционностью села уезда Яньцзи были буквально завалены человеческими трупами. В Саньханьли и других прилегающих к нему селах уезда Хуньчунь каратели сожгли более 1600 жилых домов. Только в одном уезде Яньцзи было убито свыше десяти тысяч человек. Спрашивается, можно ли найти слова и фразы, чтобы сформулировать обвинения в адрес Цзяньдаоского временного экспедиционного отряда, совершившего столь преступный акт?!

Японские войска уничтожили все в Цзяньдао. Нечего и говорить о жизни и имуществе жителей. Крушили на кухнях даже посуду — самые элементарные средства существования людей. Разбивали котлы, чтобы люди не могли варить кашу. Выбрасывали циновки, разбивали каменные плиты, образующие пол в утепленных комнатах. Дело дошло до того, что, разрушая жилища, варвары отправляли на повозках извлеченные из руин лесоматериалы в городок Дадучуань. Людям же пришлось ночевать в шалашах и готовить пищу не в котлах, а на раскаленных камнях.

Тем, кто не успел бежать в горы, угрожали полным истреблением, если они не переселятся в такие города, как Даканьцзы и Дадучуань.

Карательные войска, применяя насилие, добивались переселения сельских жителей в другие места. Принуждение не

стало исключением и для помещиков. Ведь ни для кого не был секретом тот факт, что большую часть провианта и предметов первой необходимости получили антияпонские вооруженные отряды из рук помещиков или других более-менее зажиточных людей. Поэтому вполне понятно стремление врагов заблокировать и эти источники с тем, чтобы затем полностью удушить революционную армию, испытывающую постоянную нехватку продовольствия и обмундирования.

Во избежание постоянных преследований со стороны карателей революционно настроенным массам приходилось, забывая о еде и тепле, скитаться в горах. Но даже горы нельзя было в полной мере считать безопасным местом. Каким бы глубоким ни было горное ущелье, все-таки дальше последней глухомани идти было некуда. В самых потаенных уголках ущелий беженцы, не смея взбираться дальше в горы, укрывались от преследований врага. Иногда причиной трагедий и становился обыкновенный детский плач — беженцев тут же настигали каратели. А это было равносильно смерти.

По следам беженцев постоянно рыскали каратели. Одна женщина с грудным ребенком сильно опасалась, как бы ее младенец громко не заплакал. Чтобы его успокоить, она крепко сжимала его в своих объятиях, постоянно засовывала ему в рот сосок своей груди. Так пыталась мать отвести угрозу жизням десятков, а иногда сотен революционно настроенных людей, находившихся буквально под дулами винтовок противника. После ухода карателей, когда миновала опасность, женщина освободила ребенка от своих объятий. Однако младенец был у же мертв. Без подобных трагедий не проходило ни одного дня. Нечто похожее встречалось в каждой деревне, в любом ущелье Цзяньдао.

Чтобы не случилось подобной беды, кое-где женщины вынуждены были прибегать к крайним мерам — кормили младенцев опиумом. Спящие детишки не могли плакать. Были и

такие матери, которые, не вытерпев бесконечных гонений карателей, горько рыдая, отдавали любимых детей в чужие руки.

Вот такой дорогой ценой расплачивались корейские женщины за поддержку революционной борьбы народных масс, за спасение боевых отрядов партизанского района, за великое дело сопротивления Японии, что было для них дороже собственной жизни. Буржуазные «гуманисты» были бы готовы исписать немало бумаги, рассуждая о материнской любви женщин, верных коммунистическим идеалам. Как же это так, патетически восклицают они, разве мать может ли быть столь равнодушной к судьбе своих детей? Так ли безответственны были матери к жизни своих родных кровинок?

Но стоит ли строго спрашивать с матери моей родной страны за погасшую искорку жизни в новорожденном организме? Ведь сколько было пролито кровавых слез, какие глубокие раны остались в сердцах женщин партизанских районов, когда им пришлось хоронить опавшими листьями тела любимых детей, таких, как беленький мягкий хлопок нового урожая, и когда они вынуждены были оставлять столь дорогих своих детей у дверей чужих домов! Те, кто поймет их душевные муки, будут осыпать проклятием и ненавистью империалистов Японии, которые направили в Цзяньдао свору чудовищных убийц. Материнская любовь женщин родной Кореи была вынуждена подвергаться невыносимым испытаниям. Все грехи лежат на совести японских милитаристов — убийц и садистов.

Япония должна раскаиваться в совершенных преступлениях, если она хочет навсегда покончить со своим прошлым. Окинуть мысленным взором следы своих прошлых преступлений и раскаяться в совершении, само собой разумеется, дело неприятное. Но как им бы горьким, каким бы позорным ни было такое раскаяние, оно все-таки будет намного легче, чем те душевные муки наших матерей и сестер, которые они испытывали, когда им пришлось оставлять своих любимых детенышей под изгородью у чужих домов, когда они

вынуждены были вкладывать кусочек опиума в рот грудного младенца.

Если правящие круги Японии требуют каких-то свидетельств о совершенных их военщиной преступлениях, то уже все это само по себе становится вопиющим оскорблением миллионов корейцев, злодейски убитых во время карательных акций японских войск.

В то тревожное время перед революционными массами было два пути. Один из них—уйти по велению самураев в город, другой — отказавшись от «переселения», уйти в неприступные горы, поддерживать там нелегкое существование и продолжать борьбу.

Спрашивается, многие ли корейцы готовы были стать переселенцами, переехать на жительство в город, где свирепствовали каратели—самурайские солдафоны? И все же многие корейцы под давлением оккупантов вынуждены были оставлять в родном краю плодородные поля, свои дома и переселяться в Цзяньдао.

Большинство жителей Цзяньдао были беднейшими крестьянами. Грабительская политика колонизаторов империалистической Японии привела в упадок их нехитрые хозяйства. Лишившись же экономической основы, они были вынуждены покинуть свои родные края в поисках хлеба и крыши над головой, лелея надежду зажить по-человечески в идеальном мире, что было в их представлении чем-то вроде «обетованной земли[2]».

Чиновники и местные помещики обдирали крестьян как липку, но те не сдавались. Они трудились изо всех сил, занимаясь подсечным земледелием на склонах и в ущельях гор Лаоелин и Хаэрбалин. Удалив камни с чеков, выкорчевав пни с корнем, хлеборобы получали желанные полоски земли. Их труд на подсеках был очень тяжким, голод являлся неотлучным спутником в хижинах бедняков. Но зато они не знализдесьсамурайских гонений, и хотя бы этим были по-своему

счастливы. И вдруг предпринимается попытка переселить их в город, где хозяйничали жестокие и неумолимые японские солдафоны. Но кому же охота покинуть свой родной очаг, оставив поле, удобренное потом и кровью?

Переселение не могло не стать большим испытанием для обитателей Ванцина, переживших неслыханную трагедию насилия и убийств. Отдельные семьи были перепуганы злодеяниями карательных войск, одна за другой покидали насиженные места и уходили в города. Но так поступали далеко не все. Большинство людей, преисполненные верой в лучшее будущее, не страшась ни угроз, ни шантажа, ни зверств карателей, перемещались все дальше в горные массивы. Ведь еще вчера они в родном селении жили одной мыслью и волей, связанной с революцией, делили друг с другом горе и радость, а уже сегодня они оказались в водовороте довольно бурных событий, в результате чего пришлось расставаться друг с другом — кто ушел в горы, а кто переселился в город.

Те, кто в то неспокойное время остался в горах, продвинулись в глубь дремучих лесов Сяованцина и Даванцина, удаленных на сорок километров от уездного центра Байцаогоу. К тому времени и семья Ли Чхи Бэка была в числе тех, кто переселился от Чжунцинли в Мацунь.

Ванцинский уездный комитет компартии и другие уездные органы размещались в Сяованцине. Весной 1933 года Восточно-маньчжурский Особый комитет переместился в ущелье Лишугоу Сяованцина. Раньше он перемещался во многие места — побывал и в Силиньхэ уезда Яньцзи, и в Тайпингоу, ив Ванъюйгоу, и в Бэйдуне. Сяованцин стал центром, своего рода «столицей» революции в Цзяньдао. В столь бурном течении исторических событий единая артерия связывала нас с китайской партией, нашу революцию — с китайской.

Ванцинская партизанская база образовалась из пяти участков, ведавших революционными организациями. Среди них— 1-й участок с охватом ЯоингоуиЗ-йучасток, включавший в себя Мацунь и Шилипин.

В то время Ванцинский партизанский отряд имел в своем составе три роты. Ведущими командирами партизан были Ли Гван, Рян Сон Рён, Ким Чхор, Чан Рён Сан, Чвэ Чхун Гук, Ли ЫН Ман и другие.

Таков был объем моих общих сведений о Ванцине. Во многом их представили мне Рян Сон Рён — один из основателей Ванцинского партизанского отряда, а также секретарь уездного комитета партии Ли Ён Гук. Они оказались как бы моими «гидами» осенью 1932 года, когда я был в Ванцине со своим отрядом и знакомился с положением дел на партизанской базе.

В то время я побывал на многих партизанских участках уезда Ванцин. Руководил деятельностью низовых парторганизаций, занимался проблемами Антияпонского общества. Антияпонского общества женщин и других массовых организаций. Заслушал сообщение о работе подпольщиков, которые действовали в китайских антияпонских отрядах.

К тому времени мы провели в Сяованцине семинары по вопросам изготовления самодельных гранат. На занятиях присутствовали работники оружейных мастерских и партизанские командиры всех уездов Восточной Маньчжурии.

В ту пору руководители Ванцина ломали голову над продовольственным вопросом. В узком ущелье Сяованцина ютилось всего несколько десятков крестьянских дворов, а тут вдруг сюда нахлынула громадная волна — более тысячи переселенцев. В партизанском районе не имелось для них никакого запаса продовольствия. Партизаны, конечно, порой совершали операции против врага и добывали продовольствие в качестве трофеев. Но этого не хватало даже для того, чтобы жители базы могли как-то сводить концы с концами. Совсем

мизерным был объем зерна, собираемого за год на скудных чеках в партизанском районе.

Такая ситуация поставила на повестку дня проблему сбора урожая в промежуточной зоне. Это была довольно актуальная мера для преодоления нехватки продовольствия. В данном случае промежуточная зона означает безлюдную сельскую местность, своего рода «нейтральную полосу», расположенную между контролируемым врагом районом и партизанской опорной базой.

И на подступах к Сяованцину и Даванцину располагалось несколько пустых поселков. В свое время туда часто налетали каратели, совершали зверства, поэтому все люди ушли либо в партизанский район, либо на контролируемый врагом участок. В промежуточной же зоне остались поля с неубранными хлебами. Созревшие на участках злаки принадлежали в основном помещикам и другим реакционерам, переметнувшимся в стан врага, а также тем крестьянам, которые под воздействием штыков карателей были насильственно переселены в Байцаогоу или в Дадучуань.

На хлеба, стоящие в промежуточной зоне, зарились также японские прислужники из контролируемого противником района. Оттуда каждый день катились в промежуточную зону их телеги и подводы, запряженные лошадьми. Помещики, другие темные личности из этого района под защитой вооруженной охраны увозили собранные хлеба. Бывало, они даже неподалеку от тока поднимали пальбу.

В то время мы, учтя сложившуюся ситуацию, поставили задачи: создать на каждом партизанском районе отряд для сбора урожая и в считанные дни закончить жатву в промежуточной зоне. С этой целью были мобилизованы на уборочную кампанию все жители базы. Однако, прежде чем принимать это решение, мы посоветовались с ванцинцами. Продотряды начали косить хлеба на подступах к Сяованцину и постепенно продвигались вниз по направлению к Дадучуаню. Скошенные

хлеба в тот же день обмолачивали, свозили в сарай, а затем раздавали жителям партизанской базы.

В долине чуть пониже села с тринадцатью дворами караулили красные ополченцы. Только так можно было обеспечить уборку урожая. Ведь если бы не охрана, косари наверняка подверглись бы нападению охранников, вооруженных пятизарядными винтовками.

Случалось, когда между Красным ополчением и вражеской охраной завязывалась жаркая перестрелка. Пули летели через поле, которое было усыпано косарями из нашего отряда для сбора урожая. За горсть зерна ванцинцы вели решительную битву, не зная и ночью отдыха. Их кропотливый и опасный труд вызывал у нас чувство восхищения и гордости.

Я покинул Сяованцин очень довольный тем, что все дела на опорной партизанской базе идут успешно, точно по нашим планам, хотя и сопровождались огромными трудностями...

Возвращаясь на опорную партизанскую базу, я поставил перед собой две большие задачи. Одна из них — заметно расширять партизанский отряд, другая — с целью сплочения патриотических сил различных слоев населения более динамично разворачивать деятельность по сформированию единого фронта и установлению прочных контактов с китайскими антияпонскими отрядами в соответствии со сложившимися условиями и обстановкой, когда было решено перенести главное направление наших действий в притуманганский бассейн.

Проводив нас до Чжуаньцзяолоу, старик Ма вернулся в Лоцзыгоу. Заменил его член Антияпонского общества—человек довольно общительного характера. Новый наш «гид» интересно рассказывал о том, как за это время небольшие группы Ванцинского партизанского отряда громили в Яоингоу и Сышуйпине карателей — агрессивные войска Японии.

На следующий день мы вступили на землю Яоингоуского партизанского района—центра 1-го участка Ванцина. Впереди

нас развевался на ветру флаг с надписью: «Антияпонская народная партизанская армия», торжественно заиграли трубы .

На большак выбежало более двадцати членов Детского отряда. Они, размахивая ручонками, тепло приветствовали нас. Юных патриотов вела Хон Ен Хва, жена младшего брата отца Чвэ Гым Сана, который впоследствии служил в отряде моим связным и погиб в бою. Она заведовала работой с женщинами под руководством 1-го участкового комитета партии Ванцина. Активистка постоянно оказывала помощь нашим партизанам и китайскому антияпонскому отряду и этим снискала себе любовь армии и народа.

В тот день жители Яоингоу угощали нас и паровыми хлебцами из проса, и куксу из гречневой муки. Вечером в нашу честь дали концерт члены Детского отряда. После концерта партизаны и жители вместе развлекались — пели песни и танцевали. На это веселое зрелище с глубоким волнением смотрел находившийся рядом со мной Ли Ун Гор, заведующий орготделом 1-го участкового комитета партии Ванцина.

— Уже несколько месяцев до вашего приезда, —говорил он мне,—ходили слухи об отряде Ким Ир Сена. Нам сказали, что ваш отряд вернулся из Южной Маньчжурии, был в Северной и совершил дерзкие налеты на врага в Дуньхуа и Эму. Люди нашего края с нетерпением ждали прибытия вашего отряда. Теперь у нас полегчало на сердце...

Вместе с ним мы отправились в помещение участкового комитета партии. Там долго шли у нас разговоры о работе в партизанском районе. В фокусе нашей беседы были вопросы: какими методами расширять наши партийные и другие революционные организации в такой местности, как Чжуаньцзяолоу, как вооружить всех жителей партизанского района.

Когда в разгаре была затронута тема о защите партизанского района, в Яоингоу прибыл связной из района, контролируемого противником. Он доставил секретную записочку, на которой

таилась краткая фраза: «Завтра на партизанский участок нападет японский гарнизон, дислоцированный в Дасингоу».

— Они, может быть, пожелают взять реванш за поражение, нанесенное им в декабре месяце прошлого года. Видите, какие сволочи, даже не признают дорогого гостя, который прошел далекий путь. Собственно, мы хотели дать вашему отряду, командир Ким, изрядно отдохнуть несколько дней, но скверно получается, как назло.

Ли Ун Гор смущенно как-то улыбнулся, словно он лично был виновен в случившемся и теперь ему самому придется нести ответственность за то, что японские каратели планируют совершить налет на Яоингоу.

В ответ я заметил ему:

— Как назло, говорите? Я же думаю, что все складывается как нельзя кстати. Несколько месяцев мы не вели боев и руки, как говорится, чешутся. Настала, думаю, пора расплатиться с врагом за кровь народа, пролитую в трагедиях Даканьцзы, Чжуаньцзяолоу, Дэюаньли и Саньханьли.

Высказав все это, я послал сообщение Ли Гвану, чтобы он экстренно прибыл со своим отрядом в Яоингоу.

Ли Ун Гор, разгоряченный от волнения, все время выпускал изо рта махорочный дымок и вдруг вскочил с места, чтобы вызвать командира красных ополченцев, который веселился на улице вместе с партизанами. Внимательно наблюдаю за лицом заведующего орготделом. Вижу, что он вот-вот готов отдать приказ о всеобщей мобилизации.

Я беру собеседника за руки и с улыбкой усаживаю его на стул.

— Что ты задумал, Ун Гор? Уж не хочешь ли ты сообщить ополченцам о предстоящем нападении карателей? Веселье в самом разгаре. Уж не хочешь ли ты испортить людям праздник? А, я думаю, пусть люди хорошо повеселятся. А через час отпусти красных ополченцев по домам. Пусть они хорошенько

поспят до самого рассвета. Кстати, я тоже сегодня вечером предложу своим бойцам пораньше отправиться спать.

Так мы, получив экстренное сообщение о предстоящем налете вражеских карателей, не торопились готовиться к бою, а, сохраняя хладнокровие, разрешали бойцам и жителям хорошенько вместе повеселиться. Конечно, это, можно сказать, явилось как бы исключением из общих правил ведения боевых действий.

Для меня не было неожиданным то, с каким тревожным взглядом слушал меня растерянный Ли Ун Гор, который, как заведующий орготделом участкового парткома, отвечал и за военные вопросы.

А в это время бойцы, закончив развлекаться вместе с жителями, как говорят военные, «отправились ко сну». Я же никого не информировал о сообщении, присланном из контролируемого врагом района. Не хотелось взвинчивать нервы бойцов, переутомившихся с дороги. Когда наступит время, объявим боевую тревогу, отдадим приказ. Если же сделать это сейчас — никто до утра не уснет. Ведь сердца людей сделаны не из железа. Это мы прекрасно учитывали.

В ту ночь меня тревожила мысль: «Дай бог, чтобы ничто не помешало бойцам хорошенько выспаться. Ведь за всю зиму у них не было ни одной ночи, чтобы они могли уснуть сладким сном». Овладела мной какая-то сентиментальность, что ли? И не следует ли остерегаться подобных чувств командиру партизан? Все-таки до одиннадцати часов ночи все бойцы вернулись к себе и заснули крепким сном.

Было за полночь. К этому часу не сомкнули глаз наш проводник, член Антияпонского общества из Чжуаньцзяолоу, а также связной, прибывший из захваченного врагом района. Может быть, они не верили в правильность моего решения, это не давало им покоя. Ли Ун Гору тоже не спалось, он все время ворочался в постели. Заметив, что бодрствует, я прошептал ему на ухо:

— На походе сюда я видел, что впереди исзадиподступов к Яоингоу возвышаются чудные горы. Можем драться там, как ты думаешь? Оттуда хорошо просматривается автомобильная дорога. Не так ли?

Услышав мои слова. Ли вскочил с постели.

— Вы говорите о Сишане, что под Дабэйгоу? Вот именно там можно хорошо сражаться. Это, как говорится, неприступная крепость.

Наш с ним разговор был в часа четыре, короче до рассвета.

Когда забрезжило утро, мы поднялись на гору Сишань под Дабэйгоу, которую можно было бы смело назвать воротами в Яоингоу. Нас сопровождали командир Красного ополчения и тот самый проводник — член Антняпонского общества из Чжуаньцзяолоу.

Южная сторона Сишаня оканчивалась крутым обрывом, под которым лежала автодорога. Параллельно ей текла река, которую называли Сяотунгоу. Высота Сишаня представляла собой сплошные скалы, которые были замечательными естественными оборонительными укреплениями. Это лучшая опора для партизана в бою.

Меж круч мы сложили из камней несколько куч, после чего привели на гору Сишань весь наш боевой состав: красных ополченцев Яоингоу, всех партизан нашего отряда, часть бойцов отряда особого назначения. Им было ведено рыть укрытия в мерзлой земле, оборудуя таким образом боевые позиции. После этого я, наконец, отдал боевой приказ.

— Именно то место, которое мы заняли для боя, наши предки называли «кымсонтханчжи». Смысл слова — неприступная, прочная для обороны твердыня. Какое славное место! Для нападающих — неблагоприятное, а для обороняющихся — куда как удобно. Но как ни была хороша эта неприступная крепость, я же больше всего верю в умение бойцов. Товарищи! Пора кончать песню о трагедиях. Пусть враг сегодня сторицею заплатит за кровь, пролитую нашим народом.

Кровь за кровь! — такой воодушевляющей речью я закончил свой боевой приказ.

В тот день в ущелье Яоингоу ворвалось более 80 японских солдат на четырех автомашинах. Противник сразу же нарвался на нашу засаду. Было убито и ранено несколько десятков самураев.

И на следующий день японский гарнизон в Дасингоу, подняв на ноги все вооруженные силы, налетел в Яоингоу, но снова был обращен в бегство, оставив по дорогам груды трупов.

Это было наше первое боевое крещение после прибытия в партизанский район в Цзяньдао. В книге по истории этот бой назван, кажется, «боем за оборону Яоингоуского партизанского района».

Вечером следующего дня яоингоуанцы провели в селе Дабэйгоу торжественное мероприятие в честь нашей победы в бою. Все, что там происходило, и поныне живо хранится в моей памяти. Представители различных организаций один за другим выступали с приветственными речами, сотрясая кулаками воздух. Темперамент ораторов был просто удивительным! И я, конечно, произнес в тот вечер пламенную речь.

В Яоингоу я встретился с О Чжин У. Когда это было, точно ие помню, — то ли зимой того года, то ли осенью предыдущего. Как раз в то время жители села Сяобэйгоу устроили митинг в нашу честь, который проходил в школе Детского отряда, где О Чжин У работал вожатым.

О Чжин У часто, и тоже с волнением, вспоминает нашу первую встречу. По его словам, на него произвело неизгладимое впечатление то, что я на митинге произнес речь, опершись на винтовку образца 38. К тому времени ему, думается, было лет около пятнадцати. Он постоянно ходил за нами и никогда не упускал возможности, как бы невзначай погладить мой маузер. Пожалуй, ему очень хотелось взять в руки оружие. Да это и понятно: мы все были вооружены винтовками образца 38 или же новейшими пистолетами, маузерами лучших образцов.

В один из таких моментов я спросил его:

— Ты что, хочешь быть партизаном?

В ответ проронил:

— Хочу, но не принимают. Говорят, не тот еще возраст...

Его мы приняли в Ванцинскую 4-ю роту, не помню точно — спустя год или два. Мы дали ему возможность участвовать в походе в Северную Маньчжурию.

Отразив в Яоингоу нападения противника, мы ознакомились с партийной работой и деятельностью массовых организаций в партизанском районе. После этого собирались отправить" ся в Сяованцин, но как раз прислали мне сообщение — там ожидается обсуждение важных военных вопросов и меня приглашают в Мацунь. Мы немедленно покинули Яоингоу.

Когда мы прибыли в Сяованцин, нас встретили трое, в том числе Ван Жуньчэн. Называли его и Ма Ином. А люди предпочитали называть его не по настоящему имени, а по прозвищу «Ванданаодай», смысл которого означает «чрезвычайно большеголовый».

По предложению «Дагэцзы» и других руководящих кадров партизанского района я остановился на ночлег у старика Ли Чхи Бэка, дом которого находился у подножия горы на севере Мацуня. Здесь я повидался с представителями Восточноманьчжурской парторганизации.

«Дагэцзы» — так называли Ли Ён Гука, секретаря Ванцинского уездного парткома. Прозвище это означает «верзила».

В Мацуне, конечно, было общежитие, именуемое «домом для прохожих гостей». Однако, сяованцинцы сказали мне, что в общежитии много гостей, там слишком шумно и для меня это не подходящее место. Они всячески уговаривали меня остановиться в доме старика Ли Чхи Бэка, который был тестем Ким Чжун Гвона. Тещу же его называли Со Сон Не. Это была семья настоящих патриотов, активно участвовавших в революции.

В этом доме я, одевшись в китайскую национальную одежду *дабушанъцзы*, вел беседу с Ван Жуньчэном и другими.

— Поздравляю вас со вступлением в Ванцин! — таково было первое приветствие Вана.

—Приятно снова встретиться с вами! — радостно ответил я, взяв его руки.

Ванцин для меня был не очень знакомым краем. И надо сказать, что было своего рода счастьем встречаться здесь со знакомым революционером Ван Жуньчэном.

Первая встреча с ним состоялась именно тогда, когда я, закончив поход в Южную Маньчжурию, посвящал все силы своей души работе с китайскими антияпонскими отрядами в Аньту. В ту пору он вместе с Чэнь Ханьчжаном вел работу с Армией спасения отечества в отряде командира полка Мэна.

Отряд комполка Мэна переместился из Северной Маньчжурии в Аньту для того, чтобы установить связи с Армией самообороны Тан Цзюйу в районе Ляонина и бороться с ними рука об руку. В то время китайские коммунисты, находясь в частях Армии спасения отечества, вели работу с У Ичэном. Таким образом они хотели добиться коалиции антияпонских войск Северной и Южной Маньчжурии и расширить масштаб антияпонской борьбы по всей Маньчжурии.

Отправляя отряд комполка Мэна в Аньту, У Ичэн ставил перед собой и еще одну цель: приобрести в этой местности опиум и таким образом пополнить расходы на военные цели. Аньту было известно как главное место производства опиума и женьшеня. Тан Цзюйу тоже послал своих подчиненных в Аньту взять в руки контроль над всеми запасами опиума. Кстати, к тому времени в Маньчжурии опиум считался надежным эквивалентом — заменителем денег.

— С вашим отрядом, товарищ Ким Ир Сен, Армии спасения отечества удалось совершить рейды в уездные центры Дуньхуа и Эму. Все это, могу сказать, благодаря опиуму. В Аньту мы

достали много опиума и раздали его солдатам. Это повысило боевой дух бойцов.

Так мне сказал Ван Жуньчэн то ли в шутку, то ли серьезно, когда в доме Ли Гвана шло заседание Антияпонского солдатского комитета. Уже тогда мы были так близки, что без утайки открывали друг другу подобного рода секреты.

В дни пребывания в Аньту Ван Жуньчэн во многом помогал нам. Мои сообщения к Ху Цзэминю или Чжоу Баочжуну пересылал он сам, а вести от них передавал мне. Ван Жуньчэн в системе Армии спасения отечества занимал должность пропагандиста. Такое положение позволяло ему свободно бывать в любых местах, не говоря уж о контактах с командованием. Он посещал даже штабы полков и батальонов, канцелярии рот, а также отменно выполнял роль связного между мною и коммунистами, направленными в части Армии спасения отечества.

Ван Жуньчэн был человеком большого телосложения, но имел характер очень умеренного и доброго человека. Такими обычно бывают интеллигенты, особенно питомцы педагогических учебных заведений. А он действительно учился в Нинане в педучилище. В то время Ван под влиянием друзей по школе, обучавшихся в Пекине, Нанкине, Тяньцзине и в других крупных городах, начал свою революционную работу. На процесс становления его как профессионального революционера, насколько мне известно, оказывал большое влияние и член провинциального парткома Пань.

— Сейчас начало разгораться мощное пламя революции в

Восточной Маньчжурии, — говорил Ван Жуньчэн. — В связи с этим на вас, товарищ Ким Ир Сен, возлагается большая надежда. Революция в Восточной Маньчжурии требует талантливого стратега, чтобы развивать партийную работу, партизанские действия и работу с Армией спасения отечества. Рад, что именно в такое время вы приехали в Ванцин!

Ван сравнительно обстоятельно разбирался в событиях в Восточной и Северной Маньчжурии, с открытой душой обменивался со мной мнениями об очередных задачах Восточноманьчжурской парторганизации. Актуальными темами наших бесед в тот день были вопросы: как установить единую систему командования ротами, разрозненно действующими в партизанских районах; что надо делать для скорейшего расширения и укрепления военных сил в количественном и качественном отношениях. По этим вопросам состоялось впоследствии конкретное обсуждение и с Тун Чанжуном.

Итак, партизанские роты Ванцина стали действовать под единым командованием штаба батальона. Затем и в других уездах Восточной Маньчжурии происходил процесс переформирования партизанского отряда: были созданы батальоны, объединяющие отдельные роты, назначены новые командиры. Все это создавало предпосылки дальнейшей активизации партизанского движения.

Наше вступление в Ванцин было сопряжено со многими впечатляющими событиями, яркими эпизодами. Быстро мы освоились с обстановкой в Ванцине. При каждой смене места базирования и места жительства, право же, все какое-то время испытывали чувства отчуждения. Но проходило немного времени и подобный психологический настрой сменялся привязанностью и любопытством к новому краю.

К 1933 году я был, признаюсь честно, почти одиноким человеком. С утратой матери мы, три брата, по-настоящему осиротели. В любимом доме в Камышовом поселке Сяошахэ, в том гнезде троих братьев, все было затянуто паутиной. У меня из родных остались только два младших брата, которые в чужих семьях добывали себе горький хлеб. Под кровлей домика в родном краю, куда я при всем моем желании не мог идти свободно, одиноко ждали меня престарелые дедушка и бабушка. У них была трудная судьба — они отдали своих детей на алтарь Отечества. И еще мучила меня гнетущая тоска по родине,

которая чаще и чаще виделась мне во сне. Чувство моей внучьей верности дедушке и бабушке не могло достичь порога родного дома. Очень хотелось позаботиться о моих братьях, но даже погладить их по головам не было никакой возможности. Поэтому дни мои были наполнены беспокойством и тревогой.

Теперь моему сердцу близок был только партизанский район. Жители его стали моими родными и близкими, которые как бы заменяли мне дедушку и бабушку, отца и мать, моих младших братьев. В облике матери Со Сон Не я ощущал любовь, заботу и сердце моей родной матери.

Постоянная блокада и непрерывные карательные операции противника создали немало трудностей. Опорные партизанские базы в Восточной Маньчжурии с самого начала своего существования были вынуждены преодолевать суровые испытания. Приходилось немало воевать, проливать немало крови, переживать невыносимые душевные муки — такой была незабываемая историческая земля Ванцин. Бывало, в одном партизанском районе погибало несколько десятков человек в день, порой сжигались десятки домов жителей и казарм. Больницы и амбулатории были до отказа наполнены ранеными и больными. Хроническая нехватка продовольствия, периодически возникающая угроза голода были причиной многих смертей. Порой инфекционные болезни выносили всему району Цзяньдао приговор о массовых смертях.

Не было ни магазинов, ни рынков, ни торговцев — это была единственная в мире неторговая зона. Здесь нельзя было пустить в обращение деньги, не действовал закон стоимости. Одежду и обувь населения добывали в качестве военных трофеев. Разгул левацких элементов порою создавал тревожную обстановку в партизанском районе.

Но все эти затруднения не были главными в быту и жизни на опорных базах. Главенствующим пульсом течения жизни в партизанском районе стали новая, свободная и счастливая жизнь, оптимистический настрой людей, освобожденных от вражеских

репрессий, хотя все это носило ограниченный и относительный характер. Трудности были громадные, но душевный подъем бойцов и жителей был так высок, они были так горды, как кручи горных вершин Пэкту. Здесь, на этом «одиноком островке в океане», куда не доходили руки администрации Японии и Маньчжоу-Го, корейские коммунисты создали самую прогрессивную, самую революционную в мире культуру и мораль.

И естественно, что мы всей душой, каждой клеточкой тела любили опорные партизанские базы. Здесь, на земле Восточной Маньчжурии, ни дня не проходило без проявления героического духа нашей нации в борьбе за защиту своих партизанских баз.

Горная глушь Северного Цзяньдао — это место, где в вихрях боев восходит солнце и спускаются сумерки. На партизанской базе, где небо и землю сотрясало от грохота взрывов, громче игромче звучало со всем новое—мир но вой жизни, новой морали! Именно это наше детище стало моим любимым домом!

2. Днем — мир врага, ночью — наш мир

И в Мацуне оказывали нам радушное гостеприимство. Весть о нашей победе в Яоингоу быстро облетела весь район Цзяньдао. С большой теплотой приветствовали нас и жители Сяованцина.

Нас очень радовала жизнь, которая налаживалась в партизанском районе после его освобождения от вражеского господства. Однако не все здесь, в новом мире, складывалось так, как нам хотелось. В стиле работы и в образе мышления руководителей, в чьих руках находилась судьба революции в Цзяньдао, наблюдались моменты, которые не очень-то нас радовали.

Больше всего настораживали нас левацкие веяния, которые охватывали революционеров в Восточной Маньчжурии, словно какая-то лихорадка. Болезнь левизны особенно сильно проявлялась в работе по созданию опорных партизанских баз.

На совещаниях в Минюегоу и в Сяошахэ, где обсуждали вопрос о создании опорной партизанской базы, были уже определены нами три ее формы: полностью партизанский район, полупартизанский район и опорный пункт действия. Было также достигнуто единство мнений о рациональном соотношении между тремя этими формами.

Однако отдельные активисты из числа коммунистов Восточной Маньчжурии признавали создание одних лишь полностью партизанских районов, освобожденных от врага, и в то же время мало обращали внимания на создание полупартизанских районов, а также опорных пунктов действия. Вначале и в Ванцине строилась только опорная партизанская база в форме освобожденного от врага района.

Взять, к примеру, Сяованцинский партизанский район. Вся его территория, равная по площади целому уезду современной Кореи, была советским районом. Он был освобожден от оккупантов и целиком контролировался революционными

силами. Характерно, что в то время полностью партизанские районы называли и советскими районами,

Кадровые работники, подняв на столь обширной территории флаг совета, символизирующий рабоче-крестьянскую власть, попусту суетились, шумели: «Революция!», «Революция!» Они почти не вели боев за пределами партизанского района, а ограничивались провозглашением одних лишь пустых лозунгов о диктатуре пролетариата, о строительстве общества для неимущих. Так и проводили они попусту день за днем.

Особый подъем царил в праздничные дни. Собираясь во дворе казармы или же на спортивной площадке, люди исполняли русские танцы, пели песни о Первомае. Порой же руководители Восточноманьчжурского Особого комитета, а также представители уезда собирались вместе и вели жаркие споры о текущем моменте.

Собственно говоря, все мы, захлестнутые такой атмосферой, не успели оглянуться, как пролетела весна. И только после этого стали постепенно замечать признаки детской болезни левизны, обнаруженной в работе кадров партизанских районов. Вот тут-то мы и стали принимать срочные меры, вырабатывать тактику для ликвидации левацких загибов.

В партизанских районах скопилось много народу. В первые дни их создания одну только Ванцинскую партизанскую базу населяли несколько тысяч беженцев и эмигрантов. Аналогичным было положение в Хуньчуне, Яньцзи и Хэлуне.

В горной местности, где было мало посевных площадей, оказалось слишком много людей. Порой этот район походил на муравейник — обитателей здесь было несколько тысяч!

Тут же возникли серьезные трудности с продовольствием. Все питались жидкой похлебкой из сои. Ее получали, пропустив через жернова соевые бобы, в похлебку добавляли незначительное количество риса. Иногда, бывало, находились «счастливцы», которые привередничали за такое кушанье. А когда же не хватало даже жидкой каши, варили сосновую кору,

добавляя в это месиво немного стиральной соды. Таким вот образом обработав ее, получали паровой хлеб с сосновой корой, что помогало хотя бы на какое-то время утолить голод. Иногда питались молодыми побегами папоротника, атрактилиса, корнями колокольчика, кодонопсиса ланцетолистного и куены аптечной.

Так вот неводили концы с концами. И все же, несмотря ни на какие трудности, люди пели революционные песни, выступали с речами, потрясая кулаками, призывали уничтожить империализм, проклинали прояпонски настроенных элементов, клеймили позором свору паразитов, живущих за счет чужого труда. Таковы были первые дни жизни на партизанской базе.

Разумеется, крупных боев пока не было, но все же нам не раз приходилось сражаться с врагом — мы совершали набеги на полицейские участки, на обозы с интендантским имуществом, отражали нашествия карательных отрядов на партизанский район, захватывали у оккупантов оружие. Когда партизаны возвращались после операции с победой, жители кричали «ура!», размахивали флажками.

Но в целом в тот период мы почти не предпринимали настоящих боевых действий. В основном несли постовую службу на вершине горы или же охраняли места проживания беженцев.

Вот так и протекали день за днем. Территория была обширной, но оружия было мало, незначительным было и число вооруженных людей. Поэтому приходилось тщательно распределять среди партизан винтовки. Все с головой ушли в оборону партизанской базы.

Когда мы собирались пополнять наши боевые ряды, то тут же нам чинили всяческие препятствия то ли секретарь парткома, то ли какой-либо другой член комитета. Они с испугом заявляли, что революционная армия — это не армия единого фронта, в нее следует зачислять только отборных элементов рабочего класса и крестьянства. Если брать в нее «всех» и «всяких», то армия, по

их мнению, станет разношерстным сборищем. В то время любой антияпонский партизанский отряд называли рабоче-крестьянским партизанским, исходя из того, что такие отряды являлись вооруженными силами района, где была установлена советская власть.

Силами партизанских отрядов, насчитывавших всего несколько рот, действительно было не под силу охранять обширную территорию площадью в несколько тысяч квадратных километров. Оборона была недостаточно плотной. Поэтому, как только начиналась карательная операция, противник, прорвав нашу жиденькую оборонительную полосу, проникал в глубину района. Вот тогда и поднимался переполох: тысячи жителей бежали с котомками на головах и на спинах, ища надежное убежище. Подобная паника повторялась чуть ли не каждый день, внося сумятицу в жителей партизанских районов.

Те, кто страдал болезнью левизны, кто был одержим субъективными устремлениями, без научного учета соотношения наших сил и сил врага, сосредоточивали свое внимание только на одном: занимать район пошире и отстаивать его всеми силами. Видимо, они были убеждены в том, что величина территории освобожденного района является главным признаком, решающим исход революции. Такие деятели искусственно разделяли партизанский и контролируемый врагом районы на «красный» и «белый», приклеивали населению захваченных врагом и промежуточных районов ярлык «реакционно настроенных» или «двурушнических масс», подозрительно относились к жителям этих районов, а зачастую огульно отталкивали их от себя. Такой участи не миновало и население, проживавшее в Корее. Это было самой большой головоломкой.

Женщины «красных» районов ходили с коротко подстриженными волосами, чем были примечательны «красные» от «белых». В «красном» и «белом» районах

отличались друг от друга язык, письменность, песни, школы, образование и даже печать. Тех, кто приходил из «белого» в «красный» район, задерживали без всякого повода, допрашивали, не разрешали им возвращаться домой. «Всех, приходящих из «белого» района, без каких бы то ни было оправданий считать шпионами» — такое распоряжение начальства было спущено вплоть до детских отрядов. Некоторые из работников Ванцинского уездного парткома питали беспричинную злобу к тем, кто из горных ущелий Сяованцина ушел в город.

Однажды произошел такой случай. В деревне Дунжицунь красноополченцы несли службу на наблюдательном посту, находясь на возвышенности. Там они арестовали и допрашивали крестьянина из Дадучуаня, приходившего в партизанский район, чтобы купить вола. В уездный партком было доложено, что появился подозрительный крестьянин из «белого» района и подвергается допросу. Левак из уездного парткома тут же решил, что тот крестьянин несомненно шпион, и дал распоряжение: если он не признается, применить к нему жестокую пытку до тех пор, пока он не разоблачит себя. Однако как ни пытали беднягу, следовал от него один и тот же ответ: «Я не шпион». Да и на самом деле он не был ни шпионом, ни прислужником. Но леваки, отобрав у крестьянина деньги, безо всякого основания подвергал его побоям.

Вспоминается и другой случай, произошедший из-за левачества в партизанском районе. Чвэ Бон Сон, который вел много лет комсомольскую работу в Ванцине, рассказывает о нем так; «Когда заходит речь о левачестве, живо встают перед глазами первые дни жизни в партизанском районе. Ой, как страшно было левачество в Цзяньдао! Однажды партизаны захватили у перевала Ванцинлин японскую военную повозку, груженную солью, притащили ее под конвоем в Сяованцин. Это были первые дни после того, как была создана партизанская база. Помнится, тогда вы, родной вождь, совершали поход в

Южную Маньчжурию. Ломовой извозчик был бедным корейцем, работал по найму, с трудом перебивался со дня на день. Однако и к нему леваки приклеили ярлык «двурушника», обращались с ним, как с преступником. Раз ты разъезжаешь на японской повозке/значит, ты изменник! Таков был у леваков закон. Могло ли в подобной обстановке население вне партизанских районов относиться к партизанским районам с добрым чувством? Да ни в коем случае. Это, действительно, было сущей трагедией для народа».

Леваки эти не различали, кто наш, а кто враг, без разбору подвергали наказаниям трудовые массы. Подобные безумства часто наблюдались и в партизанских районах других уездов. Однако, главная беда была в том, что такие страшные действия, все без исключения, совершались без стыда и совести под священным лозунгом «во имя революции». Последствия подобных перегибов были весьма печальными: многочисленных революционно настроенных людей, готовых подняться на борьбу против японских захватчиков, оттолкнули в «белые» районы.

Левацкие элементы партизанского района арестовали также родственника старика Ли Чхи Бэка, выдав его за «реакционно настроенного элемента». А ведь этот человек просто приходил из Онсона в деревню Шанцинли совершить жертвоприношение по случаю гибели родителей от рук врага во время карательной операции.

Каждый раз, когда я видел своими глазами подобные случаи, всеми фибрами души испытывал чувство нестерпимого позора. Какой же коммунист, если ты по своему усмотрению подвергаешь наказаниям ни в чем не повинных людей? Зачем на честного человека надеваешь колпак «реакционера»? Если ты так поступаешь, то ты уже не коммунист, а преступник особого сорта!

Однако в то время, когда мы жили в партизанском районе в Ванцине, подобные особо опасные преступники, выдавая себя за

исключительных «революционеров высшего класса», правили массами, как им вздумается.

Были и такие, кто был убежден: как только устанавливается власть советов, сразу же все пойдет на лад. Но мы-то считали, что именно в этом главная причина беды. Мы пришли к выводу: для того чтобы отстоять опорную базу и развивать дальше революцию, необходимо преодолеть тенденции замкнутости и расширить сферу своей деятельности. Короче говоря, освободившись от недальновидных взглядов и действий, выражавшихся лишь в защите партизанского района, следовало организовать крупный отборный отряд, чтобы, свободно маневрируя, развернуть активную военно-политическую деятельность.

Для перехода к активным военным действиям необходимо было уменьшить бремя, возложенное на армию в качестве защиты партизанской базы. Одной из мер, способствующих решению этой задачи, являлось широкое увеличение полупартизанских районов в обширных местностях вокруг полностью партизанских территорий с тем, чтобы первые охраняли последние. В создании полупартизанских районов мы видели решающий путь, обеспечивающий новую победу нашей революции.

Для ознакомления с опытом создания партизанских районов во Внутреннем Китае я не раз вел серьезные беседы с Тун Чанжуном.

Осенью 1931 года в Жуйцзине провинции Цзянси Китая было провозглашено советское временное правительство Китая и был создан советский район. По словам Тун Чанжуна, Центральный советский участок, где было сосредоточено руководство китайской революции, был весьма велик по площади, а его население насчитывало несколько миллионов человек. Вооруженные силы этого района были довольно огромными и составляли несколько корпусов. Сам же Тун имел

за плечами опыт создания советского района в провинции Хэнань.

К тому времени Красная армия, руководимая Компартией Китая, насчитывала более 100 тысяч человек и контролировала обширный район от южного края провинции Цзянси до се верных окраин провинции Гуандун.

Слова Тун Чанжуна еще раз подтвердили мое соображение: нельзя механически «пересадить» в бассейн реки Туман опыт строительства советского района в Китае, равного целому независимому государству по величине территории и по численности населения. Для корейских же коммунистов, чьей базой деятельности являлся район Цзяньдао, целесообразнее создать вокруг полностью партизанских районов и на северной окраине Кореи полупартизанские районы. Это был единственный кратчайший путь для надежной защиты очага революции и широкого развертывания партизанской войны.

Необходимость создания полупартизанских районов более насущно выдвигалась в ходе вооруженной борьбы. Охранять обширный район было нам не под силу, поэтому нельзя было откладывать реализацию необходимых мер. Если бы мы, не ведя партизанской войны, продолжали копаться в произведениях классиков марксизма, а также вслепую следовать опыту российских большевиков и китайских жуйцзинцев, если бы мы занимались лишь пустыми разговорами, то ограничились бы только пониманием необходимости строительства опорных партизанских баз других форм, кроме баз—освобожденных районов, и не смогли бы ускорить работу по их созданию из-за отсутствия глубокого убеждения в их необходимости.

Вопрос о полупартизанском районе — это был не простой вопрос о рассмотрении формы опорной базы. Этот вопрос касался идейных позиций, определял, стоим мы на собственной самостоятельной линии в революции или же нет, сумеем ли мы преодолеть низкопоклонство и догматизм. Это был также вопрос о подходе к массам, о том, считаем ли мы, избавившись

от левачества, движущей силой революции широкие слои населения, которых кое-где отвергали, обзывая «двурушниками». Да, это был весьма серьезный вопрос, непосредственно связанный с формированием революционных сил, вопрос о том, объединим мы их в единый антияпонский национальный фронт или нет.

В качестве полулартизанских районов мы рассматривали такие районы, которые контролировались не только нами, но и врагом. Эти районы формально как бы контролировались врагом, но на деле же управлялись нами. Такое положение создавало условия для оказания помощи антияпонским партизанским отрядам, подготовки революционных сил, и прежде всего партизанских резервов. Они играли роль промежуточных пунктов связи между районами вражескими и партизанскими. Образно говоря, это были такие районы, которые днем контролируются врагом, а ночью — нами.

В создании революционной опорной базы форма полупартизанского района соответствовала реальным условиям нашей борьбы. Такую его форму почти нельзя было увидеть в опыте партизанских войн в других странах. Процесс развития нашей революции того времени выдвигал на повестку дня вопрос о создании полупартизанского района.

В качестве одной из мер для развития и распространения вооруженной борьбы на Корею и для крутого подъема корейской революции в целом, в центре которой — антияпонская вооруженная борьба, мы в середине марта 1933 года продвинулись в район горы Ванчжэ в уезде Онсон провинции Северный Хамген. Распространять вооруженную борьбу на территорию Кореи и добиться освобождения Родины — это было стратегической целью, которую мы неизменно преследовали с первых же дней после объявления войны против Японии. Это и была несокрушимая вера, которая, овладев нашими сердцами, не покидала нас ни на минуту. Первейшим условием для расширения вооруженной борьбы

внутрь Кореи было создание полупартизанских районов на территории шести уездных городков, а также ряда других северных пунктов Кореи. Создание надежных полупартизанских районов давало бы возможность ликвидировать различные левацкие перегибы, допущенные в создавай партизанских районов.

В то время мы формировали отряд, задача которого — действовать в Корее. Отряд состоял из 40 бойцов 2-й роты Ванцинского батальона, базировавшегося на Третьем острове, и 10 командиров и политработников, отобранных в ротах. В район Онсона была отправлена передовая группа из нескольких бойцов, возглавляемая командиром взвода Пак Тхэ Хва.

Отдельные лица, занимавшие тогда ответственные должности в Восточноманьчжурской партийной организации, не на шутку насторожились по поводу нашего продвижения внутрь Кореи. Они всячески стремились ставить нам палки в колеса, преследуя цель приостановить наше продвижение. Последовало резкое осуждение корейских коммунистов, действовавших на китайской территории. Их борьбу за победу корейской революции они рассматривали как проявление националистской «амбиции к расширению круга интересов Кореи». Они, в частности, заявляли: такой поступок противоречит принципу представительства одной партии в одной стране, поэтому было бы разумнее категорически отказаться от такого плана.

Но я опровергал их утверждения и настаивал на своем. Верность национальному долгу означает одновременно и верность интернациональному долгу; бороться за освобождение Кореи — это неприкосновенное право корейского революционера, на которое недопустимо чье бы то ни было посягательство. Такова была моя позиция. С этой позиции я без колебаний готовился к продвижению в глубь нашей Родины.

К этому времени произошел случай, в какой-то мере бросивший тень на наш план и вызвавший у всех нас гнев и возмущение.

Речь идет о том, что боец из 2-й роты, побывавший в районе Онсона для установления связи с товарищами внутри страны, был арестован неким Ким Сон До и доставлен в Восточноманьчжурский Особый комитет после того, как он вернулся, выполнив свое задание.

Тогда командиром 2-й роты был Ан Ги Хо, а политруком — Чвэ Чхун Гук. Сразу же после возникновения этого происшествия они, запыхавшись, прибежали ко мне в Мацунь со столь неприятным сообщением, выразили свой гнев и возмущение по поводу злоупотребления Ким Сон До своей властью. Ведь он не имел права своевольно арестовывать партизана без ведома начальства его роты.

Чвэ Чхун Гук человек по натуре тихий непокойный, человек мягкой, доброй души, вообще не любил очернять других. Но на этот раз о Ким Сон До стал отзываться весьма дурно, назвав его по прозвищу «кривым Ваном». Я сидел молча, ни слова не произнося, слушал только, так как о Ким Сон До я знал мало. Знал о нем только одно то, что раньше он работал заведующим отделом пропаганды Восточноманьчжурского Особого комитета комсомола, а совсем недавно был отозван в Восточноманьчжурский Особый комитет партии. В это время он совершал инспекционную поездку по уездам. «Инспекцией» в партийных организациях Восточной Маньчжурии называли выезд начальства в низы и его руководство работой на местах.

Я раскритиковал Чвэ Чхун Гука, так как мне неприятно было услышать грубое прозвище Ким Сон До вместо его имени.

— Товарищ Чхун Гук! — сказал я. — С каких пор ты научился такой дурной привычке — называть других по их прозвищам? Ким Сон До нарушил норму поведения, проигнорировал нас. Это факт, но, спрашиваю, не можешь ли ты проявить к нему свое великодушие — уважать его личное достоинство?

Чвэ Чхун Гук был человеком откровенным, всегда правильно относился к критике.

— Я виноват, — извиняющимся тоном проговорил он, сохраняя серьезное выражение на лице, — извиняюсь, если поступил хоть в какой-то мере нескромно или бесцеремонно.

—Партизанский район—такой же населенный пункт, здесь может быть прозвище. Но прозвище Ким Сон До слишком грубое и подлое. Называть «кривым»...

В тот момент меня больше раздражало прозвище «кривой Ван», которым ванцинцы нарекли Ким Сон До, чем сам факт ареста бойца 2-й роты.

На мой вопрос, почему Кима называют Ваном, Чвэ Чхун Гук ответил, что жители Цзяньдао, наверное, дали ему прозвище — Ван. Видимо, им было противно смотреть на Ким Сон До — он же кореец, но слишком любит щеголять в китайской моде, отвратительно низко кланяется начальству.

По пути в Восточноманьчжурский Особый комитет я заглянул на минуту в уездный партком. Там тоже услышал прозвище «кривой Ван».

По словам Ли Ён Гука, с которым я встретился в рабочем кабинете уездного парткома, Ким Сон До — старый член Компартии Кореи. Он вступил в нее еще в 1927 году, работал членом комитета одной из ячеек Маньчжурского бюро фракции Хваёпха, был арестован полицией японского консульства, подвергался избиениям, нюхал и тюрьму. После выхода из тюрьмы он немедленно перешел в китайскую партию, продвинулся по службе — был назначен на руководящий пост в Особом комитете. Стараясь, видимо, замаскировать вытекший глаз, он постоянно носил защитные очки и ходил в китайской одежде *дабушаньцы*.

Ли Ён Гук оценил Ким Сон До как «мастера, способного надеть чулки даже на ножки летающей воронь», а также как «талантливого оратора».

Я имел беседу с Ким Сон До в рабочем кабинете Восточно-маньчжурского Особого комитета. Беседа длилась примерно часа три.

Как только я увидел его, словно рукой сняло мою решимость порицать его за злоупотребление служебным положением. Наоборот, я проникся сочувствием к нему. Вероятно, такое сочувствие вызвали его вытекший глаз, темное лицо, покрытое тенью переутомления. Слепой на один глаз. Однако, несмотря на свой физический недостаток, он преодолевал крутые перевалы в Цзяньдао, суетился, переходя из одного края в другой, ради революции. Какое это похвальное и трогательное до слез дело!

—Товарищ инспектор! На каком основании вы своевольно, без нашего разрешения, арестовали нашего партизана, выполнявшего специальное задание?

Стараясь не горячиться, я обратился к нему столь церемонно.

Ким Сон До испытующе смотрел на меня через очки. Видимо, он был очень недоволен: какая это дерзость ставить такие вопросы перед инспектором Особого комитета! Ты позволяешь себе порицать меня?

—Очень странно, что вы задаете такой вопрос. Неужели вы не понимаете, что переход бойца через границу — это проявление национализма, предательство интересов пролетарского интернационализма... Мы его считаем «минсэндановцем».

— На каком основании?

— Он побывал в Корее, значит, это проявление национализма. Боец совершил именно националистическую ошибку.

Стало быть, если это не «минсэндановец», то что это означает?

— Это ваше мнение?

— Да! Так считает и мое начальство.

Такой его ответ вызвал во мне скорее чувство жалости, чем чувство отвращения. Стараясь успокоиться, я некоторое время помолчал. Не удивительно ли, что в такой момент, когда следовало проявить гнев и возмущение по по воду его

вопиющего бреда, лишенного всякой научной достоверности и правды, вместо того, чтобы, используя железную логику, доказать несостоятельность его болтовни, вместо гнева и презрения, у меня появилось своего рода сочувствие к этому человеку. По всей вероятности, вздорные предрассудки и наивный образ мышления Ким Сон До, сочетаемые с его громкой должностью инспектора Восточноманьчжурского Особого комитета, выставляли его довольно жалким существом.

«Какой он несчастный человек! — думал я. — К физическому уродству присовокупилось еще и духовное. Похвально, конечно, его стремление — посвятить себя делу революции, прикрыв защитными очками вытекший глаз, который мог бы служить отличительной чертой для шпиков. Как хорошо было бы, если бы благое его намерение пронизал здоровый дух! Что же могло так жестоко изуродовать его дух?»

Занятый такими мыслями, я стал потихоньку уговаривать его, еще больше понизив свой голос, чем в начале разговора.

— Вы, видимо, ставите знак равенства между национализмом и «Минсэнданом». Как вы можете поставить их на одну доску? Факт, что организаторами «Минсэндана» являются Пак Сок Юн, Чо Бен Сан, Чон Сон Хо и другие подобные им националисты. Но из-за этого отождествлять национализм и «Минсэндан» — это уж из ряда вон выходящая триада. Как я знаю, и вы вначале состояли в организации, руководимой националистами, а затем, изменив убеждения, примкнули к коммунистическому движению. Если на этом основании приклеивать вам ярлык «Минсэндана», то согласитесь ли вы с этим? Как вы думаете?

— Как же это так...

Ким Сон До пробормотал все это, даже не закончив фразу.

Некоторое время я помолчал, чтобы дать ему время раскаяться, а затем продолжал логически убеждать его.

— Что касается начальства, о чем вы говорили, кажется имеется в виду секретарь Тун Чанжун, но я не думаю, что он

человек со столь примитивным образом мышления. Допустим, что он, будучи не в курсе дела, принял такое решение из-за временных предрассудков или по недоразумению. Но вы, хорошо знающие о положении дел в Корее, должны были бы любой ценой помочь ему, чтобы он правильно понимал положение дел.

И на эти слова Ким Сон До ответил молчанием.

Всю дорогу, когда возвращались вместе с освобожденным из-под стражи бойцом 2-й роты, меня ни на минуту не покидала мысль о жалости к Ким Сон До.

Собственно говоря, пока он не возглавлял кампанию ликвидации «реакционеров», нередко танцуя под чужую дудку, я относился к нему с жалостью в душе, хотя не раз приходилось сталкиваться с ним на почве теоретических споров. Но впоследствии, убедившись, что он убивал многих стойких революционеров под предлогом ликвидации «минсэнданов-цев», больше не сочувствовал ему. Позже и он был казнен по обвинению в причастности к «Минсэндану». Террористы гибнут от рук террористов, а леваки—на левацком судилище. Тех, кто держит нос по ветру, не имея своих убеждений и самостоятельности, всегда постигает участь самоубийцы. Это, можно сказать, еще один мой жизненный опыт, который приобрел, переживая период смуты и потрясений в течение целых десятилетий.

В начале марта партизанский отряд который должен был отправиться внутрь страны, выступил из деревни Мацунь и достиг берега реки, противоположного от Тхамаккора уезда Онсон. Бойцы разбили свой лагерь в Сосновом, ожидая прихода передовой группы, проникшей раньше них в район Онсон. Партизаны примерно целую неделю проводили там работу, воспитывая местных жителей в революционном духе. Готовилось превращение этой местности в полупартизанский район. Днем отряд проводил боевую подготовку у западного

подножия горы Сундуншань, а вечером партизаны расходились по поселкам, создавая подпольные организации в гуще масс.

Тогда мы вели работу и со старостами десятидворików и стадворików, то есть с руководителями низшей административной инстанции Маньчжоу-Го. Мы не посягали на интересы населения, а лишь налаживали хорошие отношения с жителями, соблюдая все законы и правила революционной армии. Это производило на них весьма благоприятное впечатление по отношению к нам. Наши партизаны, остановившись в Сосновом, оказывали большую помощь крестьянам. Некоторые бойцы ходили в горы за леспедецами, обновляя плетни домов, в которых они остановились.

Случай с тем самым топориком, о котором говорится в воспоминаниях Пак Ен Суна, произошел именно в те дни, когда мы остановились в этом поселке.

Однажды я хотел помочь старым китайским супругам хозяйского дома. Взяв топор и ведро, вышел на берег реки Туман. Зимой здешние жители носили воду именно из этой реки. Пробив во льду лунку топором или киркой и заполнив водой ведро, они возвращались домой. Это и была питьевая вода.

Чтобы пробить такую лунку во льду, я вышел на берег с топором. Когда работа подходила к концу, выпал с рукоятки топорик и он упал в воду. Я несколько часов обшаривал длинным шестом дно, но топор так и не нашелся.

Хотелось щедро заплатить хозяину за утерянный топорик и несколько раз просил прощения. Но старик наотрез отказался взять деньги. При этом он сказал: «Я просто не знаю, как выразить вам, уважаемый командир, свою благодарность. Вы и так ежедневно ни свет ни заря носите воду для нас. Да еще хотите уговорить меня взять за топорик такую сумму денег. Я прямо места себе не нахожу... У меня и без того душа болит, чтр по старости лет и слабости не могу помочь революционной армии. Да как же я могу взять ваши деньги?» Старик долго упирался, и мне стоило большого труда уговорить его все же

взять деньги за утерянный топор. Я ему сказал: «Если мы уйдем отсюда, не заплатив за топор, то я, как командир, нарушу тем самым революционную дисциплину. Сжальтесь надо мной и возьмите деньги».

Хотя я щедро заплатил старику за топорик, но все же никак не мог забыть об этом случае. Даже столь большие деньги, которые я вручил старику, вряд ли могли заглушить досаду от потери своего привычного орудия. Весной 1959 года, когда группа экскурсантов по местам боевой славы, связанным с антияпонской вооруженной борьбой, отправлялась на Северо-Восток Китая, я просил товарищей: «Будете там — непременно зайдите к старику в Ляншуйцюаньцзы и еще раз попросите извинения за мой промах». Когда группа экскурсантов достигла Ляншуйцюаньцзы, к сожалению, того старика уже не было в живых...

Во второй половине дня, примерно в 4— 5 часов, наш отряд переправился через реку Туман и в сопровождении передовой группы поднялся на вершину горы Ванчжэ. Там нас встретили руководители революционных организаций и подпольщики из шести уездов, укрывшиеся до того времени на склоне горы в зарослях лиственничного леса.

С вершины горы, густо заросшей молодыми дубами, некоторое время я любовался окружающей местностью. В народе говорят, что за десять лет меняются даже горы и реки. Но не прошло еще и трех лет, а как уже начал изменяться вид этого края. Появились новые груды шахтных пустых пород которых нельзя было видеть в то время, когда мы создавали в стране партийную организацию на горе Туру. Мчался также поезд по железной дороге Унги (Сонбон) — Онсон. И это тоже была новизна в Онсоне, чего нельзя было видеть осенью 1930 и весной 1931 года.

Изменились не только горы и реки. Политически зрелыми стали люди, продвигалась вперед и революция. После нашего ухода из этого края, в районе шести уездов и в прилегающих к

нему местностях рождались одна за другой новые антияпонские революционные организации и начинали свою работу.

Военно-полицейская верхушка Японии, отвечавшая за охрану общественного спокойствия, хвасталась неприступностью пограничной охраны. Но в этом северном крае нашей Родины борцы-революционеры стали окружать вражеский аппарат правления «огромной железной сетью» — сетью революционных организаций.

Шла на подъем и наша вооруженная борьба. Возьмем, к примеру. Восточную Маньчжурию. Там расширялись ряды партизанских отрядов, они перерастали в батальоны. Батальонам, действовавшим в разных уездах, предстояло перерасти в полки и в дивизии. Вооруженные силы корейских коммунистов, призванные развернуть партизанскую войну, действовали в Южной и Северной Маньчжурии. Не за горами был тот день, когда наши дивизии и корпуса должны были вступить на землю родной страны и занести карающий меч над головами врагов. Ведь мы, являясь передовым отрядом, уже продвинулись в район Онсона.

Погруженный в такие думы, я декламировал про себя стихи на иероглифах воеводы Нам И, которые в ученические годы в Чхандокской школе помог разучивать мне дед по материнской линии.

Если расшифровать эти стихи, то все это означало следующее:

Очищу гору Пжту от камней, точа меч на них. Иссушу реку Туман, напоив коня водой.

Если мужчина в двадцать лет не добьется мира в стране, Кто из наших потомков назовет его мужчиной?

Тогда же мой дедушка рассказывал мне о том, как воевода Нам И прославился боевыми подвигами в битвах за разгром врага на севере и в возрасте лет 20 стал начальником военного приказа. Он повторял; «Когда ты подрастешь и возмужаешь,

будь командиром войск или начальником авангарда в сражении за разгром японских самураев».

Слушая его рассказ, я очень сожалел о нелепой гибели воеводы Нам И из-за козней и предательства одного из подданных и твердо решил в душе: «Когда подрасту и возмужаю, буду идти в первых рядах в войне против иноземных захватчиков. Буду, как воевода Нам И, посвящать себя борьбе за безопасность страны и народа».

«Если воевода Нам И, опираясь на шесть военных поселений, отбил нашествие противника с севера, то мы, опираясь на полупартизанский район шести уездов, перенесем арену вооруженной борьбы в глубь страны и будем готовить врагу западню, будем приближать разгром японских империалистов», — так клялся я на вершине горы Ванчжэ.

На горе докладывали мне о положении в стране и о своей деятельности подпольщики и руководители революционных организаций. С удовольствием отметив успехи в работе по созданию опоры для продвижения антияпонской революции в массах в шести уездах и других северных пограничных районах, я вдохновлял людей на новые подвиги, выдвинул перед ними ряд задач по развитию и распространению вооруженной борьбы в Корее. Притом я особо подчеркнул идею создания полупартизанских районов. Тогда же мы решили создать полупартизанские районы в разных местностях страны, главным образом в районе Онсона. Одновременно было решено подготовить в густых зеленых рощах явочные пункты, а также опорные пункты для дальнейших действий и таким образом заложить основу для развития и распространения вооруженной борьбы внутри страны.

На Ванчжэсанском совещании были обсуждены задачи по тесному сплочению всей нации в единую политическую силу под знаменем единого антияпонского национального фронта, основанного на рабоче-крестьянском союзе. Были затронуты и

задачи революционных организаций Кореи по активизации массового движения и подготовки к созданию партии.

Продвижение партизанского отряда в Онсон послужило прелюдией к развитию и распространению антияпонской вооруженной борьбы в Корее, стало новой вехой в развитии национально-освободительной борьбы. Совершив этот поход в свою страну, мы заявили всему миру о нашем несокрушимом убеждении и наших позициях, что борьба корейских коммунистов за корейскую революцию является их священной задачей и неприкосновенным, абсолютным правом.

Продвижение антияпонского партизанского отряда в Онсон и весь ход Ванчжэсанского совещания свидетельствовали о правильности нашего решения насчет создания полупартизанских зон вокруг полностью партизанских районов и внутри страны. Они также показывали, что вполне назрели субъективные и объективные условия для создания полупартизанских районов в Цзяньдао и районе шести уездов Кореи.

После Ванчжэсанского совещания мы, продвинувшись на остров Рюда и в Паксоккор в Кенвоне (Сэпер), а также на сопку Кымсан под деревней Синхын уезда Чонсон и во многие другие районы Кореи, организовывали собрания и семинарские занятия, занимались подпольной деятельностью. Главная цель, которую мы преследовали здесь, заключалась в том, чтобы научить руководителей действовавших в стране революционных организаций и партизан-подпольщиков принципам и методам, которых им нужно было придерживаться в подпольной революционной деятельности.

Мы часто бывали внутри страны и встречались с революционерами для того, чтобы вооружить их знанием нашей самостоятельной революционной линии и методами работы и надежно подготовить их к тому, чтобы они успешно и инициативно возглавляли в сложной обстановке практическую борьбу. Обстоятельная политическая и деловая подготовка

руководителей и всего актива действовавших в стране революционных организаций была первейшим условием успешного создания полупартизанских районов.

Посланный нами тогда руководящий актив проник в глубь страны, установил тесные контакты с профсоюзами ис крестьянскими союзами, отдававшими все силы антияпонской борьбе. Наш актив повсеместно организовывал революционные массовые организации, а подпольщики охватили своей деятельностью Сеул, а также районы южной части Кореи.

Решающую роль в создании надежных полупартизанских районов в зоне шести уездов и в достижении подъема революционного движения в стране играли партийные организации, созданные в бассейне реки Туман.

Впоследствии руководители Восточной Маньчжурии приняли наше предложение о создании полупартизанского района как определенный курс и наметили задачу по претворению его в жизнь. Находились, конечно, такие, кто критиковал наше глубоко продуманное предложение о создании полупартизанского района, трактовал его как правый уклон. Но такая критика тут же получила резкий отпор.

В советских районах Восточной Маньчжурии с весны 1933 года активизировалась борьба за создание полупартизанских районов. Были созданы такие районы в Лоцзыгоу, Дахуанвэе, Чжуаньцзяолоу, Ляншуйцюаньцзы и других обширных местах Ванцина, Яньцзи, Хуньчуня, Аньту, Хэлуна. Созданные к этому времени полупартизанские районы внесли большой вклад в развитие антияпонской вооруженной борьбы. Некоторые полностью партизанские районы, неблагоприятные для обороны, были переведены в полупартизанские.

Среди старост поселений, назначенных государством Маньчжоу-Го, было немало тех, кто поддерживал и сочувствовал нам. Например, во всем районе Лоцзыгоу, кроме городского центра, везде и всюду был создан наш мир, жили и действовали люди с нашей стороны.

Правота линии на создание полупартизанских районов и опыта, приобретенного в этом деле, была полностью подтверждена позже деятельностью Корейской Народно-революционной армии в районе горы Пэкту.

Очень хорошо зарекомендовал себя полупартизанский район. Поэтому во второй половине 30-х годов, когда мы про двинулись в бассейн реки Амнок, чтобы развернуть деятельность в районе горы Пэкту, мы создали тайные лагеря только в тех местах, где пребывали отряды революционной армии. Все остальные же местности превратили в полупартизанские районы. Независимо от того, каким был район — «красным» или «белым», мы создавали в массах революционные организации, направляли туда подпольщиков. Причем мы не находились там постоянно, а передвигались из одного района в другой. Враг сосредоточил свои силы и внимание в одном районе, а мы уже перебазировались в другой. В то трудное время много родилось подлинных патриотов — старост поселении, старост стадвориков, старост десятидвориков, начальников волостных управ, полицейских, охранников, таких, как Чон Дон Чхор, Ли Хун, Ли Чжу Ик (Ли Чви). Тогда мы подготовили множество способных подпольщиков и внедрили их во вражеские структуры управления низших инстанций. Немало чиновников этих органов, хотя они и не были подпольщиками, направленными нами, оказывали поддержку делу революции. Конечно, все было результатом нашей кропотливой работы с ними. Днем они выполняли распоряжения Маньчжоу-Го, проявляя для вида активность и лояльность. Но как только скрывалось солнце за горой, те же люди становились проводниками для отрядов революционной армии, встречались с ее подпольщиками, чтобы передать им добытые днем сведения, собирали пожертвования для революционной армии. Полупартизанские районы, созданные в Восточной Маньчжурии и в Корее, служили надежными спутниками, охраняющими воинов и население

освобожденных районов, защищая установленную там народную власть и закрепляя результаты демократических преобразований.

Превращение обширных местностей вокруг полностью партизанских районов в полупартизанские позволяло антияпонским партизанским отрядам проникать в глубь вражеских зон, вести там работу по революционному воспитанию масс, расширять сеть партийных, комсомольских и друг их авангардных организаций, а также различных массовых формирований. В результате стало возможным еще более укрепить опору антияпонской вооруженной борьбы в массах и перейти от пассивной обороны к активному наступлению. Переход антияпонской войны к активным наступательным действиям дал нам возможность сорвать гнусную экономическую блокаду противника, успешно разрешить вопросы с продовольствием, которые являлись самой сложной головоломкой в партизанских районах.

Создание полупартизанских районов привело к преодолению не только левацкого уклона, сторонники которого, разделив районы на «красные» и «белые», толкали массы в объятия противника. Оно позволило нам объединить широкие народные массы в единую политическую силу под знаменем единого антияпонского национального фронта, преодолеть низкопоклонство и догматизм, а также внести большой вклад в развитие корейской революции с нашей собственной позиции.

Самыми образцовыми в Ванцине были полупартизанские районы Лоцзыгоу и Ляншуйцюаньцзы. Большая заслуга в превращении Лоцзыгоу в полупартизанский район принадлежит Ли Гвану. Направленный в Лоцзыгоу, Ли Гван проводил кропотливую работу среди китайских антияпонских отрядов, вел также работу с выходцами из Армии независимости. Итак, он создал прочную основу, на которую мы могли всегда опираться.

Лоцзыгоу — это был край, где с начала 20-х годов группа Ли Дон Хви начала создавать важнейшую базу для движения за независимость. В то время в Лоцзыгоу хозяйничали те старики, которые, следуя за Ли Дон Хви, участвовали в движении за независимость. Поэтому Ли Гван, пользуясь их помощью, проделал большую работу в целях воспитания жителей этого района в революционном духе.

Тогда было направлено в этот район много способных подпольщиков с целью создания там полупартизанского района. Многие из них сложили там свои головы. Там был убит и Чвэ Чжон Хва, внесший большой вклад в дело революционного воспитания местных жителей.

В то время способный командир отдельного отряда КНРА Пак Киль Сон и Чвэ Гван занимались в Лоцзыгоу подпольной деятельностью.

Враги создали в этом районе такие крайне реакционные организации, как «Кёвакай» и «Хепчжохвэ», бешено пытаясь задушить революционные силы. Мы же в ответ на это создали там такие широкие массовые организации, как Антияпонское общество, объединяя в них все патриотически настроенные силы. Лоцзыгоу выполнял также роль наших закромов для продовольственного обеспечения революционных масс Ванцина. В Сяованцинском партизанском районе каждый раз, когда было туго с продовольствием, направляли людей в революционную организацию в Лоцзыгоу с просьбой оказать ему срочную помощь. Тогда члены революционной организации в Лоцзыгоу несли зерно на спинах до Каменных ворот в Шилипине и передавали его людям из Ванцина. Лоцзыгоу был оккупирован противником, но освобожденные районы по-прежнему получали с этого района продовольствие. Не будет преувеличением сказать, что со второй половины 1935 года, когда были распущены партизанские районы и главные силы КНРА отправились в поход в Северную Маньчжурию, революционеры уезда Ванцин действительно могли поддерживать свое

существование только за счет продовольствия из Лоцзыгоу. Часть революционно настроенных масс и бойцы Ванцинской 3-й роты, укрывавшиеся на время в Сишане под Лоцзыгоу от вражеского погрома, провели всю осень и зиму 1935 года, питаясь продовольствием, доставленным жителями этого района.

Роль пункта продовольственного снабжения для ванцинских революционеров отлично выполнял Лоцзыгоу не только потому, что этот край вообще был плодородной житницей, где, как говорится, всегда подают нищим пшенную кашу, но и потому, что в этом районе было создано много революционных организаций, которые постоянно вели среди масс воспитательную работу.

В Лоцзыгоу старостой стадворика работал Ким Рён Ун, Хотя он числился доверенным лицом Маньчжоу-Го, то есть служащим низшей административной единицы, все же на деле он был членом нашей организации. Он, пользуясь легальной должностью старосты стадворика, оказывал большую помощь нашим революционерам.

Враги пытались приостановить проникновение подпольщиков из партизанских отрядов в город-крепость и таким образом разорвать прочную нелегальную связь населения с революционной армией. Для этого они осуществляли жесткий контроль над вывозом про довольствия и предметов обихода, постоянно мобилизовывали молодежь на охрану города, поставив иелью строгий контроль за передвижением людей. Юношам, мобилизованным на охрану, раздавали дубинки. Они выполняли роль своего рода мандатов, выданных правителями Маньчжоу-Го.

В день прихода бойцов революционной армии в Лоцзыгоу за продовольствием Ким Рён Ун специально отбирал юношей, находящихся под нашим влиянием, и выставлял их на охрану. Как только появлялись поблизости от крепостных укреплений люди, приходящие за продовольствием, мобилизованные на охрану юноши тут же передавали им дубинки, а сами бежали в

деревню кстаросте стадворика и под его руководством собирали зерно. Затем, вернувшись на свой пост, передавали партизанам продовольствие.

Члены революционной организации в Лоцзыгоу, обработав марионеточную армию Маньчжоу-Го, взяли у нее даже патроны — их было несколько десятков тысяч! В то время в городке Лоцзыгоу был частный магазин, находившийся в ведении революционной организации. Хозяин магазина был старым работником комсомола. Чтобы свободно вывезти из города необходимые для революционной армии материалы, он побратался даже с солдатами марионеточной армии Маньчжоу-Го.

Один из них, обуреваемый жаждой денег, раздобыв где-нибудь в другом районе товары за бесценок, затем, взвинтив цены, продавал их в несколько раз дороже. Чтобы облегчить свои операции, он решил прибегнуть к услугам этого магазинчика. Солдатам волей-неволей приходилось пользоваться его услугами потому, что за торговлю они могут подвергаться наказанию.

Солдат-спекулянт, побратавшийся с хозяином магазина, продавал ему даже патроны. Хозяин магазина покупал у него патроны по 25 *чон* за штуку и переправлял их в отряды революционной армии. В целом было передано более 5 тысяч патронов.

Это лишь один маленький эпизод, свидетельствующий о правоте и жизненности нашей линии на создание полупартизанских районов.

Большую роль в оказании помощи революционной армии играл и Ляншуйцюаньцзыский полупартизанский район, созданный в районе южнее Ванцина. Революционные организации в Ляншуйцюаньцзы несколько десятков раз посылали в освобожденные районы продовольствие и предметы обихода.

Большую долю товаров, таких, как рис, одежда, спички, медикаменты, порох, соль, насущно необходимых для жизни населения партизанских районов, мы получали через революционные организации Онсона и Ляншуйцюаньцзы. Самым дорогим в партизанском районе предметом была соль. Ее употребляли следующим образом: брали в рот пять ложек жидкой похлебки, а потом клали туда кусочек соли величиной с чумизное зернышко. Создавалось впечатление, что пища приправлена солью.

.Пытаясь извести население партизанского района, враги проводили строгий контроль над солью и продовольствием. Когда осенью крестьяне собирали урожай года, следовало распоряжение хранить все зерна на складе коллективного поселения, который находился под контролем врагов. Выдавали же продукты каждый день только по числу едоков в семье. Они знали, что при наличии у крестьян запаса продовольствия он скоро будет передан в руки партизан или же населения опорных партизанских баз.

Враги создали даже солевой полицейский отряд, так называемый «отряд по борьбе с контрабандой», чтобы остановить вывоз соли из деревни. Отряд часто посещал жилые дома и про изводил обыск. Если у кого-нибудь находили хотя бы небольшой запас соевой пасты и соуса, на них налагали штраф и подвергали жестоким избиениям трехгранной деревянной дубинкой, именуемой «палкой для телесных наказаний».

Для преодоления трудностей с солью на опорной базе осенью 1934 года мы направили в Ляншуйцюаньцзы специальный отряд, состоящий из многочисленных воинов, жителей и детей, в том числе более 30 бойцов 2-й роты, дали им лошадей. От Ванцина до ЛяншуИцгоаньцзы — 80 километров туда и обратно.

Заранее получив от нас сообщение о приходе отряда, члены революционной организации ЛяншуИцгоаньцзы вывезли и

сложили на берегу реки Туман большое количество соли, поступившей через подпольную революционную организацию Онсона и через Намянский перевозочный пункт. Завершив подготовительные работы, они ждали прихода нашего отряда.

Навьючив на спину каждой лошади по два-три мешка соли, отряд благополучно возвращался на Третий остров. Оставшуюся соль каждый боец тащил на спине по 20 — 30 килограммов до партизанской базы. Часть соли обменяли на муку в Лоцзыгоу.

Большинство материалов, присланных к нам революционной организацией Ляншуйцюаньцзы, было доставлено из шести северных уездов Кореи, в том числе из Онсона. Население этих районов доставало большую долю предметов обихода в Тумыне и Лунцзине и посылало нашим партизанским отрядам и жителям партизанской базы. Внутри Кореи, где осуществлялось строгое наблюдение за населением и осуществлялся постоянный контроль врага, невозможно было доставать в большом количестве предметы широкого потребления. Поэтому организации, действующие внутри Кореи, потихоньку перебирались в такие торговые районы, как Тумынь и Лунцзин, покупали там необходимые товары и посылали их на антияпонские партизанские базы по заранее обусловленным каналам,

Тумынь и Лунцзин — это было не что иное, как надежная база для нашего материального обеспечения. Поэтому мы почти не трогали такие районы, как Тумынь, Лунцзин и Байцаогоу, где была широко разветвлена сеть наших революционных организаций.

Однажды был случай, когда наши товарищи совершили налет на Байцаогоу. После этого налета отец Ли Гвана сообщил нам, что последствия этого налета нежелательны. Ведь надо вовлечь в единый фронт антияпонской борьбы имущих граждан, тех, в ком живет национальная совесть. А они-то после налета были не на шутку встревожены. После этого случая мы не совершали налетов на Байцаогоу и тому подобные районы.

В материальном обеспечении бойцов, населения Ванцина и других освобожденных районов полупартизанская зона, охватывающая шесть северных уездов Кореи и их окрестности, имела действительно большие заслуги, которые достойны занять особое место в истории страны.

Кроме полностью партизанских и полупартизанских районов, мы создали еще множество невидимых глазу опорных пунктов действия, предназначенных для обеспечения в контролируемых врагом районах военно-политической деятельности партизанских отрядов и связи с ними. Такие опорные пункты состояли из подпольных революционных организаций и явочных мест, представляли собой одну из форм опорных партизанских баз, носящую оперативный и временный характер. Их было много в Лунцзине, Хуньчуне, Тумыне, Лаотоугоу, Байцаогоу и в других крупных городах, контролируемых врагом, и в районах вдоль железных дорог.

Каждый раз, когда я вспоминаю незабываемые дни создания полупартизанских районов в Цзяньдао и в Корее, особенно живо представляется мне образ О Чжун Хва. Это он, выйдя из Содэмунской тюрьмы, тут же сел на поезд, едущий на север, сошел в Тумыне, несколько дней отдыхал и подкреплялся у родителей жены поблизости от Хуемудуна. Затем он немедленно вернулся ко мне в Шисянь. Возвращение О Чжун Хва в Ванцин после тюремного заключения было для меня большой радостью и утешением, так как я совсем недавно вернулся в партизанский район, завершив походы в Южную и Северную Маньчжурию.

Едва только мы встретились, О Чжун Хва просил поручить ему важное дело. Лицо его выглядело бескровным, болезненным, ему надо было подкрепиться еще на несколько месяцев, но он так убедительно просил, что мне не оставалось ничего больше, кроме как предложить ему превратить некоторые районы в окрестностях Гаяхэ в полупартизанские.

5-й участок, где работал О Чжун Хва, примыкал к таким важнейшим опорным пунктам карательной акции врага, как Ляншуйцюаньцзы, Тумынь, Яньцзи, Байцаогоу, Дадучуань, а в Гаяхэ свил свое гнездо даже филиал полицейского участка японского консульства. В начале января 1933 года Люцайгоу подвергался вражескому налету, а позже Сышуйпин — двухкратной карательной операции.

О Чжун Хва хотя иотбыл тюремное наказание, но за ним как тень следовал шпик. Он же не скрывал своей радости от нового задания.

Мы предложили ему превратить некоторые поселки в окрестностях Гаяхэ в полупартизанские потому, что эта местность находилась на довольно близком расстоянии от важнейших военных пунктов противника и являлась объектом для предстоящего вражеского наступления. Задание было трудным, сопровождающимся опасностью, но я верил в этого человека.

При первой встрече с ним, состоявшейся осенью 1930 года, он произвел на меня неизгладимое впечатление. Тогда у нас состоялась откровенная беседа в его доме. После беседы я вышел на улицу и видел: за изгородью стояли юноши-великаны, неся строгую охрану, и за околицей тоже прохаживалось несколько таких же дюжих парней. В этом я видел его способность и умение работать. Все это хорошо дополняло облик революционера, который произвел на меня глубокое впечатление.

Деловые качества О Чжун Хва, его способности как революционера особенно проявлялись в работе по привлечению к делу масс.

Для превращения своего поселка в революционный О Чжун Хва достал машинку для стрижки волос, провозгласил создание общества «Ножницы», куда привлек чуть ли не всех жителей поселка. Тог да в парикмахерских за стрижку волос брали 15 чон, но О Чжун Хва брал всего 5 чон. Заэти деньги он покупал

книги и помогал членам своего общества, как говорится, открывал им глаза. Жители за бесценок подстригались, могли читать книги, а в результате активно вовлекались в общество. Пользуясь этим случаем, О Чжун Хва воспитывал членов своего общества.

Пробуждая сознание сельчан с помощью своей организации, О Чжун Хва объединил общество выпускников одной школы, общество школьных друзей, общество дружбы и другие действовавшие ранее просветительные организации в Рендонское общество дружбы, которое было легальной организацией учащейся молодежи в Дуньхуа и в районах восточное Хаэрбалина— в Яньцзи, Хуньчуне, Хэлуне, Ванцине.

Для революционного воспитания жителей поселка О Чжун Хва часто организовывал театральные представления. Либретто писал он сам, в ролях выступали двоюродные братья и сестры. Их число было больше целого отделения. Они же сами готовили декорации, сами и режиссировали и показывали на сцене завершенное представление.

Таким образом, он влиял на массы, принимал в революционную организацию своих родных, а затем всех сельчан вовлекал в деятельность организации. В период до и после зимнего Минюегоуского совещания вместе с Кан Сан Чжуном, Чо Чхан Доком и Ю СэРёном участвовал в операции по захвату оружия, которая проводилась в качестве одного из важнейших звеньев в цепи плана подготовки к созданию Антияпонской партизанской армии. Оружие, добытое ими с риском для жизни, служило большим подспорьем для вооружения отряда особого назначения, где состояли борцы Чвэ Ин Чжун, Хан Хын Гвон, Кап Сан Чжун, Ким Ын Сик. Идя навстречу нашей воле, О Чжун Хва превратил отдельные поселки 5-го участка, являвшиеся первым объектом для вражеского налета, в замечательный полупартизанский район. Добросовестно выполнял он и задание по созданию опорного пункта действия в контролируемом врагом районе. Так,

типография «Чхонир» в Тумыне, созданная им как важнейший опорный пункт действия, выполняла роль ушей и глаз революционной армии.

О Чжун Хва и его родные были для врагов как бельмо на глазу. Они выжидали удобного момента, чтобы уничтожить всех его родственников. Весной 1933 года одна из партизанских групп захватила секретный документ, посылаемый Лунцзинским японским консульством Шисяньскому полицейскому участку. Это был приказ об уничтожении всей родни фамилии О.

Получив сведения об этом, мы немедленно подняли на ноги партизанский отряд и приняли меры для их спасения. Партизаны сразу же эвакуировали семью фамилии О — 31 человека в Шилипин.

Да, О Чжун Хва был человеком волевой натуры, с неутомимой страстью, всю жизнь спешил жить, словно спринтер. Летом 1933 года, к несчастью, он был арестован врагами на явочном пункте в Бэйфэнвудуне, был зверски убит во время ареста. Нет очевидцев того, как этот человек простился со своей последней минутой жизни и с каким видом он принял смерть. Враги же, убившие его и его друзей, исчезли с места преступления, сделав его вечной тайной.

Когда старик О ТхэХи, сжав кулаки, прибежал из Шилипина в Бэйфэнвудун, О Чжун Хва был весь в крови, лежал с открытыми глазами у пункта явки. В его зрачках, где еще не угас огонек жизни, отражалось синее небо над партизанским районом, на которое он при своей жизни часто взирал с большой любовью.

Но рот был зажат крепче, чем при жизни. Судя по этому, старик О Тхэ Хи хорошо понял, что его сын не обменял секрет организации на жизнь. Старик был горд этим и еще горше плакал. Сын его жил всего 34 года, но он прожил свою жизнь достойно. «Ведь жить дольше не значит наслаждаться большей радостью. Сынок мой, ты слишком рано ушел от отца. Если

узнает об этом Полководец Ким Ир Сен, который так тебя любит, какое горькое горе охватит его!» — так приговаривал старик, обхватив руками труп своего сына.

Встретив весть о гибели О Чжун Хва, я не хотел верить в это. Меня сразу же обожгла мысль: «Неужели так потихоньку ушел он? Ведь в буднях жизни он так много говорил, так много исходил, так много оставил на земле добрых дел. Он жил так пламенно, словно огонь...»

Во время гибели О Чжун Хва рядом с ним никого не было. Он пал смертью храбрых, не успел вымолвить ни одного слова завещания. Если бы он мог выразить нам свою предсмертную волю, какое завещание он бы дал нам? Вероятно, он бы попросил дать ему новое задание, ибо завершилась работа по созданию полу партизанских районов.

Если бы он был жив, то я дал бы ему более важное задание. По логике революционера — давать больше заданий означает величайшую любовь и наивысшее доверие.

Наша революция потеряла еще одного способного организатора, пропагандиста, окруженного любовью населения Цзяньдао, честного, стойкого и бесценного товарища — опору страны, который вселял в сердце людей чувство гордости, а на врага наводил ужас. Это была действительно невосполнимая утрата для нашей революции, стремительно продвигавшейся вперед в Восточной Маньчжурии.

Однако О Чжун Хва своей смертью — смертью храброго сына Родины пробуждал сознание масс, призывал их к новой борьбе. Хотя он пал, но в полупартизанских районах, созданных ценой его крови, росли, как грибы после дождя, новые хозяева революции, призванные вызвать великий подъем в антияпонской войне.

3. Совет или народно-революционное правительство?

Левацкие тенденции в партизанском районе появлялись чаще всего при создании властных структур. Определенный перегиб нашел свое концентрированное выражение при выработке линии на создание совета, а затем и в ряде мероприятий, осуществляемых от его имени. Конечно, решение создать совет было своего рода результатом мелкобуржуазной поспешности тех, кто заражен был догматизмом, исповедовал низкопоклонство и проявлял склонность к авантюризму.

Вопрос о создании органов власти мы обсуждали раньше, с периода деятельности в Союзе свержения империализма. Это была важнейшая тема наших дискуссий, к ней никто не относился пренебрежительно. Были, конечно, люди, которые считали этот вопрос чисто теоретическим. Ониутверждали, например, что для корейской молодежи вопрос о власти— проблема отдаленного будущего, кото ругосле дует ставить на повестку дня только после достижения независимости Кореи и к решению которой можно приступить лишь в условиях, когда восстанавливается государственность страны. Но мы не могли согласиться с такими взглядами. Мы говорили каждому: твое утверждение о форме власти непосредственно связано с тем, какого характера революцию ты хочешь осуществить! И это было выражением нашей позиции.

В нашей политической жизни вопрос о власти стал предметом самых острых дискуссий именно в годы моей деятельности в Гирине. В политических кругах Гирина чуть ли не ежедневно обсуждался вопрос о форме государства, которое будет построено в нашей стране после достижения ее независимости. Руководители Армии независимости,

принадлежащие к трем фракциям, с пеной у рта доказывали необходимость установления политического режима королевской династии или же системы буржуазной республики, в то время как Ким Чхан, Ан Гван Чхон, Син Иль Ён и другие политические деятели, принадлежавшие к кругам старой компартии, ратовали за немедленное строительство социализма и установление диктатуры пролетариата.

И Пак Со Сим, вооруженный идеями классиков, вел разговор прежде всего о диктатуре рабочих и крестьян. Он поддерживал утверждение о том, что рабоче-крестьянские массы должны стать хозяевами государственной власти, но лишь покачивал головой, когда произносилось слово «диктатура».

По уровню подготовленности, а также исходя из своих интересов, одна часть гиринской молодежи выступала за установление политического режима королевской династии, другая склонялась к системе буржуазной республики, а третья аплодировала социализму советского образца.

Ким Хек, Чха Гван Су, Ке Ен Чхун, Син Ен Гын и другие коммунисты нового поколения выражали свое явное недовольство таи, что старики из Армии независимости ратовали за восстановление режима королевской династии. Что же касается утверждения о немедленном строительстве социализма, то они не были вполне уверенными на этот счет.

В сложившихся условиях нам пришлось серьезно поставить на повестку дня вопрос о власти прежде всего в молодежной аудитории, среди учащихся, где главным образом шло обсуждение политических вопросов. Все это вызвало очень горячую дискуссию.

После этого на Калуньском совещаниимы сформулировали характер корейской революции как антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции и уже на этой основе определили, что власть, которую должны будут установить коммунисты насвоей возрожденной Родине, станет

политическим строем для народа, отвергающим такие формы правления, как королевская династия или же буржуазный парламентаризм. Короче говоря, мы были за демократическую власть, защищающую интересы рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, национальной буржуазии, верующих, то есть самых широких масс трудящихся,

Наша позиция по вопросу о власти, которую мы излагали затем на зимнем Минюегоуском совещании, состоявшемся в декабре 1931 года, по существу была идентичной.

С тех пор, как была создана опорная партизанская база в Цзяньдао, вопрос власти в осуществлении нашей революции встал на повестку дня и вызвал оживленные дискуссии. Для того чтобы сохранять партизанский край, носивший форму освобожденного района, и управлять им, необходимо было создать орган власти, способный выполнить роль хозяйственного организатора и культурного воспитателя населения этого района. Без этого в партизанском районе, который можно было бы считать государством в миниатюре, нельзя было обеспечить население всем необходимым для его существования и мобилизовать людей на борьбу с врагом.

Исходя из этого, коммунисты, действовавшие в Восточной Маньчжурии, с осени 1932 года приступили к выполнению исторической задачи — установлению власти в партизанских районах. В том году в Гаяхэ уезда Ванцин по случаю годовщины Октябрьской революции открылся массовый митинг, на котором было заявлено всему миру о сформировании советского правительства. К этому времени и в Ванъюйгоу и Саньдаоване уезда Яньцзи также были созданы советы. В итоге установление революционной власти в партизанских районах несомненно явилось знаменательным событием в деле осуществления вековых чаяний народа.

Вначале я тоже радовался установлению советской власти в партизанских районах. Думал при этом, что главное — не в том,

как называется власть. Важно, что она защищает интересы народа — и этим все сказано.

В то время «горячее веяние советов» охватило всю Восточную Маньчжурию. Желание установить советскую власть широко распространилось как своего рода общая тенденция для стремящихся к социализму и коммунизму борцов-революционеров всех стран мира и прогрессивного человечества. Такое веяние охватывало и Европу и Азию. Красноречивым доказательством этого было создание совета в Жуйцзине (Китай) и Нгеан-хатиньских советов (Вьетнам).

Среди тех деятелей, которые определили характер корейской революции как буржуазно-демократической, также шел разговор о власти рабоче-крестьянского совета. Чвэ Сон У и другие корейцы, работавшие тогда в штаб-квартире Коминтерна, вместе с такими людьми, как Куусинен, Мадьяр, Окано, представляющими собой Восточное бюро Исполкома Коминтерна, составили «Программу действий для Коммунистической партии Кореи». В ней в качестве самой актуальной задачи ставился вопрос о достижении полной независимости Кореи и «установлении советского государства для рабочих и крестьян».

Поддержка линии на установление власти советов и безогол ворочное проведение ее в революционной практике стали своего рода общепризнанным, не вызывающим никаких сомнений делом. В международном коммунистическом движении это стало своего рода критерием, отличающим революционную, коммунистическую позицию от оппортунистической. Компартии, другие коммунистические организации капиталистических стран, не говоря у же о колониальных и полуколониальных странах, поставили перед собой задачу установления советской власти в качестве своей высшей цели. Советская власть действительно стала своего рода идеалом для неимущих всего мира.

Совет имел столь большую притягательную силу потому, что он считался единственной формой власти, которая сможет ликвидировать все разновидности эксплуатации и гнета, а затем построить общество благоденствия, где абсолютизируются интересы трудящихся масс. Создание нового, свободного и стабильного мира, где нет эксплуатации и гнета, было вековым чаянием и идеалом человечества.

Молодая советская власть, установленная в России, сорвала попытки свергнутых эксплуататорских классов вернуть свое господство, защитила родину от интервенции империалистической коалиции, восстановила экономику и продвигала вперед дело строительства социализма. Тем самым она проявила действительно небывалую жизненную силу, подобной которой пока еще не знала никакая другая власть в мире. Столь победное шествие социализма в стране Советов вызывало среди людей чувство преклонения перед советской властью, доведя его чуть ли не до фанатизма.

Человечество взирало на Советский Союз, как на маяк, и считало совет самой превосходной, передовой из всех форм власти. Такое мнение в полной мере было обоснованным. Поэтому было вполне естественным то, что люди Цзяньдао питали иллюзии в отношении советской власти, ибо этот район граничил с Советским Союзом и это новое государство оказывало большое влияние на все стороны их жизни.

Возвратясь в Ванцин после походов в Южную и Северную Маньчжурию, я узнал, что жители партизанских районов недовольны мероприятиями установленной здесь советской власти, что меня просто ошеломило. На сложившееся положение дел в партизанских районах нам нельзя было смотретьсквозьпальцы. Здесь был серьезный вопрос. Мы сразу понимали, что в бессвязных разговорах людей, которые можно было тог да услышать, в их порицании кроется истина.

Бывая в партизанских районах, я начал глубже знакомиться с обстановкой, интересуясь, как относятся жители к советам.

Имея непрерывный контакт с десятками и сотнями людей, участвуя в серьезных и откровенных беседах с ними, я мог глубоко убедиться, что все это не что иное, как последствия левацких мероприятий, осуществленных советской властью.

Жители партизанских районов начали неодобрением относиться к советам с тех пор, как новая власть, руководствуясь ультралевацким лозунгом о «немедленном построении социализма», объявила отмену частной собственности и начала принимать меры с целью превращения в общественную собственность всего личного движимого и недвижимого имущества—от земли и продовольствия вплоть до серпа, мотыги, вил и других видов сельскохозяйственного инвентаря. Советское правительство без промедления форсировало обобществление имущества, а затем принудило жителей партизанских районов, всех от мала дс велика, соблюдать новый режим общественной жизни, общественного труда и общественного распределения его результатов, Именно это называлось жизнью в «артели», о чем советские радякалы твердили постоянно, словно молитву Будде. Складывалось положение, при котором питомцы детского сада как бы сразу же переходили в университеты, не пройдя обучения в начальной, средней и полной средней школах.

Кроме того, советское правительство партизанских районов сразу же безвозмездно конфисковало землю всех помещиков и кулаков — независимо от того, большие или мелкие были у них владения, какие у них настроения — прояпонские или же наоборот. У всех без разбору были отняты не только лошади и коровы, но даже продовольствие. Помещики, которые не ушли в стан врага, а оставались в партизанских районах после разделения Восточной Маньчжурии на так называемые «красные» и «белые» районы, в общем все были патриотамис антияпонскими настроениями. Когда коммунисты организовали в Ванцине партизанский вооруженный отряд, эти состоятельные люди оказывали ему активную помощь. Среди них был

прогрессивно настроенный китайский помещик по имени Чжан Шимин. Весной 1932 года, во время крупной карательной операции, Цзяньдаоский временный экспедиционный отряд поджег его усадьбу, в том числе и продовольственный склад. Каратели, угрожая винтовками, насильственно угнали жителей в Дадучуань. Но и тогда этот человек не подчинившись приказу оккупантов, остался в своем селе. С той памятной весны чувство ненависти Чжана к японцам постепенно усиливалось. Хотя он ибыл помещиком, он все равно оказывал жителям партизанского района искреннюю материальную и духовную поддержку.

«Дорогие бойцы партизанского района! Я остался в этой горной глуши, чтобы не видеть дрянные физиономии японцев. Прогоните этих злостных разбойников хотя бы из городка Дадучуань!» — с такой просьбой обращался он к нашим партизанам, мобилизованным на работу по сбору средств в фонд помощи отрядам. Жители партизанского района жили в полном согласии с этим помещиком.

Однако советская власть прогнала помещика Чжана во вражеский район. Он, жалуясь на свое положение, выражал желание остаться в партизанском районе, но совет отказал ему в этой просьбе.

«Советская власть должна конфисковать все имущество помещиков. Мы признаем тот факт, что вы пропитаны антияпонским духом и раньше помогали что есть мочи партизанским районам. Но вы принадлежите к эксплуататорскому классу, стало быть, мы должны рассматривать вас как объект, подлежащий ликвидации. Уйдите поскорее из этого села», — так заявляли представители совете кой власти этому антияпонски настроенному помещику.

Имущество Чжана, который искренне помогал революции, было сразу же конфисковано и все без остатка увезено на склад, принадлежащий советскому правительству. Чжан остался с пустыми руками, ушел, плача, в Дадучуань, где была расквартирована японская армия.

Люди, мобилизованные на работу по ликвидации эксплуататоров, захватили все имущество помещиков, даже детскую разноцветную обувь, находящуюся в сундуке. У китайцев был такой интересный обычай, когда в семье родилась дочка, то заранее изготовляют и затем хранят детскую обувь, необходимую для ее будущих детей. Эта обувь называлась «обувью-цветком». Ее размеры были разные — для малышей до годика, одногодичного, двухгодичного возрастов и так далее. Эта обувь хранилась в сундуке. Были там и тапочки величиной с наперсток. Всю обувь отняли у помещиков, и они были вынуждены молчаливо повиноваться этому насилию. Так, спрашивается, какие же думы обуревали этих людей, когда они покидали партизанский район?

В горном ущелье Сяованцина бродили лошади и коровы, конфискованные у богатых. Скота было достаточно много, чтобыорганизовать до вольно большую ферму. На этих лошадях гоняли верхом гоноши партизанской базы, все без исключения. Это считалось делом престижным, если можно так выразиться, своего рода щегольством молодежи при советской власти.

«Левые» элементы объявляли объектом борьбы даже обычаи китайских женщин бинтовать ноги и носить серьги.

Первая половина 30-х годов была периодом расцвета левачества в Восточной Маньчжурии. Вследствие этого самоуправства святые революционные принципы переживали тяжкие испытания.

Почему же левацкое движение охватило тогда землю Восточной Маньчжурии? Хулиганами илисумасшедшими были все те революционеры, что действовали в партизанских районах Цзяньдао?

Ответ однозначен—нет. Абсолютное большинство коммунистов, ведавших делами в партизанских районах, были замечательными людьми с благородным революционным идеалом в сердцах и были верными чувству человеческого долга. Они более, чем кто-либо другой, страстно люб или трудового

человека и горячо стремились к справедливости. Но почему же тогда эти полные человеческого достоинства и разбирающиеся во всем люди стали сторонниками и исполнителями левацкой линии и допустили непоправимые ошибки?

Причину этого мы видели как в самой линии, так и в идейной незрелости тех, кто ее разработал. Те, кто не знал положения дел на местах, по своему усмотрению составляли в кабинетах вышестоящих инстанций нереальные инструкции, рекомендуя механически применять общие принципы классиков и предшествовавший этому опыт. В результате на практике возникало нечгго неразумное и чрезмерное. Без разбора все отвергать, без должного анализа ликвидировать, уничтожить и хоронить — вот что считалось тогда признаком самой высокой классовости и качества, присущего революционеру-авангардисту.

Левачество считалось настолько святым, что в свое время крестьяне Ванцина, приклеив одной вдове, которая давала им под проценты немного денег, заработанных продажей самодельных тканей, ярлык «ростовщица», сжигали свои расписки, не возвратив ей даже основную сумму взятых денег. Если бы руководители, стоящие за спиной этих бедолаг, не подстрекали их, честных крестьян, на такие поступки, то последние не позволили бы сами проявить такую бесцеремонность.

Когда-то в Ванцине я услышал историю о вступлении командира роты Ли Ын Мана в вооруженный отряд и очень удивился. Вначале вооруженная группа принимала в свои ряды только выходцев из рабочих, бедняков и батраков. А у семьи Ли Ын Мана было примерно 10 тысяч пхен (мера земельной площади, равна около 3,3кв.м.—ред.) тощих земель на склонах гор. Из-за этого он не считался бедняком или батраком.

Будущий командир не раз обращался к вооруженной группе с просьбой принять его в отряд, но под предлогом «неблагонадежности» из-за социального положения товарищи

каждый раз отказывали ему в этой просьбе. Говорили, имеешь 10 тысяч пхен земель — значит, середняк.

Ли Ын Ман долго страдал из-за этого и, наконец, решил тайком от родителей продать землю. Назаработанные деньгион купил ящик браунингов, привез их в отряд и вновь начал уговаривать товарищей. Лишьпосле этого поступка приняли его в вооруженный отряд. Ли Ын Ман был очень рад тому, что стал партизаном. Но вот члены его семьи, потеряв за одну ночь всю землю, растерянно смотрели в небо, охваченные тревогой за судьбу дальнейшего своего существования.

В Цзяньдао все больше и больше крепла моя решимость отвергать и не допускать левачества. С тех пор, можно сказать, я всю свою жизнь боролся с этим идейным пороком. Опыт, добытый нами в годы деятельности в Цзяньдао, сыграл большую роль тогда, когда мы боролись за предотвращение левацких перегибов и ликвидацию бюрократизма после освобождения страны.

Крикливыми «революционными» фразами и сверхпартийными призывами «левые» элементы всегда будоражат массы, подавляют их инициативу и обманывают, движимые честолюбием и карьеризмом. В подобных случаях эти леваки стараются походить, говоря образно, на танки или бронемашины, мчащиеся на передних рубежах. Вот почему переодетые контрреволюционеры всегда перевоплощаются в «левых» элементов. Учитывая это, коммунисты всегда должны быть начеку и тщательно закрывать все лазейки, чтобы левацкая тенденция не проникала в их среду.

Вследствие последствий левацких мероприятий совета на опорных партизанских базах возникали колебания и неразбериха, которые трудно было поправить. Многие семьи, охваченные недовольством советскими мероприятиями, ушли во вражеские районы.

Однажды ночью я вместе с бойцами отправился на Третий остров, где политруком 2-й роты работал Чвэ Чхун Гук. По до

роге нам повстречалась одна семья, хозяин которой—человек среднего возраста — вместе с женой и детьми решил уйти из партизанского района. Они выбрали для этого ночное время, так как боялись, что днем их захватят левацкие элементы и приклеят ярлык «контрреволюционер». Членов семьи было пятеро: муж, жена и трое малышей. У них было мало домашнего скарба — шли почти с пустыми руками. Хозяину было под пятидесят. Увидев людей с оружием, он дрогнул в страхе. Наверное, подумал, что теперь ему конец, раз обнаружен партизанским командиром.

— Какое преступление вы совершили? — мягким голосом спросил я, обнимая одного за другим детей, дрожащих от холода.

— Нет, никакого преступления мы не совершили.

— Тогда почему покидаете партизанский район?

— Нельзя жить здесь, не дают покоя...

— Куда хотите уйти? Во вражеском районе еще тяжелее будет жить.

— Мы раньше пришли в партизанский район, бежали от гонений японцев. Разве можно теперь снова идти к ним? Хотим перебраться в безлюдную горную глушь. Будем там заниматься подсечным хозяйством, сводя концы с концами. Думаю, легче будет на душе.

Слушая его, я переживал очень тяжелое чувство. Терзала меня мысль: «Уходят люди в более далекую, чем Мацунь, горную глушь, потому что там им будет спокойнее на душе. Но ведь жизнь в тех краях не сулит им ничего хорошего. Чем они будут жить завтра?»

— Пока же еще не оттаяла земля и не появлялись побеги трав. У вас есть что-нибудь на первый случай? Как вы сможете сводить концы с концами до весны?

— У нас ничего нет. Тружусь из последних сил, мне теперь все равно, что жить, что умереть... Теперь совсем надоело жить.

Его жена, стоявшая рядом, слушая мужа, вдруг начала рыдать. Плечи ее вздрагивали. И трое детей, находясь в моих объятиях, тоже плакали, больше не сдерживаясь.

Растерянно стоял я во тьме, сам глотая слезы, что текли по щекам. Думалось: «Если люди уходят отсюда один за другим, то на кого же мы будем опираться в революции? Почему наша революция оказывается в столь большом затруднении?» Вот как пагубно сказывались последствия безрассудных мероприятий руководителей совета.

— Скоро поправится сложившееся положение. Не падайте

духом. Будем вместе ждать того дня, когда в лучшую сторону изменится ситуация, — сказал я.

Я велел бойцам привести обратно в дом всех членов этой семьи, встретившихся нам неожиданно на дороге. Тут же изменил свое намерение следовать в казарму 2-й роты и заночевать там, а пошел к старику Чвэ Чжа Ику, живущему в Сидапо. Увидя столь печальное положение людей, я хотел глубже вникать в души жителей партизанских районов.

Чвэ Чжа Ик—отец Чвэ Ин Чжуна, который начал партизанскую жизнь бойцом Ванцинского отряда особого назначения, а впоследствии воевал командиром роты, потом командиром полка отдельной бригады и погиб в бою. Каждый раз при посещении Третьего острова я обязательно навещал старик Чвэ.

Это был человек широкого кругозора. Ведь в свое время он работал секретарем Северной военной управы, руководимой Со Иром. Более того, он был человеком общительным и откровенным, от него можно было услышать немало полезных советов.

— Как поживаете на эти дни, уважаемый Чвэ? — обратился я к нему.

На мой приветливый тон старик отреагировал довольно странно:

— Живу потому, что не могу умереть, — сказал он.

Я подумал, что этот своеобразный ответ старика выражает настроение жителей партизанского района, а поэтому снова спросил:

— Так трудно жить в партизанском районе?

На этот раз старик, еще более рассердись, вдруг ответил довольно громко:

— Я сдерживал себя в то время, когда советская власть забирала рабочий скот и сельхозинвентарь. Знаю, такое уже было в России, когда там осуществилась коллективизация сельского хозяйства. Мы думали, что это, наверное, по их примеру.

Но несколько дней назад у нас устроили общественную столовую и отобрали у всех семей даже ложки и палочки. И вот теперь я плюнул на все это. «Разве нам, старикам, — говорю я, — пристало в холод ходить в столовую три раза в день, оставив свой дом с отопляемым полом? Не могу больше так жить. Если хотите организовать коммуну или артель, чертов мир, то, пожалуйста, создайте их только для молодых. Мы не можем следовать за ними, силы не хватает». На этот раз под предлогом ликвидации феодализма и по другим надуманным причинам заставили снох критиковать своих свекров на общих собраниях. Была ли столь дурная затея за пятитысячелетнюю историю нашей страны? Несмотря на это, мой сын Ин Чжун позволил себе упрекать меня в распространении клеветы о совете. Поэтому я и хотел бы сломать ему хребет,

Отец командира партизанского отряда плевал на советские мероприятия и по верну лея к ним спиной. Значит, не было больше надобности узнавать настроение других людей.

Впоследствии в те дни, когда в партизанских районах наступило время страха из-за ультралевацкой борьбы против «Минсэндана», и в те печальные дни, когда партизаны и жители в связи с роспуском партизанского района расстались со слезами на глазах, я часто вспоминал старика Чвэ, который, ударяя кулаком в грудь, жаловался на сложившееся положение.

В течение не более полугодия после установления советской власти снова резко ухудшились отношения между народами Кореи и Китая. Не случайным было то, что повторялся прежний конфликт, какой возник во время восстания 30 мая. Ибо большинство свергнутых помещиков являлось китайскими помещиками. Антияпонские китайские отряды, как и прежде, снова враждебно относились к корейским коммунистам. Не говоря уж о японских войсках и армии Маньчжоу-Го, теперь и Армия спасения отечества, и китайские помещики становились нам врагами.

Антияпонский партизанский отряд осторожно действовал в деревнях корейцев, как это было сразу же после его создания, когдаон, как конспиративный малый партизанский отряд, скрывался на задворках чужих домов. Но теперь неуместно было снова наименовать его отрядом особого назначения. При встречах с нами бойцы Армии спасения отечества наносили нам удары, презрительно называя «гаолибанцзы». Деятельность партизанского отряда стала не чем иным, как полуподпольным существованием.

Все достижения, приобретенные нами в борьбе более чем за один год, к сожалению, начали исчезать, словно мыльные пузыри. Советские мероприятия вызвали разногласия и в среде наших товарищей. Появились те, кто хотел учиться у России методам осуществления революции и заново начинать дело. Другие требовали вернуться на исходные позиции и вести революцию отдельно. Они утверждали, что метод цзяньдаоцев может сорвать не только революцию, но и все другие дела. А третьим надоело заниматься столь никудышной революцией и они хотели бы возвратиться домой, как бы проявив тем самым почтение к своим родителям. И тогда мы разрешили одному китайскому товарищу, тоскующему по родине, вернуться домой, а другому — отправиться в Советский Союз, так как он пожелал там учиться.

И вот в такой ситуации те люди, которые были ответственны за судьбу партизанских районов, не решились изменить свою политику. Восточноманьчжурский Особый комитет действовал как руководящий орган, но он не имел своей собственной линии, которая внесла бы поправки в политический курс Коминтерна. Ситуация требовала, чтобы, невзирая на угрозу ярлыка «правого элемента», смело подняться на борьбу за устранение хаотичного положения и спасти партизанские районы от крушения. Для этого нужны были решимость сопротивляться левацкому курсу совета и новые тезисы. Именно к этому времени я опубликовал в виде брошюры статью по вопросу ликвидации фракционизма и укрепления единства и сплоченности революционных рядов.

Я решил тогда вести в Мацуне с Тун Чанжуном дискуссию по вопросу о власти. Однако секретарь уездного парткома Ли Ён Гук и некоторые другие товарищи уговаривали меня отказаться от этого намерения. Ничего путного не выйдет из этой дискуссии, утверждали они, поскольку уже было отправлено на места «Решение Восточноманьчжурского Особого комитета об основных положениях работы по созданию совета» и было образовано в Сышуйпине советское правительство. А если дискуссия не приведет к желаемому результату, то придется получать еще санкцию—таково было их мнение. Ли Ён Гук коротко напомнил мне о том, что уже заклеймили однажды Ким Бэк Рёна как правого уклониста за то, что он опрометчиво коснулся советской власти.

Одно время Ким Бэк Рён работал в Северной Маньчжурии членом уездного комитета партии. Мне сказали вот что. Когда накануне создания совета во всю ширь развернулась в Цзяньдао пропагандистская кампания, он по какой-то причине побыл в Восточноманьчжурском Особом комитете, затем прибыл в 5-й участок Ванцина, который был определен как первый экспериментальный район в деле создания советского правительства. Услышав тогда весть об этом, он сказал, что для

Восточной Маньчжурии это является преждевременным. Только за это ему тут же нацеплен ярлык «правого оппортуниста» и он стал мишенью особой травли. А в конце концов он был изгнан в Северную Маньчжурию.

Зимой 1934 года, через два года с той поры, как Ли Ён Гук рассказывал мне о деле Ким Бэк Рёна, я встретил последнего в Бадаохэцзы уезда Нинань. Тогда Ким работал там секретарем участкового парткома. На встрече со мной он с печалью вспоминал осенние дни 1932 года, когда его осудили за «правое капитулянтство», за предупреждение «преждевременности создания совета». Он неосторожно подвергал критике сторонников безрассудного левацкого курса на создание совета. А ведь было, это время, когда в Восточной Маньчжурии уже давно был отвергнут этот левацкий курс и народно-революционные правительства начали управлять всеми делами в партизанских районах. Беседуя с ним, я убедился, что это очень умный и убежденный товарищ.

—Зачем же вы настаивали на преждевременности создания совета? — спросил я.

— Это вопрос простой, — ответил он коротко. — Работая в селе Гаяхэ, я часто беседовал с крестьянами, которые еще не знали, что такое совет. Жители не имели даже понятия о нем, а руководители уже вовсю трудились над его созданием. Я понял всю безрассудность такого поступка и высказал свое мнение. Его откровенный ответ: «Народ не знал, что такое совет», полностью отражал действительное положение, сложившееся в то время.

Старики из Гаяхэ, участвовавшие в выборах в участковый совет, принимали слово «совет» за «соксэпхо» (пушка — ред.). Они сказали: «Получив весть об установлении совета, мы думали, что будет установлена пушка, способная уничтожить большое количество японцев, и смотрели в сторону стола президиума. Но ставили не пушку, а красный флаг».

Среди людей из Мацуня, участвовавших в церемонии создания совета во 2-м участке Ванцина, были и такие, которые понимали слово «совет» как «свэбочхи» (чугунный таз — ред.). Люди из какого-то села просили у сельчан, идущих на выборы в советский орган: «Внимательно смотрите, как выглядит этот совет. Это штука большая или маленькая?» В другом селе люди вышли на поле с корзинками, чтобы собирать съедобные травы.

При этом они говорили: «Придет к нам важный человек по имени Совет, а угощать его нечем, просто жаль...»

Так люди понимали слово «совет» каждый по-своему и давали ему комедийное истолкование, что вызывало у многих усмешку. Конечно, можно сказать, что это в какой-то мере результат их невежества, но это, более того, объясняется тем, что руководящие кадры скверно вели среди масс пропагандистскую работу. Пропагандистские материалы того времени, прежде всего их заголовки, как правило, были насыщены трудно понимаемыми простым человеком иностранными терминами. Например, «Что такое совет?», «Что такое колхоз?», «Что такое коммуна?» А о совете пропагандисты сами не имели достаточно четкого понятия.

Радикальные элементы, отравленные левацким ядом, повсеместно установили советы, о которых народ понятия не имел, скандировали лозунги о диктатуре рабочих, бедняков и батраков. Было много хвастовства, как будто революция уже победоносно завершилась...

Несмотря на предупреждение товарищей Ванцина, я вел дискуссию с Тун Чанжуном по вопросу о власти.

— Думаю, действительно замечательно, что в Цзяньдао родилась революционная власть и оповестила весь мир о своем существовании. Но, товарищ Тун Чанжун, не могу смотреть сквозь пальцы на тот факт, что курс на создание совета причиняет ущерб нашей линии на образование единого фронта, — сказал я.

Не скрывая своего удивления, он посмотрел на меня:

— Вы говорите, что линии на создание единого фронта причинен ущерб? Что вы имеете в виду?

— Об этом уже сказано было вам в Минюегоу, — ответил я.— Мы выдвинули линию на сплочение всех антияпонски и патриотически настроенных людей, заинтересованных в нашей революции, в единую мощную политическую силу и несколько лет в Корее и в Маньчжурии упорно вели кровопролитную борьбу за ее претворение в жизнь. В ходе этого мы добились сплочения широких масс. Среди них—патриотически настроенные верующие, торговцы, предприниматели, чиновники низкого .ранга и даже помещики. Однако советы своими мероприятиями без разбору отстранили их от революции. Поэтому эти люди, которые доныне поддерживали и сочувствовали революции, сегодня повернулись к ней спиной или же встали на позиции против революции. Отношения между корейским и китайским народами снова стали ухудшаться.

Тун Чанжун, улыбаясь, легко тронул меня за руку.

— Такое, конечно, может быть, но это не главное, несущественное, — сказал он. — Важное — в том, что советская власть разрешила все, что желает народ. Революция победоносно идет вперед. Абсолютное большинство масс, и прежде всего рабочие и крестьяне, следуют за советской властью. Нам нечего бояться. Я считаю: если рабочие и крестьяне — на нашей стороне, то мы сможем свершить любую революцию. С небольшими потерями нам придется смириться.

— Да, и я думаю о том, что революции может быть нанесен ущерб. Но зачем же отстранять от себя тех, кого можно привлечь на свою сторону? Наша генеральная стратегическая линия состоит в том, чтобы максимально изолировать врагов и завоевывать на нашу сторону абсолютное большинство масс. Исходя из этого, за минувший год мы, пренебрегая опасностью, вели работу с китайскими антияпонскими отрядами. В результате еле-еле восстановлена репутация коммунистов, запятнанная во время восстания 30 мая, ценой нашего

огромного труда исчезли распри, посеянные между народами двух стран—Кореи и Китая. Но снова возник кризис, и в одно прекрасное утро все наши достижения могут быть сведены на нет.

—Вы, товарищ Ким Ир Сен, не слишком ли пессимистически относитесь к делу?

—Нет. Я вообще привык относиться к делу оптимистически.

Революция, конечно, и впредь будет продвигаться вперед. Но, товарищ Тун Чанжун, я не могу не проявлять большого беспо

койства за последствия левацких мероприятий в Восточной

Маньчжурии. Думаю, Восточноманьчжурский партком должен серьезно относиться к этому вопросу.

— Требуете ли вы проверки нашей политики?

— Да, надо проверять политические установки и форму власти, разрабатывающей эти установки.

Выслушав меня. Тун Чанжун сморщил переносицу, выражая свое недовольство, и сказал:

—Товарищ Ким Ир Сен, в осуществлении советских мероприятий, естественно, могут быть и недостатки. Но что касается формы власти, то она неприкосновенна. Установление совета— это линия центра!

Дискуссия продолжалась долго. Тун Чанжун настаивал на своем и абсолютизировал совет. Он был человеком смирного характера и большой человечности, но был слишком упрямый. Обладал он большой эрудицией, но, вместе с тем, в мышлении и на практике чаще допускал догматические ошибки.

После я с ним снова вел обсуждение этого вопроса. Главным в этой дискуссии являлось решение — сохранить или распустить совет? Если отказаться от совета, то какую новую форму власти выбрать?

Я убеждал собеседника: уже доказано на практике, что совет является формой власти, не соответствующей реальным условиям партизанских районов в Восточной Маньчжурии,

которым предстоит осуществить задачи антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции. В этих условиях коммунисты двух стран — Кореи и Китая — должны решиться на изменение формы власти, проводить политику, отвечающую интересам народа, и поправить создавшееся хаотическое положение.

— И я признаю, что совет не соответствует реальным условиям Восточной Маньчжурии и некоторые из осуществляемых новой властью мероприятий принесли ущерб делу революции. Раньше на нашей беседе вы, товарищ Ким Ир Сен, беспокоились о том, что линия наустановление совета создала помехи осуществлению линии единого фронта. Теперь я понимаю, почему вы проявляете беспокойство по этому поводу. Тревожное положение, сложившееся в последние несколько месяцев в Восточной Маньчжурии, заставляет меня обращать серьезное внимание на ваше предупреждение. Но, к сожалению, мы покаеще не знаем такой формы власти, которая может заменить совет, — говорил он.

Меня радовало изменение взглядов секретаря Особого комитета Тун Чанжуна на поднятый вопрос. В тот день он не был вчерашним твердолобым Тун Чанжуном. Раньше он настаивал на своем, утверждая, что во время подъема революции, когда боевой дух масс высок, совет является единственной формой власти для коммунистов.

— Кроме коммуны и совета, нет другой формы власти рабочего класса, созданной до сих пор человечеством, —сказал Тун Чанжун и внимательно смотрел на меня. Его взгляд как бы утверждал, что «если вы нашли приемлемую мною форму власти, то я не против».

— Тогда давайте мы сами своими силами создадим такую форму власти, соответствующую нашим реальным условиям.

—Что? Создатьсамим? К сожалению, я не такой гений. Как создать то, чего нет даже в трудах классиков марксизма? Я не мог мириться с такими взглядами и позициями, носители

которых абсолютизируют вещь как неизменную и сковывают себя в столь узких рамках.

— Товарищ Тун Чанжун, — сказал я. — Спрашивается, какую классику учел французский рабочий класс при создании

Коммуны? Является ли совет в России формой власти, намеченной в трудах основоположников марксизма? Можем ли мы считать совет только продуктом мозга одного гения? Я думаю: если бы народ и действительность в России не требовали совета, то он не появился бы на исторической арене.

Тун Чанжун не ответил ни одним словом на мой вопрос. Он вынул из кармана большой кисет и, положив табак в трубку, начал раскуривать ее и предлагать мне табак. Каждый раз, когда бывал он в партизанских районах, всегда носил с собой кисет и трубку. Если по дороге встречался с крестьянами, то, давая им свою трубку, предлагал курить табак. Это были свойственные ему черты. Благодаря такой скромности он пользовался уважением и любовью жителей партизанских районов. Зимой он ходил в меховой ушанке, как все крестьяне.

Тун Чанжун сохранял молчание ия начал уже было скучать, но уже то, что он не возражал, казалось обнадеживающим Признаком.

После встречи с Тун Чанжуном я вместе с Ли Ён Гуком, Ким Мен Гюном, Чо Чхан Доком и другими военно-политическими деятелями несколько дней вел серьезное обсуждение вопроса об установлении революционной власти вместо совета. Для достижения успеха я заострил внимание товарищей на важности главного критерия при определении форм власти.

— Не надо считать сложным вопрос о критерии, — подчеркивал я тогда. — Мы все — борцы за интересы народа, верные слуги народа. Мы решили отдать всю свою жизнь делу народа. Поэтому власть, которую мы установим, должна быть способной защитить интересы всех слоев народа и должна будет пользоваться его поддержкой. Главное внимание должно быть уделено этому, следовательно, критерием в решении этого

вопроса должен стать характер нашей революции на данном этапе.

Выслушав меня, товарищи не скрывали своей радости.

— Теперь нам все ясно, — с восторгом говорили они.— В различных слоях народа состоят не только рабочие, бедняки и батраки, но и другие представители трудящихся. Правительство же, защищающее их интересы, должно быть правительством характера единого фронта. Именно оно станет правительством, которое отвечает характеру антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции. Если к власти придет такое правительство, то его мы будем горячо поддерживать.

Я еще раз подчеркнул необходимостьсоздания правительства характера единого фронта, а оно должно быть народно-революционным правительством, основанным насоюзе рабочих и крестьян. Именно это является той линией на создание власти, о которой речь идет сегодня в книгах по истории как о линии на установление народно-революционного правительства.

О результате голосования нет надобности говорить. Мы выбрали народно-революционное правительство как форму власти, которая отвечает условиям Восточной Маньчжурии, где живут многие корейцы. Это объяснялось тем, что мы считали его самой идеальной формой власти, отвечающей не только характеру корейской революции как антиимпериалистической и антифеодальной демократической, но и чаяниям народа. В определении формы власти главными нашими критериями стали требования народа и то, что эта власть должна быть способна последовательно защищать и представлять его интересы.

После определения формы власти как народно-революционного правительства мы решили сначала создать образец в одном месте, а после того, как он будет признан лучшим, распространять его опыт в других революционных организациях. Для эксперимента был выбран 5-й участок.

Я решил побывать в 5-м участке Ванцина. Вместе с Ли Ён Гуком, Ким Мен Гюном и другими товарищами мы приняли участие в собрании, где избрали представителя народно-революционного правительства 5-го участка. Собрание состоялось в селе Сямуданьчуань, находящемся примерно в 4 километрах от Сышуйпина.Это было в День МОПРа — Международной организации помощи борцам революции. Еще в 1923 году на заседании Исполкома Коминтерна было решено организовать МОПР с целью оказывать помощь членам семей павших борцов революции и день 18 марта был определен как международный День МОПРа.

Председатель советского правительства 5-го участка Чо Чхан Док провел нас в свой кабинет, в котором я побеседовал с крестьянами из Гаяхэ — их было около 20 человек.

— Вместо совета мы решили создать новое правительство. А оно должно быть таким правительством, которое выражает вашу волю. Какое правительство вы хотите?

Отвечая на мой вопрос, встал один старик:

—Прошу установить такое правительство, которое даст нам, простым людям, жить со спокойной душой. Больше мы ничего не хотим.

Я горячо заявил, что мы хотим создать народно-революционное правительство вместо советского правительства. Оно станет подлинно народным правительством, какого пока еще не знает мировая история по вопросу создания власти.

— Это правительство будет представлять и защищать интересы всех людей, любящих свою Родину, всех наших соотечественников, поможет реализовать их заветные мечты. Какие у вас чаяния? Земля, право на труд, обучение детей, равноправие всех людей... Все это будет достигнуто благодаря народно-революционному правительству.

Мы разъясняли жителям Гаяхэ нашу линию на установление народно-революционного правительства. Они целиком и полностью поддерживали наши намерения.

До церемонии образования народно-революционного правительства мы роздали все личное имущество, конфискованное советским правительством, его хозяевам. При конфискации и после нее часть этого имущества была приведена в негодность или же расходована. Поэтому для возмещения убытков Рян Сон Рён организовал даже боевую операцию по налету в лесоразработки. Благодаря использованию трофеев, добытых в этом бою, — быков и лошадей, крестьяне весной того года обрабатывали свою, полученную от правительства землю.

В тот день на собрании я выступал с речью, содержание которой—народно-революционное правительство есть подлинно народная власть. Было оглашено содержание политической программы правительства из 10 пунктов. Впоследствии все это почти без изменения было отражено в Программе Лиги возрождения Родины из тех же 10 пунктов.

От пребывания в Сышуйпине я получил неизгладимые впечатления. И сейчас живо вспоминаю облик секретаря уездного парткома Ли Ён Гука. После собрания все присутствовавшие на площадке пустились в пляс, выражая тем самым чувство радости от принятых решений. Вдруг я увидел Ли Ен Гука, который сидел в углу двора. По щекам товарища текли слезы. Я тихо вышел из толпы танцующих и подошел к нему:

— Товарищ секретарь, зачем вы здесь? Все же танцуют...

Ли Ён Гук, не вытирая слез, текущих по щекам, глубоко вздохнул.

— Не понимаю, почему эти люди не плюют на меня? Люди Ванцина страдали от левачества и все это из-за меня. Но сего дня жителисела, наоборот, сказали мне—«Спасибо!» Насамом деле эту благодарность должны получить вы, командир Ким.

— Наш народ — гуманный, великодушный, — сказал я. —

То, что они не спрашивают с вас о прошлом, а выражают благодарность, означает, что они полностью поддерживают линию на создание народно-революционного правительства.

Теперь давайте вместе подумаем о планах на будущее.

— До сих пор я был просто не в своем уме, жил по чужим меркам. Вы действительно открыли для меня ценную истину.

«Живем и работаем для народа!» — какой глубокий смысл таится в этих простых словах! Я никогда не забуду этот лозунг, — крепко взяв мою руку, страстно заявил Ли Ен Гук.

Но он не смог в полной мере выполнить это свое намерение. Восточноманьчжурский Особый комитет освободил его от должности секретаря уездного парткома. При этом Особый комитет заявил, что Ли Ён Гук с самого начала принадлежал к группировке Эмэльпха и Ванцинский уком партии допустил ультралевап-кие ошибки в осуществлении советской линии. Как заявил Особый комитет, была и еще одна причина — он подозревался в причастности к реакционной организации «Минсэндан».

То, что Ли Ён Гук принадлежал к группировке Эмэльпха, не соответствовало действительности, обвинение было необоснованным. Причастным к этой фракции был лишь тот, кто рекомендовал его на работу комсомольского секретаря Восточно-маньчжурского Особого комитета. Еще до того времени Ли Ён Гук занимался молодежной работой в Силиньхэ. То, что ответственность за все последствия ультралевацкой советской линии возлагалась на одного лишьсекретаря уездного парткома, было несправедливым и морально неоправданным решением. Если объявлять Ли Ен Гуку взыскание вплоть до снятия его с работы, то какие, спрашивается, взыскания стоило наложить на тех, кто навязывал низам советскую линию и требовал ее исполнения?!

Причастность Ли Ён Гука к «Минсэндану» была необоснованным, неуместным обвинением. Я не раз выступал в его защиту, утверждая, что он не причастен ни к фракции, нв к

«Минсэндану». Но в мое отсутствие, когда я находился в Лоцзыгоу, где вел переговоры с У Ичэном, бывшего секретаря укомастрого наказали, приклеив ярлык «контрреволюционера». Посмотришь его биографию — нет никаких оснований подозревать его в том, что он мог стать «минсэндановцем». Раньше Ли Ён Гук эмигрировал в Приморье, чтобы избежать ареста. Там он как эмигрант мог бы со спокойной душой прожить всю свою оставшуюся жизнь. Но он во имя революции снова вернулся в Цзяньдао и смело шел в огонь борьбы.

И теперь я не знаю, как это на него, такого честного, совестливого человека, надели колпак «минсэндановца».

Немного спустя после установления народно-революционного правительства в 5-м участке Тун Чанжун пришел ко мне и, улыбаясь, с радостью сказал:

— Товарищ Ким Ир Сен, скоро при участии посланца Коминтерна мы будем обсуждать вопрос об изменении нашей политической линии. Прошу вас выступить там с основным докладом о вопросе власти, ведь вы располагаете опытом создания народно-революционного правительства в 5-м участке.

Летом того года действительно состоялась важная конференция, на которой обсуждался вопрос о пересмотре политической линии. В ней участвовал и посланец Коминтерна, который приезжал в Восточную Маньчжурию с документом по этому вопросу. На этой конференции я выдвинул линию на создание народно-революционного правительства как правительства единого фронта, основанного на со юзе рабочих и крестьян, и вновь огласил проект его политического курса. В проекте говорилось о земельной реформе и других демократических мероприятиях, которые должно осуществить правительство во всех областях экономики, образования, культуры, здравоохранения и военного дела. Наше предложение совпадало и с новой линией Коминтерна. Его посланник целиком и полностью поддерживал и одобрял выдвинутую нами линию на создание народно-революционного правительства.

Конференция продолжалась несколько дней в обстановке серьезной дискуссии и идеологической борьбы. На ней были приняты решения по вопросам реорганизации совета в народно-революционное правительство на основе намеченной нами вышеуказанной линии и развертывания борьбы за ликвидацию последствии взятой левацкой линии на создание советов на всех участках партизанских районов.

После этой конференции все советы в Восточной Маньчжурии были реорганизованы в народно-революционные правительства. В тех местах, где еще не созрели необходимые условия, были образованы в качестве переходной формы крестьянские комитеты. Было решено постепенно превращать их в народно-революционные правительства. Что касается имущества, конфискованного под предлогом ликвидации частной собственности и растраченного жителями партизанских районов, то народно-революционное правительство возмещало утраты наличными деньгами и теми же предметами.

Народно-революционное правительство как правительство, хозяином которого является народ и которое управляется народом, осуществляло демократию для абсолютного большинства народных масс, по отношению к врагам — диктатуру.

После установления народно-революционного правительства в Гаяхэ и после конференции, посвященной вопросу изменения политической линии, на революционно-организационных участках каждого уезда Восточной Маньчжурии были образованы участковые народно-революционные правительства, а во всех селах — сельские. Участковое правительство состояло из председателя, его заместителя и 9 — 11 членов исполкома. Оно имело отделы— земельный, военный, экономический, продовольственный, связи, здравоохранения. Это было зародышем и прообразом нашей народной власти, рожденной после освобождения страны.

Народно-революционное правительство бесплатно роздало крестьянам землю, ввело 8-часовой рабочий день во всех местах партизанских районов. В то время на Сяованцинской опорной партизанской базе насчитывалось более тысячи рабочих. Большинство из них занималось лесозаготовкой, сплавкой, выжиганием древесного угля. Более половины из них работали в центре 2-го участка, на Третьем острове, а остальные трудились у подножия перевала Фанцаолин, на пути к Мацуню, пользуясь благами 8-часового рабочего дня.

Согласно строгому требованию народно-революционного правительства частные предприниматели были вынуждены определять рабочим зарплату в два раза больше, чем раньше. Правительство контролировало и лесные массивы вокруг партизанских районов. Оно запретило сруб леса без его разрешения.

После практического осуществления такой меры японский директор леспромхоза «Синва» в Дадучуане и китайский лесоторговец приезжали в партизанский район с намерением провести переговоры и получить разрешение на сруб леса. После переговоров лесопредпринимателям и лесоторговцам разрешалось рубить деревья только после того, как они уплатят за них одеждой, продовольствием, товарами широкого потребления в расчете одной воны за одно дерево.

Народно-революционное правительство построило во всех селах партизанских районов школы Детского отряда и ввело бесплатное обучение. Оно заботилось о том, чтобы все жители пользовались бесплатным медицинским обслуживанием в больницах партизанского района, построенных в Лишугоу и Шилипине. Благодаря закону о равноправии все женщины стали пользоваться правами, равными с мужчинами, принимать участие во всех общественных делах.

В партизанских районах работали типография, швейная мастерская, мастерская по ремонту оружия. Развивалась и культура в партизанских районах. Именно в то время были

созданы многие запоминающиеся песни, которые передавались и будут передаваться из уст в уста нашего народа. Было положено начало периоду расцвета драматического искусства, что привело к созданию произведений «Море крови» и «Судьба охранника».

Слово «совет», ставшее символом бесчеловечности и экспроприации, осталось в народной памяти лишь своего рода занозой. Один за другим снова начали возвращаться в партизанские районы люди, которые ушли во вражеские районы, чтобы не стать жертвами левацких советских мероприятий. Старики с трубками за поясом свободно ходили один к другому в гости. Партизанский район сновастал большой дружной семьей, члены которой верили друг другу, опирались друг на друга, любили друг друга. В этой дружной семье царила атмосфера радости жизни.

В ущельях и на склонах гор в Ванцине после суровой зимы распускались бесчисленные бутоны цветов. Они, прекрасно украшая природу, словно шептались друг с другом. В селах закипела новая жизнь. Жители других районов завидовали этой новой жизни в партизанских краях. Был, к примеру, и такой факт. Сын одного из помещиков, которого отряд командующего Чая привел в Сяованцин как заложника, умолял, чтобы его не отправили из партизанского района.

4. Посланец из Коминтерна

Было это, помнится, в апреле 1933 года. На опорных партизанских базах в самом разгаре была наша борьба с левачеством. Однажды Тун Чанжун привел ко мне гостя — человека среднего возраста, одетого в дабушанъцзы. Вежливый, солидный — эти качества особенно подчеркивали как его наряд, так и поведение. Он, заметив меня еще издали, улыбаясь поднял руку над головой в знак приветствия. Глаза приближающегося ко мне гостя светились столь большой радостью, что я было подумал: встречаюсь с кем-то из своих старых знакомых.

Мы обменялись рукопожатием и я понял, что никогда раньше не встречал этого человека. Но, как ни странно, сразу же после первой нашей с ним встречи, гость казался мне старым другом. И я ему отвечал улыбкой и относился к нему с особенным расположением.

Так вот как раз этот загадочный гость и был посланцем (инспектор) из Коминтерна, которого прозывали «Пань Шэнвэй», Пань— это его фамилия, а Шэнвэй— не имя, а сокращенное название его должности— члена Маньчжурского провинциального комитета партии. Обычно люди называли его Лао-панем, подобно тому как называли Вэй Чжэнминя — Лаовэем. «Пань» — это китайское произношение его фамилии. У китайцев в их языке одно похвальное отличие: обращаясь к старшим по возрасту, да и вообще к уважаемым людям, они прибавляли к их фамилиям приставку «лао». Очень редко встречались люди, которые звали Паня его настоящим именем Ли Ги Доном или псевдонимом Пань Циню.

Пань был широко известным среди коммунистов Маньчжурии революционером и партийным деятелем. О нем я

услышал впервые от Ван Жуньчэна. После инцидента 18 сентября Пань занимал пост секретаря Нинаньского уездного парткома, тогда Ван Жуньчэн находился у него в подчинении и ведал вопросами пропаганды. Говорил он, что был назначен инструктором по пропаганде Нинаньского уездного парткома по рекомендации Паня, и этим очень гордился. По его словам, Пань окончил офицерскую школу Вампу, участвовал в Учанском восстании ив Северном походе, обучался и в Советском Союзе,—словом, был способным, опытным кадровым работником.

«В свое время он работал секретарем Суйнинского главного уездного парткома, — рассказывал Ван Жуньчэн, — я был просто очарован его человечностью и глубокой прозорливостью». Почтительность Вана к Паню была необычной.

Тогда я, выслушав этого человека, испытал в душе большую радость оттого, что вокруг нас ведут кипучую деятельность такие замечательные революционеры, как Пань. Несколько позже я снова услышал рассказы о нем от Чвэ Сон Сук и Чо Дон Ука, которые приехали к нам из Северной Маньчжурии. Чвэ Сон Сук интересно рассказывала, как она приехала в Ванцин по совету Паня и как под его руководством на улицах Нинаня устраивалась демонстрация по случаю 1 Мая.

Видимо, по этой причине большую часть наших с гостем разговоров занимали эпизоды, связанные с Ван Жуньчэном и Чвэ Сон Сук.

— Здорова Чвэ Сон Сук из Нинаня? — первым спросил

Пань, как только начался наш разговор.

В моей памяти всплывали слова Чвэ Сон Сук, которая ценила заботу о подчиненных как одно из важнейших достоинств Паля, и я снова почувствовал теплоту привязанности к этому человеку.

— Да, здорова. Как только она приехала из Северной Маньчжурии, ее избрали представителем Даванцинского совета.

Теперь она избрана в члены женотдела Сяованцинского участка исогоньком занимается работой среди женщин.

— И здесь она ездит на коне?

— Слыхал, но сам еще не видел.

— Знаете, хотела стать кавалеристом в революционной армии ис особой одержимостью училась ездить верхом. Девушка смелая, очень усердная.

— Значит, мы, люди Ванцина, не ошиблись, открыли «золото». А не жаль было вам, людям Северной Маньчжурии, отпускать ее к нам?

— При чем тут жаль! Семья-то у нее в Северной Маньчжурии, но это я ее подбил пойти в Восточную Маньчжурию. Ведь Цзяньдао — это же центр революционной борьбы в Маньчжурии! Я говорил ей: «Хочешь по-настоящему заниматься революцией, иди в Ванцин, там опорная база, установлен народный мир. Я возлагаю на Цзяньдао большие надежды. Хочу там работать».

Пань оценил Восточную Маньчжурию как главный очаг корейской революции. За это я был благодарен, но в то же время чувствовал неловкость. Беспокоила меня мысль: что жеонможет подумать о революционной борьбе в Цзяньдао, если узнает о левацком безрассудстве в партизанских районах? Конечно, пока что я не знал политических идеалов Паня и его позиции в отношении политических установок. Репутация о нем, как о человеке широкого политического кругозора и опытном борце, еще не говорила, что он обязательно займет позицию против левачества.

Однако я больше всего принимал во внимание оценку Ван Жуньчэна и Чвэ Сон Сук о Пане. Они неоднократно заверяли меня в том, что Пань— человек, свободный от всякой предвзятости по отношению к нижестоящим, он многоопытный работник, умеющий решать вопросы в любом случае справедливо и продуманно, следуя собственным убеждениям. К тому же было весьма приятным и мое первое впечатление о нем.

Тот первый день нашей встречи закончился лишь несколькими официальными приветствиями. Обещали друг другу встречаться потом и вести серьезные беседы по коренным проблемам. На этом и разошлись.

Гость из Коминтерна приехал к нам в неудачно выбранное время. Как раз тогда мне пришлось идти в бой, возглавив отряд. Нужно было отразить волнообразную атаку карательных войск, насчитывающихся несколько тысяч штыков.

— Разрешите мне пойти с вами в бой, — обратился ко мне Пань. — Дайте мне, пожалуйста, что-нибудь вроде ружья. Раз приехал в Восточную Маньчжурию, то мне, посланцу Коминтерна, не пристало вернуться обратно, не побывав на поле боя. Из-за этого я могу умереть от раскаяния. Неужели вы не можете разрешить мне участвовать в бою хотя бы один день? — упорствовал Пань и хотел было следовать за уходящим отрядом.

—Товарищ Пань, пуля не разбирается, кто посланец Коминтерна. Побывать на поле боя вполне сможете в будущем, а сегодня вам лучше бы отдохнуть с дороги, — подытожил я наш разговор, отправляясь в бой.

Враги, окружив Сяованцинский партизанский район с трех сторон, отчаянно атаковали нас три дня подряд. Мы вели упорные оборонительные бои, отражая вражеские атаки. При этом наносили противнику чувствительные удары. После неоднократной атаки враг отступал, оставив на поле боя сотни трупов. В этой операции войска карательного отряда, воспользовавшись завесой весеннего тумана, пробирались тайком в партизанский район в направлениях Гуаньмыньлацзы (Каменные ворота) и Острой горы и разыгрывали трагикомедию — перестреливались между собой. Этот «наблюдательный бой» длительное время был темой разговоров среди жителей Сяованцина. Узнав об этом, и Пань громко рассмеялся.

Появление Паня вызывало у людей Вандина различную реакцию.

Те, кто воспринимал левацкую советскую линию как политическую установку Коминтерна, даже чихали и зевали, говоря образно, согласно указаниям Коминтерна. Сейчас они стали надеяться на его поддержку, считая, что появление Лаопаня, безусловно, послужит неплохим поводом, позволяющим приклеивать сторонникам линии на создание народно-революционного правительства ярлыки «правых элементов» и принять к ним меры воздействия, с тем чтобы они больше не поднимали вопросов о формах власти.

А те, кто порицал курс на создание советов как левацкий загиб и упорно стремился к установлению новой формы власти согласно линии на создание народно-революционного правительства, предчувствовали опасение, как бы не была отвергнута Лаопанем их позиция, как противников советов. В таком случае можно было даже получить взыскание со стороны Коминтерна. Поэтому они внимательно следилиза действиями представителя Коминтерна. Многие из них предупреждали, что появление Паня послужит поводом для осложнения ситуации в партизанских районах, где только что началось свертывание курса на создание советов.

Если первые заблаговременно произносили победные возгласы, то последние переживали чувство тревоги за возможные неудачи. Такая психология людей объяснялась тем, что и те и другие абсолютизировали авторитет и компетенцию Коминтерна. Для них Коминтерн, который вправе был объявить роспуск любой партии и осудить преступление любого человека, был грозным органом, равным международному «Верховному суду». Они считали, что Коминтерн может то ли спасти жизнь любому революционеру, то ли беспощадно казнить его.

Появление Паня насторожило весь партизанский район. И я каждую минуту испытывал вокруг себя до предела накаленную атмосферу.

Какую позицию займет Пань по отношению к нашим поступкам, к поступкам тех, кто противопоставил курсу на

создание советов линию на создание народно-революционного правительства, противоречащую директивам Коминтерна, тех, кто осудил советские мероприятия как левацкое безрассудство? Все это, конечно, стало вопросом, представляющим всеобщий интерес.

Исходя из интересов революции, я с одобрением отозвался о мерах Коминтерна, который направилсвоего посланца в Восточную Маньчжурию, где народ утопал в слезах из-за левацкого произвола. Поводом для таких рассуждений явилось то, что в условиях, когда противостоят друг другу курс на создание советов и курс на создание народно-революционного правительства, когда каждый из них пытается доказатьсвою правоту, появление Паня, несомненно, разрешало бы сложную ситуацию, давая приговор — что «да», а что «нет».

Не было, конечно, никакой гарантии, что Коминтерн окажет поддержку нашей позиции. Но я все же был готов выразить протест против потока директив Коминтерна, Маньчжурского провинциального парткома и других организаций, не соответствующих реальным условиям опорных партизанских баз. Вместе с тем, у меня в сердце уже созрела решимость начать теоретическую борьбу в случае необходимости, лишь бы исключить ультралевацкий уклон, наблюдавшийся в ходе осуществления советской линии и борьбы против «Минсэндана». У меня и в помине не было тревоги по поводу возможного взыскания или боязни каких-либо санкций. Одним словом, думал, что пришла пора всему вынести окончательный приговор.

Не исключал я и такое предположение: к тому времени некоторые товарищи, которые недовольны были положением в Восточной Маньчжурии, обратились в Коминтерн с просьбой помочь разобраться в сложной ситуации. Получив эти письменные жалобы. Коминтерн, видимо, решил направить в Восточную Маньчжурию корейца Паня, ибо там много проживало корейцев. После и он сам заверял меня в том, что в Коминтерн фактически поступили такие жалобы.

Когда мы возвратились с боя за оборону Сяованцина, Пань опять навестил меня. Его лицо уже не было таким светлым, каким я видел его в первый день нашей встречи. Внешне он улыбался, но, как мне казалось, был взбудоражен, силился не выдавать своих тяжелых душевных переживаний. Я догадывался, что он наконец-то вышел на перекресток суровой действительности, где сосредоточились сложные клубки политической философии. Видимо, между Панем и Тун Чанжуном уже было столкновение по теоретическим вопросам, касающимся политической линии.

Я определил его на ночлег у старика Ли Чхи Бэка— в самом большом доме в Мацуне. В верхней комнате этого домамыс ним более десяти дней обменивались мнениями по разным вопросам. Пань отлично владел китайским языком. С самого начала нашего разговора он говорил на китайском языке и я тоже невольно отвечал испрашивал на китайском языке. Наша беседа велась главным образом по вечерам и ранним утрам. Днем я должен был командовать отрядом и не мог выкроить время для обмена мнениями с ним. И Пань бывал днем в разных местах партизанского района, был очень занят изучением реального положения дел на местах.

Человек, странствовавший по чужим краям, хорошо знает, как тесно сближает людей совместная жизнь в чу жом доме. Хотя такая жизнь, конечно, неудобна, но все же бывает очень приятно и интересно вести задушевные беседы в сложившейся довольно теплой атмосфере. За эти десять дней мы с Панем стали неразлучными друзьями.

Пань был старше меня более чем на 20 лет. За своими плечами имел он много опыта борьбы, был испытанным революционером, но он, отбросив отчужденность из-за различий в возрасте, вел себя скромно, относился ко мне как к равному товарищу и с увлечением вел со мной задушевные беседы.

Сначала, избегая официальной темы для разговора о революционной практике, каждый поведал о своей биографии.

Первым я рассказал о себе, потом Пань осветил свою прошлую жизнь. А затем уж по очереди мы добавляли кое-что пережитое. высказывали свои впечатления и просто не замечали, когда начинало рассветать.

Когда я рассказал ему, что еще до своих 20 лет уже был четыре раза арестован, побывал и в тюрьмах, он был очень удивлен.

— Вы, оказывается, старше меня по жизни в остроге.

Он рассказал о том, как был заточен в тюрьму в Харбине и как был разгромлен в пух и прах Нинаньский уездный партком в результате организации крупномасштабной демонстрации по случаю 1 Мая. Из-за беспощадных репрессий чиновников ведомств Маньчжоу-Го и карательной операции японских войск были разрушены все организации, члены партии и актив разбрелись во все стороны. Пань рассматривал это как последствия «головокружения», вызванного у него и его коллег по мере того, как с невиданной быстротой росли ряды партии и активизировалась ее деятельность. Зато признал, что урок демонстрации по случаю 1 Мая послужил политическим поводом для создания Нинаньского партизанского отряда, возглавляемого Ким Хэ Саном и Ли Гван Римом.

— Люди подвергались в тюрьмах истязаниям и только тогда осознавали, что наша демонстрация была организована из рук вон плохо и несвоевременно. Ведь мы же устраивали демонстрацию на улицах уездного городка, мобилизовали на нее даже членов партии. А делалось это именно в то время, когда организациям нужно было уйти в глубокое подполье и противостоять врагам вооруженной борьбой...

Каждый раз при упоминании о той демонстрации Пань сердился на себя и в то же время часто с похвалой отзывался о нас, организовавших демонстрацию в знак протеста против прокладки железнодорожной линии Гирин — Хвэрен. Он был одним из тех деятелей, которые справедливы и великодушны

при оценке чужих заслуг, зато слишком беспощадны истроги к своим собственным поступкам.

— Ведь вам исполнился совсем недавно 21 год, прожили всего половину моей жизни. А я бы назвал вас старшим не только по жизни в остроге, но и вообще по прожитым годам, — сказал Пань, познакомившись с эпизодами из моей биографии.

При этом я чувствовал себя весьма неловко, так как с его уст часто срывалось слово «старший».

—Товарищ Пань, восхваляя молодого человека, вы можете вообще его испортить.

Пань развел руками и пожал плечами, как это делают русские.

— Вы, товарищ Ким, должны понять, что я говорю и хвалю вас, собственно, из-за недовольства своимипрожитымигодами.

Я, как человек, не всегда действовал достойно в своей жизни.

Теперь мне 43 года, совсем ушла лучшая пора. Жаль, что у меня нет ничего такого, чем бы мог гордиться у всех на виду.

—Вы слишком скромничаете. В вашей жизни, я вижу, и южный зной, и северная метель. Есть и смех, и муки, и слезы. Откровенно говоря, я не очень люблю таких людей, которые слишком уж нигилистически относятся сами к себе. Разве можно говорить, что у человека, которому за сорок, навсегда ушла лучшая пора жизни?

Я так критиковал его, а он и не думал обижаться на меня. Мне думалось, что он слишком умаляет свое достоинство. Не говоря уж о его деятельности в южной части Китая, нельзя было игнорировать его заслуги и в Северной Маньчжурии, где он работал секретарем Нинаньского укома, а потом Суйнинского главного укома, сыграл роль, как говорится, повивальной бабки в создании Нинаньского партизанского отряда. Суйнинский главный уком — это довольно крупный по масштабу уездный комитет, объединивший Мулинский, Нинаньский, Дуннинский, Мишаньский и другие уездные комитеты. Одно время ходили слухи, что Паня назначат на руководящий пост восточногирин-

ского бюро, выполнявшего роль промежуточного органа связи между Коминтерном и Маньчжурским провкомом. Неизвестно, оправдалось ли на деле это предположение, но, судя по тому, что Коминтерн направил именно его в Восточную Маньчжурию в качестве инспектора, можно было сделать вывод о его высоком авторитете как заслуживающего доверия работника.

Тема нашей беседы перешла от рассказов о себе к информации о представляющих взаимный интерес текущих политических вопросах и обмену мнениями. Мы первым делом обсудили вопрос о Коминтерне и о международном коммунистическом движении. Обсуждение было весьма полезным для меня, ибо я сохранял связь с работниками пункта связи Коминтерна, но не имел возможности вести с ними откровенные, серьезные беседы. Я проинформировал Паня об усилиях корейских коммунистов, направленных на реализацию решений Коминтерна, а потом выяснил наши позиции и подход к его линии и директивам.

— Мы считаем, что Коминтерн замечательно выполняет роль штаба международного коммунистического движения. За истекшее время он соединил коммунистов всего мира в единую международную коалицию и добился огромных успехов в борьбе против империализма, за мир и социализм. Глубоко осознавая, что Коминтерн — международный центр, выполняющий централизованные функции в коммунистическом движении, мы, как и прежде, будем верны Уставу Коминтерна и намеченной им линии. А, между прочим, мы, товарищ Пань, намерены говорить и о кое-каких конкретных мерах Коминтерна, надеюсь, вы не примете наши упреки как нетактичное поведение?

От моих последних слов на лице Паня сразу появилась некоторая напряженность.

— Как понимать эти ваши слова? Может быть, у вас есть какие-либо претензии?

— Не знаю, что это — претензии или недовольство. Уже давно я хотел кое-что высказать в адрес Коминтерна.

—Хорошо, выкладывайте любые вопросы. Давайте поговорим по душам.

Глаза Паня с любопытством смотрели на меня. А я подумал, что наконец появился шанс, когда я могу откровенно высказать свое мнение о Коминтерне — то, что у меня накопилось в груди.

— Не подумайте, конечно, что я защищаю фракционеров.

Но, когда Коминтерн объявил роспуск Компартии Кореи, мы приняли эту весть с большим сожалением. Если говорить о

фракционности, то она дала себя знать не только среди корейских коммунистов. Игрой с «картофельной» печатью занимались и члены Компартии Индокитая и других партий. Не так ли?

Когда я сказал это, на липе Паня напряженность сменилась чем-то вроде удивления. Мой вопрос, наверно, был неожиданным выпадом для него, прошедшего огонь, воду и медные трубы.

— Я не как посланец Коминтерна, а как равный с вами корейский коммунист, разделяю это мнение и тоже принимаю с позором решение о роспуске Компартии Кореи, сожалею об этой мере Коминтерна. Но здесь есть один момент, который обязательно надо знать. Компартия Кореи объявлена распущенной, а Компартия Индокитая не только не распущена, но продолжает здравствовать. В чем здесь причина? А дело в том, что в Коминтерне заседала такая выдающаяся личность, как Хо ТТТи Мин. Он выступал в качестве представителя Индокитая. В то же время в рядах коммунистического движения Кореи не было столь авторитетного деятеля, который заслужил бы признание Коминтерна, не было и руководящего ядра в партии.

Ответ Паня, который объяснил одну из главных причин роспуска партии отсутствием руководителя и руководящего ядра, сильно потряс меня, привыкшего видеть первейшую

причину роспуска партии в сектантской грызне. Отсутствие руководителя мирового уровня, достойного признания Коминтерна, окончательно повлекло засобой роспуск Компартии Кореи. Вот что, думалось мне, являлось правильным, логическим анализом и открытием, которое мог сделать только Пань.

Наряду с вопросами о Коминтерне мы вели также ценные дискуссии насчет практических проблем, вставших перед корейской революцией. В частности, Пань сказал, что корейским коммунистам нельзя сидеть сложа руки в условиях, когда их партия прекратила свое существование, а большинство членов партии эмигрировало за границу и вынуждено вступить в партии чужих стран. Они в любом случае должны стремиться к созданию своей новой партии.

— Говорю я это не потому, что я корейский революционер. Я настаиваю, что корейцы непременно должны создать свою компартию. Если принимать объявление о роспуске Компартии Кореи за вечное лишение права корейских коммунистов на восстановление своей партии, то это равнозначно самоубийству. У корейцев справедливое, законное право иметь свою партию, на это никто не в праве посягнуть. Хватит жизни на задворках чужого дома год-два, но ведь нельзя же всегда жить на со держании у других.

Утверждение Паня о том, что корейские коммунисты должны восстановить свою партию, полностью совпало с нашим курсом на создание партии, выдвинутым в Калуне. Из этих его слов я черпал новые силы.

—Правильно. Не стремиться корейцам восстановить свою партию все равно что отказаться от корейской революции. Так надо рассматривать дело. Мы не должны стать таким сбродом, который зря тратит время, живя в чужом доме с оглядкой на других. Исходя из такой позиции, мы уже три года назад выдвинули новый курс — курс на основание партии по методу «снизу вверх» —создать в первую очередь низовые

парторганизации, потом добиваться их укрепления и расширения. И надо сказать, что мы уже успели основать парторганизацию, названную союзом товарищей Консор.

Я досконально объяснил Паню об историческом процессе рождения нашей первой парторганизации и о различных эпизодах, которые я насобственном опыте испытал в дни ее создания и расширения.

Паньс глубоким вниманием прислушивался к моим словам.

— Если я мечтатель, то вы, я бы сказал, заядлый практик. Ну-ну, здорово. А слушайте, беда ведь в том, что слишком много фракций внутри коммунистического движения Кореи. Так что не надо признавать мужланов, занимающихся сектантством. Надо взять новый старт непременно за счет молодых людей. Не ликвидировав сектантство, ничего не добьешься. Немало фракционеров стали псами япошек. А многие из других мужланов, которые не стали псами япошек, утонули в фракционных кляузах, пренебрегая интересами революции. Они с головой ушли в грызню за гегемонию. Чтобы бороться с фракционерами, нам надо успешно вести антияпонскую борьбу. В ходе этой борьбы окрепнут ряды, сплотит свои силы актив—таким путем и будет заложена основа создания партии.

Его словасильно взволновали меня. Конечно, мысль эта для нас отнюдь не нова. Создавать партию из числа новой, молодой смены, не отравленной сектантством, — таков был основной курс, на котором настаивали мы уже давно. Во мне еще более укрепилась решимость укомплектовать ряды актива из корейцев и, сплачивая их, создать партию, непременно добиться великого дела освобождения Родины.

Мы с Панем обсудили вопросы о международном коммунистическом движении, о Коминтерне, о создании в Корее партии и пришли к полному единству мнений. Все это было для меня как путь к счастью.

Тема нашего разговора непринужденно перешла к проблеме, связанной с советами, к которой приковано всеобщее внимание жителей Цзяньдао. Откровенно говоря, в то время меня неудержно охватило желание узнать, что думает Пань о власти советов, к которой повернулсяспиной народ и теперьоплевывает ее и чурается. Хотелось рассеять свои сомнения.

— Для вас, Лаопань, это первая поездка в Цзяньдао. Между прочим, скажите, какие у вас впечатления после осмотра партизанского района? — начал я разговор как бы на отвлеченную тему.

В ответ на мой вопрос он порывисто растегнул пуговицы верхней одежды и с силой раскинул полы. И сразу же довольно громко начал говорить о своих впечатлениях о партизанском районе.

— Первым делом я хотел бы выразить уважение к революционерам, ко всем жителям Цзяньдао, которые построили на этой никчемной земле особый край, такой, как партизанский район. Признаться, люди Цзяньдао много потрудились, много хлебнули горя. Но я должен с большим сожалением сказать о том, что в этом замечательном мире бродит зловещий призрак.

Слушая его возбужденную речь, я понял, что он охвачен большим волнением.

— Призрак? Что вы имеете в виду? —спросил я.

Пань достал из поданного хозяином Ли Чхи Бэком кисета обильную дозу измельченных листьев крепкого табака и начал свертывать самокрутку.

— Я имею в виду прежде всего левацкую линию советов.

Именно это левачество ломает пирамиду заслуг, сложенную с таким трудом людьми Цзяньдао. Никак не могу этого понять.

Разве могли коммунисты Цзяньдао до того терять здравый смысл? Неужели они не сыграли роль правофланговых в маньчжурской революции?

— Из-за этого левачества и у меня, кажется, на висках появляется седина...

— Страшно, что люди становятся такими одураченными...

Встречаю и разговариваю с ними, а они, знаете, оказываются полными невеждами в рассуждениях о власти советов в России. За плечами того же Тун Чанжуна большой боевой опыт, он человек с мягким характером, а вот туда же... Возможна всякая оплошность, но... Не случайно, что люди подавали жало бы в Коминтерн. Нетрудно представить, что вы пережили за это время.

Пань глядел на меня полными сострадания глазами.

— Не беда, если одному мне приходится переживать! Тяготит меня главное — людям не дает покоя разгул левачества.

Пань нервно выдыхал табачный дым, как бы срывая на нем свое зло.

— Слава богу, и в этих сорных зарослях левизны, которую никто не приветствует, родилась линия на создание народно-революционного правительства, которая могла бы спасти революцию от кризиса. Она встречает поддержку со стороны жителей партизанских районов. Товарищ Ким, вы сделали удачную

формулировку. Рассказом об этом я только что облегчил свою душу, беседуя с товарищем Тун Чанжуном.

— Значит и вы, товарищ Пань, поддерживаете линию на создание народно-революционного правительства?

— Еще бы! В противном случае вовсе бы не говорил об этом Тун Чанжуну. Он тоже поддерживает линию на создание народно-революционного правительства. Ваш девиз «Хорошо то, что пришлось по душе народу», произвел на него, видимо, глубокое впечатление. Сбросим с плеч всю тяжесть и будем работать на славу.

Тут он многозначительно и крепко сжал мою руку в своих ладонях. Это означало, что мы могли теперь вести речь о поддержке нашей линии на создание народно-революционного правительства со стороны Коминтерна.

Пань отметил легализацию партизанской армии путем организации отряда особого назначения и установление связи с Армией спасения отечества как особенно важное достижение. При этом он заявил, что революционерам Восточной Маньчжурии нужно в дальнейшем защищать и развивать эти успехи. Он также говорил, что выдвинутая нами линия насоздание народно-революционного правительства в основном совпадает с выдвинутым китайской партией курсом на создание революционной власти народных масс, и коротко сообщил о его содержании.

Короче говоря, этот курс дал определение стратегии в маньчжурском вопросе, главное со держание которой состояло в изменении политических установок. Формально этот курс был изложен от имени ЦК китайской партии, но на деле он был разработан Коминтерном. Поэтому все это, можно сказать, в конечном счете отражало волю Коминтерна.

Здесь привлекала наше внимание мысль об учреждении Крестьянского комитета в качестве органа власти на селе. Речь идет о том, что Крестьянский комитет, координируя отношения между крестьянами и партизанской армией, в обычное время должен поставлять партизанам продовольствие, организовать вооруженный отряд самозащиты, а партия должна всеми силами добиваться сплочения масс середняков вокруг Крестьянского комитета с его направляющей силой — батраками и бедняками.

Отсюда можно сделать вывод, что в вопросе власти Коминтерн, узнав нерациональность левацкого курса на создание советов, признал необходимость его замены на новую форму власти и подтвердил правильность нашей линии на создание народно-революционного правительства.

Однако Паня все же смущало название «Крестьянский комитет». По его мнению, Крестьянский комитет более отвечает обстановке в Маньчжурии, чем совет, — это факт. Но если первый отдает приоритет лишь батракам и беднякам, то ему трудно будет сплачивать вокруг себя широкие слои народа. Он

считал более удачной, более развитой формой власти, по сравнению с ним, народно-революционное правительство, то есть правительство характера единого фронта, охватывающего все антияпонски настроенные слои населения, в том числе рабочих, крестьян, учащихся, интеллигенцию.

Пань выразил свою готовность написать письмо в Коминтерн и в Маньчжурский провинциальный партком о своем мнении насчет формы власти.

— Думаю, не важно, какое у власти название — Крестьянский комитет или народно-революционное правительство.

Дело — в проведении политики, соответствующей требованиям народа. Пусть называют его или народно-революционным правительством, или Крестьянским комитетом в зависимости от того, что организовано, — успокаивал я Паня такими словами, но он так и не мог избавиться от беспокойства.

— В общем вы правы. Но название органа власти должно нравиться народу. Все-таки я поставлю этот вопрос в Коминтерне.

Не знаю, послал ли Пань свое письмо в Коминтерн, как намеревался это сделать.

В создавшейся обстановке во всех партизанских районах Восточной Маньчжурии совет менялся на народно-революционное правительство или на Крестьянский комитет. Рабоче-крестьянский партизанский отряд переименовался на Антияпонскую народную партизанскую армию, а Красное ополчение реформировано в Антияпонский отряд самозащиты.

Появление Паня в наших краях вихрем сносило старый порядок в партизанском районе. Наш самобытный подход к революции, которого мы неизменно придерживались еще с периода деятельности в Гирине, встретил теперь международную поддержку и воодушевление. Правота намеченных нами всех политических установок и курса еще раз была подтверждена.

Это, конечно, не означало, что мы огульно и без всякого разбора одобряли все планы и дела Коминтерна и слепо следовали его директивам. Я уважал предпринимаемые Коминтерном меры, но вместе с тем рассматривал их со своей собственной позиции, с учетом интересов корейской и мировой революции.

Среди стратегических мер, разработанных Коминтерном, и его решений больше всего вызывало у нас сомнение предвзятое мнение в оценке достоинств Кореи и в подходе к корейской революции как одного из звеньев в цепи мировой революции.

Когда в России победила Октябрьская социалистическая революция и социализм превратился от мечты в реальность, перед коммунистами всего мира встала священная задача — защищать завоевания Октября и расширять их достижения в мировом масштабе.

В ответ на подобное эпохальное требование В. И. Ленин создал в 1919 году 3-й Интернационал. Историческая миссия Коминтерна состояла в том, чтобы организовать и развивать в международном масштабе освободительную борьбу рабочего класса и угнетенных народов всего мира за ликвидацию империал ист ичес кого гнета и ломку цепей капитала. Такова была боевая миссия Коминтерна, которая соответствовала требованиям нового времени и отличала себя от предназначений 1-го и 2-го Интернационалов.

Одной из актуальных боевых задач, решению которой уделено наиболее серьезное внимание в деятельности Коминтерна, являлись защита и отстаивание СССР. Вопрос защиты позиций победившего социализма был неразрывно связан с задачей расширения дела социализма. Естественно, что в отрыве от этого были немыслимы расширение и развитие достижений Октябрьской революции в мировом масштабе. Вполне было естественно, что лозунг «Защищать Советский Союз» стал интернациональным лозунгом коммунистов, а его

осуществление составляло важное содержание международного коммунистического движения.

С исторической точки зрения такие отношения были неизбежными и настоятельно необходимыми. Однако это повлекло за собой последствие—снабжать водой водяную мельницу врагов коммунизма и реакционных буржуазных теоретиков, которые считали компартии разных стран «приспешниками СССР», действующими по указке Коминтерна, как предательской сворой, ущемляющей интересы своей нации.

Коммунистам каждой из стран следовало бы извлечь из этого должный урок и правильно сочетать возложенный на них интернациональный и национальный долг. И Коминтерну также не мешало бы обратить на этот момент серьезное внимание. Чтобы с честью справиться со своим предназначением. Коминтерн должен был, с одной стороны, сделать упор на отстаивание позиции победившего социализма, а, с другой, выступать за коммунистическое движение в других странах и, в частности, защищать интересы народов малых и слабых, колониальных стран, изнывающих в тисках империалистического гнета, и оказывать им искреннюю помощь в их революционной борьбе.

Однако к этим проблемам Коминтерн так и не сумел повернуться лицом. Некоторые работники Коминтерна шумно ратовали за революционное движение в больших странах, но к проблемам революции в малых странах относились пренебрежительно или же решали их самовольно. Какие страны какой внесут вклад в создание международной крепости по защите СССР — от этого определения зависели их позиция и подход к революции данной страны. Здесь, пожалуй, была слишком большая дискриминация.

Иные работники, занимавшие ответственные посты в Коминтерне, а также некоторые теоретики распространяли тезисы о том, что победоносное шествие революционного движения в крупных странах само собой приведет к победе революционной

борьбы и движения за независимость в соседних с ними малых странах. Фигурально выражаясь, к этому мнению можно применить в качестве сравнения старинное изречение: «пхэндуисук», которое означает, что если голова созреет, так и ушки созреют.

Такая концепция стала причиной порождения среди коммунистов малых стран низкопоклоннической тенденции, носители которой полагались только на большие страны, отказавшись от самостоятельных позиций, что субъектом революции являются свои собственные силы, силы народа своей страны. Вместе с тем, такая концепция породила среди коммунистов больших стран тенденции великодержавного шовинизма, приверженцы которого игнорировали роль коммунистов малых стран исдержи-вали их самостоятельную деятельность.

Не случайно было принижено чистое чувство доверия и симпатии революционеров различных стран в отношении Коминтерна и международного коммунистического движения. А ведь они, вдохновленные огромными событиями — рождением социалистического государства и созданием Коминтерна, смотрели на них, как на идеал и маяк, про носили свою борьбу сквозь огонь.

После победы Октябрьской социалистической революции и создания Коминтерна неодолимой силой прокатилась по всему миру волна добрых пожеланий и симпатий в отношении коммунистической идеологии. Быстро росли ряды сторонников коммунизма среди известных деятелей разных стран мира. Многие из предтеч того времени, которые принимали коммунизм за единственное будущее человечества, независимо от социальной принадлежности и вероисповедания, всяческистарались установ-ливать связь с молодой Советской республикой и Коминтерном, надеясь на их помощь.

И среди националистов нашей страны нашлось немало приверженцев и сторонников коммунизма, а также

сочувствующих этому учению. В их среде оказались и авторитетные лица христианства, чхондогё и других религиозных сект. Можно взять» к примеру, факт, что третий ответственный пастор Чон-донской методистской церкви в Сеуле, представитель религиозной организации Кореи «вера в Иисуса» Хен Сун участвовал в Съезде народов Дальнего Востока, состоявшемся в январе 1922 года в Москве.

Хен Сун как известный пастор нашей страны во время создания Шанхайского временного правительства вошел в его состав. Несколько лет тому назад в Советском Союзе в архиве фондов Коминтерна были найдены нашими товарищами материалы, которые утверждают, что на мандате Хен Суна, с которым он поехал на Съезд поставлена печать Ким Бен Чжо, одного из составителей декларации о независимости, зачитанной во время первомартовского движения, а также печати Чо Сан Соба, Сон Чжон До, Ким Ин Чжона, Сон Бен Чжо и других пасторов. Заполняя анкету, составленную отделом Российской компартии по делу Коре, он указал факты, свидетельствующие о том, что он был причастен к Шанхайской компартии, а еще в сентябре 1919 года находился в России целых три недели. Был найден нашими товарищами документ, на котором он собственноручно записал ответ на вопрос анкеты «цель и желание»: «Цель — достижение независимости Кореи, желание — осуществление коммунизма».

Конечно, я не имею точного представления, насколько глубоко он понимал коммунизм как новое идеологическое течение и в какой степени идейно сочувствовал ему, но, су дя по всему, он возлагал довольно большие надежды на Коминтерн.

Ли Дон Хви, бывший первым премьером Шанхайского временного правительства, то же был причастен к коммунистическому движению. Широко известен факт, что он был послан в Москву в качестве делегата с целью доложить Коминтерну о результатах объединенной конференции Компартии Коре.

Представители новаторского толка религиозной секты чхондогё тоже всеми силами искали пути сотрудничества с Коминтерном. Например, Чвэ Дон Хи — внук Чвэ Чжэ У по степени родства, глава секты первого поколения чхондогё, сын главы секты второго поколения Чвэ Си Хена — был одним из представителей новаторского толка чхондогё. Находясь в России, во Владивостоке, он развернул активную деятельность с целью ведения переговоров с Коминтерном. При этом он был в должности председателя комиссии по иностранным делам Верховного чрезвычайного революционного комитета чхондогё. Он послал письма Катаяме Сэну, Инджельсону и другим деятелям, ведавшим Восточным бюро Коминтерна. В своих письмах он просил их оказать движению за независимость Кореи поддержку и необходимую помощь. Он заявил, что активная связь между «чхондогё — верным слугой бедных и униженных масс» и «Коминтерном — авангардом рабочего класса» полностью гарантирует осуществление революции на Востоке.

Чвэ Дон Хи написал также письмо Чичерину — в то время наркому иностранных дел молодой республики Советов, в котором обратился к нему с просьбой обеспечить за два года огнестрельным оружием, взрывчаткой, боеприпасами, снаряжением для кавалерийского подразделения, транспортными средствами и другими предметами, необходимыми для создания национальной революционной армии Коре из 15 смешанных бригад. Представители новаторского толка чхондогё, несмотря на ненависть и порицания со стороны консервативной оппозиции, намеревались развернуть движение за независимость страны новыми способами, что заслуживало общенациональной похвалы. Однако и СССР, и Коминтерн, к сожалению, не удовлетворяли их просьбы.

В 1919 году и Моньян (Ре Ун Хен) был в Москве, обсудил с Лениным вопрос о независимости Кореи.

Людимира, может быть, не по верят, если я скажу, что такой известный антикоммунист, как Ли Сын Ман, в свое время поддерживал советскую Россию. Но это, кажется, факт. Насколько мне известно, сохраняются материалы о том, что он когда-то ездил в Москву за солидной финансовой помощью. Встретив там отказ, он повернулся спиной к СССР и международному коммунистическому миру. Резко изменив свою политику, он перешел на крайнюю проамериканскую ориентацию.

Для работников Коминтерна, очевидно, в то время была слишком незначительной и ничтожной такая страна, как Корея с ее небольшой территорией, равной всего одной сотой части территории СССР. Глазами их Корея была страной с приземистыми соломенными лачугами, страной, где сновали по дорогам тощие ослы. Таким было их представление о Корее — они не хотели видеть существенных изменений и в ту пору, когда мы развертывали в Маньчжурии антияпонскую вооруженную борьбу.

Сожалением отозвалось у меня в груди такое безразличное отношение Коминтерна к судьбам наций малых стран, к национально-освободительной борьбе коммунистов этих стран.

Безусловно, такая их безучастность и холодность сделали незыблемой нашу решимость крепко опереться в нашей революции на принципы чучхе и непременно добиться своими силами национального освобождения.

Больше всего огорчало меня то, что люди, проявляя недовольство мерами и подходом Коминтерна, не имелисилы, чтобы им противиться, помочь исправить ошибки, и что невозможно было противостоять постановке дел в Коминтерне, изменить закоренелый кабинетный стиль работы, хорошо понимая, что все это может погубить корейскую революцию и становится при этом камнем преткновения на пути развития корейской революции в соответствии с ее реальными условиями.

Мы, коммунисты нового поколения, страстно желали, чтобы Коминтерн понимал такие душевные муки корейских коммунистов и координировал свои шаги с нашим стремлением и незыблемой решимостью самостоятельно совершить революцию.

Итак, мы бились над решением сложных и актуальных задач, поднятых революционной практикой. Естественно, мы приветствовали Паня, появившегося в Восточной Маньчжурии именно в такое время. Так или иначе, но встреча с Панем очевидно послужила значительным событием в моей жизни. Хорошо было сознавать, что у нас в Коминтерне есть люди, которые с пониманием относятся к нам и оказывают нам поддержку. На меня произвели особенно неизгладимое впечатление его слова о необходимости подготовить ядро из людей, не отравленных сектантством, укомплектовать новыми людьми ряды корейского коммунистического движения и создать партию корейцев. Его советы помогли мне еще более твердо придерживаться собственных принципов во всех своих помыслах и в практической деятельности. Не будь его поддержки и товарищеского вдохновения, мы не могли бы вступить в столь решительную борьбу в защиту корейской нации и принципов чучхе нашей революции в то тревожное время, когда шла страшная борьба против «Минсэндана».

Если Пак Со Сим открыл мне путь к «Капиталу», а Шан Юэ обучал меня «Сну в красной беседке», то Пань искренне поддерживал, вдохновлял нас и сочувствовал нам, укрепив наши убеждения, что корейцам нельзя забывать Корею.

В истории антияпонской революции никогда больше мне не удалось вести такое серьезное, горячее и глубокое обсуждение судеб корейской революции и политической линии, какое было между мной и Панем. Пань был редкий теоретик, овладевший определенными и своеобразными взглядами на революцию. Если бы он остался жив и действовал вместе с нами во второй половине 30-х годов, когда мы во главе крупных отрядов вышли

в районы горы Пэкту, то он сделал бы значительный теоретический ипрактический вклада решение трудных вопросов, которые встали во весь рост перед корейской революцией.

После встречи с Панем я со всей остротой осознавал, что для революционной борьбы несомненно важна роль практика, но не менее важна и роль теоретика, который выступал бы в роли направляющего и рулевого для тех, кто занимается практической деятельностью.

После наших бесед в Сяованцине, запомнившихся мне на всю жизнь, Пань стал мне самым лучшим другом и товарищем. Несмотря на большую разницу в годах, составлявшую 20 с лишним лет, мы немногим более чем за десять дней сблизились не хуже друзей и товарищей, знакомых уже 10 лет тому назад. Нас сблизили отнюдь не какая-либо материальная прихоть или корыстные цели. Мы питали друг к другу теплое, как солнечные лучи, чувство дружбы, ибо мы были соединены общностью заветного чаяния об освобождении и свободе Кореи, общностью независимого способа мышления и стремлений решать все проблемы в мире самостоятельно, по собственным убеждениям.

Глубину чувств дружбы не измерить ни временем, ни фразерством. Она не зависит от давности знакомства. Дело в том, с какой позиции и с каким подходом относятся к человеку и его судьбе, к своей нации и ее судьбе. Их общность или же разница могут привести то ли к укреплению, то ли к разрыву дружбы. Любовь к человеку, любовь к народу в сочетании с любовью к Родине — это пробный камень для определения глубины чувства дружбы.

Когда уезжал Пань от Сяованцина, я провожал его на коне до самой границы с Хуньчунем. Он немножко прихрамывал на одну ногу, и я привел для него коня.

Мы скакали на лошадях и говорили в пути о многом, наши беседы продолжались и во время ночлега в Шилипине. Там мы два дня обменивались своими мнениями. Темы нашего

разговора касались разных вопросов, в том числе о международном коммунистическом движении, об отношениях с китайской партией и, в частности, об актуальных вопросах корейской революции и о ее будущем. Мы дали друг другу клятву в верности.

На эту тему можно бы создать роман. В том же Шилипине находилась офицерская школа Ли Бом Сока. Обосновалась там и семья О Чжун Хва, укрывшись от врага.

Наконец, Пань открыл передо мной и секрет своей семейной жизни. У него была молодая жена, которая была наполовину моложе его. Не могу сейчас припомнить, как ее называли — О Ен Ок или О Бун Ок. Тогда я спросил его, по какой причине он женился так поздно, уже за 40 лет.

— Какая может быть здесь причина? — засмеялся он. — Наверное, я был неважным женихом и не нравился девушкам.

Кому охота влюбиться в хромого? Если бы не наша дамочка О, я остался бы холостым до самой старости, —говорил тогда Пань.

Мне все-таки казалось, что он родился на этом свете, чтобы постоянно подтрунивать над собой. Я испытывал в душе глубокое сочувствие к поздней любви Паня.

— А она-то не ошиблась в своем выборе, — сказал я. — Говорят, жена ваша редкая красавица. Велика, наверное, сладость от столь поздней любви?

— А как же! Впрочем, странное дело, не я первым предложил ей руку и сердце, а она первой призналась мне в любви. Вообще любовь поздняя — особая вещь.

— Знаете, о вас с завистью говорят все в Северной Маньчжурии.

— Хочу предупредить вас, товарищ Ким, не опаздывайте, вроде меня, не уроните, ради бога, авторитет мужского пола.

— Не знаю. Опоздать, возможно, придется и мне. Не по своей, конечно, воле...

На лугу в Шилипине мы проводили время и за такими разговорами. При этом весело хохотали. И вместе с тем наша дружба становилась все глубже.

Пань сказал, что за это время он привык к жизни в Ванцине, и очень сожалел, что расстается со мной. После Ванцина он должен был инспектировать еще Хуньчунь и Хэлун.

— В моей голове на всю жизнь останется память о вас, — говорил он. — Очень рад, что я в Ванцине познакомился с вами, товарищ Ким Ир Сен.

С серьезным видом на лице сказал Пань со слезами на глазах и сжал мне руку, когда мы выехали за рубеж Хуньчунь — Ванцин.

—Я тоже. Счастлив, что встретился с вами. Честное слово, не хочу расставаться с вами.

— И мне не хочется. Закончив эту поездку, переселюсь с женой в Восточную Маньчжурию, хочу работать вместе с вами рука об руку. Я уже староват в известной мере, запятнан грязью... Будьте «Хо ТТТи Мином» Кореи.

Произнеся эти слова, Пань покинул Ванцин. Зашагал, затем оглянулся и поднял руку над головой. Видя знакомый жест, я вспомнил нашу первую встречу. Мне показалось, что с тех пор утекло много воды. Даже чудилось, будто мне уже десятки лет назад знакомы все детали черты его лица, выражение его глаз.

Когда он оглянулся, я почувствовал в груди нахлынувшую грусть и не знал, откуда у меня такое одиночество и печаль перед разлукой с человеком, с которым мы подружились совсем недавно. Пань улыбался, но почему-то его улыбка показалась мне грустной. И все же эта улыбка породила у меня неясную тревогу. Если бы он тогда не улыбался, полегче было бы у меня на душе. Он покинул нас, обещав скорую встречу, но вскоре погиб в Хуньчуне. Больше мы так и не виделись.

Этот славный человек был убит комиссаром батальона Хуньчуньского партизанского отряда Пак Ду Намом. На расширенном заседании Хуньчуньского укома партии, на

котором обсуждался вопрос об изменении политической линии, был подвержен больше всех острой критике со стороны Паня именно этот Пак. Его осудили как зачинщика сектантской грызни, и освободили от должности комиссара. Однажды, когда охранявшие Паня солдаты любовались добытыми в бою винтовками образца 38, он сидел дома и что-то писал, В это самое время Пак Ду Нам застрелил из той трофейной винтовки посланца из Коминтерна. Эта весть долетела до Ванцина и вызвала у людей взрыв негодования.

Услышав о его гибели, я на весь день закрылся в той самой верхней комнате дома Ли Чхи Бэка, где мы с Панем обсуждали проблемы революции и человеческой жизни. Горькие слезы текли у меня из глаз. Очень я чтил память погибшего товарища.

5. Воспоминание о белой лошади

Вообще-то мне не хотелось предавать гласности рассказ о белой лошади. Тем более, что в воспоминаниях, которые я пишу, оглядываясь на свою прошлую, 80-летнюю жизнь, случай с белой строевой лошадью, можно сказать, капля в море. Ведь сколько на жизненном пути встречалось героев, сколько благодетелей и сколько было знаменательных событий, о которых следует обязательно вспомнить и рассказать! Всех их и не перечесть.

В то же время жаль хранить рассказ о белой лошади заветным секретом в глубине своей души. Кажется, все неодолимее и страстнее становится желание написать об этом эпизоде жизни. Между прочим, история эта была тесно связана со многими людьми, связанными между собой нерасторжимой нитью дружбы. Так разве можно оставлять рассказ о них во мраке неизвестности?

Весной 1933 года у меня впервые появилась строевая лошадь. А происходило все это так. Пришел ко мне один из руководящих работников Шилипинского народно-революционного правительства вместе с партизанами, расквартированными в том же районе. И была с ними белая лошадь.

В то время штаб Ванцинского батальона находился в Лишугоу, в Мацуне Сяованцина. Я обратил внимание на то, что одну лошадь сопровождала слишком большая свита. Шилипинцы, привязав лошадь во дворе перед штабом, пригласили меня туда.

— Примите эту лошадь, мы привели ее вам в дар, командир Ким. Ведь вам очень часто приходится совершать дальние переходы по крутым перевалам, — заявил работник Шилилинского народно-революционного правительства от имени всех прибывших.

Я, честно сказать, просто растерялся от неожиданного появления этой «делегации» и от торжественной церемонии передачи мне лошади. К тому же с самого начала меня удивило большое число сопровождающих. Их количество значительно превышало штатную численность целого отделения наших дней.

—Уж не слишком ли вы перестарались? Я молодой человек, недавно исполнилось всего 20 лет. Так уместно ли разъезжать верхом на белой лошади? Зачем вы это придумали?

Сказав все это, я дал понять, что не совсем скромно с моей стороны принимать такой дар. Однако пожилой работник народно-революционного правительства не согласился с моими доводами.

— Что вы, разве это выходит из нормы? Вы не знаете, как поставлено дело у япошек... Как только получает офицер должность хотя бы командира батальона, сразу же начинает важничать верхом на коне. Я, мол, большой начальник. А чем хуже командиры наших партизанских отрядов? В военной книге написано, что воевода «войск в красной одежде» Квак Чжэ У тоже ездил верхом и командовал отрядами Армии справедливости. Чтобы командовать войсками, все-таки надо быть внушительным и величавым.

— Откуда вы достали эту лошадь? Уж не рабочая ли это лошадь из крестьянского двора?

— Что вы говорите? — взмахнул руками работник Шилипинского правительства. — Такого быть не может. Это не рабочая лошадь, а верховая. Помните вы того старика, батрака по своему происхождению, который был избран в члены Шилипинского правительства?

— Конечно, помню. Я же выступал в его поддержку на собрании.

— Это его подарок вам, командир Ким.

— Никак не верится, что у него могла быть такая великолепная лошадь, — ответил я, внимательно осматривая оседланную белую лошадь со стременами и поглаживая ее.

С какой стороны ни смотри, она была крестьянской рабочей лошадью. Мне никак не верилось, что в такой глуши, как Шилипин, мог жить крестьянин со .столь великолепной белой лошадью. Более того, нельзя даже подумать, что тот старик, который батрачил у помещика, мог иметь такую замечательную белую лошадь, словно декоративную.

Однако тот по жилой работник Шилипинского правительства настаивал на своем, называя лошадь декоративной. Он, видимо, беспокоился, что если я узнаю правду, если подтвердится, что это рабочая лошадь, то я не приму такой подарок и велю вернуть лошадь обратно.

Теперь я не могу даже припомнить, как звали того старика, который дарил мне белую лошадь. Кажется, по фамилии его называли Паком.

Предложение старика Пака принять в дар белую лошадь было связано с трогательной историей его жизни, которую нельзя вспоминать без волнения.

Этот рассказ начинается с той поры, когда старик Пак, батрачивший у помещика, навсегда распрощался с его домом. Ввиду преклонного возраста старик не мог больше работать, и хозяин выбросил его на улицу. При этом он «рассчитался» со своим батраком за наемный труд белым жеребенком, родившимся в его конюшне всего несколько месяцев назад. Придавленный после рождения кобылой, жеребенок не мог резвиться на дворе и целыми днями лежал на подстилке в конюшне. Жеребенок был очень слаб, ел неохотно. Он был очень тощим. Неизвестно было, когда он подохнет—сегодня или завтра. Давая батраку такого жеребенка, скупой помещик делал вид, что преподносит ему королевский подарок.

Старик Пак, взяв больного жеребенка на руки, со слезами на глазах вернулся в свою хибарку. Несколько десятков лет гнул он спину на помещика. Чем только не занимался все эти годы! Не гнушался никакой работой. И вот теперь такое вознаграждение — полудохлый жеребенок. Очень обидно было

этому человеку. Оказывается, мир устроен так жестоко и несправедливо! Горю обиженного старика не было конца...

Старик Пак, живший одиноким бобылем — без жены и без родных, начал заботливо выхаживать своего жеребенка, который стал для него самым драгоценным существом.

Незаметно жеребенок вырос и превратился в красивую белую лошадь. Когда Пака терзало одиночество, он подходил к лошади, гладил ее, жаловался на свою судьбу, сетовал на невзгоды. И ему казалось, что белая лошадь была для него и сыном, и дочерью, и другом.

Всю жизнь старик Пак подвергался оскорблениям и унижениям, его ставили на одну доску со скотиной, обращались к нему как к лошадям и волам, он даже привык всяческие унижения и презрение считать делом естественным. Если люди относились к нему, как равные к равному, он даже испытывал какую-то неловкость.

И вот пришло время, когда этот бедный старик был избран в члены правительства Шилипинского партизанского района. Считаю, нет надобности здесь подробно останавливаться на том, что он переживал в тот день, сколько пролил слез от волнения. Считаю, нетрудно догадаться об этом. Наглядным выражением того является белая лошадь, которую Пак привел на площадку у правительственного здания вечером того дня.

— Уважаемый председатель! — сказал он. — Прошу передать эту белую лошадь командиру Ким Ир Сену. Впервые за свою долгую жизнь я почувствовал себя человеком, достойным уважения. Этим я обязан ему. Сердце мое переполнено чувством благодарности, но не в состоянии выразить это словами. Поэтому я решил подарить ему любимую лошадь, которую я выходил и несколько лет откармливал. Прошу передать ему мое искреннее чувство уважения.

Это была просьба старика Пака к председателю народно-революционного правительства.

Когда мне рассказали об этом, я понял, что неудобно отказываться от белой лошади.

— Я должен был бы отказаться, но просьба его такая искренняя. Прошу передать старику Паку, что я принимаю подарок и очень благодарен ему. Непонятно лишь одно — зачем вместе с подарком нагрянуло так много народу? — обратился я ко всем, приняв вожжи из рук работника Шилипинского правительства. — Думаю, хватило бы одного кучера.

— Всем нам так хотелось хоть разок увидеть вас сидящим на лошади, уважаемый командир Ким, — ответил тот работник правительства с серьезным выражением на лице. — Вот и пришли представители от бойцов и населения. Уважаемый командир, поскорее садитесь в седло!

Бойцы 2-й роты тоже присоединились к ним, стали уговаривать меня поскорее сесть на лошадь. Пришлось уступить просьбам. После этого все возвратились в Шилипин, довольные тем, что увидели меня верхом на лошади.

Я был несказанно благодарен старику Паку за его сердечность и почтительность, но я не решался ездить верхом, хотя и прошло уже несколько дней. Возникло опасение, что если я буду ездить верхом и щеголять на белой лошади, то это, возможно, придется не по душе жителям, а рядовые бойцы начнут относиться к командирам без особого уважения.

И я передал лошадь Ли Ын Ману, работавшему в оружейной мастерской. Это был тот боец, что привез к партизанам купленный им ящик с браунингом, чтобы его приняли в партизанский отряд. Он был человеком решительным и отважным, но у него открылась огнестрельная рана, после чего ему пришлось ампутировать ногу.

Медицинскую операцию Ли Ын Ману сделал Чан Ун Пхо— врач партизанского района, больница которого была расположена поблизости от батальонной казармы в Сяолишугоу. Будучи единственным лицом, представлявшим медицинские круги Сяованцина, Чан являлся универсальным врачом,

специалистом по терапии и хирургии. Он один лечил все другие болезни.

В то время больницу партизанского района опекало Общество взаимопомощи, а все направления на лечение больных подписывал председатель народно-революционного правительства. Упомянутое общество имело право консилиума и приняло решение делать операции всем без исключения, если они получали огнестрельную рану с поражением в кости. Не было, сожалению, у нас лекарств, не было средств порядочного медицинского обслуживания, поэтому было принято столь радикальное решение.

Чан Ун Пхо смастерил скальпель из заводной пружины и ампутировал ногу у Ли Ын Мана. Став инвалидом, он не мог больше участвовать в партизанских операциях. Поэтому после выписки из больницы некоторое время пребывал в доме Рян Сон Рёна поблизости от больницы, где за ним ухаживала мать Рян Сон Рёна.

Теперь Ли Ын Май ездил на белой лошади, которую я ему подарил. Жизнь партизана в оружейной мастерской стала более сносной, даже радостной.

Вскоре у меня появилась еще одна белая лошадь. На этот раз она была трофейной, отбитой у японцев. Ее мы взяли в бою в Дахуангоу, разгромив войсковую часть оккупантов. Сохранились еще ветераны антияпонской борьбы, которые, вспоминая об этой лошади, утверждают, что мы взяли ее в бою под Чжуаньц-зяолоу. Но я не собираюсь спорить. Разве дело в том, где мы ее захватили? Главное состоит в том, что к нам в качестве трофея попала лошадь, на которой ездил японский офицер. Это была безукоризненная строевая лошадь, которая сразу же привлекала к себе внимание всех, кто ее видел.

Помнится, тогда мы устроили засаду. Японский офицер — хозяин этой белой лошади, к его великому несчастью, был в числе первых целей, по которым мы открыли огонь. Сраженный пулей, он кубарем покатился со спины лошади. Но тут

произошло чудо. Белая лошадь, потерявшая хозяина, странное дело, не вернулась к себе, а пустилась бежать прямо по крутому склону горы, туда, где расположился КП нашего отряда.

Появление белой лошади встревожило моего ординарца Чо Валь Нама — как бы из-за этого наш командный пункт не стал объектом удара противника. Он не раз пытался отогнать лошадь в сторону большака, бросая в нее кусками дерева и гильзами, но беглянка не ушла к своему хозяину, а упрямо шла в нашу сторону. А затем остановилась, как вкопанная.

— Нехорошо прогонять животное. Она же не хочет идти к своему старому хозяину, упорствует. Нельзя оказывать столь холодный прием с нашей стороны! — упрекнул я ординарца.

Затем подошел к лошади, потрепал ее гриву.

— Что вы делаете? Враг же сосредоточит удар по нашему командному пункту! — испуганно закричал ординарец, пытаясь закрыть меня своим телом от пуль противника.

— Сейчас врагам не до нас, —засмеялся я.—Посмотри-ка, как они бегут — дай бог ноги!

Таким образом лошадь оказалась в качестве трофея в нашем партизанском отряде.

С самого начала бойцы стремились разглядеть что-то таинственное в том, что лошадь японского офицера столь упрямо стремилась перебежать к нам,

— Это животное, видно, чувствует, где корейцы, а где японцы. Узнав, где находятся корейцы, лошадь решительно перешла на нашу сторону.

Так говорили бойцы, по жетону определившие, что лошадь — родом из Кенвона (Сэпер). Другие же выдвигали еще более «достоверные» доводы, оправдывая поведение лошади:

— Японский офицер, видать, всегда жестоко обращался с ней. Если бы не так, она бы не перешла к нам, едва только свалился с седла ее хозяин!

При возвращении в Мацунь с поля брани мы вручили трофейную лошадь одному китайскому старику, чтобы он поль-

зовался ею как тягловой силой. В Цзяньдао широко использовали во время полевых работ не только волов, но и лошадей.

Вскоре после этого старик-китаец пришел к нам и вернул обратно лошадь: «У нее, — говорит китаец, — ноги слишком тонкие и слабые, поэтому нельзя использовать ее как тягловую силу. К тому же она норовистая, привередливая, не подпускает к себе близко. Ее ни укротить, ни подчинить невозможно».

— Что бы то ни было, но этой лошади суждено жить вместе с нами! — говорили мои товарищи.

Беспокоясь о том, что у меня к тому времени обострилась болезнь ног, они предлагали мне ездить верхом, предупреждая: «Наша партизанская война не кончится за один-два года. Так и будешь мучиться с больными ногами, а можешь совсем остаться калекой».

Действительно, в то время болезнь сильно мучила меня, всякий раз была серьезной помехой, когда мы совершали поход. Вероятно, она возникала из-за того, что я с детства много ходил пешком. В период моей деятельности в Гирине ездил порой на поезде или на велосипеде, но в Ванцине, находящемся в постоянной блокаде, нельзя было пользоваться такими благами. Надо было проделывать в день десятки, а то и сотни ли, причем совершая форсированный марш по горным грядам. Такая деятельность в партизанском районе была для меня с больными ногами физическим мучением.

Но и на этот раз я не согласился с предложением товарищей оставить у себя лошадь.

После этого они созвали партийное собрание, на котором приняли решение: с такого-то числа товарищ Ким Ир Сен обязан ездить верхом. Этим же хитроумным решением и командира батальона Рян Сон Рёна тоже обязали ездить верхом.

Видать, был заранее учтен тот факт, что если будет решено, чтобы только один я ездил верхом, то от меня последует категорический отказ.

Мне ничего другого не оставалось делать, кроме как повиноваться — ведь это же было решение организации. А в тот день, когда нам впервые пришлось сесть на лошадь, стоявшие рядом товарищи от радости даже захлопали в ладоши.

В коневодческом журнале было записано: «Кенвонское конное ведомство по обучению строевых лошадей». Да, это была вышколенная, стройная лошадь. Порой она принимала пепельный цвет с матовым оттенком, а порой становилась белой, как снег. А ноги у нее были такие тоненькие, как у верховой лошади для скачек. Поэтому когда она мчалась, то напоминала летящую стрелу.

На этой лошади я ездил года два. На ней я ходил в бой, а порой забирался в дремучие девственные леса, куда не ступала человеческая нога. Лошадь вместе с хозяином испытывала все и всякие трудности. Не оттого ли она так часто представляется в моем воображении, заставляя меня впасть в лирические воспоминания.

Каждый новый день начинался у меня с ухода за лошадью. Вставал рано утром, гладил по голове лошадь, чистил веником от пыли. Конечно, вначале у меня не было ни опыта, ни умения заниматься этим делом. Пришлось вспомнить, как мой дед в Мангендэ чистил веником бока смирно стоявшего вола. Ухаживая за лошадью, я следовал примеру деда.

Однако каждый раз, как только веник прикасался к ее бокам, лошадь убегала от меня. Когда я возился с лошадью, по дошел ко мне старик Ли Чхи Бэк и дал мне металлическую скребницу. Будешь, говорит, скрести этим спину лошади и тогда все будет в порядке. Так я сделал — лошадь покорно стояла, упершись ногами в землю.

Прикрепляя седло на спину лошади, я неожиданно нашел между кожей и фланелью седла какой-то узелок. В нем оказалась небольшая записная книжка, своего рода «коневодческий журнал», металлическая скребница и щетка, тряпки, железная палочка с заостренным кончиком и другие

предметы. О способах применения скребницы, щетки и тряпок можно было догадаться, но никак нельзя было взять в толк способ применения железной палочки с заостренным, как операционный нож, кончиком.

Я взял железную палочку и подошел к лошади. Что за чудо! Белая лошадь, как цирковая, вскинула одну ногу. Это, несомненно, означало какую-то взаимосвязь между железной палочкой и копытом. Но я никак не мог догадаться, что же это могло значить.

Лошадь, как бы сожалея, вертелась вокруг меня, а затем подошла к колу, вбитому в землю поодаль, и поставила на кол одну из передних ног. В щелях между подковой и копытом была уйма грязи, кусочки камней и соломы.

Я выковырял все это железной палочкой. И тогда лошадь поставила на кол другую ногу, устремив на меня лукавые глаза.

Таким образом я постепенно, хотя и наугад, приобретал навыки обращения с лошадью. Как раз в это время приехал из Кореи к родственникам в Сяованцин работник коневодческой селекционной станции. Он раскрыл для меня многие приемы ухода за лошадью, а также обучил искусству верховой езды. По его словам, лошади не любят, когда на их шерстяной покров садится пыль, когда в щели копыт попадают осколки фарфора или стекла. Поэтому раза два в день следует обдавать их чистой водой, очищать и скрести, смазывать маслом, своевременно извлекать из копыт грязь и мусор. Особенно, утверждал он, надо быть внимательным, когда лошадь мокнет под дождем или потеет. Тогда надо тщательно очищать ее от влаги.

Самое главное из кормов для лошадей — это сено и овес. Ячмень и соевые бобы тоже неплохие корма. Как человеку, так же и лошади нужно каждый день съедать небольшое количество соли, а после непомерного физического напряжения не следует поить ее слишком большой дозой холодной воды. Вот такими были секреты ухода за лошадью, которые подсказывал мне тот работник селекционной станции.

В ходе повседневного ухода за лошадью и поездок я невольно подружился с ней. Она всегда покорно выполняла все мои требования, подчинялась моей воле. По одному только моему взору или движению моей руки она угадывала, что ей следует делать, и делала то, что надо. Такая ее догадливость удивляла меня.

В норове, в движениях лошади часто наблюдались случаи, представляющие собой своего рода высокую н а дрессированность и даже художественно завершенную красоту, своего рода индивидуальность. Порой мои товарищи диву давались— ведь это же лошадь, а не человек?

Однако лошадь была не только умной и верной седоку, но и норовистой. Она никогда не позволяла другим, кроме хозяина, трогать себя или же садиться кому бы то ни было в седло. Если какой-то недобрый человек пытается брать под уздцы или же садиться в седло, лошадь начинала вертеться вокруг, не подпускала к себе, а порой даже норовила ударить его задней ногой или укусить зубами.

Однажды Чо Валь Нам хотел было сесть в седло, но у него ничего не получилось. Сначала он, поставив лошадь у деревянных мостков крытой террасы, потихоньку чистил ее скребком, а затем рывком, неожиданно вскочил в седло. Как только лошадь почувствовала тяжесть седока, она рванулась в сторону, мой ординарец полетел на землю.

Проглотив горькую «пилюлю», Чо Валь Нам придумал новый, из ряда вон выходящий прием верховой езды. А заключался он в следующем: он ставил лошадь в навозную яму, в которой ноги вязнут по лодыжки, пытался неожиданно вскакивать в седло, когда лошадь пасется. Но никакие выдумки не помогли ему. И на этот раз седок распластался в грязи.

Юный ординарец, привязав лошадь к дереву, вымещал свой гнев, стегая ее плетью. После этого едва только он появлялся рядом, лошадь убегала, а если сделать этого было нельзя, пыталась лягнуть его ногой.

Юному «кавалеристу» было так досадно и обидно, что он как-то даже заплакал. Еще бы, он ведь с такой искренностью и сердечностью относился к лошади, а она и близко к себе не подпускала. Даже в седле не разрешала посидеть. После всех описанных мытарств парень с горя решил вернуться в роту.

Выслушав его, я сказал: «Надо установить, почему лошадь тебя отвергает. И я думаю, что все это зависит только от тебя, от твоей искренности и сердечности. Надо быть более ласковым и внимательным к животному». При этом я подробно рассказывал ему об искусстве ухода за лошадьми.

Чо Валь Нам брался за дело согласно моим наставлениям. Он относился к лошади со всей искренностью. Что и говорить, лошадь тоже платила ему своей привязанностью.

С тех пор, как говорится, довольно много утекло воды и все до мельчайших подробностей вспомнить трудно. Многое попросту забылось. Лишь отдельные случаи отчетливо встают в памяти, всплывают в ее глубинах, словно живые картины.

Это было в те дни, когда О Бэк Рён командовал взводом. Однажды я вместе с его взводом отправился из Мацуня в Лоцзыгоу для проведения политической работы в массах. В те дни мне приходилось спать в среднем по 2 — 3 часа в сутки. Время поглощали боевые действия, боевая подготовка, работас массами... Обычно в один-два часа ночи я ложился спать. А когда дело не терпело отлагательства , приходилось бодрствовать и всю ночь напролет.

Помню, во время марша, когда мы подходили к перевалу Цзяпигоулин, меня клонило ко сну, и я задремал прямо в седле. Вероятно, это было следствие бессонной ночи, которую я провел накануне. Точно сейчас не помню, где это случилось, кажется, в Мацуне или Шилипине.

Я ехал верхом во главе взвода, и никто не заметил, что меня одолела дремота. Но самое удивительное заключалось в том, что лошадь стала шагать очень осторожно с того момента, когда взвод начал подниматься на перевал Цзяпигоулин.

Заметил это именно командир взвода О Бэк Рён. Он обратил внимание на то, как осторожно взбиралась лошадь на крутые подъемы, как сдержанно переставляла ноги. Взводный готов был уже разозлиться, ведь темп нашего движения сильно замедлился.

«Странная у него, этого английского джентльмена, сегодня походка», — подумал командир взвода.

При спуске вниз лошадь осторожно сгибала на этот раз уже задние ноги, с трудом спускалась с перевала. Между тем взвод тихонько обошел нас и продвинулся далеко вперед. Позади остались только белая лошадь со своим седоком, да еще О Бэк Рён. Он беспокоился обо мне. Тревожила его мысль, что мы отстали, но ему пришлось терпеть— ведь нельзя же подхлестывать лошадь, на которой едет старший начальник.

Спустившись с перевала, белая лошадь остановилась перед буреломом, который лежал поперек на берегу реки Цзяпигоуцзян. В другое время она, такая лихая, через бурелом легко бы перемахнула, но на этот раз топталась перед небольшим препятствием. О Бэк Рёну это показалось еще более странным.

«Лошадь начинает лениться, но почему товарищ командир не собирается ни понукать, ни подхлестывать своего коня?» Занятый такими мыслями, О Бэк Рён взглянул на меня, сидящего на седле, и лишь сейчас он заметил, что я крепко задремал.

— Ну, какая замечательная лошадь! — не удержавшись от удивления, громко вскрикнул командир взвода.

Лошадь несколько раз постучала передней ногой по бурелому. От этого стука я проснулся.

— Надо сегодня хорошо накормить вашу лошадь, — поглаживая ее гриву, обратился ко мне О Бэк Рён.

Он весь расплылся в улыбке. Сотворился новый мир, пока я дремал?

— Кормить особо? Это почему же?

О Бэк Рён стал интересно рассказывать мне о том, как осторожно лошадь форсировала перевал Цзяпигоулин, как она мялась, подходя к бурелому, и продолжал:

— Помню, рассказывал мне отец, что исстари самой выдающейся в стране лошади присваивали звание «Кунма» («Государственная» — ред.). Что вы скажете, если мы отныне назовем ее «Кунма»?

— Зачем же ее называть только «Кунма»? Судя по вашему рассказу, мне не жаль называть ее даже «Чхонхама».

— Что означает «Чхонхама»?

— Это означает — самая выдающаяся лошадь в мире.

— Отлично! Будем называть ее «Чхонхама». О Чжун Хва говорил мне, что в древние времена в какой-то стране дали лошади даже высокий чин.

— И я тоже слыхал об этом. Император одной страны, говорят, дал своей любимой лошади высокий чин «консула».

Она получала еду из кормушки, которая была изготовлена из слоновой кости, пила вино из золотого корыта, пользовалась всеобщим уважением. Как вы думаете, если мы дадим ей чин «реньичжон» (председатель госсовета феодальной Кореи —ред.).

— Что ни говори, это из ряда вон выходящая лошадь! Как она узнала, что вы задремали, ведь у нее нет на спине глаз?

Я подтянул повода, лошадь легко перемахнула через бурелом и стрелой помчалась вперед. Мы быстро догнали взвод и вместе с ним добрались до Саньдаохэцзы в Лоцзыгоу. Остановились на том месте, где по обеим сторонам реки возвышались друг против друга крутые утесы. В реке водилось много речной мальмы.

Я провел черту на траве вокруг лошади, а повода обмотал на шее. Бойцы получили задание и отправились в Саньдаохэцзы, Сыдаохэцзы, Лаомучжухэ проводить там массово-политическую работу. Сам же я встретился с подпольщиками и руководителями подпольных организаций, которые ожидали

меня на берегу реки. Довольно долго протекала тогда наша беседа.

После встречи я вернулся к своей лошади. И о чудо! Она спокойно паслась, не выходя за границы круга, проведенного мной на траве! Что ни говори, это была незаурядная лошадь!

Был, вспоминается, случай, когда благодаря этой лошади

Была спасена от верной гибели революционерка Хон Хе Сон. Это была образованная, интеллигентная женщина. В свое время, проживая в Корее, училась в женском колледже. Вместе с прогрессивно настроенной учащейся молодежью развернула в Лунцзине подпольную деятельность. Считая партизанский район вольным краем, она переправилась в Ванцин, где также развернула политическую работу.

Ее отец был известным врачом корёской медицины. Она научилась у отца врачеванию. После приезда в партизанский район оказывала партизанам и жителям большую помощь в лечении чесотки. Бойцы и сельчане партизанского района очень любили эту красивую девушку, смелую женщину-подпольщицу из среды интеллигенции. Ее всегда отличали живая энергичность, исключительная общительность, естественно, неоценимое искусство врачевания.

Однажды я по делу отправился верхом в Сидапо. Меня сопровождал Чо Валь Нам. Вдруг недалеко от нас раздались выстрелы. Осенила мысль: «Не набег ли карательного отряда на партизанский отряд?» Мы сразу же помчались в сторону доносившейся стрельбы. И какая неожиданность! Проскакав немного, встретили на дороге Хон Хе Сон. Она, возвращаясь с подпольной работы, напоролась на засаду врага и приняла неравный бой.

С победными возгласами бросились враги вперед. Пытаясь взять подпольщицу живой, они вели предупредительную стрельбу.

Женщине угрожали расправой, предлагали сдаться, но она продолжала отстреливаться. И тут как нельзя вовремя по

доспели мы к месту боя. Я усадил подпольщицу на лошадь. Видимо, и лошадь хорошо поняла мое намерение. Она стрелой рванула вперед и в считанные секунды мы оказались в четырех километрах от места перестрелки. Итак подпольщица была спасена от преследования врага.

После этого случая жители партизанского района в один голос восхваляли мою белую лошадь как большую знаменитость. Если бы Хон Хе Сон не погибла впоследствии во время карательной операции врага в Байцаогоу, то ныне мы бы вместе с благодарностью вспомнили о той славной белой лошади.

Не раз я ездил на этой лошади и в район Ляншуйцюаньцзы, чтобы превратить его в полупартизанский район. Наши организации были созданы не только в Лоцзыгоу, Саньдаохэцзы, Сыдаохэцзы, Лаомучжухэ, Тайпингоу, но и в Наньдадуне, Бэйда-дуне, Шитохэцзы района Ляншуйцюаньцзы, в Качжэкоре и в поселках поблизости от Тумыня.

Если бы я рассказал, что хотел отдать эту замечательную строевую лошадь другому человеку, то читатель наверняка бы не поверил этому. Однако история, о которой пойдет речь, действительно произошла в то время, когда вместе с бойцами взвода О Бэк Рёна мы вели работу с местными жителями. По всей видимости, это было в Гуфанлине или где-нибудь в другом месте. Неизбежные обстоятельства заставляли меня принять решение — расстаться с лошадью. Был тогда «период весеннего голода» до сбора нового урожая ячменя, и сельчане перебивались с хлеба на воду, испытывая острую нехватку продовольствия.

Мы не раз совершали налеты на врага, расположенного поблизости от нас, и доставляли продовольствие для населения района нашей дислокации. Но одним отбитым у врага продовольствием никак нельзя было удовлетворять потребности населения той местности. Мы максимально сократили расходпродовольствия, и сэкономленный запас про довольствия

раздавали крестьянам, хотя и сами жили впроголодь. Поэтому нам пришлось максимально сократить расходы на корм для белой лошади. Не легко было доставать даже такие корма, как сено и его заменитель — солому, не говоря уж о таких высокопитательных кормах, как овес, ячмень, соевые бобы.

Верные мои бойцы ни перед чем не останавливались, если дело касалось белой лошади. В каких бы трудных обстоятельствах ни находился наш отряд, они вдоль и поперек обшаривали близлежащие поселки и районы, контролируемые врагом, с тем, чтобы своевременно доставать такие корма для лошади, как овес и соль. Иные бойцы даже прочесывали убранные поля, чтобы собрать оставшиеся на них колосья. Были и такие, которые, собрав на полях один за другим колосья и растерев их ладонями, приносили в карманах и кормили зерном нашу лошадь. Каждый раз, как только они появлялись, лошадь мордой тянулась к их карманам.

Бойцы очень горячо любили и берегли белую лошадь. Конечно, я понимал, что все это они делали из уважения к своему командиру. И это было выражением чувства революционного товарищества и верности мне.

Безусловно, я был благодарен бойцам за проявление чувства товарищества и верности, но в то же время чувствовал себя немного неловко. При виде боевых друзей, которые прилежно занимались доставкой кормов и ухаживали за лошадью, я все больше и больше убеждался в том, что пора положить конец такому сверхвнимательному отношению к моей персоне. Мне чуждо было стремление пользоваться чужими услугами. Если бы кто-нибудь спросил меня: «Когда вы оказывались в самом неловком положении в вашей личной жизни в партизанские годы?», я бы ответил на это: «Когда бойцы оказывали мне какие-то особые услуги».

Когда мне приходилось сталкиваться с повышенным вниманием к моей скромной персоне, когда мне предоставляли особые льготы, которыми не могли пользоваться другие, я

испытывал не чувство превосходства или удовлетворения, что присуще тем, которые считают себя особыми, выдающимися личностями, а чувство такой неловкости и виноватости, словно приходилось сидеть на иголках.

Тогда я рассудил так: пусть мне придется страдать еще несколько месяцев из-за болезни ног, пока я не избавился от недуга, но мою верную и любимую лошадь надо обязательно отдать крестьянам. Такой мой поступок мог бы облегчить хлопоты подчиненным. Другое дело, если бы моя лошадь использовалась как тягловая сила в полупартизанском районе. Тогда бы ей не пришлось участвовать в боях, и не было бы опасности, что она погибнет. Сначала я решился было дарить лошадь тому старику — батраку по происхождению в Шилипине, который прислал мне в свое время такую же белую лошадь. Но вскоре передумал — этот поступок несомненно бы его огорчил.

Я вызвал дежурного и отдал ему распоряжение: сегодня днем покормить лошадь по-особому и обильно. Если бы даже для этого пришлось израсходовать весь запас кормов...

— Сегодня кормите ее, как на убой, самыми отличными кормами из наших запасов. А после обеда уведите лошадь в поселок, что расположен за горой, и там передайте ее председателю Антияпонского общества поселка. Желательно захватить с собой и весь запас кормов. Пусть там передадут лошадь самому бедному крестьянину, у которого нет тягловой силы.

— Слушаюсь! — ответил дежурный.

Однако он не решался выходить из комнаты. В его глазах была нерешительность.

— Отправляйтесь и побыстрее выполняйте приказ! —строго предупредил, видя нерешительность дежурного.

После выхода дежурного из комнаты я с раскаянием поймал себя на мысли: а не слишком ли черствым был мой приказ об отправке лошади? Вышел на двор, чтобы последний раз

проститься с нашей любимицей. Как обычно, я стал чистить ее металлическим скребком, а затем щеткой, неоднократно трепал ладонью гриву. При мысли о том, что я вместе с ней проделал несколько тысяч ли, сердце мое сжалось, словно от боли.

И вдруг произошел удивительный случай. Из глаз белой лошади, смотревших на меня, крупными каплями потекли слезы.

Я диву давался: почему животное предчувствует разлуку со мной? По всей вероятности, по выражению моего лица она поняла, какой приговор ей был вынесен.

Видя удрученный вид моей лошади, я впервые понял, что ив мире животных, которых мы, хлеща кнутом, заставляем идти куда угодно, существует прекрасная мораль, трогающая сердца людей, что эта мораль еще больше обогащает и делает разносторонней красоту мира, в котором мы живем,

«Прости меня, моя лошадь! Как ни жаль мне, но придется сегодня расстаться. Горечь разлуки мучительно больна и раздирает мое сердце, но больше я не могу ездить, не могу пользоваться привилегиями. Я никогда не забуду твои услуги — большие трудности и мучения выпали на твою долю!»

Уткнувшись лицом в лошадиную гриву, я некоторое время постоял, а затем вернулся в свой дом.

Помнится, в тот день, может быть, от душевной пустоты, за что бы я ни брался, все валилось из рук. Был такой момент, когда я уже раскаивался: а не напрасно ли я принял такое решение, уж не слишком ли я щепетилен, заботясь о своей репутации? Но ничего не поделаешь. Раз принято решение — отступать больше некуда. Я от души желал, чтобы мою любимую лошадь взял трудолюбивый и добрый хозяин, А теперь ждал дежурного, чтобы он явился ко мне с вечерним докладом.

Однако время шло, а дежурного все не было. Когда спустились вечерние сумерки, вместо него явился командир взвода О Бэк Рён, принес мне ужин и ни с того ни с сего начал разговор с извинения.

— Прошу наказать меня за нарушение дисциплины, — бросил он прямо с порога.

Услышав такое, я не мог взять в толк, что же с ним могло случиться?

—Какой дисциплины, о чем речь?

— Без вашего ведома я совершил налет на лесоразработки.

И сразу же О Бэк Рён начал поспешно рассказывать о том, что побудило его совершить такие действия.

... Утром дежурный, получив от меня задание отправить белую лошадь в соседний поселок, возвратился в казарму взвода. Встретившись с О Бэк Рёном, он рассказал ему, что было дано такое-то распоряжение. Другой бы приказ он выполнил во что бы то ни стало, но тут обстановка исключительная. Дежурный, волнуясь, начал разговор с О Бэк Рёном о том, не найдется ли какого-нибудь выхода из создавшегося положения.

О Бэк Рён согласился с его мнением:

—Бойцы постоянно ухаживали за белой лошадью и, видимо, из-за этого товарищ командир чувствует себя неловко. Вот он и принял такое решение. Можем ли мы отправить лошадь в поселок? Товарищ командир до сих пор не избавился от болезни ног. Если мы вдосталь запасемся кормами и будем стоять на своем, может быть, он изменит свое решение. Ты как дежурный пока не отправляй лошадь в поселок, а спрячь ее где-нибудь неподалеку. А я отправлюсь в японские лесо разработки «Синва» за кормами. Не надо докладывать, куда я ушел.

Лесоразработки эти находились в 16 — 20 километрах от Сяованцина. Там у О Бэк Рёна был знакомый. Он работал десятником, частенько бывал у нас в партизанском районе, занимаясь вырубкой леса. В ходе этого они, видимо, стали знакомыми.

О Бэк Рён, подобрав группу по доставке кормов из 5 — 6 человек, тут же направился в лесоразработки. Его знакомый десятник просил лучше всего совершить налет на

лесоразработки. А то, сказал он, может случиться беда, если установят, что он добровольно выдал зерно партизанам.

О Бэк Рён подумал, что действительно в словах десятника есть доля правды. Поэтому прибывшие с ним бойцы связали часового, а затем совершили набег на контору, где отдыхали да еще играли в карты чиновники и охранники лесоразработок. Его группа моментально разоружила их, а затем, взвалив на плечи 4— 5 мешков овса и соевых бобов, благополучно возвратилась на партизанскую базу.

Выслушав доклад О Бэк Рёна, я отодвинул ужин в сторону и вышел на двор. Действительно, все было так, как он говорил. Белая лошадь не была отдана обездоленному крестьянину в соседнем поселке. Ее возвратили из убежища, где она простояла целый день, скрытая от моих глаз, а теперь она снова находилась в своей конюшне. Увидев меня, лошадь фыркнула и, обернувшись, несколько раз кивнула мне головой, словно выражая благодарность.

Глаза у меня потеплели. Собственно говоря, мне было все-таки очень приятно ощущать поблизости это умное, преданное животное. Но неизменно вставал вопрос, как же поступить? Что делатьс этим О Бэк Рёном, упрямым, как пэктусанский медведь, и с дежурным? Поступив по своему усмотрению, они не выполнили приказ командира!

Конечно, у комвзвода расчет был прост: «Если будет большой запас кормов, то начальство, может, изменит свое решение об отправке лошади в соседний поселок». Придя к такому самовольному решению, О Бэк Рён совершил даже налет на лесоразработки. Нечего сказать, слишком уж субъективное суждение и небывалое упрямство! Если мне не удастся пресечь подобное самовольство в самом зародыше, то еще неизвестно, какой оборот примет это дело в дальнейшем. Чувство беспокойства, которое словно бы жгло меня, вызывало тревогу в моем сердце, но вместе с тем пробу ждалось во мне и чувство благодарности к нему.

Не странно ли, что я, как человек принципиальный до мозга костей, не в состоянии был, как прежде, настоять на своем? Перед глазами стояла картина: потихоньку щеткой чищу спину лошади, а она, обернувшись ко мне, со слезами на глазах кивает головой. Не оттого ли я не мог набраться смелости отчитать О Бэк Рёна за неповиновение приказу? К тому же О Бэк Рён уперся, как вол, а я не мог потребовать во что бы то ни стало выполнить приказ — отправить лошадь в соседний поселок.

— Товарищ командир! Накажете вы меня или же понизите по службе — ваше дело, но знайте, что пока я, О Бэк Рён, жив на белом свете, никуда нельзя отправлять эту лошадь.

Предъявив мне столь потрясающий ультиматум, он с шумом глубоко вздохнул, как будто только что вернулся из трудного боя. Я же ловил себя на желании обнять О Бэк Рёна и, похлопав его по спине, повторять слово: «Спасибо тебе, спасибо!»

Мне не раз приходилось восхищаться верностью этого смелого и дерзкого командира взвода, готового идти в огонь и в воду, не щадя своей жизни ради своего командира. Он уважал и ценил меня, как своего родного старшего брата. «Не кто иной, как Ким Ир Сен научил меня, темного человека, родной письменности, именно Ким Ир Сен открыл мне глаза на этот мир», — нередко говорил он в кругу товарищей.

Да и я тоже по-своему любил его, относился к нему, как к родному младшему брагу. Воспитанный мною командир сегодня ради моей белой лошади с риском для жизни совершил налет на лесоразработки.

Но ведь поступил он без разрешения начальства. По своему усмотрению совершать налеты, тем более с целью добычи корма для лошади — это же серьезное нарушение дисциплины. Если простить ему эту вольность, то в будущем он может сбиться с правильного пути, будет своевольничать и в дальнейшем. Как же поступить с ним?

В такой момент командир обязан принять надлежащее решение. А рядом стоял О Бэк Рён и смотрел вниз на миску супа на моем столике, от которой клубами поднимался пар.

— Остынет суп, — с беспокойством проговорил он, — поскорее кушайте на здоровье и накажите меня.

Вдруг я почувствовал, как повлажнели мои глаза. Он не уходил, а стоял и ждал наказания! Почему-то к горлу подкатил горячий комок.

... У О Бэк Рёна за плечами не простая история. Еще в бытность в Детском авангарде носил он с собой самодельный «пистолет с пичжикэ (спичка — ред.)». С ним он переправился в Онсон, застрелил там полицейского таможни и захватил у него ружье. Парень рос в бедности — в семье было 17 едоков. С детских лет отличался своей прямотой и принципиальностью, снискал любовь друзей.

Еще со времен Детского авангарда ему очень хотелось вступить в партизанский отряд. До чего он хотел добиться своей цели, хорошо рассказывает известное «происшествие с гильзами». Тогда ходили слухи: если хочешь вступить в партизанский отряд, надо иметь надежного поручителя или же захватить у врага ружье в качестве вещественного доказательства, или же в крайнем случае взять с собой хотя бы «скалку»-гранату. Зная об этом понаслышке, он отправился на поле боя, где только что прекратилась перестрелка. Завязав корой дерева обе свои штанины и взяв себе за пояс одной рукой, он начал собирать другой рукой патроны, гильзы и бросал себе за пояс. Наполнив таким образом обе штанины до краев, обливаясь потом, пошел в партизанский отряд.

Встав перед командиром, парень развязал нижние части штанин, и оттуда посыпались гильзы и патроны примерно в один моль.

— Ну, как? Принимаете меня в партизанский отряд?

Напустив на себя важность, О Бэк Рён уставился в командира роты.

Однако в тот момент, когда ждал, что вот- вот последует положительный ответ командира роты, все присутствующие партизаны захохотали.

— Послушай, парень, а зачем ты собирал пустые гильзы? Это же никому не нужные отбросы после ружейных выстрелов, — сказал улыбаясь командир роты.

О Бэк Рён по неопытности считал, что гильзы — это тоже боеприпасы, которыми можно разить врага. Убедившись в своей оплошности, он начал отбирать отдельно от гильз боевые патроны. Их набралось около сотен.

Тогда это «происшествие с гильзами» оказалось для него убедительным «приданым» и послужило путевкой в партизанский отряд. После своего зачисления О Бэк Рён дрался не на жизнь, а на смерть, чтобы отомстить врагу за родителей и братьев, погибших во время карательной операции противника. В первые дни партизанской жизни ему приходилось испытывать невероятные душевные муки. Однажды, при чистке ружья, он произвел шальной выстрел, за что был подвергнут наказанию.

Ротный политрук, объявивший ему взыскание, был шпиком, засланным к партизанам врагом. Пользуясь доверием фракционеров, занимавших важнейшие должности в Восточноманьчжурском Особом комитете и в уездном парткоме, он «дослужился» до должности ротного политрука. Он лез из кожи вон, пытаясь изнутри разложить партизанский отряд.

То взыскание, которое наложил тот шпик на О Бэк Рёна за шальной выстрел, было слишком бесчеловечным и даже, можно сказать, подлым, оно даже не укладывается в обычное человеческое понятие с точки зрения дисциплины и норм морали революционной армии. В качестве наказания ему было приказано проникнуть в Мудань, где располагалась рота марионеточной Армии Маньчжоу-Го, снять государственный флаг, что развевался в центре земляных укреплений, и доставить его в расположение партизанского отряда. Все это было

равнозначно приказу идти на риск для жизни, на верную гибель во вражеском стане.

Конечно, все его боевые друзья были уверены, что О Бэк Рён не сможет вернуться живым. Но он благополучно возвратился из Муданя, расположенного в 40 километрах от района дислокации партизанского отряда, с флагом Маньчжоу-Го.

После случившегося тот подлец, носивший маску политрука, всячески ждал удобного случая, чтобы расправиться с О Бэк Рёном. Он даже не разрешал партизанам разбавлять водой кашу при еде. Он сказал: военным не есть суп, питаться только сухими продуктами.

Однажды в роте зарезали корову. Это был редкий случай. Партизанам до чертиков надоели гарниры без супа. Все в роте радовались, что вечером им представится возможность досыта поесть, разбавив кашу супом с говядиной. Но не тут-то было — появился и на этот раз тот никчемный «политрук» и дал распоряжение: не есть суп, а есть только одну кашу и говядину. И обоснование подвел: если, мол, есть суп с говядиной, которой им не всегда доводится полакомиться, то можно заболеть поносом. Итак, бойцы вновь не смогли поесть супа с говядиной, о котором они мечтали.

Ослушавшись распоряжения лжеполитрука, суп съели только О Бэк Рён и еще одни партизан. Незаметно поднесла им это кушанье жена второго старшего брата О Бэк Рёна, которая работала кухаркой. О Бэк Рён ел суп с говядиной за штабелями дров во дворе казармы, как вдруг перед ним появился политрук. Этот случай дал ему повод приклеить О Бэк Рёну ярлык «мнинсэндановца». Если бы товарищи по борьбе не поручились за него, он был бы казнен по обвинению в причастности к «Минсэндану»

Позже политрук был разоблачен как шпион и казнен О Бэк Рёном. Командиру взвода было очень обидно и досадно из-за

того, что этот подлец, наложив на него взыскание, умышленно отправил его тогда на верную смерть...

Вспоминая обо всем этом, я думал: если я наложу на него сейчас взыскание, то не станет ли оно новой раной в его душе?

— Товарищ командир взвода! — сказал я. — Я благодарен вам — ради моей лошади вы совершили рейд в район, контролируемый врагом. Но нарушение дисциплины — это серьезная ошибка, недопустимая для командира, она не должна больше повторяться. Я отлично понимаю настроение товарищей и не стану отправлять лошадь в поселок. Вы довольны таким решением?

На мой вопрос О Бэк Рён ответил, улыбаясь;

— Да, я доволен!

Он, словно ребенок, прыгал от радости, возвращаясь к месту своего ночлега.

Вот таким коротким замечанием я покончил с тем делом.

И впоследствии белая лошадь верно служила мне.

До сих пор нельзя забыть случай, произошедший в самом разгаре боя за оборону Сяованцина. Тогда враги пробрались и в Хвангаригор, находящийся на краю Лишугоу, убили многих жителей партизанского района. Трупами были покрыты сопки, поля и долины, хижины были сожжены дотла.

Я чуть ли не каждый день командовал боями, скача верхом на лошади, прорываясь сквозь огневую завесу, под градом пуль и осколков снарядов. Если вчера организовывал оборону на Острой горе, то сегодня появлялся на горе Мопаньшань для отражения наступления врага, а на следующий день оказывался уже на высоте горы за Лишугоу, где руководил боем с целью прикрытия мирных жителей. Так, мотаясь по дорогам, исколесил всю местность вдоль и поперек. Не раз приходилось переживать смертельные опасности, которые подкарауливали меня на каждом шагу.

Пули и осколки сыпались градом, горело мое пальто — огонь охватил даже шерстяную подкладку. Пламя от горящей

ткани представляло смертельную угрозу. Но я не заметил этого потому, что лошадь скакала навстречу ветру, который отбрасывал назад подолы горящего пальто.

О том, какую опасность представляет огонь, я понял лишь тогда, когда лошадь повернула по направлению ветра. Теперь ветер дул мне в спину, раздувал пламя, а мне некогда было снять с себя пальто. Если соскочу с бегущей лошади — разобьюсь о скалу и прощай жизнь! В лучшем случае отделаюсь серьезной травмой.

В столь критический момент лошадь, которая стрелой рванулась вперед, замедлила вдруг скорость перед снежной впадиной и, осторожно подогнув передние ноги, свалилась набок. Я упал с лошади и кубарем скатился в снежный сугроб. Утопая в снегу, я вертелся, кидался из стороны в сторону. Таким образом мне удалось загасить огонь на моем пальто и обмундировании.

Пострадала и лошадь. Ее ноги были разбиты и окровавлены. Да, отчетливо понял я, не будь моей белой лошади, я в тот день не мог бы спастись от верной гибели. Хотя я избежал смерти, но получил бы серьезные ожоги, которые врачи считали бы смертельными.

Тогда я не скупился на похвалы в адрес белой лошади, восхищаясь удивительной силой ее предчувствия. Как она могла узнать, что моя одежда охвачена пламенем? Это остается действительно необъяснимой загадкой.

До сих пор я не могу разгадать этот секрет. Если ее необыкновенная способность чувствовать обстановку заключалась в превосходном инстинкте животного, то, спрашивается, на чем же основывалась ее удивительная самоотверженность — спасти своего хозяина, разбив о скалы даже свои ноги?

В народе бытует мнение: «Верная собака и любимый конь». Но я хотел бы несколько перефразировать эту поговорку — «Верный конь, любимая собака».

Моя белая лошадь превратилась в легендарное существо, пользующееся любовью населения партизанских районов. Слухи о белой лошади широко распространились среди населения не только полу партизане к их, но и контролируемых врагом районов, прилегающих к Сяованцину. Даже У Ичэн завидовал, что у меня появилась столь замечательная лошадь.

— Командующий Ким, не хотели бы вы обменять вашу белую лошадь на 50 строевых лошадей? — с такой просьбой обратился он ко мне, когда я выехал к нему в Лоцзыгоу на переговоры по вопросу создания единого фронта с китайскими антияпонскими отрядами.

Точно не помню, что я ответил тогда. Командующему У не терпелось заполучить себе мою лошадь. Но и после окончания переговоров в Лоцзыгоу я возвратился в Мацунь на той же белой лошади.

Года два провоевал я на этой лошади, сменяя подковы одну за другой. Прошли мы, как говорится, сквозь огонь, воду и медные трубы, проделали путь в несколько тысяч ли. Зимой 1934 года лошадь скончалась в Сяованцине.

Когдая возвратился с первого похода в Северную Маньчжурию, белой лошади уже не было на свете. Осталась только ее могила там, где животное было погребено моими товарищами. Не выразить скорбь, которая охватила меня тогда!

Разделяя мою глубокую скорбь, бойцы предлагали про извести траурный салют. Но я не согласился с ними. Какой толк от траурного салюта? И при своей жизни лошадь проводила тревожное время под гул канонады и ружейные выстрелы. Я просил не стрелять, пусть она спокойно спит хоть бы на том свете. Вероятно, и сейчас где-то в Ванцине сохранилось место погребения необычной белой лошади.

В начале 60-х годов, когда О Бэк Рён работал начальником Главного управления охраны, мы с ним верхом выезжали на прогулку и делились воспоминаниями о белой лошади. С тех пор прошли десятки лет, но вчерашний командир взвода во всех

подробностях вспоминал случаи, происшедшие с белой лошадью. Об этих воспоминаниях как-то узнали писатели Сон Ен и Ли Ги Ен. Насколько мне известно, один офицер обратился к ним с просьбой написать воспоминания о белой лошади. Но я не знаю до подробностей, как это началось и чем закончилось.

Но рожденная в огне антияпонской войны и посвятившая свою жизнь этой войне, белая лошадь предстала живым образом не со страниц воспоминаний, а на небольшой картинке, выполненной маслом, которая висит в Музее корейской революции. Вероятно, легенда о белой лошади просочилась через Ли Ги Ена и Сон Ена к художнику Чон Гван Чхору. Картина была написана им, теперь его уже нет с нами. По просьбе О Бэк Рёна я пошел в Музей, увидел там знаменитую картину. Вначале на ней были изображены только я и белая лошадь. Глядя на картину, я думал о моих ординарцах, которые хранили верность мне и любили мою белую лошадь, а также о О Бэк Рёне. И я высказал свое мнение; было бы лучше, если бы на картине были изображены и они. Выполняя мою волю, художник дополнил картину, изобразив еще двух ординарцев. Это и есть то полотно, которое выставлено ныне в Музее корейской революции.

Каждый раз, когда меня берет тоска по моим верным ординарцам и белой лошади, я прихожу в Музей. Однако ныне, когда мне перевалило за восемьдесят, я рисую их только в воображении. Образ верной моей лошади и поныне живо встает перед моими глазами, как 60 лет тому назад.

Если бы та лошадь была человеком, то можно сказать, что она была самой верной из вернейших.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Под знаменем борьбы против японского империализма

Ли Гван

Переговоры с У Ичэном

Рейд в уездный центр Дуннин

Об ультрадемократии в войсках

Мацуньская операция

Оружейная мастерская в тайге

Вечно неувядаемые цветы

Февраль — октябрь 1934

1 . Ли Гван

Наша дружба с Ли Гваном завязалась еще в Гирине.

Однажды группа Ким Чжуна, принадлежавшая к Молодежной федерации Восточной Маньчжурии, привела и представила мне незнакомого юношу. Этот незнакомец и оказался Ли Гваном.

Тогда среди наших коллег были разные толки по поводу появления Ли Гвана в Гирине. Одни говорили, что он приехал для учебы, другие утверждали, что он хочет нащупать линию подпольной организации, третьи молвили, что цель его приезда — узнать реальное положение дел в молодежно-ученическом движении в районе Гирина. Каждый рассуждал по-своему. Ким Чжун подсказал мне, что Ли Гван, вероятно, приехал в Гирин с тем, чтобы участвовать в каком-либо тайном собрании учителей, которое будет проходить в масштабе провинции.

Толковый, великодушный и молчаливый парень — таким было мое первое впечатление о Ли Гване. Впоследствии, в ходе новых встреч с ним, я убедился, что он был необыкновенно предприимчивым, сердобольным, обладал высоким чувством товарищества.

Почему-то в то время наши ребята были в значительной мере очарованы Ли Гваном, как говорится, с первого взгляда. Они всячески уговаривали его оставаться в Гирине, разъясняя ему: для расширения кругозора лучше поступить в Вэньгуанскую среднюю школу, а для карьеры надо заниматься в юридическом институте, но самым подходящим местом для революционной деятельности является Юйвэньская средняя школа.

Ли Гван тоже не хотел покидать Гирин. Юноша сказал, что когда учился в начальной школе в Гучэнцзы уезда Яньцзи, не раз бывал в Гирине, выполняя задания «стариков» Армии

независимости. Он добавил, что за прошедшее время неузнаваемо изменился образ жизни учащейся молодежи по сравнению с прошлым. Не уставал восхищаться, постоянно повторяя: раньше в этом городе не чувствовалось, существует здесь молодежь или нет, а теперь Гирин напоминает кипящий котел благодаря активному общественному движению молодежи. Итак, на первых порах Ли Гван стал заниматься в Гиринской средней школе № 5.

Вначале Ли Гван познакомился с такими лидерами Армии независимости, как Хон Бом До, Ким Чва Чжин,Хван Бен Гир и Чвэ Мен Рок. В доме его жены в Гучэнцзы долгое время находился штаб одного из отрядов этой армии, что дало ему возможность иметь контакты со многими руководителями национального движения. Сообразительность, рассудительность и молчаливый характер юноши сразу же привлекли внимание старых вожаков Армии независимости. Подобно тому, как О Дон Чжин и Ли Ун желали сделать меня продолжателем их дела, те вожаки хотели, видимо, вырастить из Ли Гвана будущего руководящего деятеля своей армии. С детства Ли Гван учил иероглифы в частной школе содан, которую содержал его дед по материнской линии. Его отец страдал хронической болезнью. Поэтому юноша бросил мечту о продолжении учебы и в 14-летнем возрасте возложил на свои хрупкие плечи тяжесть домашнего хозяйства. С 16 лет стал главой семьи в подлинном смысле, целиком отвечая за все домашние дела. Поэтому и опоздал получить школьное образование. После учебы он одно время работал учителем в начальных школах в Яньцзи и Ванцине.

До тех пор его звали Ли Мен Чхуном — это было его настоящее имя. Ли Мен Чхуна стали называть Ли Гваном с того времени, когда он начал учительствовать в Бэйхаматане волости Чуньхуасян. Тогда в Бэйхаматане устраивались ораторский конкурс и спортивные соревнования учеников восьми школ, находящихся в его окрестностях. Это было одним из

мероприятий просветительской деятельности. Причастный к подпольной работе. Ли Мен Чхун выступал в футбольных соревнованиях в составе команды Бэйхаматана под псевдонимом Ли Гван. С тех пор люди стали называть его этим именем.

— Армия независимости познакомила меня с национализмом, а с коммунизмом — тоже движение независимости, — сказал Ли Гван при первой встрече со мной, вспоминая годы жизни в Гучэнцзы.

Эти слова показались мне весьма странными.

— Значит, эти старики Армии независимости вбили тебе в голову. Ли Гван, одновременно два идейных течения?

— Нет, не вбили, а, как сказать... Точнее, заразили меня этими течениям и. Правда, с их помощью я подвергался влиянию как национализма, так и марксистско-ленинской идеологии.

— Наверное, они были носителями двойственных идейных течений?

— Не совсем точно, вернее бы считать их искателями путей переворота в движении. Участвуя в движении Армии независимости, они в то же время с увлечением тайком читали коммунистическую литературу. В доме моей жены в углу комнаты было немало книг, которые они читали. И я на первых порах от скуки начал читать эти книги. Они оказали на меня очень большое влияние.

— Рад познакомиться со сторонником коммунизма, —

сказал я и горячо пожал ему руку.

— Но Ли Гван, отмахиваясь, почему-то поторопился ответить отрицательно:

— Нет, я еще не успел стать коммунистом. В теории коммунизма, что разработали Маркс и Ленин, немало непонятных мне утверждений. Кажутся слишком невероятными коммунистические идеалы в свете моих скромных понятий. Эти мои слова могут разочаровать тебя. Сон Чжу, но я не люблю

окольных путей и говорю откровенно. Извини, если что не так сказал.

Мне понравился прямой характер Ли Гвана, хотя это была наша первая встреча. Эта прямота была просто очаровательной.

Итак, вначале Ли Гван не был ни националистом, ни коммунистом. Словом, он представлял собой человека, находившегося на повороте идеологического течения. В ходе контактов с нами в Гирине он стал полным приверженцем коммунизма. Однако не был пока включен в организованный нами комсомол и Антиимпериалистический союз молодежи.

Впоследствии были найдены материалы, подтверждающие, что Ли Гван, отправляясь в Гирин, раздобыл 400 с лишним вон на дорожные расходы, отдав под залог три листа из земельного кадастра, в котором было зарегистрировано 10 гектаров в качестве школьных земельных угодий, специально выделенных государством для функционирования учебного заведения. До сих пор неясно, соответствует ли это действительности. Но если дело обстояло именно так, то, по-видимому, Ли Гван строил далекоидущие планы, пойдя на риск отдать не частные, а казенные земли под залог, чтобы отправиться на чужбину.

Говорят, в письме, оставленном Ли Гваном шурину перед уходом из дома, было написано: «Я найду во что бы то ни стало настоящего патриота, даже если придется для этого обойти всю маньчжурскую равнину и восемь провинций Кореи. Никто не знает, когда сбудется эта мечта, через 10 или 20 лет. Но клянусь не возвращаться домой, к родителям, до тех пор, пока не будет достигнута эта цель».

Столь большая решимость показывает характер Ли Гвана и причину того, почему он ушел от своих родных и без устали обходил все главные города и центры политической деятельности в Маньчжурии. Это был принципиальный, обстоятельный и благоразумный человек. Он говорил свободно на китайском языке, не хуже туземцев Северо-Востока Китая.

Это преимущество позволяло ему работать позже старостой десятидворика, стадворика и даже волостным начальником.

Я, как уроженец одной из западных провинций Кореи, через Ли Гвана узнал обычаи жителей Цзяньдао и провинции Хамген.

После приезда в Гирин Ли Гван почему-то не собирался участвовать в жизни организации. Думаю, что на этом сказывалась, может быть, психология временного пребывания — он считал Гирин чем-то вроде промежуточной станции, где можно пробыть недолго. Зато он часто встречался со мной. Через меня он завязал сердечную дружбу и с моей матерью. Ли Гван увиделся с ней в то время, когда после учебы в Гирине возвращался в Цзяньдао. Перед отъездом он посетил меня и, прощаясь, вдруг сказал;

— Сон Чжу, как твое мнение, если я по пути в Цзяньдао зайду в Фусун и увижусь с твоей матерью?

Я был благодарен ему за это.

— Такой вопрос не к лицу тебе. Ли Гван, поступай, как знаешь. Незачем спрашивать разрешения.

— Значит, согласен? Я увижусь с твоей матерью, гак я решил. Все другие с почтением зовут твою мать «нашей матерью», но я еще не успел поздороваться с нею. Какое это упущение! Сон Чжу, разве твоя мать является «нашей матерью» только для Ким Хека и Ке Ен Чхуна? Я тоже хочу называть ее своей матерью.

— Спасибо, Ли Гван! Значит, появился у моей матери еще один сын. Отныне мы с тобой. Ли Гван, родные братья.

— Тогда не следует ли нам чокнуться или хотя бы съесть вместе куксу?

Конечно, мы и чокались, и ели куксу за одним столом.

Ли Гван, как и предполагал, зашел в Фусун и, проведя несколько дней у моей матери, вернулся в Ванцин. В то время его семья жила не в Иланьгоу уезда Яньцзи, а в уезде Ванцин.

После ухода Ли Гвана из Фусуна я получил от матери письмо, в котором было сказано о нем очень многое. Она писала:

«Сынок мой, Сон Чжу, сегодня Ли Гван отправился в Цзяньдао. Я провожала его до переправы на берегу Сунгари. Я чувствовала такую грусть, какую ощущала в тот день, когда провожала тебя на чужбину, и у меня все валилось из рук. Какой это искренний человек! Странно, вовсе не думалось мне, что он чужой. Он тоже звал меня родной матерью. Я очень рада, что изо дня в день множится у меня число таких славных сыпю вей. На свете нет и не может быть большего счастья, чем это. Ты представил мне очень хорошего парня. Этот Ли Гван вместе с Чхоль Чжу пошел в поселок Яндицунь, отвесил поклон перед могилой твоего отца и даже скосил траву на ней. Посещают наш дом не один и не два твоих друга, и я знаю немало юношей. Но я впервые видела такого человека, который поступил так, что я стала любить его всей душой. Желаю, чтобы ваша дружба была неизменной, как вечнозеленая сосна на Южной горе».

Прочитав письмо, я тоже целый день бродил по берегу Сунгари с приподнятым настроением. Передалась мне радость матери, которой была преисполнена каждая строка письма. Радость матери была моей радостью, ее удовлетворение—моим удовлетворением. Если появление Ли Гвана принесло матери столь большую радость, то это было и для меня величайшей радостью.

После ухода Ли Гвана из Гирина я получил по почте сообщение о денежном переводе. Не раз в тех или иных случаях я говорил о том, что многие люди оказывали мне финансовую поддержку в годы учебы в Юйвэньской средней школе в Гирине. В большинстве своем это были друзья моего отца, которые проживали в городе Гирине или находились в Люхэ, Синцзине, Фусуне, Хуадяне и на других опорных базах Армии независимости и часто посещали штаб-квартиру группировки Чоньибу. Среди них были О Дон Чжин, Сон Чжон До, Ряп Сэ Бон, Чан Чхоль Хо, Хен Мук Гван и другие. Тогда, в годы моей жизни в Гирине, комсомольцы и члены Общества корейских учащихся в Гирине тоже оказывали мне материальную помощь.

Не был богачом Син Ен Гын, который, учась в Вэньгуанской средней школе, активно участвовал в комсомольской работе. Однако он тоже помогал мне деньгами для платы за обучение.

Как у же было сказано, моя мать шитьем по найму зарабатывала в день мизерную сумму денег — по 5 — 10 *чон.* Если удавалось зарабатывать каждый день по 10 *чон*, то и тогда получилось всего 3 *воны* в месяц. Эта сумма равнялась месячной плате за обучение в Юйвэньской средней школе.

При отправлении мне платы за обучение мать не пользовалась почтой, чтобы экономить деньги. Она копила заработанные деньги копейку за копейкой и, когда накапливалась сумма, равная месячной плате за обучение, посылала ее мне через людей, ехавших в Гирин. Поэтому мне не приходилось ходить на почту.

Каждый раз, когда я получал деньги через приезжих, я ощущал два противоречивых чувства. Первое — облегчение при мысли, что присланная сумма избавит меня от стыда из-за вероятной просрочки платы за обучение. Второе — беспокойство зато, что моей семье трудно будет сводить концы с концами, так как я понимал, что они отправляют целиком свой месячный заработок.

Собственно, 3 *воны* было ничтожной суммой, которую сыновья богачей могли расходовать за один присест. Большую половину учеников Юйвэньской средней школы составляли сыновья обеспеченных семей. Иногда в школу поступало в день несколько десятков извещений на получение денежных переводов, которые мы называли «чеками». В такой день впадали в уныние дети малоимущих родителей, которые, как я, ни разу не видели, что такое «чеки».

И вдруг поступило извещение о денежном переводе на сумму 10 вон на мое имя. Я был в числе учеников из самых бедных семей среди детей из простолюдинов. Поэтому получение денег не могло не быть для меня большим событием. Идя на почту с извещением на денежный перевод, я ломал

голову, чтобы угадать, кто же направил мне такие большие деньги? Но никак не мог припомнить знакомого, который мог бы послать их мне. Из других районов, кроме Гирина, могла направить мне деньги только одна моя мать, но она никак не могла бы в одночасье заработать такую крупную сумму. Я думал; может быть, это почтовая ошибка и мне вручили чужое извещение? Но это тоже было маловероятным.

На почте не сразу выдавали деньги, если получатель не мог назвать имя их отправителя. Но в тот день почтовый служащий, принявший от меня извещение на денежный перевод, не спросил имя его отправителя, а сразу же выдал деньги. И я сам спросил у него, кто же послал мне деньги. Из-за перегородки донесся неожиданный ответ: «Ли Гван». Это сообщение ошеломило меня. У меня было немало друзей, более близких, чем Ли Гван. Правда, в Гирине я с ним подружился, но даже не мог представить себе, что он пошлет мне такие деньги.

Я был до слез тронут глубокомыслием и дружелюбием Ли Гвана.

Впоследствии, после возвращения в Ванцин, Ли Гван не прерывал связь с нашей сем ьей. Когда моя мать жила в Аньту, он посещал ее в Синлунцуне, принося немало пакетиков с лекарствами народной медицины и денег. Он откладывал их из своей зарплаты, работая старостой стадворика. У Ли Гвана была кристально чистая душа, и он оказывал другим сердечную, бескорыстную помощь.

Пребывая по нескольку дней у моей матери, он заботился о жизни нашей семьи, а потом возвращался в Ванцин. Так он стал желанным гостем нашей семьи и пользовался особой любовью всех ее домочадцев.

Получая от других финансовую помощь, я каждый раз испытывал чувство горечи от того, что не могу отплатить чем-то за проявленную обо мне заботу. Но наша семья была слишком бедна, чтобы хотя как-то отплатить за предоставляемую нам помощь. И тогда я решил ответить на заботу моих близких и

друзей тем, что стану лучшим сыном Родины и верным слугой народа.

Зимой 1929 года Ли Гван сел на поезд, следующий по маршруту Гирин—Дуньхуа, чтобы встретиться со мной. Оказалось, он выбрал время неудачно: я как раз тог да сидел в тюрьме.

В гостинице, где остановился Ли Гван, была официантка по имени Кон Сук Чжа. Ему удалось через нее подробно ознакомиться с реальным положением дел в молодежно-ученическом движении в Гирине и в его окрестностях, расспросить о методах борьбы его руководящего ядра. Кон Сук Чжа под видом официантки выполняла задания комсомольской организации — играла роль «моста», устанавливая наши связи с молодежью, прибывающей в Гирин. Она, случайно встретившись с Ли Гва-ном в гостинице, стала позже его второй женой. Первая жена Ли Гвана по имени Ким Орин Не умерла по болезни.

И после ее смерти Ли Гван не забывал жену, которую очень любил. «Нет на свете женщины лучше нее», — думал он, решив всю жизнь оставаться холостяком. Не успел пройти и год, как умерла Ким Орин Не, приходили к нему многие люди из различных местностей, предлагая жениться вновь. Но этот честный, с чистой душой, человек не хотел даже ни с кем знакомиться.

При каждой встрече с Ли Гваном я вместе с товарищами уговаривал его жениться, чтобы было кому заботиться о маленьком ребенке и страдающих от болезней родителях. Но заставить его изменить свое решение было труднее, чем выжатьсмолу из засохшей сосновой ветки. Ли Гван послушался моего совета лишь после трехлетнего траура по Ким Орин Не.

Кон Сук Чжа, вторая жена Ли Гвана, была доброй и умной женщиной. Она окружала его детей от первого брака сердечной заботой, и люди восхищались ее искренностью. Дети любили ее

как родную мать. К несчастью, онане могла рожатьсобственных детей...

Ли Гвану не удалось увидеться со мной, но при помощ и Кон Сук Чжа он завязал дружеские отношения с молодежью — участниками общественного движения, которые учились в Юйвэньской средней школе в Гирине и в Гиринском педучилище. Гиринская организация дала познать Ли Гвану истину, что для достижения независимости страны необходимо прежде всего сплотить все патриотические силы. А для их сплочения нужны убедительные идеи и политическая линия, которые могли бы стать их знаменем, и нужен центр их единства и сплоченности. С этим убеждением он и вернулся в Цзяньдао.

Пребывание Ли Гвана в Гирине явилось событием, послужившим своего рода поворотным моментом в его революционной деятельности. После этой поездки за ним был установлен негласный надзор агентов японского консульства и маньчжурской полиции. Но он ничуть не испугался и смело продолжал следовать вперед новым курсом.

Борьба по поводу осеннего урожая и выступления периода весеннего голода подтвердили истину, постигнутую Ли Гваном в Гирине. В этой борьбе его мировоззрение достигло новой стадии развития.

После переселения в Ванцин Ли Гван начал работать волостным начальником в Бэйхаматане. Небезынтересным было то, что человек, считавший революцию своим идеалом, занимал должность начальника волости — слуги низшей инстанции административного органа.

В декабре 1931 года в Минюегоу я вновь встретился с Ли Гваном. Тогда он был очень занят работой по обеспечению участников зимнего Минюегоуского совещания ночлегом и питанием. Он появился там, где проходило заседание, неся на плечах вещмешок с чумизой и еще пять фазанов. Я восхищался им, повторяя про себя: «Ли Гван есть Ли Гван!»

Куксу из картофельного крахмала с фазаньим и куриным мясом —специфическое кушанье Цзяньдао, было так вкусно, что все были готовы попросить двойную порцию. Мы с Ли Гваном уничтожили по две порции *куксу* за одним столом. Наевшись досыта, легли в верхней комнате дома Ли Чхон Сана, подложив под головы деревянные валики вместо подушки. Так и продолжали беседовать всю ночь напролет.

Первым делом я выразил ему мою сердечную благодарность за то, что он искренне помогал моей матери в домашнем хозяйстве и прислал мне деньги для платы за обучение. Я сказал тогда:

— Нынче вечером думал о многом, поедая куксу. Честно говоря, тронут до слез теми усилиями, которые ты прилагал к тому, чтобы достать это мясо для куксу. Ты, Ли Гван, и во время учебы в Гирине часто угощал меня в столовой. Когда же я смогу отплатить тебе за всю эту заботу?..

Ли Гван, слегка тронув мое плечо, ответил:

— Какая тут забота! Я просто помогал твоей семье, Сон Чжу, считал, что делаю доброе дело, отдавая деньги в фонд помощи. Ведь твой отец посвятил всю свою жизнь движению за независимость. И ты руководишь молодежно-ученическим движением и тоже испытываешь немало трудностей. Наш долг — оказать помощь семье патриотов. Ну, хотя бы незначительными денежными суммами... Разве это забота? Не произноси больше такого слова.

Он сделал вид, будто обиделся, и, подняв руку, слегка погрозил мне пальцем.

Тут я, кажется, увидел новую черту в характере Ли Гвана.

— Это не так, Ли Гван. За заботу обязательно следует выразить благодарность. Еще раз спасибо тебе от меня и от имени моей матери. Откровенно говоря, я не мог даже представить себе, что ты окажешь нам такую искреннюю помощь.

— А вот я представил себе это. Впрочем эта моя помощь неслучайная. Здесь есть повод.

— Какой тут повод?

— Однажды твоя мать рассказала мне словно бы сказку, как состоялось ее бракосочетание с твоим отцом. По ее словам, это бракосочетание осуществлялось с очень большими трудностями.

—Я знаю об этом. После смерти отца мать рассказала нам, трем братьям, об этой старой истории. Это же горькая история.

Это была старая история, связанная с бракосочетанием моих родителей. Вероятно, она произошла накануне «аннексии Кореи Японией».

... Чхильгор, где находился дом матери, и село Нам, где был дом отца, были расположены километрах в трех друг от друга, разделенные небольшой горой. Чтобы идти в центр Пхеньяна из села Нам, нужно было проследовать мимо Чхильгора. А людям Чхильгора приходилось проходить мимо этого села, чтобы идти в Нампхо. Благодаря этому жители соседних сел завязали тесные, дружеские связи. Они часто посещали друг друга и между молодежью нередко имело место бракосочетание.

Мой дед по материнской линии искал в селе Нам подходящего зятя для своей дочери и остановил свой выбор в первую очередь на моем отце. Сваха обивала пороги обо их домов. После этого дед по матери первым посетил дом моего отца в том селе, Но он не мог принять твердого решения насчет бракосочетания и возвратился в Чхильгор. Конечно, ему понравился кандидат в зятья, но его беспокоила крайняя нужда семьи моего будущего отца. Дед опасался, как бы дочь не терпела одни только лишения в столь бедной семье.

Позже он еще побывал в доме моего будущего отца пять раз. Проклятая бедность не позволяла родителям отца даже как следует угостить обедом будущего свата, наносившего визиты целых шесть раз. Только после шестого посещения дед по материнской линии из Чхильгора, посоветовавшись со своей

старухой, прислал в село Нам письмо, в котором содержалось согласие на помолвку...

— Выслушав рассказ о столь необычном бракосочетании, я лучше узнал твою родословную. Ты, Сон Чжу, наверное, удивишься не на шутку, если скажу, что я знаю даже историю о крабах.

Действительно я изумился, когда Ли Гван напомнил историю о крабах. Это была старая история, которую знали в нашей семье лишь моя мать, дедушка Бо Хен и еще несколько взрослых и я.

— Каким образом тебе стала известна даже эта история?

— Можешь себе представить, какие дружеские связи у меня с твоей семьей!

Ли Гван сделал немножко гордый вид, увидев мое удивление.

... Я начал ловить крабов лет с шести-семи, когда проводил детство в Мангендэ. Мой дед часто занимался ловлей крабов, чтобы хоть как-то пополнить запасы продовольствия в нашем хозяйстве. Было много крабов в реке Сунхва, притоке реки Тэдон. Почему-то дед обязательно брал меня с собой, когда отправлялся на ловлю крабов. Может быть, он хотел научить меня с детства добывать средства на пропитание? Хотя богачи не считали крабов продуктом питания, но засоленный краб считался у нас особенным блюдом.

Ловля крабов была весьма простым и даже скучным занятием. Когда в реку бросали вареные колосья гаоляна, вокруг собиралось много крабов — их привлекал запах гаоляна. Мы ловили по несколько десятков и сотен крабов в день. С большим удовлетворением мы возвращались домой с сумкой, набитой своей добычей.

Крабы занимали немалую долю в пропитании нашей семьи. Когда в доме появлялся гость, бабушка угощала его засоленными крабами, которые хранились в глиняных кувшинах. Видя это, я подумал о том, как хорошо было бы угостить

дедушку и бабушку, родителей матери, такими крабами. Для меня дом моей матери в Чхильгоре являлся таинственным уголком, вызывающим глубочайшую привязанность и симпатию. Я любил приятный запах нарезанной соломы в коровнике этого дома, радовало меня веселое щебетание птиц на ветвях жужубы во дворе. С величайшим интересом слушал я сказки летним вечером, сидя на мате и вдыхая запах полыни, когда разводили костер от комаров.

Сестра моей матери всегда твердила о том, что я ни на минуту не должен забывать о Чхильгоре, так как я родился в доме матери. Видимо, мать некоторое время находилась тогда в доме своих родителей. Однако мой дедушка и бабушка постоянно утверждали, что местом моего рождения является село Нам. «Твоя мать находилась несколько дней в доме своих родителей и там родила тебя, это правда, — говаривали они. — Но не положено считать Чхильгор местом твоего рождения. Пусть женщина родила ребенка в другом селе, но по нашим исконным традициям местом его рождения должна считаться местность, где находится дом его отца».

Так или иначе, но я любил дом матери, словно свой родной дом. И это чувство взыграло во мне и во время ловли крабов.

В то время я уже ходил в Чхандокскую школу в Чхильгоре. По воскресеньям шел в Мангендэ и вместе с дедом мы ловили крабов. Как-то раз я спрятал в кустарниках половину добычи, а деду передал сумку с остальными крабами.

— Сегодня не так удачна ловля, — проговорил он с сожалением. Но я пропустил мимо ушей его сетования.

Собственно говоря, я должен был честно сказать деду, что половину добычи оставил для дома матери. Но я не решился на это, потому что не знал, удовлетворит или огорчит моего дедушку такое признание. Доставив сумку с крабами домой, следуя за дедом, я затем снова пошел на берег реки Сунхва и, сложив спрятанную в кустарниках добычу в сумку, побежал стремглав в Чхильгор. Обитатели дома матери обрадовались,

говоря, что это благодаря заботе Сон Чжу им довелось полакомиться крабами. Я сказал, что это подарок моего деда Бо Хена из Мангендэ, поэтому его и следовало бы благодарить.

Однажды дед по матери, гостивший у нас в Мангендэ, подробно рассказывал деду Бо Хену об упомянутых крабах. Он добавил, что благодаря заботам свата они полакомились вкусными крабами и поблагодарили его. Сначала дед Бо Хен не понял, в чем дело, но, выслушав слова свата до конца, остался очень доволен.

Спустя несколько дней дед похвалил меня за тот поступок, сказав, что у меня хорошая сообразительность и доброе сердце...

Вот такова была эта история с крабами, о чем напомнил Ли Гван. Это был эпизод, порожденный бедностью, в какой-то мере житейская драма, отражавшая человечность и доброту.

Но, казалось мне, Ли Гван смотрел на этот эпизод не с позиций человечности, у него на этот счет была другая точка зрения.

— Я стал сочувствовать твоей семье, выслушав рассказы о бракосочетании и крабах, — проговорил он.

Я был в полной мере пленен его добродушием, выраженным в этих глубокомысленных словах.

— Ну, как. Ли Гван, интересно тебе работать волостным начальником?

Этот вопрос интересовал меня еще в то время, когда я находился в средней части Маньчжурии. Подпольщики, направленные тогда в Восточную Маньчжурию, прислали мне информацию из Цзяньдао. В их сообщениях было указано, что Ли Гван — одно из лиц, на которое я обращал особенно большое внимание, — работает волостным начальником в Ванцине.

Ли Гван улыбнулся в ответ на мой вопрос.

—Тяжело, но пользы немало. Осенью прошлого года наши ребята были схвачены охранникам и в Хаматане. Тогда я спас их

своим поручительством. Значит, положение волостного начальника сработало.

Он добавил в шутку, что готов всю жизнь работать на этой должности, если разрешат.

Я восхищался своим родным краем, а Ли Гван шутил:

— Коль так прекрасно Мангендэ, то я последую туда за тобой вместе со своей семьей, когда будет достигнута независимость страны.

— А как же быть с Чонсоном? Слыхал, что твоя родина Чонсон.

— Родным краем является не только место рождения.

Любая местность может стать родиной, если только питаешь к ней привязанность. Впрочем, когда я прибуду туда, помоги мне

устроиться учителем начальной школы. Ты, Сон Чжу, будешь директором, а я — учителем.

— Вся беда в том, что противна мне профессия учителя начальной школы...

—Врешь ты. Я слыхал, что ты когда-то учительствовал там. в Аньту али в Гуюйшу. Твой отец тоже долгое время работал учителем.

Наша дружба еще более укрепилась в дни создания отряда особого назначения. Ли Гван пришел в Сяошахэ для встречи со мной сразу же после того, как он организовал в Ванцине такой отряд по нашему совету. В то время наши товарищи в Ванцине испытывали большие трудности в подготовке к созданию Антияпонской народной партизанской армии вследствие враждебных действий Армии спасения отечества против корейских коммунистов и патриотической молодежи. Ли Гван после организации отряда особого назначения не мог определить направление его действий и ломал голову над этим вопросом.

Тогда я высказал ему свое мнение о ряде принципиальных проблем, возникающих в создании единого фронта с

китайскими антияпонскими отрядами, и о мерах его осуществления, конкретно обсуждал вместе с ним направление и методы действий его отряда. Ли Гван принял мои предложения чистосердечно.

Моя мать оказала Ли Гвану теплое гостеприимство, от души угощая его кашей из чумизы и гаоляна, супом, заправленным соевой пастой, и салатом из сушеных съедобных трав. А Ли Гван, в свою очередь, глубоко уважал и почитал ее. Родительская любовь моей матери тронула Ли Гвана, а его юношеский задор и простой характер были ей по душе.

Когда мы создали АНПА, Ли Гван находился в Синлунцуне. Мать поднялась с постели, невзирая на болезнь, и посетила партизанский отряд вместе с Чхоль Чжу. Коснувшись рукой винтовки на плече Ли Гвана, она сказала:

— Можно воевать по-настоящему, имея только такую винтовку. Вряд ли можно бить японскую армию оружием Армии независимости, похожим на ножку курицы. У меня гора с плеч при виде нашей армии с винтовками. Как обрадовались бы ваши матери, если бы они увидели вас. Матери проливают горькие слезы, у них болит сердце, когда их дети сваляют дурака, когда они поступают вопреки совести. Но они плачут от гордости, видя сыновей, вставших с оружием в руках на борьбу за отчизну.

Ли Гван, вернувшись в Ванцин, активно развернул работу с Армией спасения отечества.

В Аньту нам удалось добиться сотрудничества с командующим Юем, что послужило хорошим опытом работы с китайскими антияпонскими отрядами. Вначале эта работа шла сравнительно гладко. Было немало успехов. Многие отряды АСО активно откликались на призыв к созданию антиимпериалистического совместного фронта с нами.

При создании единого фронта с ними козыри оказались в руках коммунистов. Однако левачество мешало созданию единого фронта. Авантюристический лозунг «Свергнуть верхи,

завоевать низы», брошенный левацкими элементами, вызвал сильное противодействие и возмущение верхушки китайских антияпонских отрядов и заставил многих командиров АСО остерегаться коммунистов и даже начать с ними расправу.

Именно в такой момент Ли Гван включился в работу с китайскими антияпонскими отрядами, что можно было только приветствовать. Для этой работы он переселился из Бэйхамата-на в Тайпингоу. Тогда я часто посещал его дом в этом местечке. Село Тайпингоу примерно с 300 крестьянскими дворами было расположено в центре треугольника Сяованцин — Яоингоу — Лаохэйшань. Невдалеке от него пролегала советско-маньчжурская граница. Село находилось в 8 — 12 километрах от Лоцзыгоу. Все важные пункты базирования Армии спасения отечества были расположены вблизи Тайпингоу. Отряд особого назначения, возглавляемый Ли Гваном, был расквартирован в Цзяньчангоу, находившемся километрах в двух от городка Лоцзыгоу.

Дом Ли Гвана стоял отдельно на склоне берега реки, омывающей главный поселок села Тайпингоу. У его дома был колодец с журавлем, что служило своего рода приметой. И этот дом получил название «изба с журавлем». Я не раз пил воду из этого колодца. Когда в летний зной мы появлялись перед домом Ли Гвана, вспотевшие и уставшие, то хозяин доставал бадью ледяной воды и предлагал ее нам. Очень вкусной была вода из колодца с журавлем.

Каждый раз, когда я направлялся в Лоцзыгоу, то обязательно заходил в Тайпингоу, чтобы поклониться родителям Ли Гвана. В его доме состоялось последнее заседание Антияпонского солдатского комитета, на котором мы обсуждали вопрос по созданию единого фронта с АСО совместно с китайскими коммунистами, в том числе Чжоу Баочжуном, Чэнь Ханьчжаном, Ху Цзэминем, Ван Жуньчэном.

Ли Гван показал тогда высокое командирское мастерство И незаурядные способности в битве за оборону Сяованцина и в

других больших и малых боях. Его личный пример оказал благотворное воздействие на солдат АСО. Слава Ли Гвана как военно-политического работника широко распространялась среди различных слоев населения Восточной Маньчжурии.

У Ичэн верил отряду особого назначения как подлинным вооруженным силам, сражающимся против Маньчжоу-Го и японского империализма. Он назначил Ли Гвана начальником охраны фронтового командования АСО, выделив ему даже тело хранителей.

Впоследствии Ли Гван установил связи с Тун Шаньхао, чтобы осуществить антияпонскую коалицию с АСО. Хотя Тун Шаньхао брал в руки оружие под лозунгом антияпонской борьбы, он все же превратился в обычного бандита.

В то время, как и сейчас, многие люди ставили на одну доску местных бандитов и конных грабителей. Издавна в Маньчжурии было много конных грабителей. Еще на завершающем этапе существования цинского Китая множество представителей народности Ханя хлынули потоком в Маньчжурию из Внутреннего Китая через Шаньхайгуань. С целью защититьот нашествия этих переселенцев земельные угодья и отстоять наследство, полученное от предков, местные жители начали организовывать вооруженные отряды для самообороны. Их же японцы называли «конными грабителями». Так появились в Маньчжурии «благородные разбойники».

Группа конных грабителей, в отличие от шайки мелких «горных бандитов» и «бродячих воров», выступала в качестве «благородных разбойников» со своего рода нравственными правилами. Они не совершали грабежей и захвата чужого имущества. Общество конных грабителей в значительной мере отошло от политических властей центра и оказывало сопротивление этим властям. Жизнь конных грабителей была немыслимой без владения оружием. Они так и проживали долгое время, не расставаясь с оружием. Такой образ жизни вызвал у людей своего рода зависть и тягу к ним. Не случайно

широко была распространена в Маньчжурии поговорка: «Нюйпяо наньфэй», что означало: женщина должна стать проституткой, а мужчина — грабителем.

Разумеется, не всегда соблюдались строгие нравственные принципы обществом конных грабителей. Было немало отрядов конных грабителей, которые в процессе своего существования разложились и превратились в обычных местных бандитов. Встречались также группы конных грабителей, чей характер трудно было определить — «благородные разбойники» или же просто местные бандиты. Многие бандиты действовали под видом «благородных разбойников». Шайки бандитов в масках «благородных разбойников», политически подкупленные агрессивными силами иноземного империализма и военщиной, устраивали жестокую кровавую бойню, попирая любые моральные нормы, совершая леденящие душу жестокости.

Вследствие стратегии «свержения верхов», осуществляемой левацкими элементами в работе с китайскими антияпонскими отрядами, многие командиры АСО испытывали вражду и ненависть к коммунистам. Такое положение дел быстро уловили и использовали в целях разжигания распрей внутри антияпонских сил интриганы из числа японских оккупантов.

«Усмирить варваров с помощью варваров» и «подавить бандитов с помощью бандитов» — этот пресловутый принцип умело использовали японские империалисты, набившие руку на интригах и сеянии раздоров. Они применяли этот способ с тем, чтобы чужими руками заставить антияпонские силы драться между собой и привести их к взаимоистреблению.

Японские самураи прибегали именно к этому способу, когда Тун Шаньхао зверски истребил всех бойцов отряда Ли Гвана. В качестве первого шага такой операции они пытались добиться добровольной капитуляции Ли Гвана. Повсюду были вывешены циничные объявления: «Тот, кто поймает Ли Гвана, получит огромную награду. Если Ли Гван сдается добровольно, он получит высокий чин». Японцы пришли к выводу, что для

дезорганизации войск У Ичэна нужно ослабить влияние коммунистов. При этом они учли, что главным лицом, оказывающим влияние на войска У Ичэна, является Ли Гван. Отряд Ли Гвана можно было назвать ударной бригадой единого фронта, проникшей глубоко в сердцевину Армии спасения отечества. Видимо, японская разведка правильно оценивала его достоинства и стоимость его головы.

Тун Шаньхао, этот типичный местный бандит, будучи невеждой в политике, злым и капризным типом, был легко подкуплен японскими интриганами. Он хорошо знал намерения Ли Гвана и по сценарию, составленному японскими империалистами, бросил ему наживку — предложил провести в горах Лаохэйшань переговоры по вопросу о совместной операции. Ли Гван «клюнул» на эту приманку. Это было его ошибкой. Он не знал, что Тун Шаньхао стал псом японских империалистов. Ничего не подозревая, он отправился в намеченное место вместе с 10 бойцами отряда особого назначения, в том числе и Ван Чэнфу — секретарем фронтового командования АСО. Парторганизация к тому времени предупредила его от опасности установления контактов с таким коварным и жестоким атаманом бандитов, как Тун Шаньхао. Она советовала одуматься, но Ли Гван не изменил своего первоначального решения. Он говорил: «Невозможно продвигать дальше революцию, если не осуществится линия на создание антиимпериалистического совместного фронта. Разве можно чего-либо достигнуть, если мы не пойдем на переговоры из-за опасности собственной жизни? Хоть умру, но я пойду».

Тун Шаньхао даже устроил банкет в честь группы Ли Гвана, а потом зверски убил всех членов группы. Остался в живых и вернулся только один. Местные бандиты считали, что убиты все члены группы Ли Гвана, и удрали, оставив его на месте убийства. Тут мы пошли туда и спасли его. К сожалению, он пал позже в бою в лесах между Лоцзыгоу и горой Лаохэйшань.

ЛиГвану, когда он погиб, было 28 лет. Его ошибка заключалась в том, что он не проявил должной бдительности. Чтобы создать единый фронт с Тун Шаньхао, следовало вначале попытаться перевоспитать его идейно. Но Ли Гван пытался добиться объединения лишь путем установления дружеских человеческих отношений. В результате он был схвачен в шалаше вблизи горы Лаохэйшань и убит.

Я никак не мог успокоиться, узнав о гибели Ли Гвана. Меня охватила жажда мести. Хотелось идти сейчас же с отрядом к месту расположения банды Тун Шаньхао и расправиться с ней за жизнь друга. Я не мог бы сдержать себя и ринулся бы в кровопролитный бой за отмщение, если бы не убедил меня голос разума, что достижение единого фронта с китайскими антияпонскими отрядами является долгом и заданием, возложенным временем на коммунистов, является линией их генеральной стратегии.

Вся Восточная Маньчжурия осуждала тягчайшее преступление Тун Шаньхао и призывала ответить кровью за кровь. Безрассудные леваки даже выразили недовольство бездействием армии. Они призывали показать классовым врагам, зверски убившим Ли Гвана, где «раки зимуют». Нашлись также люди, которые шумели, что партизанский отряд допускает правый уклон, не нанося удара по бандитам Тун Шаньхао.

Дело коммунистов по созданию антиимпериалистического совместного фронта понесло непоправимый ущерб от гибели Ли Гвана. Мы потеряли ценнейшего товарища, которого нельзя было бы обменять на тысячу врагов. Враги отняли у меня еще одну огромную опору в корейской революции.

Я, стиснув зубы от невыносимой острой боли в сердце, еле сдерживая нахлынувшие слезы, думал и думал. Всего один год, как мы начали антияпонскую войну, но как много соратников у же ушли от нас! Не успеешь как еле дует по дружиться с людьми, как они так поспешно отправляются на тот свет. Неужели существует неотвратимый, проклятый рок?

Крепко сжав кулаки, я безмолвно шагал по берегу реки Сяованцинхэ,гдемыс Ли Гваном обсуждали стратегию великой антияпонской войны, и проклинал безжалостную судьбу, ввергшую меня в пропасть безмерной печали. И тут же решил: «Нельзя допустить, чтобы осталась безнаказанной смерть Ли Гвана. Он на том свете тоже будет радоваться, если успешно осуществится единый фронт с китайскими антияпонскими отрядами, к чему он прилагал столь много энергии и усилий».

Гибель Ли Гвана заставила меня поторопить переговоры с У Ичэном. Она не отвлекла меня от путей к созданию единого фронта, а, наоборот, еще более вплотную приблизила к нему. Теперь я уже не мог отступать ни на шаг от этого замысла.

«Надо идти к У Ичэну! Если добьюсьуспехов на переговорах с ним, можно будет смыть кровную обиду за Ли Гвана». При такой мысли спешил я отправиться среди белого дня поход в Лоцзыгоу. Я зашел в Тайпингоу, чтобы выразить соболезнование семье Ли Гвана. Его вдова Кон Сук Чжа вышла навстречу и преградила мне путь.

— Полководец, нельзя идти туда. Это не место, куда вам можно идти. И мой муж... Полководец, умоляю вас.

Было очень странно, что сердечный призыв плачущей женщины поторопил меня отправиться в запланированный поход.

Кон Су к Чжа крепко обняла мальчика, которому не дали бзд больше восьми. Ее плечи вздрагивали от рыданий. Она вытирала слезы тесемкой кофты. Мальчик был сыном Ли Гвана. Его звали Ли Бо Чхон. Он смотрел на меня повлажневшими глазами. Каждый раз, когда я бывал здесь, мальчик, игравший во дворе перед завалинкой, выбегал из-за калитки с криком «Дядя Сон Чжу!». Однажды он, уцепившись за мой рукав, упрашивал делать ему саранчу из травы.

Видя Ли Бо Чхона, вышедшего на дорогу, держа мать за руку, я ощущал боль на сердце оттого, что тогда я не смог удовлетворить его просьбу.

«Как хорошо было бы, — думалось мне, — если бы этот мальчик, как и прежде, уцепившись за мой рукав, снова упрашивал делать ему саранчу из травы. Если у него больше нет такого желания, то пусть он назовет меня дядей Сон Чжу и попросит нести его на плечах, как когда-то в прошлом, когда он был еще несмысленышем. Тогда станет легче у меня на душе».

Однако Бо Чхон молчал и лишь ронял слезинки. Передо мной стоял не озорной, общительный, веселый Ли Бо Чхон, а хмурый, робкий мальчик, который расстался с радужной детской мечтой и преждевременно вс тупил в новый мир мучений. Смерть отца лишила мальчика романтического мира — мечты достать саранчу из травы. Итак Бо Чхон лишился и отца и родной матери в возрасте, когда ему не было еще и 10 лет.

Бо Чхон больше не обратился бы ко мне с той неприхотливой детской просьбой. Только мысль о трагическом событии — смерти отца, безраздельно владела на этот раз этим маленьким существом.

Я с жалостью вглядывался в лицо мальчика: «Прощай, Бо Чхон! Я непременно отомщу за твоего отца, а потом вернусь». Так хотелось мне сказать в тот раз, но вместо этого произнес совершенно другие слова:

— Бо Чхон, сейчас твой дядя очень хочет пить. Не можешь ты дать мне сегодня стаканчик воды вместо твоего отца? Ведь твой отец всегда предлагал мне холодную воду, когда я посещал этот дом.

Вмиг блеснули глаза мальчика, который, казалось, погружен в глубокое раздумье. Он вихрем исчез в доме, а вскоре появился передо мной с латунной миской воды, зачерпнутой из колодца с журавлем. Видимо, это обычное действие совершенно изменило его настроение. Глядя на плескающуюся в латунной миске воду, я невольно вспомнил образ Ли Гвана. На малой поверхности воды всплывало то лицо Ли Гвана, то лицо Бо Чхона, и я с трудом сдерживал нахлынувшие слезы.

С чувством благодарности к мальчику я выпил воду до дна.

Бо Чхон, стоя с миской в руке, вытирал нос тыльной стороной ладони и ласковым взглядом смотрел на меня.

Я ощутил некоторое облегчение на душе и отдал отряду команду тронуться в путь. В момент, когда я собирался прощаться с ними, Бо Чхон вдруг стрелой убежал в дом.

«Зачем мальчик кинулся туда?» —подумал я с недоумением.

Бо Чхон с той же быстротой возвратился ко мне на дорогу и начал кормить моего белого коня набранным в горсть овсом. Его безмолвный поступок выдавил у меня, наконец, слезы, которые я до этого сдерживал с таким трудом. Бо Чхон не ушел в дом, а стоял на берегу до тех пор, пока мы не исчезли за рекой. Я повернул лицо и, сидя на коне, видел, как белой точкой маячит вдали его фигура.

«Бо Чхон, ты тоже должен стать революционером, как твой отец!»

Издалека я высоко поднял и опустил руку, благословляя будущее Бо Чхона. И впоследствии, когда мы распустили партизанский район и начали второй поход в Северную Маньчжурию, я пробыл в доме Ли Гвана около недели. Мы подолгу обсуждали вместе с Кон Сук Чжа вопрос о будущем Бо Чхона.

Позже Бо Чхон вырос в революционера, как я того пожелал. Работая на железной дороге в Линькоу, он совершил налет на военный поезд, был арестован и сидел два года в тюрьме. Тогда ему не было и 20 лет.

После освобождения страны (1945 г. — ред) Ли Бо Чхон вышел из тюрьмы. Он тосковал по земле, небу и воде родной стороны, где родился его дед иосеньютогожегодаотправилсяв Пхеньян и Сеул через Дандун и вернулся в Линькоу. Эта поездка произвела неизгладимое впечатление на 20-летнего восприимчивого и многообещающего юношу Ли Бо Чхона.

Он горел стремлением окунуться с головой в горнило борьбы за создание новой Родины, где работают друзья отца. И

он с большой тяжестью в душе переехал железно дорожный мост через реку Амнок. На этой Родине был сотворен новый мир, о котором мечтал его отец, возник цветущий край, о котором он грезил с детства.

Однако спустя 5 лет этот цветущий край вновь охватило пламя войны. Молодая Республика вела смертельный бой засвое существование.

Ли Бо Чхон, командир роты Китайской Народно-освободительной армии, уже ощутивший запах порохового дыма этой войны в нескольких тысячах ли от Родины, добровольно направился на корейский фронт и был причислен к Народной Армии. Он воевал командиром в механизированной дивизии. К сожеланию, и он погиб осенью 1950 года.

Секретарь ЦК Трудовой партии Кореипо организационным делам Ким Чей Ир, который знал лучше всех бурную жизнь и революционную деятельность Ли Гвана, в 70-х годах дал кинематографистам задание создать художественный фильм «В первом партизанском отряде», сделав прототипом его главного героя Ли Гвана. С тех пор это имя стало известно всей стране.

Кон Сук Чжа, жена Ли Гвана, воевала партизанкой-швеей и тоже пала в бою.

Ли Чжу Пхен, отец Ли Гвана, переживавший глубокую печаль от потери сына, оказывал помощь революционной армии. И он и старшая сестра Ли Гвана Ли Бон Чжу умерли из-за последствий вражеских пыток. К великому счастью, Ли Бо Чхон, погибший на войне, успел оставить нам своего сына. Он крепко держит в руках оружие и твердой поступью следует по пути, который проложило поколение деда, а расширяло вслед за ним отцовское поколение.

Таким образом, род Ли Гвана вот уже в трех поколениях служит с оружием в руках делу революции. Это поистине священное и славное деяние. Очень похвально, что внук Ли Гвана, не желая работать ни в какой другой области, надел военную шинель, следуя примеру своего деда и отца. Когда

впервые появился передо мной молодой офицер со своей матерью, напоминающий точь-в-точь своего деда и лицом, и жестами, и походкой, мне чудилось, будто воскрес и пришел ко мне Ли Гван, ушедший от нас 60 лет тому назад. Это глубоко взволновало меня.

Достойна благословения всех людей вдова, жена Ли Бо Чхона, которая, потеряв мужа в 25 лет, благодаря стойкой воле растила сына целых 40 лет, с тем чтобы он продолжил дело своего деда в том же революционном духе.

При встрече со мной сын Ли Бо Чхона выразил свою решимость: его сыновья и дочери, так же, как он, будут носить военную форму, будут преданными мне и Маршалу Ким Чен Иру во всех поколениях. Я хорошо знаю, что его слова не останутся пустым заверением. У рода Ли Гвана слово всегда было незыблемым.

Чем занимался бы Ли Гван, если бы он остался в живых и вернулся на возрожденную Родину? И поныне я порой думаю об этом. Конечно, общественная деятельность Ли Гвана началась бы с проблем просвещения. Ведь еще во время зимнего Минюегоуского совещания в доме Ли Чхон Сана он выразил свою мечту работать учителем. Однако я полагаю, что если бы он был жив и с триумфом возвратился на освобожденную Родину, то обязательно надел бы насебя военную форму, как Кан Гон и Чвэ Хен. Он был самоотверженным коммунистом, который прожил всю свою жизнь, выбирая всегда самые трудные участки работы.

2. Переговоры с У Ичэном

После того, как арена нашей борьбы была перенесена в Ванцин, мы столкнулись со множеством сложных проблем в своей деятельности. Самой острой из них было серьезное осложнение отношений между нашим партизанским и китайским антияпонским отрядами. В 1933 году отношения между АНПА и АСО снова ухудшились и оказались буквально на грани вооруженного противоборства. Именно с этим были связаны коварные планы японских империалистов, этих великих мастеров сеять раздоры, а также частые колебания вожаков китайских антияпонских формирований и негативные последствия левацких загибов по созданию советов.

В своих мемуарах я уже отмечал, что после событий 18 сентября коммунисты двух стран — Кореи и Китая — прилагали огромнейшие усилия для осуществления более тесного взаимодействия с китайскими антияпонскими отрядами в Маньчжурии.

Наши усилия давали свои плоды, в результате чего вначале Ванцинский партизанский отряд поддерживал довольно хорошие отношения с китайскими антияпонскими формированиями. Ярким примером тому может служить совместное отражение атаки японского гарнизона, предпринятой весной 1932 года в Токкоре. В том жестоком бою умело скоординировали свои действия вооруженные силы обеих сторон: партизанская армия и отряд самозащиты, с одной стороны, а также подразделение комбата Гуаня, с другой.

События развивались тог да следующим образом. Солдаты японского гарнизона в Дадучуане примерно на десятках подводах направились в сторону Токкора для перевозок лесоматериалов, припасенных еще в период гоминьдановского

правления. В горных ущельях Даванцина и Сяованцина хранились в то время большие запасы древесины.

На этот раз мы, заманив врагов, нанесли им внезапный удар из засады. Таким образом была уничтожена значительная часть японского гарнизона численностью 40 — 50 человек, а также захвачено большое количество оружия.

Эта боевая операция послужила хорошим поводом для реабилитации в Ванцине подорванной репутации коммунистов, для превращения враждебных отношений между АНПА и АСО в отношения содружества. Дело в том, что тогда в этом районе господствовала в известной мере психология антикоммунизма. Наша же совместная операция открыла коммунистам дорогу в отряды АСО. После того памятного боя в батальон Гуаня вступили Ким Ын Сик, Хон Хэ Ир, Вон Хон Гвон, Чан Рен Сам, Ким Ха Ир и другие бойцы.

Меткий стрелок Ким Ха Ир был назначен связным, а Ким Ын Сик, человек интеллигентный и образованный, сразу же стал начальником штаба.

После тех событий в Токкоре жители Мапуня, как и раньше, делали все для батальона Гуаня: стирали белье бойцам, дарили им подарки—зубные щетки, зубной порошок, мыло, полотенца, кисеты и другие нужные солдату вещи. Кроме того, их часто приглашали на концерты самодеятельных артистов — питомцев Детского отряда. Комсомольцы, используя листовки, различного рода агитационный материал, вели среди бойцов политическую работу.

Тогда почти не было случаев, чтобы бойцы Армии спасения отечества обращались к коммунистам со словом «тунчжи» (товарищ). Но только офицеры и солдаты подразделения комбата Гуаня при каждой встрече с бойцами революционной армии обращались к ним со словом «тунчжи».

Подготовленность каждого из товарищей, которые работали в батальоне Гуаня, была выше уровня секретаря участкового парткома. И вполне естественно, что они очень умело вели

работу с военнослужащими АСО. Комбат Гуань был просто-таки очарован личными качествами и способностями коммунистов. Тот факт, что они стали нашими сторонниками, был событием большой важности и способствовал оздоровлению отношений с другими отрядами АСО.

Например, антияпонский партизанский отряд в Хуньчуне обменивался информацией о противнике с отрядами АСО, вместе с ними проводил операции с целью ликвидации агентуры врага. Партизаны Яньтунлацзы вооружались винтовками, снаряжением при помощи отряда АСО.

Была бы создана еще более благоприятная переломная ситуация в деле формирования совместного фронта с АСО, если бы коммунисты более наступательно вели свою работу.

К сожалению, так называемое «дело Ким Мен Сана», возникшее по вине левацки настроенных авантюристов, свело на нет со столь большим трудом складывавшиеся дружественные отношения с китайскими антияпонскими отрядами. Упомянутый инцидент повлек за собой серьезные последствия: комбат Гуань выбросил белый флаг перед самураями, а некоторые другие отряды АСО постепенно отдалялись от коммунистов.

Приблизительно в то же самое время в уезде Яньцзи возникло новое происшествие — отряд Чвэ Хена скосил пулеметной очередью солдат китайского антияпонского отряда, которые пытались добровольно капитулировать. Сложившаяся ситуация еще более осложнила отношения с АСО.

Справедливости ради следует отметить, что вначале Ванцинский партизанский отряд допускал немало ошибок в отношениях с АСО. Так, Рян Сон Рен, возглавлявший партизанский батальон, соблазнившись возможностью захватить несколько единиц трофейного оружия, действовал вопреки политике образования единого фронта. Конечно, это был человек, обладающий незаурядными качествами, хорошо воевал как способный командир, но тем не менее поддался влиянию

военного делячества, проявил элементы авантюризма, пренебрег политикой создания единого фронта. И нам пришлось тогда резко критиковать своего боевого товарища.

К счастью, не пошел по стопам комбата Гуаня отряд Каошаня, который постоянно находился под нашим влиянием и неизменно поддерживал коалицию с АНПА. Так, в мае 1933 года, а точнее, в весенний праздник тано, отряд Каошаня во взаимодействии с антияпонским отрядом самозащиты Кедрового села (нынешний Тайпинцунь), возглавляемый Пак Ду Соном, отбил атаки японского гарнизона и марионеточных войск Маньчжоу-Го численностью 300 с лишним человек. Противник, дислоцировавшийся в уездном центре Дуннин, вторгся в село Шилипин через Дуннаньча. Оккупанты и их прислужники понесли большие потери в живой силе.

Нередко бойцы АСО, пренебрегая сторожевой службой на дальних подступах, несли караульную службу только у дверей своих казарм. Учитывая этот недостаток, антияпонский отряд самозащиты организовал для отряда Каошаня сторожевую службу на дальних подступах. Каошань нередко обращался к полувоенным организациям Шилипина за помощью в тех случаях, когда ему нужно было срочно связаться с другими антияпонскими отрядами и передать им важную информацию. В таких случаях на помощь приходили члены Детского авангарда. Они, не уступая солдатам антияпонского отряда, всегда точно и в срок передавали необходимые сообщения.

Но подобные дружественные отношения не распространялись, к сожалению, на другие отряды. Левацкое безрассудство, охватившее партизанский район, создало опасность нарушения союзнических отношений даже с Каошанем.

«Левые» уклонисты, проводя в жизнь мероприятия совета, во многом стимулировали процесс гниения и перерождения в тех китайских антияпонских отрядах, которые еще вчера были с

нами в союзе или же с симпатией относились к нашему движению.

«Левые» оппортунисты повели по своему безрассудному руслу и работу с китайскими антияпонскими отрядами. Они упрямо твердили, что «надо достигатьединства только с низами АСО» и что «следует агитировать ее солдат убивать своих вожаков и совершать перевороты». Леваки истерически выкрикивали лозунги: «Долой офицеров — выходцев из помещиков, представителей имущего класса!», «Солдаты, совершайте переворот и переходите в партизанский отряд!» Подобные призывы повлекли за собой пагубные последствия — было разрушено единство, которое уже было достигнуто с руководством китайских антияпонских отрядов.

Бойцы китайских антияпонских отрядов убивали корейцев, называя их «приспешниками Японии» и «лаогаоли гунчаньдан» («корейские коммунисты» — в презрительном понимании — ред.). Всем происходящим довольно ловко воспользовались японские империалисты. Они тут же перешли в массовое наступление, сеяли раздоры между народами, коммунистами Кореи и Китая, между АНПА и китайскими антияпонскими отрядами.

С первых же дней захвата Маньчжурии оккупанты отчаянно пытались подавить части АСО, которые под знаменем сопротивления Японии покинули старую Северо-Восточную армию Чан Сюэляна. При этом японцы пуще всего боялись коалиции АНПА и АСО. Они хорошо знали, что сотрудничество коммунистов с отрядами АСО родит страшную для них силу, которая вне всякого сомнения помешала бы японским империалистам поддерживать безопасность, расширятьсвою агрессию на материке. Это стало бы своеобразной петлей, сжимавшей их горло.

Интриги Японии, поднаторевшей в сеянии семян раздора, уже проявились во всей наготе в организации и проведении Ваньбаошаньского, Лунцзинского (кстати, он был только

запланирован, но не удался) и Фушуньского инцидентов. Аппарат японской разведки, поднаторевший на организации заговоров, набивший руку на всевозможных интригах и кознях, ничем не брезговал для того, чтобы состряпать Фушуньское происшествие. Это был фарс с убийством человека, злодеяние, которого стыдились бы даже дикие звери или же каменная статуя Будды. Цель спровоцированного инцидента была проста — опорочить добрые отношения между народами Кореи и Китая.

Фушуньский инцидент был состряпан так: японская разведка вложила кинжал в руки одного из японцев и принудила его убить в Фушуне ни в чем не повинного китайца. Предварительно японские интриганы одели наемного японского убийцу в длинный корейский халат турумаги, чтобы китайцы приняли его за корейца. Это, считали они, станет поводом для раздувания конфликта: смотрите, добрые люди, кореец, убив китайца, убежал. Убийство интриганам удалось, но под турумаги, в который был одет убийца, была обнаружена японская одежда. Благодаря этому выяснилось, что убийца являлся гражданином Островного государства. Итак, дело в Фушуне закончилось неудачным фарсом, не была достигнута цель посеять раздоры между корейцами и китайцами.

Одной нитью с первыми двумя инцидентами были связаны события в Лготяогоу и происшествие на мосту Лугоуцяо. При разработке и осуществлении какого-либо заговора японская разведка, как правило, решала, с его точки зрения, головоломные «математические уравнения», а насамом деле — наивные, но крайне преступные. И все же многие люди легко поддавались на самурайские провокации. В результате они довольно часто попадали в тупик из-за жонглерства японских спецслужб, любящих применять самые коварные приемы.

Чтобы вбить клин между народами Кореи и Китая, империалисты Японии делали все, что только можно было придумать. Однажды они пустили утку: «Корейцы хотят

захватить у Китая Маньчжурию», «Компартия намеревается разоружить АСО». В другой раз они начали науськивать реакционеров из «Минсэндана» выступить с заявлением об автономии корейцев в Цзяньдао, то естьо намерении якобы про возгласить «Корейский автономный округ в Цзяньдао» и создать «законное автономное правительство Кореи». Порой провокаторы поджигали дома китайцев, а потом распространяли слухи, что это, мол, дело рук корейских партизан.

К крушению объединенного фронта АНПА и китайских антияпонских отрядов привело и еще одно обстоятельство.

Имеются в виду гнусные попытки японских империалистов добиваться капитуляции китайских антияпонских отрядов и изменения психологии их вожаков, возглавлявших ранее сопротивление оккупантам.

В январе 1933 года Ван Юйчжэнь, находившийся в Тумыньц-зы уезда Хуньчунь, капитулировал вместе со своими подчиненными. Несколько сот человек из них были завербованы в так называемый временный «партизанский» отряд против корейцев. В феврале половина личного состава батальона Гуаня, дислоцированного в Сяованцине, также сложила оружие. Капитулянты были сразу же вовлечены в Охранный отряд и в Управление безопасностиМаньчжоу-Го. В том же месяце десятки офицеров и солдат отряда Ма Гуйлиня, действовавшего вблизи Дахуангоу, также добровольно капитулировали и присоединились к отряду охраны в Хаматане. «Клюнули» на предложение о капитуляции также бойцы отряда Цзян Хая, находившегося в Эрчацзыгоу уезда Ванцин, и отряда Циншаня в Хошаопу.

В то время в районе горы Лаохэйшань свили гнездо местные бандиты, главарем которых был пресловутый Тун Шаньхао. Они, подкупленные японскими империалистами, злодейски истребили весь состав отряда особого назначения Ли Гвана.

Стремясь избегать злодеяний отрядов АСО, наши партизаны любые передвижения совершали только в ночное время, а днем

отсиживались в укрытиях. Мы понимали — без оздоровления отношений с АСО корейцы не могли не только нормально жить, но и, как говорится, свободно дышать. Трансформировать эти отношения из враждебных в союзнические вновь стало для корейских коммунистов жизненно важным вопросом, от решения которого зависела судьба революции — можно ее продолжать или же сложить оружие.

Я принял тогда смелое решение — отправиться прямо к командующему фронтом АСО У Ичэну. После ухода Ван Дэлиня из Цзяньдао реальную власть АСО держал в своих руках У Ичэн. У меня созревала уверенность в том, что если удастся его убедить, то мы сможем положить конец всем ограничениям нашей партизанской деятельности в Восточной Маньчжурии, причиной которых явилось пресловутое «дело Ким Мен Сана», а также убийство бойцов отряда особого назначения Ли Гвана. А, следовательно, можно будет вполне успешно преодолеть очередные трудности на пути нашей революции.

По поводу предстоящих переговоров с У Ичэном я решил серьезно поговорить с Пань Шэнвэем. Он утвердительно отозвался об этом моем решении, назвал его правильным, но в то же время отметил, что не совсем убежден в необходимости мне самому идти к командующему У. «Другое дело, если к нему пойдет китаец, — заметил он. — Корейцу трудно будет повлиять на него. Человек он самолюбивый, с довольно предвзятым мнением». Затем Пань продолжал: «Чтобы направить командующих У и Чая на верный путь, нужно нейтрализовать скандалиста Ли Чхон Чхона — опытного закулисного интригана. Это тоже проблема».

Несмотря на столь, казалось бы, резонное возражение, я упрямо настаивал на своем: надо идти к командующему, какие бы преграды ни были на моем пути.

— Ли Чхон Чхон тоже кореец, — говорил я. — Факт, конечно, что он антикоммунист. Но если хорошенько постараюсь, думаю, что сумею его уговорить не мешать нам.

Мы с ним давно знакомы. Когда в Гирине шло заседание по слиянию трех группировок, я тог да с ним не раз беседовал. Мой отец тоже был хорошо знаком с ним.

— К чему тут знакомые или незнакомые? Таким людям, как он, это безразлично. Как вы думаете? Да не забывайте — У Ичэн столь упрямый, что к нему на козе не подъедешь! Тщетной будет ваша попытка! — Пань очень старался отговорить меня от столь рискованного дела.

— У меня есть опыт, я же убедил командующего Юя в Аньту. Успел убедить Юя. Так почему же не попытаться привлечь на нашу сторону У Ичэна?

— Когда вы вели переговоры с Юем, у него был начштаба Лю Бэньцао. Это было, учтите, очень хорошей поддержкой.

— Такая поддержка найдется и в части У Ичэна. Там, если не ошибаюсь, работает секретарем Чэнь Ханьчжан. Начштаба Ху Цзэминь тоже наш подпольщик.

Но я, сделав такое заявление, как бы противоречил сам себе. Дело в том, что Чэнь Ханьчжан, о котором я столь страстно говорил как о надежной опоре, недавно прислал письмо, в котором просил решительной поддержки с моей стороны. В письме говорилось, что стали безнадежными его попытки решить проблему союза с командующим У силами лишь одного человека. Учитывая сложившуюся обстановку, Чэнь изложил свою просьбу: «Приезжайте сюда, товарищ Ким Ир Сен, Тогда вопрос может быть решен. Предлагаю организации как можно скорее принять необходимые меры». Об этом помнил, конечно, и Пань.

— Далеко еще до победы революции. Допустимо ли вам пойти на столь огромный риск? Прошу над этим основательно задуматься, —так настойчиво уговаривал меня Пань. —Самого себя прошу не считать личностью. Не забудьте: ошибетесь — станете вторым Ли Гваном. Пусть мы все умрем, пусть ляжем на поле костьми, но вы должны сохранить себя живым и до конца бороться во имя Кореи!

Слова Паня тронули самые чувствительные струны моего сердца. Но я никак не мог отказаться от большого искушения и надежды добиться успеха в создании совместного фронта борьбы.

После того как Пань уехал в уезд Хуньчунь, собрались в Ванцине представители партизанских отрядов уездов Восточной Маньчжурии. На собрании состоялось серьезное обсуждение вопроса о создании единого фронта. Главной повесткой дня была все также проблема союза с АСО. Так сказать, разговор сводился к тому, кто пойдет на переговоры в Лоцзыгоу, где сосредоточены части АСО, возглавляемые У Ичэном, Чай ТТТи-жуном, ТТТи Чжунхэном.

Я упорно настаивал на своем решении отправиться к месту сосредоточения частей АСО. Приняв мое предложение, собрание все же пришло к такому выводу: поездка возможна при условии, если меня будет сопровождать охрана в количестве примерно сотни партизан. Вот таким трудным оказался мой путь к У Ичэну.

Для ведения переговоров с У Ичэном нужно было прежде всего ознакомиться с положением дел в АСО через Чэнь Ханьчжана и Ху Цзэминя. Но Чэнь Ханьчжан, будучи секретарем У Ичэна и человеком прямодушным, замкнулся в четырех стенах кабинета, редко бывал в массах. Если бы он выходил на улицу и вступал в контакт с корейцами, то мог бы тем самым вызвать у других какие-либо подозрения. Несмотря на все это, я все же был уверен, что он постарается помочь мне, даже если это будет связано с риском для собственной жизни. Ведь раньше он состоял в той комсомольской организации, с которой я имел дело, и мы вместе давали в ту пору клятву верности.

Я написал письма Чэнь Ханьчжану и Ху Цзэминю, а потом У Ичэну и Чай Шижуну. Была изложена цель нашей поездки в Лоцзыгоу. Рядом с именем отправителя стояла большая четырехугольная печать, как при оформлении официального документа.

После отправки писем я с помощью революционных организаций Лоцзыгоу собирал сведения об отряде У Ичэна. Реакция намой послания была довольно хорошей. Подпольные организации Лоцзыгоу проинформировали нас о том, что солдаты АСО даже вывесили у въезда в городок транспарант с надписью: «Добро пожаловать, друзья из корейского антияпонского партизанского отряда!»

Я отправился в Лоцзыгоу со специально подобранными бойцами. Их было более ста человек. Действительно было очень торжественное зрелище, когда стройными рядами маршировал отряд наших бойцов. На всех ребятах была новая форма, несли новое оружие, новые кожаные сумки. Я ехал впереди отряда на своем белом коне.

По прибытии в Тайпингоу мы сделали специальное заявление о вступлении АНПА в Лоцзыгоу и направили связного в часть У Ичэна. Ожидая ответа, мы провели там первую ночь.

На следующий день мы получили информацию о том, что командующий У согласился провести переговоры в Лоцзыгоу. Сделать этот шаг ему очень помогло поручительство Чэнь Ханьчжана. Получив мое письмо, Чэнь рассказывал У Ичэну обо мне: мол, хорошо знаком с командиром Кимом, это очень добрый человек.

Выслушав его, У Ичэн спросил:

— Почему он тебе хорошо знаком? Он же коммунист.

Значит, и ты стал коммунистом?

Чэнь Ханьчжан ответил, что командир Ким его одноклассник, с тех пор мы и знакомы.

— Раз он твой одноклассник да к тому же добрый человек, то мне хотелось бы встретиться с ним и поговорить, как полагается, за обеденным столом.

Разумеется, мы предприняли меры безопасности — расположили в селе ниже Тайпингоу одну роту из Хуньчуня, которая могла бы немедленно прийти нам на помощь, если АСО

задержит наш отряд или же предпримет другие недружественные акции. С собой я взял только полсотни бойцов. Наши партизаны с развевающимся впереди красным знаменем, под звуки труб, торжественно вступили в городок Лоцзыгоу.

На встречу с партизанским отрядом вышел Чэнь Ханьчжан. Он проводил меня к руководству АСО. За Чэнем следовали еще двое: Чо Дон У к, призванный помочь мне во время переговоров, и связной Ли Сон Рим. Они были вооружены маузерами-в деревянной кобуре. В штабе нас ожидало немало адьютантов-гоминьдановцев.

У Ичэн был мужчиной внушительных размеров, носил длинные усы. Раньше я много слыхал о нем. Говорили, что У Ичэн в общем-то человек с норовом: придут гости — он не поднимется с места, а беседует с ними, полулежа в кресле, покрытом тигровой шкурой, также полулежа берет чашку с чаем. Но в тот день, принимая меня, он изменил свой обычный ритуал. Нарушен был лишь один китайский обычай, согласно которому хозяин должен угощать гостя чаем. При первом знакомстве я вежливо произнес:

— Много отрядов из старой Северо-Восточной армии

Чжан Сюэляна капитулировали перед японской армией. А ваша часть, господин командующий, продолжает сопротивление оккупантам из Японии. Это я высоко ценю как большое патриотическое дело.

Выслушав меня, У Ичэн улыбнулся краешком губ и тут же велел адъютанту принести чай.

— Я все знаю о вас. Слыхал, что вы, командир Ким, здорово воюете с япошками. Ваша армия малочисленна, но хорошо сражается с самураями. А у нас-то голов много, но мы не умеем так же славно драться с японцами, как вы. Мои люди сказали мне, что на плечах каждого вашего бойца новое оружие.

Не хотите ли вы заменить несколько ваших винтовок на наши старые?

Наш диалог начался с такой приветственной речи У Ичэна, Она, если можно так выразиться, была очень деликатной и сдержанной, С одной стороны, он высказывал комплименты партнеру, с другой — втягивал его в торги по вопросу, на которые не готов был согласиться собеседник, и тем самым хотел как бы прощупать его душу. Присматриваясь к нему, я заметил, что У Ичэн — человек, изведавший вкус и сладкого, и горького, мастер дипломатии, змея подколодная. Не думал, что он, командующий фронтом, имеющий в подчинении тысячи человек, позарился на несколько штук винтовок нового образца и так бесцеремонно выпрашивал их у собеседника при первом же знакомо тве.

— Что же тут заменять? Этакие новые штучки могу передать безвозмездно! — с охотой принял я его предложение, новместе с тем продолжал гнуть свое: — Зачем прибегать к такой незавидной затее? Все делается проще — потреплешь японские войска—все получишь... Но если вы так просите, могу задаром дать вам такие вещи.

У Ичэн, поглаживая усы вниз, задал вопрос уже под другим углом зрения.

— Ну а теперь скажите: что из себя представляет эта ваша компартия? Вот он, мой Чэнь Ханьчжан, говорит, что компартия-то неплохая вещь. Но все же мне что-то не верится. Чжоу Баочжун тоже коммунист, он был у меня советником. Непонятно, что он делает, — все мешкал. Мне это не понравилось и я его скинул. Правда ли, что вы, коммунисты, рушите молельни?

— Зачем же нам рушить молельни? Такие слухи пускают люди недоброй души, чтобы переложить все грехи на коммунистов.

— Так, и вы, командир Ким, преклоняетесь перед молельнями?

— Я не собираюсь рушить молельни, и не преклоняюсь перед ними: онименя не касаются, А вы преклоняетесь, команду

ющий У?

— Нет, я этого тоже не делаю.

— Значит, мы с вами два сапога пара: поклона не делаем, ни я, ни вы,

У Ичэн, не размыкая уст, улыбался легкой улыбкой, поглаживая усы. Точно так же, как и минуту назад.

— Пусть все это так. Слыхал, что вы, коммунисты, всеспите под одним одеялом, независимо от пола — и мужчины, и женщины, да и без разбору грабите чужое имущество. Это же правда?

У меня в голове молнией пронеслась мысль; успех наших переговоров зависит в решающей степени от этого момента; для формирования правильного понимания У Ичэном коммунистов следует ловко использовать брошенную командующим приманку.

— И это пропаганда, придуманная злоумышленниками.

Некоторые люди, малознакомые с идеями коммунизма, наломали дров—без разбора конфисковывали у помещиков земли. Это факт, что они и сами не разобрались, кто же они такие — прояпонские прислужники или антияпонски настроенные. И мы во все не считаем их поступки правильными. Кстати, надо сказать о помещиках. Арендаторы умирают с голоду, а эти богачи смотрят на это сквозь пальцы, хотят лишь одного —самим жить на барскую ногу. Надо бы им дать арендаторам продовольствия хотя бы в знак доброты. Но не хотят — разве это морально оправдано? Зачем людям бунтовать, если помещики дают им продовольствие? Те, кто голодает, жить не могут — начинают бороться. Другого пути нет. По такой же причине в Китае в свое время — об этом, к сожалению, плохо знаю, — вспыхнуло восстание под девизом создания «тайпин тяньго» («государство великого благоденствия» — ред.).

В ответ У Ичэн утвердительно кивал головой.

— Вы, по-моему, правы. В стране волнения в разгаре, а богатые хотят только самим сытно питаться и жить в свое удовольствие. Это же мерзавцы!

Удовлетворенный таким поворотом разговора, я продолжал свою атаку.

— Ходят слухи, что все мужчины и женщины спят под одним одеялом. Эта нелепость придумана японцами, чтобы дискредитировать коммунистов. У нас в партизанском отряде много женщин, но я не помню ничего подобного. Когда полюбят молодые люди друг друга, конечно, могут пожениться. У нас соблюдается строгая нравственность в отношениях между мужчиной и женщиной.

— Так и надо. Значит, мужчины не позволяют себе возиться с одной женщиной поочередно?

— Конечно же! Таких морально чистых людей, как наши коммунисты, не найдешь на белом свете.

Итак, наш разговор достиг определенного рубежа. Теперь У Ичэн прекратил грубые, придирчивые нападки и даже начал называть меня «командующим Кимом».

— Вижу, вы, командующий Ким, хотите сделать из меня коммуниста, — расхохотался он.

— Не думаю из вас делать коммуниста, командующий У.

Знаете, коммунист делается не по чьей-то указке. Но мне думается, что неплохо бы объединить наши силы, чтобы победить в битве с японскими империалистами.

Неожиданно У Ичэн нервно махнул рукой.

— Пусть мы будем бороться порознь, но сотрудничества с коммунистами не хотим, поняли?

— Но все-таки, когда не хватает сил, сподручнее воевать с япошками-то вместе.

— Все равно не буду получать помощь от коммунистов.

— Как же знать человеку, что будет с его судьбой в будущем? И еще не известно, как все сложится. Может быть, и вам придется получать нашу помощь...

— И это, видимо, так. Что станется с судьбой человека— даже бог не знает. А вот у меня к вам просьба, командующий

Ким. Не хотите ли вы вступить в наше общество «Цзяцзяли»?

По-моему, лучше бы состоять в нашем «Цзяцзяли», чем в компартии...

Вдруг, задав мне такой неожиданный вопрос, У Ичэн впился взглядом в мое лицо, явно злорадствуя, заметив, что я чуть-чуть заколебался.

Чего греха таить, в то время само слово «Цзяцзяли» повергло меня в растерянность. Да, командующий У неожиданно ошарашил меня столь загадочным «сюрпризом», что, если говорить правду, поверг меня даже в некоторую растерянность.

В переводе с китайского слово «цзяцзяли» означает одну семью. Это организация китайцев «Цинхунбан» (название тайных обществ «Синяя и Красная Артели» — ред.). Подобное общество создали китайские рабочие — строители водных каналов, а также бурлаки, которые, не вынеся жизненных тягот, выступили против императора. Говорили, что в этой организации не было граней между «моим» и «твоим». К тому времени это была очень внушительная структура.

После побратимства человекстановился старшим или младшим братом. А в организации «Цзяцзяли», о которой шла речь, существовали только отношения между отцом и сыновьями. Не было такого случая, когда бы в него вступал тот или иной человек для того, чтобы стать отцом и приобрести сыновей. Наоборот, в него приходили те, кто нуждался в отцовском попечении, как сын.

Чем выше была «степень родства», тем внушительнее, правомочнее считалось общество «Цзяцзяли». Чтобы вступить в него, приходилось устраивать ритуальный обряд. По словам КимЧжэБома(КимПхен), вступившего по нашему поручению в «Цзяцзяли» с 24 степенями родства, обряд этот был просто

зрелищным. Так, новый член «Цзяцзяли» обязан был делать поклоны будущему «отцу» и старшим десятки, а то и сотни раз.

И вдруг командующий У предлагает мне вступить в такую организацию. Просто беда: откажусь — вероятно сорвутся с таким трудом налаживающиеся переговоры, соглашусь — тут же заставят бить поклоны Будде, что значит самому пойти на поводу у У Ичэна. При подготовке к переговорам мы не сумели предусмотреть подобного поворота событий. И тут у меня мелькнула мысль: все-таки надо как-то избежать прямого ответа на этот вопрос.

— Вместе с командующим У вступить в «Цзяцзяли» — это, думаю, великая честь. Но у нас есть свой порядок. Состоять в другой организации разрешается только с согласия парторганизации. Своевольничать никому не позволительно. Подождем до тех пор, пока не будет согласия парторганизации.

— Ха-ха! Оказывается, вы же не самостоятельный командующий, а, как говорится, «полукомандующий».

У Ичэн, как бы немножко сожалея, бросил на меня внимательный взгляд.

— А теперь скажите, вы пьете, командующий Ким? — спросил он.

— Пить-то я пью, но не смею этого делать, даже когда очень хочется. Боюсь ошибиться в антияпонской борьбе.

— Ба! Неплоха, вижу, у вас компартия! С вами, командующий Ким, хочется сотрудничать. Но тут, честное слово, боюсь, как бы не заразиться идеями Маркса. Заниматься коммунистической пропагандой среди наших людей — это плохо.

— Об этом вам нечего беспокоиться, командующий. Мы не собираемся пропагандировать идеи коммунизма. Просто будем вести антияпонскую пропаганду!

— У вас есть компартия, но это, вижу, компартия барская!

Вы знаете, большой грех в том, что коммунисты Ванцина разоружили отряд комбата Гуаня. Что вы скажете об этом, командующий Ким?

— Что ж, ту т ничего не стоит говорить. Это самая серьезная из всех ошибок. И мы в прошлом году беспощадно критиковали

Ванцинский отряд особого назначения.

— Вы действительно справедливый военачальник, командующий Ким. А иные говорят: все дела коммунистов, от альфы до омеги, безошибочные. Как же это так?

—Коммунисты тоже люди. Они не застрахованы от ошибок. И я порой ошибаюсь. Ведь я не машина, а человек. Много занимаешься делами — бывает, ошибаешься. Поэтому мы прилежно учимся и совершенствуем собственное самовоспитание. Тогда меньше будет погрешностей, не так ли?

— Да так-то так. У бездельников, лодырей ошибок быть не может. Коммунисты занимаются многими делами. Это и мы признаем. Все-таки разговаривать с вами, командующий Ким, просто интересно. Прямота позволяет нам хорошо понимать друг друга,

Завершив такими словами переговоры, У Ичэн тепло взял меня за руки. Удача переговоров была вполне вероятной. На радостях У Ичэн добавил:

— Знаю, Чэнь Ханьчжан ваш друг, командующий Ким. Его ученость помогает мне. Без него я чуть ли не слепой с открытыми глазами.

У Ичэн спросил меня, знаком ли мне Ху Цзэминь. Отвечу положительно — может узнать о наших прежних связях. И мне пришлось ответить: «Не знаю». У Ичэн тут же вызвал к себе Ху Цзэминя и задушевно представил меня:

— Вот перед тобой командующий Ким Ир Сен. Познакомьтесь друг с другом.

Я и Ху Цзэминь вынуждены были поздороваться согласно правилам приличия, как будто никогда не были знакомыми.

Чэнь Ханьчжан подсказал, что У Ичэн очень редко вызывает к себе своих доверенных помощников и представляет их гостям. Чэнь заявил, что я могу быть уверен в удаче сегодняшних переговоров.

В тот день мы с У Ичэном договорились создать постоянный аппарат совместных действий—объединенную канцелярию антияпонских отрядов, которая выполняла бы роль координатора в поддержании постоянных связей между АНПА и китайскими антияпонскими отрядами, в осуществлении совместных действий армий обеих сторон. Мы обсудили и вопрос о составе аппарата.

Сопредставителями канцелярии со стороны китайского антияпонского отряда был избран китаец Ван Жуньчэн, со стороны нашего партизанского отряда — Чо Дон УК. Было решено разместить канцелярию в Лоцзыгоу близ штаба командующего У Ичэна.

В тот день У Ичэн устроил для нас роскошный обед. Чэнь Ханьчжан шептал мне на ухо, что это явный признак особого расположения. Беседа на обеде прошла также в теплой обстановке.

Когда разговор шел о японской оккупации Маньчжурии; черные брови У Ичэна грозно сдвигались на переносице, а на лице появлялось выражение гнева и скорби. Он искренне возмущался тем, что Тун Шаньхао зверски убил Ли Гвана.

— В общем-то эти сволочи, не что иное, как свора местных бандитов. Они, инородные, расходятся с нами. Тот самый Тун Шаньхао стал прихвостнем самураев! Как же так можно? Эти гады достойны небесной кары за все пакости, которые они совершили по отношению к отряду командующего Кима. Позорно и стыдно, что среди китайцев оказался такой злодей.

Слушая его, я еще раз смог оценить незаурядные личные качества командующего У. И, естественно, был доволен результатами переговоров и радушным приемом У Ичэна.

Факт, что У Ичэн любил поважничать, а что касается идеологических воззрений, то он не выходил за рамкигоминьдановских представлений. Но это не стало для нас существенной помехой. Главное — в том, что он отличался твердой волей к сопротивлению японским оккупантам истремлением к спасению отечества. Если бы мы ставили все в зависимость от идеологии, классовой и национальной принадлежности, копались бы только в недалекости партнеров, то не смогли бы добиться сотрудничества с ними. Мудрый замысел о совместном фронте позволил нам не считаться с подобными ограничениями.

В тот день я сообщил в Сяованцин: «Сотрудничество с командующим У идет на лад, теперь дело за Чай Шижуном. В ближайшее время пойду на переговоры с ним; в целях создания единого фронта понадобится операция по нападению на крупный город, такой, как уездный центр Дуннин; предлагается тщательно провести подготовку к рейду в любое время».

Так мы добились успехов во время первых контактов с У Ичэном. Потом мы немедленно приступили к работе по вовлечению в антияпонский объединенный фронт части Чай Шижуна— самых упорных, твердолобых сил АСО. Чэнь Ханьчжан тоже беспокоился: командующий У, по-видимому, не будет капризничать, теперь дело за командующим Чаем. Стоило бы подумать, как избавиться от влияния интригана Ли Чхон Чхона. Под рукой командующего У находились вооруженные силы примерно на уровне одной бригады, а часть командующего Чая численно намного превышала эти силы.

Я предложил Ли Чхон Чхону начать переговоры. Но он отказался от моего предложения и, наоборот, подбивал Чай Шижуна разоружить коммунистическую арм ию. Но осуществлению сценария его заговора противился даже сам Чай Шижун, который раньше безусловно согласился с предложением Ли Чхон Чхона. Чай отклонил план Ли: «Мол, командующий У Ичэн лично пригласил к себе командира Кима исам устроил для него обед; к тому же командир Ким привел с

собой боевой Ванцинский отряд, так что при малейшей оплошности грянет большая беда». Ли Чхон Чхон настолько сильно раздувал антикоммунистический психоз, что мы даже не смели приблизиться к порогу Чай Шижуна.

Единственный путь решения проблемы — оторвать часть Чая от У Ичэна, который пошел на сотрудничество с нами. Дело заключалось в том, чтобы держать под нашим влиянием бригаду Ши Чжунхэна — стержневой отряд командующего У. Если нам удастся убедить комбрига принять наш план, то мы могли бы еще более закрепить наши первые успехи, достигнутые на переговорах с У Ичэном.

Мы поинтересовались личным составом бригады— выяснилось, что в ней в общем-то преобладали выходцы из «низших» слоев общества. Я слышал также, что сам Ши Чжунхэн с девяти лет работал в помещичьей усадьбе — пас свиней, а потом, чтобы добывать средства к существованию, оделся в военный мундир. Служил он в сухопутных войсках Гирина под командованием Ван Дэлиня, а после событий 18 сентября состоял в Армии спасения отечества. Вначале был командиром взвода, затем омандовал ротой, полком, а вот теперьстал хозяином бригады. Он был профессиональным военным, искушенным солдатом.

Я в тот же день, заручившись рекомендацией Ху Цзэминя, немедленно отправился к Ши Чжунхэну.

Я попросил комбрига уделить нашей встрече с ним некоторое время. Он без всяких внешних формальностей, отодвинув все дела на задний план, принял меня. Комбриг тепло относился ко мне как к своему другу. «У нас сегодня праздник, — говорил он, — в нашу часть приехал командир Ким — тот самый, кто здорово бьет самураев». У него не было ни антикоммунистической психологии, ни замашек реакционной военщины. Комбриг был очень скромным, простым и вежливым человеком.

Ши Чжунхэн сказал, что отряд командира Кима одерживает победу за победой в сражениях с японской армией и что это гордость не только корейцев, но и всего народа Восточной Маньчжурии. К тому времени мы в боях в Цзяпигоу, Ляншуйпюаньцзы и в других боевых операциях нанесли ощутимые удары по японским захватчикам. Хотя газеты хранили упорное молчание, весть об этом довольно широко распространилась в Цзянь-дао. К моему удивлению, Ши Чжунхэн хорошо знал об этих боях, о наших успехах в боевых операциях.

Я предложил ШиЧжунхэну со вместнымисилами бить врага уездного центра Дуннин. Моя идея получила полную поддержку.

— Я давно хотел иметь на соседнем фланге сильную дружественную армию, такую, как партизанский отряд командира Кима. С сегодняшнего дня мы с вами братья. Враг командира Кима — мой враг, ваш друг — мой друг.

Комбриг и я крепко обнялись друг с другом, что было поздравлением друг друга с успешным завершением наших переговоров. После этого суровые боевые дела соединяли нас кровными узами, мы стали братьями и соратниками. Наша дружба с ним неизменно продолжалась во весь период — от назначения его командиром 2-й отдельной дивизии до гибели в одном из боев.

В результате переговоров в Лоцзыгоу самый крупный «риф» в океане антияпонской революции был ликвидирован. Если сотрудничество с командующим Юем стало исходной точкой совместного фронта, то переговоры с У Ичэном послужили историческим шагом в наращивании первых успехов в масштабе всей Восточной Маньчжурии. Они были великолепным событием, которое положило конец бессмысленному противоборству и кровопролитию корейской и китайской наций, начатым со времени восстания 30 мая и Ваньбаошаньского инцидента, и которое привело могучие течения сопротивления марионеточному Маньчжоу-Го и Японии в одно огромное русло.

На переговорах с У Ичэном и ТТТи Чжунхэном мы вновь убедились в истине: совместный фронт может осуществляться только при наличии могучих собственных сил. Если бы мы не сумели столь ярко продемонстрировать собственные реальные военные силы в походах в Южную и в Северную Маньчжурию в 1932 году, а затем в крупных и малых боях 1933 года, главным образом, в Ванцине, если бы мы не сумели превратить свой партизанский отряд в всепобеждающую, несокрушимую стальную армию, то У Ичэн, пожалуй, даже глазом не повел бы в нашу сторону, не пустил бы даже на порог своего дома. Сотрудничество с ним осуществлялось столь успешно благодаря тому, что нашисилы были могучими и что морально-политические качества у нас превосходили качества бойцов Армии спасения отечества. Не последнюю роль сыграл наш пламенный патриотизм, интернациональное братство, глубокая вера в правоту своего дела. Эти качества не могли не вызвать симпатии у командующего У.

С той поры, когда было осуществлено сотрудничество с Армией спасения отечества, у меня утвердился девиз: самым лучшим средством для создания единого фронта являются собственные силы; не выковав этих сил, невозможно в борьбе создать ко алициюс любыми дружественными войсками и сторонами. Руководствуясь этим тезисом, я всю жизнь вел неустанную борьбу за укрепление субъекта революции.

С инициативой надета на уездный центр Дуннин согласились и У Ичэн и Чай Шижун. В Лоцзыгоу мы организовали объединенное заседание с У Ичэном, ТТТи Чжунхэном, Чай Шижуном и другими командирами АСО, на котором были разработаны конкретные оперативные меры для проведения предстоящих боевых действий. Потом мы вновь направили письмо штабу в Ванцине.

После переговоров с У Ичэном и успешного рейда в уездный центр Дуннин наше имя стадо широко известным в партизанских отрядах и частях АСО Восточной Маньчжурии,

серди всех сил, сопротивляющихся марионеточному Маньчжоу-Го и Японии. В процессе сотрудничества с У Ичэном мы до мозга костей проникались идеей укрепления единого фронта, хорошо понимая, что она действительно служит неизменной жизненной артерией, главным звеном в развитии антияпонской революции в целом.

И после того, как я, покинув Цзяньдао, переместил поле своей деятельности в район Чанбая, мне не без волнения вспоминались дни сотрудничества с У Ичэном. В то время У Ичэн, принадлежащий к Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, базировался в районе Фусуна и воевал на одном из наших флангов. Вестьотом, что У Ичэн находится рядомс нами, воскрешала в моей памяти прежние дружеские чувства, которые нас связывали в дни общей борьбы.

Я, взяв с собой более сотни партизан, углубился в лес, что был восточное Сигана. Там располагался секретный лагерь части У Ичэна.

На этот раз У Ичэн выбежал из штаба и с распростертыми руками обнял меня. Мы так горячо обнимали друг друга, как будто вновь встретились друзья детства через десять-двадцать лет.

Когда моей щеки коснулись колючие усы командующего У, пропитанные пороховым дымом, меня охватило огромное волнение. Я неожиданно почувствовал, что подступает горячий комок к горлу. Мне самому было непонятно, почему так взволновала мое сердце встреча с этим китайским военачальником, страдавшим наличием солдатского упрямства и сильным чувством самолюбия. Да, действительно это была необычная дружба, выкованная на поле брани. На меня произвели глубокое впечатление искренность и радушие командующего У, который независимо от того, что мы были гражданами разных стран, от различия наших возрастов, относился ко мне как к своему родному брату.

На свете, наверное, нет более искренней, более горячей и прочной дружбы, чем та, что сложилась под градом пуль и разрывами снарядов. Вот, пожалуй, почему дружба между самыми близкими людьми называется боевой.

Теперь у У Ичэна не было видно ни тени чувства превосходства и горделивости тех прошлых дней, когда он, развалясь в кресле, покрытом тигровой шкурой, острым орлиным взглядом взвешивал цену личных качеств прибывшего к нему человека. В нем я видел не столько «лихого героя в зеленом лесу», распоряжавшегося судьбами тысяч своих подчиненных, сколько простого мужика, деревенского жителя. К моменту этой нашей встречи он несколько постарел, осунулся. Да и блеск глаз был не тот, что прежде.

Два дня оставался я в тайном лагере У Ичэна. При нашем прощании У передал мне сто человек своих подчиненных. На мое стеснение он, как будто сердясь, сказал:

— Конечно, не думаю, что у вас, командующий Ким, чего-то нет или не хватает. Но вы сейчас готовитесь к большому бою. Значит, я каж ваш друг обязан чем-то помочь вам. Эти сто человек должны быть не под моей, а под вашей рукой, командующий Ким. Недаром поговорка гласит: «И стебли лежачей полыни выпрямятся в зарослях конопли».

После этого мне не довелось больше встретиться с У Ичэном. В конце того года до меня дошла весть, что он передал другому командиру свою часть, отправился в СССР. Так у меня и оборвалась с ним связь. Больше я не получал о нем ни одной весточки.

У Ичэн не был временным попутчиком, который на короткий промежуток времени был нам нужен, когда мы приступили к великому делу создания совместного фронта борьбы. Это был незабываемый боевой друг, с которым мыстояли плечом к плечу в бою и вместе прошли сквозь огненную завесу под градом пуль. Как прожил он вторую половину своей жизни, как провел последние минуты жизни —

никому неизвестно и поныне. Неоткуда взять достоверные известия.

Если он до последнего дыхания был верен идеалам патриотизма, любви к своему народу, то я был бы счастлив в этом убедиться.

3. Рейд в уездный центр Дуннин

После переговоров в Лоцзыгоу объединенная канцелярия антияпонских отрядов вовсю развернула работу с Армией спасения отечества. Сотрудники канцелярии установили связи и с соседними лесными отрядами, приступив к активной работе по вовлечению их в антияпонский объединенный фронт.

С помощью этого органа в начале сентября 1933 года мы провели в Лаомучжухэ объединенное совещание с командирами китайских антияпонских отрядов, в том числе с У Ичэном, ТТТи Чжунхэном, Чай Шижуном, Ли Саньсей. Совещание обсудило план рейда в уездный центр Дуннин (Саньчакоу) и окончательно определило меры, необходимые для боевых действий. По предложению командующего У Ичэна оно единогласно одобрило разработанный нами план операции.

После переговоров в Лоцзыгоу мы не собирались немедленно проводить рейд. Был установлен подготовительный период сроком более двух месяцев. Мы поступили так потому, что придавали этой операции особенно важное значение. Мы сознавали, что предстоящий рейд — это единственный путь, который вел бы к полной легализации деятельности АНПА. Не без оснований мы полагали, что и соглашение об едином фронте между АСО и АНПА вступит в силу после успешного рейда.

Мы давали себе отчет в том, что удача рейда непременно подведет прочную основу под объединенный фронт с китайскими антияпонскими отрядами. Наоборот, поражение сведет на нет успех диалога в Лоцзыггоу, провалит формируемый объединенный фронт. Просчет, допущенный в этом рейде, обесчестит военный авторитет АНПА, завоеванный в результате тяжелых кровопролитных боев. Просто дело будет

табак, если начнут раздаваться вопли: «Видите, объединенный фронт провалил АСО!»

Для нас это было, собственно, нелегким экзаменом. Данные нашей разведки и донесения местных организаций подтвердили, что в уездном городке Дуннин сосредоточены следующие вражеские силы: около 500 солдат японской Квантунской армии под командованием Исида, вооруженные силы марионеточной армии Маньчжоу-Го примерно в количестве одного полка, возглавляемые комполка Цзином, а также полиция Маньчжоу-Го и отряд охраны. И еще одно важное обстоятельство: противник находился в хорошо укрепленной крепости, располагая артиллерией и другими современными видами оружия.

В то время некоторые китайские командиры сомневались: при попытке взять Дуннин вероятность у дачи, мол, не больше 30 процентов. Поэтому и на объединенном совещаниионы высказывали мнение о том, что силы атакующих должны в три раза превышать силы обороняющихся. Таково требование общепризнанных в мире военных авторитетов. А наши силы намного слабее, чем у противника, сказали они.

Но У Ичэн и некоторые другие командиры плевать хотели на подобные утверждения «авторитетов». «Это собачья брехня, —говорили они. —Таким россказням поверят, пожалуй, только в офицерской школе японских сухопутных войск, где в свое время обучался Ли Чхон Чхон. Так стоит ли придавать этому должное внимание?» Так они порицали пассивное отношение к предстоящему рейду.

Помнили и тот факт, что когда-то отряд АСО уже пытался взять уездный городок Дуннин и потерпел неудачу. И не случайно, что некоторые командиры, перепуганные мифом о «непобедимой императорской армии», рекламируемым японской пропагандой, стали слишком переоценивать силы врага.

После принятия на совещании плана боевой операции работники объединенной канцелярии антияпонских отрядов, поддерживая связи с Ху Цзэминем, распределяли между отрядами количество участников предстоящего рейда в Дуннин. Так, например, перебрасывалисколько-то бойцов из одного отряда, а сколько-то из другого.

А у нас было решено подобрать личный состав примерно по одной роте из Ванцина, Хуньчуня и Яньцзи. Эти силы мы перебросили в Лоцзыгоу.

Из Ванцина я взял одну роту. Из Хуньчуня пришла другая рота, которой командовал комиссар батальона Бай Жипин. Трогательная встреча рот состоялась в конце августа 1933 года под Лоцзыгоу.

Но, к сожалению, товарищам из Яньцзи не у далось добраться до пункта сбора — была нарушена с ними связь. Из Яньцзи-ского батальона выбрали самую сильную роту Чвэ Хена. Перед отправлением он раздал каждому бойцу по 150 боевых патронов и по паре новой обуви. Рота оставила Бэйдун и форсированным маршем добралась до Мацуня. Это было в середине сентября, когда мы, уже завершив рейд в Дуннин, расквартировались в Сяованцине.

Мы вместе с товарищами из Хуньчуня вступили в Лоцзыгоу.

Нас горячо приветствовали бойцы и командиры Армии спасения отечества и жители города. Среди них было немало и крестьян из окрестных поселений. По лицам приветствующих нас людей мы безошибочно определяли, что здесь бьется горячий пульс местных антияпонских организаций.

Массы с восторженными возгласами приветствовали наш отряд. Людей воодушевляли такие талантливые революционеры, как Чвэ Чжон Хва. Он был в то время председателем Лоцзыгоуского антияпонского общества, но для прикрытия исполнял мелкие поручения ведомств Маньчжоу-Го. На деле в качестве члена Антияпонского солдатского комитета Чвэ Чжон Хва большое внимание уделял работе с Армией спасения

отечества. В Лоцзыгоу он широко пропагандировал правоту намеченной нами линии на формирование антияпонского совместного фронта, призвал народ посылать отрядам АСО продовольствие и ткань.

На китайской улице мы привели в порядок отряд, а затем выступили передмассамис призывами к борьбе против японского империализма, за спасение родины. Потом, как водится, началось веселье: танцевали и пели песни. Хозяева лавочек на обе их сторонах улицы, прекратив торговлю, выходили на до рогу полюбоваться этим ярким зрелищем.

В одной компании кружились бойцы АНПА и АСО, как будто встретились друг с другом родные братья. Оживленный Лоцзыгоу напоминал город фестиваля. Все улицы — как корейские, так и китайские — были переполнены радостью и весельем.

Молодые люди, каким-то образом узнав о нас, все шумно требовали встречи с командиром Кимом. Одни говорили: командир Ким — уроженец провинции Пхеньан, другие — нет, он хамгенец, третьи — он родом из провинции Кенсан. Причем каждый настаивал на своем — продолжались несмолкающие споры.

Детишки, забыв обо всем на свете, с любопытством рассматривали винтовки образца 38 и патронные ленты. Каждый боец располагал ей, как было у нас принято, по три: одна опоясывала талию, словно ремень, остальные две располагались крест-накрест через плечи. Комплект каждой ленты — 100 патронов, итого у каждого бойца было по 300 патронов.

— Дорогие наши борцы за освобождение страны, сколько мук и мытарств выпало на вашу долю! Просим к столу на обед, — приглашали нас многие женщины, беря бойцов под руку. Каждый дом, как бы соревнуясь, готов был оказать нам гостеприимство. Даже из далеких поселков, расположенных за 4 — 8 километров от Лоцзыгоу, прибежали женщины с

приготовленным обедом, угощая партизан своими скромными кушаньями.

В день прибытия в Лоцзыгоу я в сопровождении товарищей из объединенной канцелярии антияпонских отрядов погостил у командующего У Ичэна. У нас, как у старых знакомых, шла беседа в теплой, дружеской атмосфере. Это не было похожим на тот диалог, когда мы встретились впервые на июньских переговорах и где каждый как бы «прощупывал» настрой собеседника. Это была искренняя, задушевная беседа между сердечными друзьями.

Когда я шел в Лоцзыгоу, меня больше всего беспокоило сомнение: не откажется ли он, командующий У, от плана рейда в уездный городок Дуннин? Были ведь и такие, как Ли Чхон Чхон, которым не хотелось сотрудничать с нами. Не попытались ли они уговорить У Ичэна отменить план рейда в Дуннин и повернуть отношения между нами и АСО вспять, к мертвой точке, существовавшей до переговоров? В довершение всего не раз поступали от работников объединенной канцелярии информации о том, что Ли Чхон Чхон неоднократно подстрекал Чай Шижуна к прекращению сотрудничества АНПА и АСО. Не повлияли ли его козни на настроение командующего У?

Но все это было напрасным моим беспокойством. Воля У Ичэна к образованию единого фронта была неизменна, ничто не могло поколебать его решимость завершить рейд удачей и рассчитаться таким образом за все прежние поражения АСО.

Несмываемым позором остались у него в памяти те неудачи, которые понесла АСО в конце 1932 года при нападении японских карателей на Лоцзыгоу. Более 10 японских самолетов и сотни солдат беспощадно терзали тогда Армию спасения отечества. Лоцзыгоу превратился в пепелище, отряды АСО удрали в Чэннаньцунь, Синьтуньцзы» Шитоухэцзы.

— По численности мы, право же, намного превосходили япошек. А все же мы тог да отдали Лоцзыгоу и, сверкая пятками, бежали в горы. Припоминаю все это — и сейчас не могу уснуть.

Еще бы, Лоцзыгоу взяли самураи! Оккупанты отрезали людям головы и вешали их на Южные ворота. А мы-то даже не попытались взять реванш, а отсиживались в горах. Нас мучили тяжкие думы: японская армия страшная. Подумать только что было — и то стыдно. В Дуннине, думаю, расплатиться за все! — так говорил командующий У, часто касаясь рукой деревянной кобуры маузера.

Увидев командующего, объятого пламенем мщения, я убедился в твердой его позиции. Это было весьма обнадеживающим симптомом для судьбы единого фронта.

В тот день я коротко рассказал У Ичэну о своем прошлом, как это было при встрече с Пань Шэнвэем. В ответ и командующий У поведал кое-что из своей биографии.

Между нами шли непринужденные, откровенные разговоры. В ходе беседы я узнал, что он родился где-то в Дунчане провинции Шаньдун и что его прозывали еще У Цзичэном. Когда мы вели эти разговоры, на крыше дома командующего У караулили два партизана. В тот день АСО тоже обеспечивала бдительную охрану вокруг штабного дома.

Все и на этот раз соответствовало ходившим о нем слухам. У Ичэн беседовал, полулежа на ковре из тигровой шкуры. Он не любил во время беседы важно восседать на стуле, заложив нога за ногу. Не знаю почему, может быть, из-за излишней своей полйоты, он принимал указанную позу. И мне, естественно, приходилось принимать такую же позу. Опершись локтем на деревянный валик-подушку, я разговаривал со своим собеседником.

У Ичэн велел своим подчиненным: «На обед хорошенько накрывайте стол, ведь у нас дорогой гость!»

Я отговаривал его, поскольку привез с собой продукты. Ведь в те времена для нас готовил еду китайский боец с тронутым оспой лицом. Я свободно говорил по-китайски, за что У Ичэн с исключительной симпатией относился ко мне. Мое знание

китайского языка, за что я был обязан отцу, служило большим подспорьем и в работе с У Ичэном.

В Лоцзыгоу в ротах из Ванцина и Хуньчуня мы не раз обсуждали: как проводить массово-политическую работу. Обращаясь к партизанам, мы подчеркивали:

— ... Сейчас важно, каким путем пойдет дальше Армия спасения отечества. Этот вопрос решится в зависимости от исхода предстоящего боя. Если партизанская армия будет хорошо драться как правофланговая, то Армия спасения отечества несомненно последует за нами. А если мы не сумеем справиться со своей ролью ведущих, то она впоследствии покинет нас. Вот почему вы, товарищи, должны всегда быть ярким примером во всем — ив повседневной жизни, и в боевых действиях. Мы пойдем в бой не для того, чтобы захватить несколько винтовок или мешков зерна. Это сражение за единый фронт. От этого боя зависит его судьба. Все трофеи мы отдадим Армии спасения отечества. Что они возьмут себе еще — опиум или еще что-нибудь другое, не будем этим интересоваться. Но нельзя забывать о главном — никаких уступок в морально-политическом отношении быть не может...

Среди командиров китайских антияпонских отрядов активнее всех поддерживал план рейда в Дуннин комбриг ТТТи Чжунхэн. Пока АНПА находилась в Лоцзыгоу, между мною и комбригом Ши завязалась искренняя дружба, не знающая различия ни в том, кто является гражданином какой страны, ни в принадлежности к организации.

И вот, наконец, крупные отряды АНПА и АСО покинули Лоцзыгоу и тронулись в путь по направлению к уездному центру Дуннин. И в походе комбриг все время старался находиться поближе к нам. Останавливался на ночлег обязательно поблизости от нас, действовать в боях также стремился вместе с нашим отрядом. В дни пешего марша протяженностью в сотни ли от Лоцзыгоу до Дуннина мы с комбригом Ши еще более укрепили взаимное понимание.

Экспедиционные отряды, отправившиеся от Лоцзыгоу в начале сентября, несколько дней находились в пути. Поход явился демонстрацией высокого революционного духа и истинных человеческих качеств корейских коммунистов. Морально-политическое различие между АНПА и АСО четко выявлялось уже в повседневной жизни во время похода.

Где бы мы ни побывали, повсюду держали себя, как подобает армии народа. Встретив в пути молельню, мы не причиняли ей вреда, не трогали никаких яств в ней и не отвлекались. Оказавшись в китайских селениях, организовывали увеселительные мероприятия, вывешивали плакаты, вели устную агитацию. Другие отряды доставляли жителям немало хлопот, но мы, со своей стороны, помогали им всем, чем могли, — таскали воду, крутили жернова, молотили зерно, плели изгороди. В корейских поселках партизаны читали среди жителей книги о ратных подвигах воинов.

Народ радовался и говорил: «Пришла армия добрая, она дорожит простолюдинами». Для гостей жители приготовили вкусные хлебцы и резали свиней. Говорили от души: «С другими воинами плохо—они характером-то грубые, ведут себя дурно. А вот у командующего Кима, видим, люди достойные, воспитанные и добрые. Ничего не жалко для них!»

Мы все искренне люб или народ а народ в свою очередь, от всей души поддерживал нас, оказывал нам радушное гостеприимство. Каждый раз при виде таких картин комбриг Ши Чжунхэн поднимал свой большой палец и не скупился на похвалы: «Армия командира Кима джентльменская, не найдешь нигде на свете такую армию». И своим подчиненным комбриг не раз со ветовалбратьпримерс коммунистической армии, возглавляемой командиром Кимом.

— Сейчас во время похода некие развязные типы головного отряда дискредитируют нашу Армию спасения отечества. Вы не берите с них примера. Будьте честными в поведении и вас помилует небо. Предупреждаю: если у нас появится что-то

недоброе, например, глумление над женщинами, присвоение чужого добра и грубые слова в адрес простых людей, виновнику, кем бы он ни был, не миновать суровой кары.

Такие предостережения Ши Чжунхэна стали для его подчиненных отрезвляющим средством и производили должный эффект.

В ночной тьме было несколько случаев, когда бойцы АСО, приняв скирды хлебов за японские войска, в панике начали разбегаться. Подобные случаи повторялись не раз, и тогда мы поставили во главу марша партизанский отряд, а подразделения АСО замыкали колонну. Эта мера, не очень оригинальная, стимулировала сознательность партизан. Они безропотно, когда надо было, убыстряли шаги, убежденные в том, что исходрейдав Дуннин зависит от них самих, а не от войск АСО, готовых перепутать хлебные скирды с япошками. Партизаны были убеждены — только в их действиях кроется та решающая сила, которая двигала бы к победе весь замысел, имя которому — единый фронт борьбы.

Партизаны занимались учебой и на походе. Порой вспыхивала полемика по серьезным вопросам политического характера.

— Эй, друг мой, Кан, отвечай быстренько на вопрос: для чего нам нужно штурмовать Дуннин, в чем главная цель? Когда в Лоцзыгоу объяснял нам все это товарищ начальник, я полагал тогда, что мне все ясно. А теперь уж что-то перепуталось в голове, — так с лукавинкой во взгляде начинал разговор боец, замыкавший ряды Ванцинской роты, когда экспедиция почти добралась до Лаохэйшаня. Вопрос был задан, очевидно, не длл себя, а для того, чтобы проверить знание своего приятеля.

Но и его собеседник Кап тоже оказался неглупым парнем.

— Ха-ха! Слушай, братец, ты хочешь зажарить краба на чужом огне. Раз у тебя такая дырявая память, могу тебе помочь. Вот тебе ответ — слова на мелодию «Сипчжинга» (Песня о первых буквах чисел от одного до десяти. Первый слог первой

строки текста песни одинаков с первым слогом второй строки. —ред.).

И он, не дав коллеге вымолвить слова, всерьез затянул песню на мотив «Сипчжинга».

Одну, друзья, песню споем,
Одну не забывай — фронт единый,
К успеху наше дело доведем.
Пусть даже рухнет небо на нас.

О втором теперь — гармонь, играй!
О. твердыня — оплот революции!
Дальше расширим партизанский край —
До советско-маньчжурской границы.

В третий раз песню начну.
Втриуки, дело спорится —
Открой проход к Советов Стране —
Край холодный, но вольный для нас!
... ...

Пак, задавший хитрый вопрос, разинул рот исделал вид что просто поражен находчивостью друга.

— Умная голова! — воскликнул он. — Ее не заменишь ни на что — даже на вес золота! А у меня дурья башка. Теперь-то я понял цель нашего рейда в Дуннин. Словно вижу на чистом небе полную луну!

Тот Кан — семи пядей во лбу. В Ванцинской роте он, право же, достоин такой похвалы. Песней «Сипчжинга» парень умел живо обрисоватьсложные гаммы первой мировой войны, сжато, мастерски раскрывать с помощью ее мелодии ужасные картины политических драм — от вспышки события 18 сентября до образования государства Маньчжоу-Го.

Вот так доступно была поэтизирована молодым Каном в вариациях «Сипчжинга» цель рейда в Дуннин. Песня мгновенно, как на крыльях, облетела весь коллектив военных — от Ванцинской к Хуньчуньской роте, а от нее к бригаде ТТТи Чжунхэна, от той бригады к отряду Чай Шижуна. Некоторые бойцы АСО даже на марше мурлыкали себе под нос, разучивая песню «Сипчжинга». Армия эта во всем старалась учиться на примере нашего отряда.

Но поступали так далеко не все. Многие из наших соседей мечтали в один прекрасный день разбогатеть, рисуя в воображении свою долю будущих трофеев. Почти не было таких, кто бы, вдохновленный высоким идеалом сопротивления японскому империализму, заводил разговор о том, как бы расширить театр боевых действий до рубежа советско-маньчжурской границы, как наладить единый фронт с партизанами и опять вернуть себе утраченные земли Маньчжурии.

— Скажи, дружок, много ли захватим опиума после атаки Дуннина? —спрашивал своего друга один из подчиненных Ши Чжунхэна, следовавший за нашим отрядом.

— А бог его знает, но опиум, думаю, будет везде, коль там целый полк марионеточной армии Маньчжоу-Го. Без опиума маньчжурских войск не бывает. А почему спрашиваешь? Ты же не курильщик опиума? Удивляюсь, зачем тебе знать про опиум-то?

Собеседник, не скрывая своего разочарования, заглянул своему другу в лицо.

— Да что ты, друг! Знаешь, опиум — это деньги, деньги— это опиум! Ведь народная мудрость гласит: «Звенит в кошельке десяток тысяч ляд (название старой денежной единицы—ред.)— улетишь в Янчжоу на крыльях аиста».

—Так-то оно так. Но есть и другое изречение: «Не имеешь денег — не поедешь любоваться Ханчжоу». А ты прихвати опиума на десяток тысяч лян и поезжай куда хочешь — ив

Ханчжоу и в Сюйчжоу. А вот я взял бы себе из японских трофеев карманный фонарик — и все, хватит!

— О фонарике нечего тебе и беспокоиться. Такой чепухи сколько угодно у каждого из японских солдат, а их много...

— Хватит чепуху молоть. И опиум, и фонарик — все это потом, после победы в бою. А ты, дружок, полагаешь, что взять Дуннин — легкая штука?

Случайно услышанный диалог этих двух бойцов тяжелым камнем лег на мое сердце. Неужели эти солдаты АСО, чьи головы набиты мыслями о трофеях, пойдут в рукопашную на штыки «непобедимой императорской армии»? Неужели каждый из них ринется словно «человек-снаряд» в форт, с возгласами «Да здравствует Китайская Республика!»?

В их поведении, в меркантильных разговорах, в недобрых глазах проскальзывало что-то сомнительное. Все это было чем-то вроде зловещего симптома.

В Лаохэйшане мы, организовав объединенное собрание партизанских отрядов из Ванцина и Хуньчуня, вновь посвятили его политической работе, цель которой — довести до сознания каждого бойца понимание поставленных задач и военно-политического значения предстоящего боя в Дуннине.

Затем мы вышли на рубеж Гаоаньцуня и Вушэгоу на подступах к Дуннину. Там еще раз уточнили, как обстоят дела у противника, окончательно утвердили план боевых действий. В ту ночь нам все же удалось под Дуннином нащупать ниточку связис подпольной парторганизацией. Ее в свое время создал и руководил ей Пань в Дуннине, Гаоаньцуне, Синьлицуне, Лаохэишане и в других местах. В то время он работал секретарем Суйнинского Главного укома. Весной 1932 года эта организация была разоблачена, за ней была установлена слежка врага. Части партийцев пришлось переместиться в Ванцин, а некоторым — уйти в глубокое подполье в Дуннине. В дни, предваряющие штурм, Пань направлял в Ванцин не только

коммунистов и комсомольцев, но и многих партизан и местных жителей.

Отправляясь в Хуньчунь, Пань просил меня: «Случится вам побывать в Дуннине, прошу связаться с коммунистами и комсомольцами, работающими в подполье, восстановить нить организаций и позаботиться о них вместо меня». Я все время помнил об этой его просьбе. И при оглашении в Лоцзыгоу программы массово-политической работы включил в нее задачу — наладить политическую работу среди населения и восстановить подпольную парторганизацию в уезде Дуннин.

Нам удалось найти в окрестностях Гаоаньцуня несколько партийцев, за счет которых мы восстановили подпольную парторганизацию уезда Дуннин, наладили связь, заботясь о том, чтобы ее деятельность направляла Лоцзыгоуская подпольная парторганизация. Она представила нам немало сведений. С их помощью мы смогли без особого труда открыть проход на территорию Советского Союза.

Дуннинская уездная подпольная парторганизация отменно выполняла поручаемые нами секретные задания и существовала до 40-х годов. После Сяохаэрбалинского совещания отряды КНРА маневрировали мелкими группами, опираясь на тайные лагеря в горах Пэкту и на учебные базы близ Хабаровска на советской территории. В те времена мы часто использовали этот канал связи. Через него множество мелких групп проникали в пределы Кореи и в Цзяньдао, по нему пробирались из гор Пэкту в зону советско-маньчжурской границы. И отдельные подпольщики, посланные в Корею, в большинстве случаев, с помощью этого канала просачивались затем в Приморье.

Известно, что группа Чон Мун Ука, активно развернувшая разведку на рубежах советско-маньчжурской границы, тоже использовала действенную помощь Дуннинской уездной подпольной парторганизации. Советский интернационалист Я.Т. Новиченко[3], который нес к тому времени военную службу недалеко от советско-маньчжурской границы, напротив уезда

Дуннин, вспоминал впоследствии, что он часто был свидетелем передвижения по этим каналам мелких групп КНРА. И во время военных операций против Японии подпольные организации Дуннина принимали активное участие в дезорганизации вражеского тыла, что явилось значительным вкладом в освобождение уездного центра Дуннин.

Из беседе жителями окрестностей Гаоаньцуня и с подпольщиками мы узнали о командире полка марионеточной армии Маньчжоу-Го, дислоцированного в Дуннине. Хотя он и служил государству Маньчжоу-Го, но был известен своими антияпонскими настроениями. И еще мы уточнили: отношения между марионеточной армией Маньчжоу-Го и японским гарнизоном на первый взгляд казались нормальными, но насамом же деле были чреваты раздорами и распрями.

Нам сообщили также, что тот комполка имеет тесные связис хозяевами китайских магазинов в городке и постоянно прислушивается к их мнениям. А члены подпольной парторганизации хорошо знали хозяев этих торговых точек. Мы пору ч ил и коммунистам подполья оказать благотворное влияние на хозяев китайских лавок с тем, чтобы тот командир полка пошел на сотрудничество с нами.

Рейд в уездный центр Дуннин начался ночью 6 сентября и закончился днем 7 сентября 1933 года. За все время антияпонской войны, думается, почти не было случаев, когда бы нам приходилось возиться с противником почти два дня.

При налете на Дуннин мы сосредоточили внимание на том, чтобы острие нашей атаки направить на Сишаньский форт — двухэтажное укрепленное сооружение, стоящее на самой вершине горы за Западными воротами. Форт был вооружен несколькими станковыми и ручными пулеметами. На полосе между фортом и штабом японских агрессивных войск были вырыты хо ды сообщения ипроло жены тайные подземные коммуникации с тем, чтобы в случае необходимости непрерывно перебрасывать этими проходами резервы,

необходимые в целях отражения атак противника. Когда-то именно этот форт стал камнем преткновения во время атаки АСО на Дуннин и привел к неудаче.

Я расположил в Цачжаккоре Хуньчуньскую роту и определил ей роль заградительного отряда. Ванцинскую роту вывел на рубеж направления главного удара, чтобы с ходу захватить Сишаньский форт.

Подрывная группа партизанского отряда скрытно подползла к вражескому стану. Мой сигнальный выстрел должен был оповестить всех участников операции о начале атаки городка. 9 часов вечера. С моим выстрелом группа залпом открыла огонь по вражескому форту. Используя ходы сообщения и тайные подземные коммуникации, противник непрерывно перебрасывали свои силы. Несколько часов шла ожесточенная перестрелка между обеими сторонами.

Партизанский отряд ворвался в городок через Западные ворота. Я дал ему приказ — заблокировать вражескую казарму. Вместе с тем, часть наших сил я перебросил севернее форта в обход с целью распылить огонь врага. После этого начала действовать группа подрывников — они забросали форт само-дельнымигранатами иблагодаря дерзкой атаке взялиего. Когда забрезжил восток, форт уже молчал, прекратив сопротивление. Наши главные силы заблокировали казарму японского гарнизона словно стальной сеткой и решительно срывали отчаянные попытки врага перейти в контратаку. Японские солдаты бежали через Северные ворота.

Заняв свои места, вели бой и воины АСО, которые заранее проникли в город, переодевшись в гражданскую одежду. Вступили в бой и другие ее подразделения, ворвавшиеся в городок через Восточные и Южные ворота.

Из штаба войск Маньчжоу-Го пришел к нам делегат, который выразил свое согласие на наше предложение совместно сражаться против японских агрессивных войск. Именно

благодаря такому сотрудничеству мы смогли бы получить полную возможность взять городок в свои руки.

Беда пришла неожиданно. Некоторые подразделения из отряда Чай Шижуна начали грабить магазины, находившиеся под контролем марионеточной армии Маньчжоу-Го, набросились на жилые дома. Увидев это, маньчжоугоские войска отказались от своего обещания и возобновила отчаянные боевые действия против нас. К ней присоединился и японский гарнизон.

Перепуганные яростным наступлением врага, некоторые подразделения АСО оставили врагу захваченные рубежи и бросились бежать из города.

Но наш отряд не на жизнь, а на смерть вел уличные бои. Постепенно расширяя контролируемую зону, он прижал врага к узкому углу городка. Воины АСО, воодушевленные нашим продвижением, тоже перешли в наступление и взяли оружейный завод, а затем атаковали площадку, где складировались различные военные материалы. Уличные бои продолжались несколько часов.

Признав, что цель взаимодействия в основном достигнута, я отдал распоряжение нашему отряду эвакуироваться из городка. Партизанский отряд, по собственной инициативе оставивший городок, прикрывал огнем выход отрядов АСО.

Именно в тот момент мне доложили, что в городе остался комбриг Ши Чжунхэн после тяжелого ранения. Все, кто находился с ним рядом, бросили своего командира в бедственном положении и отступили за городок. Даже адъютант комбрига не позаботился о своем командире, а бросился за ворота городка, спасая собственную шкуру.

Передмоим мысленным взором вновь почему-то возникали лица тех бойцов АСО, которые мечтали прихватить богатые трофеи. Да, когда они питали надежду прихватить после боя побольше опиума или же раздобыть японский карманный фонарик, я беспокоился только о возможных грабежах и о влиянии столь позорного явления на весь ход боевых действий.

Мои предположения сбылись — грабежи возникли в самом разгаре боя. Но, к сожалению, произошло и нечто худшее, от чего мы просто ахнули, — брошен в беде раненый командир. В общем-то в армии, право же, сравнивают своего командира то с родным отцом, то с родной матерью. Значит, бойцы АСО бежали, оставив в беде родного отца, родную мать. До этого времени я слышал много рассказов о войне, но никогда ничего подобного не слышал о столь трусливых неверных солдатах. Грабежи, которые учинили эти солдафоны, их вероломное, предательское отношение к своему начальнику имели что-то общее. Жажда наживы обернулась, в конце концов, безудержным стяжательством и спасением собственной шкуры, жалкой трусостью.

Какую же глубокую жизненную правду раскрывает мудрое изречение наших предков: «Черпак течет дома — он течет и в поле»!

Бой, можно сказать, является продолжением повседневной жизни воинов, своего рода ее итогом. Исход сражения решается, как правило, не на поле брани, а гораздо раньше, в повседневной жизни. А бой — это лишь отражение, мгновенный показ будничной жизни.

История не знает таких примеров, когда бы морально ущербная армия поднялась на пьедестал победителя. Вот живой пример. Причина того, что нацистская армия гитлеровской Германии потерпела в конце концов позорное поражение, кроется в том, — и это главное, что войска фюрера уже являлись морально побежденными, ибо растоптали нормы человеческой морали, а гусеницами танков подмяли всю доброту и красоту. Главная причина неминуемого крушения японской армии, похвалявшейся своей «непобедимостью», тоже заключалась в ее моральной деградации. Япония не могла не задохнуться: она стала предметом осуждения и ненависти миллиардов людей доброй воли всего мира, которые заклеим или позором

японскую армию как самую варварскую и циничную в мире, и попала в окружение международных союзных войск.

Во всемирной истории войн не найдешь другой такой армии, как японская, которая, прихватив с собой даже «женщин для развлечения солдат», пошла на поле боя в целях агрессии в других странах и истребления людей,

Война—не только противоборство сил, но и конфронтация между кодексами морали и человеческой этики. Та армия, которая игнорирует влияние морали на процесс войны или же считает саму мораль своего рода стесняющим ее действия пустяком, подобна огромной груде мусора.

Я приказал Чвэ Чхун Гуку спасти Ши Чжунхэна. Приказ был выполнен с риском для его собственной жизни.

Мы несли на спине Ши Чжунхэна, которого партизаны берегли, рискуя собственной жизнью. Прикрывая его эвакуацию ю зоны боя огнем, нам удалось благополучно отвести отряд в сторону господствующей высоты. Партизаны негодовали: пусть среди белого дня грянет молния и покарает трусов, подручных ТТТи Чжунхэна, за измену командиру.

Да, бойцы АСО, собственно говоря, своими поступками заслуживали таких упреков и пожеланий. Но, к счастью, из-за таких поступков бойцов АСО не произошло ничего такого, что бы могло образовать трещину в отношениях между партизанами и АСО.

Значение рейда в уездный центр Дуннин не ограничивается тем, что было уничтожено несколько сотен вражеских солдат. Главное состояло в том, что АСО, пройдя полосу боя, стала полностью и целиком доверять корейским коммунистам.АНПА приобрела возможность вновь, как и прежде, действовать под красным флагом, по праву расширяя в Восточной Маньчжурии свою легальную деятельность. Рейд в Дуннин показал бойцам АСО подлинный облик корейских коммунистов.

После этого китайские антияпонские отряды уже сами решили принимать меры к тем, кто попытается вредить корейским партизанам.

— Да, 7 сентября 1933 года я родился на свет во второй раз! — так сказал Ши Чжунхэн, придя в сознание. — Если до сих пор я жил жизнью, которую дали мне родители, то с 7 сентября живу второй жизнью, которую дал мне командующий Ким Ир Сен. Он спас мне жизнь и теперь антияпонский партизанский отряд— родной брат нашей Армии спасения отечества.

Из уст комбрига облетели, словно легенда, всю Маньчжурию слухи об антияпонском партизанском отряде: какая у него высокая самоотверженность, насколько верен он чувству товарищеского долга.

На обратном пути от Дуннинадо Лоцзыгоу, протянувшемся на несколько сотен ли, я ни на минуту не отходил от комбрига Ши. В первый день мы сами все время несли его на носилках. Бойцы АСО хорошо видели, как их командира несут на носилках партизаны. Но они не смели подойти к своему комбригу, а лишь поглядывали издалека. Затем адъютант Ши Чжунхэна и другие бойцы АСО попросили передать им своего командира. Но партизаны не стали их даже слушать.

Когда же адъютант в третий раз пришел к нам в отряд, я велел передать носилкис ШиЧжунхэном бойцам АСО. При этом я говорил своим товарищам: «Они тоже люди мыслящие, переживают. Теперь они, думается, раскаялись в своих поступках. Поэтому не будем отказывать им в праве нести раненого. Пусть теперь хотя бы частично попробуют искупить вину, проявленную на поле боя».

Когда мы передали Ши Чжунхэна, бойцы АСО, преисполненные чувством благодарности, отвесили нам низкий поклон.

Комбриг Ши очень переживал, что его оставили в беде. Однако за недостойное поведение своих подчиненных он

просил извинения, не забывая, что в этом повинен и он как их начальник.

— Какими же они оказались слабовольными! Знаю, стыдно мне смотреть на вас, командующий Ким. Ведь вся вина во мне, не успел воспитать их как следует. За все спросите с меня, а моих подчиненных простите.

Я был сильно тронут тем, что он принимал позор подчиненных как свой собственный. Я, может быть, не был бы так взволнован, если бы Ши Чжунхэн начал ругать подчиненных или по крайней мере упрекал их. Он был человеком военным, а тем более с общительным характером и широкой душой.

— Вспоминается мне китайская пословица, которая гласит:

«И в сладкой дыне есть горькая плодоножка», — так я обратился к комбригу Ши. — Человек тоже бывает в приятном настроении не всю тысячу дней, и цветы красивы не всю тысячу дней. Вы получили смертельную рану, а теперь к вам возвращаются силы.

Этим я и доволен.

— У нас говорят: хочешь купить лошадь — смотри ей зубы, хочешь познакомиться с каким-то человеком — смотри ему в душу. Думаю, небо ниспослало мне счастье —счастье познакомиться с вами, командующий Ким. Дружбу эту буду хранить бережно всю жизнь!

Ши Чжунхэн был старше меня лет на тринадцать. Но мы в окопах антияпонского совместного фронтасталисо ратниками и товарищами, связанными друг с другом кровными узами. После боя в Дуннинеон расположил свой отряд поближе от Мацуня— в Сибэйгоу. Мы крепили узы нашей дружбы, часто посещая друг друга, теперь уже как родственники.

Я предлагал ему немало медикаментов, чтобы помочь в лечении огнестрельных ран. Оказывал на него также большое коммунистическое влияние, стремясь к перемене его идейных

взглядов. После этого комбриг вступил в Компартию, вырос командиром Народно-революционной армии.

В битве под Лоцзыгоу, которая разгорелась в июне 1934 года, Ши Чжунхэн храбро сражался за успех комбинированных боевых действий против японских войск. А после его зачисления в Народно-революционную армию он, будучи командиром отдельной 2-й дивизии, совершил множество ратных подвигов. В каждом бою он впереди всех бросался в атаку с поднятым над головой маузером. Его солдаты утверждали, что нет нигде в мире такого замечательного командира, как комбриг Ши. И солдаты других отрядов АСО тоже очень уважали и чтили его. Многие из них покинули свои подразделения и перешли в часть Ши Чжунхэна.

Во время боя под перевалом Лаосунлин он шел в первых рядах атакующих и получил смертельную рану в живот. Пуля не прошла насквозь, а осталась в теле. Чтобы удалить ее, он перешел через границу на советскую территорию, но вскоре скончался. Получив весть о похоронах погибшего комбрига Ши, я, совсем убитый горем, со скорбью чтил память этого человека.

Под пулями на поле боя в Дуннине окрепла моя дружба с Чай Шижуном на основе идеалов антияпонской борьбы. Впоследствии он был причислен к Народно-революционной армии, назначен заместителем командующего, а затем командующим 5-го корпуса. Базируясь в Северной Маньчжурии, он, подчиненный Чжоу Баочжуну, прилагал немало усилий для укрепления братских боевых связей с нами. И позже, в первой половине 40-х годов, между мною и Чай Шижуном поддерживались тесные связи.

Когда мы совершали рейд в уездный центр Дуннин, неразрывным стал совместный фронт АНПА и китайских антияпонских отрядов. Между тем тогда же произошел совершенно непредвиденный инцидент, чреватый опасностью разрушить вдребезги наш совместный фронт.

Поводом для происшедшего послужили высказывания У Ичэна, который приукрашивал заслуги Чан Кайши. В то время мы, вернувшись в Лоцзыгоу, созвали совместное заседание, чтобы подвести итоги боев в Дуннине. На заседании первым выступил командующий У. Между прочим, он, останавливаясь на победе объединенных войск в Дуннине, неожиданно стал возносить до небес Чан Кайши и вопреки нашим ожиданиям сказал следующее:

— Антияпонская война на Северо-Востоке Китая сможет идти по восходящей линии только при условии, что Чан Кайши направит с юга пушки да войска.

Это вызвало гнев партизан. Тут же Бай Жилин, возглавлявший Хуньчуньский партизанский отряд, поднялся на трибуну, чтобы заметить:

— Чан Кайши—пес империализма. Факт, что это знает весь мир. Как же он может помочь нам, да еще и руководить нами?

Ясно, что командующий У реакционер, ведь он защищает и хвалит Чан Кайши.

Рассерженный У Ичэн приказал арестовать его и грозил расстрелом.

Тут же зашумели бойцы Бай Жипина с протестами. Они были готовы вот-вот броситься вперед, хватались за оружие и кричали:

— Мы не потеряли ни одного человека во время боя в Дуннине. А что будет, если мы потеряем своего командираот рук партнера по единому фронту? Без него нам нельзя вернуться в Хуньчунь! Пусть мы все умрем до последнего, но все-таки будем драться с У Ичэном и спасем товарища Бай Жипина.

И бойцы АСО хватались за винтовки и готовились открыть огонь.

Создалась критическая ситуация, все висело на волоске — единый выстрел унес бы жизни многих, да к тому же был бы похоронен с таким тру дом образованный единый фронт. Лицо У Ичэна побледнело, губы у него судорожно дергались.

Я поднялся на трибуну и начал уговаривать обе стороны спорящих на корейском и китайском языках. Затем обратился к командующему У:

— Прошу вас, командующий У, отпустить Бай Жипина.

Понимаю ваше возмущение, но поймайте о великодушии.

Неправ, конечно, и он, дискредитируя вас, командующего, назвал реакционером. Но и вам не мешало бы задуматься над происшедшим. Весь Китай клеймит Чан Кайши как пса империализма. Думаете, приятно людям слышать похвалу в его адрес?

Ведь не кто иной, как он. Чан Кайши, еще до события 18 сентября предупреждал Чжан Сюэляна, чтобы старая Северо-Восточная армия не выступала против Японии. Не так ли? Сейчас вы расстреляете Бай Жипина — вся Маньчжурия осудит вас как предателя. Вам серьезно над всем надо задуматься...

Когда я закончил свою речь, в среде бойцов АСО раздались голоса:

— Кто этот человек? С юга приехал? Может, это курьер из Гоминьдана?

Как бы в ответ раздался негромкий голос:

— Какой там юг, это Ким Ир Сен, командир партизанского отряда.

— Всему вина мое невежество. Не подумайте, что я и Чан Кайши одного поля ягоды, — признался У Ичэн. Он тут же заявил, что приказ о расстреле будет отменен, но не отпускал Бай Жилина в течение двух дней.

Это вызывало ропот рядовых солдат АСО, которые порицали своего командующего:

— Какой он глупый! — говорили одни.

— Почему командующий У не держит слово, данное командующему Киму? — спрашивали другие.

— Не убьем мы его — и все. Всех убивать не позволено командующему У! — шумели третьи. — Если Бай Жилин будет убит — не миновать кары нам, Армии спасения отечества.

Такие настроения былисреди солдат. А в это время офицеры АСО направили У Ичэну письмо и прощение с требованием немедленно освободить Бай Жилина.

Арестованный был освобожден по приказу командующего У только на третий день. Как видно из всего этого, процесс осуществления совместного фронта с китайскими антияпонскими отрядами был сопряжен с неисчислимыми трудностями, требовал терпеливых усилий и жертв. Вряд ли без зигзагов, без хождения по мукам, гладко могло произойти слияние двух «организмов» с разными группами крови!

Враги три дня подряд сжигали трупы своих воинов, погибших во время боя в Дуннине. Зато мы лишились Ху Цзэминя. При возвращении в Лоцзыгоу он лишился своей жизни от шальной пули.

4. Об ультрадемократии в войсках

Линия на создание советов представляла собой левый уклон в области строительства власти. Подобно этому, ультрадемократия в военном деле явилась левачеством на практике командования и управления армией. Под такой ультра демократией подразумевается концепция, заключающаяся в том, чтобы в командовании иуправлении армией воины пользовались равными правами без различия в рангах. Другими словами, эта идея требует чрезмерной уравниловки во всех сферах военной деятельности и абсолютизирует ее.

Завершив поход в Южную Маньчжурию, мы вернулись в Ванцин. Руководя работой партизанского отряда, мы впервые заметили, что в рядах бойцов партизанского отряда существует ультрадемократия. В то время такой загиб только лишь начинал давать о себе знать и пока еще не оказывал серьезного влияния.

Но, возвратившись в Ванцин после рейда в уездный центр Дуннин и знакомясьс работой партизанского отряда, мы узнали, что эта ультрадемократия, пустившая недавно первые ростки, теперь начала приобретать четкие формы, проникла в систему командования армией и готова ввергнуть ее в состояние паралича.

Первый сигнал об опасности со стороны этой ультрадемократии раздался осенью 1933 года в Дахуангоу уезда Хуньчунь.

Дахуангоу было центральным партизанским районом в Хуньчуне и местом, где посланец Коминтерна Пань был убит Пак Ду Намом. Именно здесь одновременно погибло 13 храбрецов из Хуньчуньского партизанского отряда, участвовавшего в рейде в Дуннин, что вызвало глубокую скорбь населения всей Восточной Маньчжурии.

Товарищи из Хуньчуня возвратились в партизанский район после собрания вЛоцзыгоу, где подведены итоги боевых действий. Отмечали здесь осенний праздник чхусок в одном отдаленном домике поселка. Необходимо было хотя бы на короткое время снять дорожную усталость. И на второй день после праздника бойцы целый день отдыхали, выставив часового. Японский же гарнизон, получив агентурные сведения о сложившихся обстоятельствах, окружил ночью этот особняк и нанес внезапный удар.

В подобной обстановке лучше всего определить слабое звено противника и, нанеся контрудар, быстро вырваться из кольца окружения. Но для того, чтобы принять такое решение, командиру следует точно знать обстановку и вовремя отдать необходимые распоряжения. Однако командир роты, возглавлявший отряд, был не вправе этого делать. В отряде оказался довольно опытный командир, такой, как О Бин. Но его слова не возымели никакого влияния. Ведь он, работавший в свое время заведующим военным отделом уездного парткома, был разжалован в рядовые приверженцами «левого» уклона.

В те времена леваки, засевшие в руководстве вышестоящей парторганизации, не позволяли командирам самостоятельно принимать решения по военным вопросам. Они настаивали на том, чтобы все без исключения проблемы, связанные с любой военной операцией, обсуждались на собрании и решались коллективно по принципу большинства голосов. Это требование стало железным законом, который никто не вправе был нарушить в ходе командования войсками. Не трудно понять, что это связывало командиров по рукам и ногам, так как они не могли самостоятельно даже шевельнуть пальцем. Командиры не принимали решений не потому, что бездарны, а потому, что были парализованы их функции грузом ультрademократии в армии.

Перед лицом смерти, когда враги вплотную приблизились к дому с винтовками наперевес, находившиеся в окружении

партизаны все еще продолжали бесплодное обсуждение вопроса — отражать натиск противника или же совершить попытку вырваться из окружения. Некоторые бойцы, обладавшие способностью творческого мышления, резко заявили, что этот пустой разговор может только привести к гибели всех, и предложили немедленно вступить в бой, но люди, зараженные болезнью ультрадемократ и и, категорически отвергли их предложение: мол, нельзя начинать бой, пока нет решения собрания.

На самом же деле, поступая так, они совершали преступный акт самоубийства. Болтовня в окруженном доме повлекла за собой разгром партизанского отряда, попавшего в западню. Да это и понятно. Пока продолжалось обсуждение, сопровождаемое пустозвонством, враги начали завершающую атаку. Только после этого партизаны прекратили собрание и приступили к бою.

Град пуль противника вывел из строя 13 партизан. Лишь несколько бойцов чудом уцелели среди груды трупов. Один из них прибежал ко мне в Ванцин с завещанием О Бина и рассказал подробности гибели своих товарищей. Среди погибших оказались Бай Жилин и О Бин.

По словам партизана из Хуньчуня, О Бин получил сквозную рану в живот и из него высыпались кишки. Он, не обращая внимания на страшную боль, прежде чем испустить дух, просил его, того партизана, которий вылез из трупов:

— Я не имею права приказывать вам. Но как член партии очень прошу вас непременно доложить товарищу Ким Ир Сену о случившемся сегодня.

Получив эту весть, я проклинал сторонников такой ультрадемократии, всех догматиков, внедряющих ее вслепую в ведение боевых действий. Если не было бы влияния этого зла, бойцы из Хуньчуньской роты могли бы своевременно прорвать кольцо окружения и предотвратили бы тем самым трагическую гибель бойцов.

Все 13 храбрецов были нашими незабываемыми соратниками, с которыми мы принимали участие в рейде в уездный центр Дуннин, вместе преодолевая смертельную опасность. Когда мы уходили из Дуннина после завершения операции, товарищи из Хуньчуня, находившиеся в составе заградительного отряда, говорили о том, как славно дрался Ванцинский отряд. Они наперебой пожимали мне руку, поздравляли и качали меня.

На траурной церемонии по погибшим соратникам эти боевые товарищи говорили горькие слова прощания.

Храбрые мужчины, обладавшие пламенной революционной страстью и верным товариществом, погибли в одну ночь. Меня охватила невыносимая досада и обида. Среди этих тринадцати О Бин был самым дорогим моим соратником и товарищем. Я установил с ним дружеские отношения по рекомендации Чхэ Су Хана, когда мы вели работу по освоению этой «целины» — района шестиуездных городков Кореи. Когда Чхэ Су Хан учился в Тэсонской средней школе в Лунцзине, О Бин ходил там в

Тонхынскую среднюю школу. Обе эти школы были настоящими кузницами общественных деятелей и кадров движения за независимость. В Лунцзине они вместе участвовали и в ученическом движении.

О Бин вместе с Чхэ Су Ханом присутствовал на Гуншуйдэ-ском и зимнем Минюегоуском совещаниях, проходивших по нашей инициативе, активно участвовал в обсуждении вопроса о разработке курса на вооруженную борьбу.

Насколько я помню, О Бин и Чхэ Су Хан пригласили меня в Чонсон в мае 1931 года. Чонсон был родным краем Чхэ Су Хана. Свеж в памяти, словно это было только вчера, тот день, когда вместе с ними я тайком переправился через реку Туман на су дне и вошел впервые в село Синхын. С глубоким волнением мы любовались красотой той местности — ивовыми дамбами, утопающими в зелени, местом расположения старинной крепости и долго разговаривали о будущем Родины.

Весной того же года за Северными воротами села Синхын я встретился с О И Соном — отцом О Бина, который руководил Антиимпериалистическим союзом Чонсона. Он арендовал землю в Чатяогоу уезда Яньцзи, еле сводил концы с концами. Затем переселился с семьей в село Синхын, когда сын встал на путь борьбы как профессиональный революционер. Вскоре дом О И Сона превратился в явку, обеспечивающую связи отрядов АНПА района Ванцина со всеми подпольными революционными организациями в уезде Чонсон.

Каждый раз, когда я посещал село Синхын, в доме О Бина готовили куксу. Майский весенний праздник тано 1933 года мы тоже отметили в этом доме. Тогда О И Сон сходил даже на Пхунгеский рынок, находившийся в 12 километрах от села, и купил там муку гречихи, чтобы приготовить к обеду куксу, разбавленное холодным бульоном. Ведь по вкусу это напоминало пхеньянское холодное куксу,

По сей день не могу забыть счастливый эпизод. В тот праздничный день мы нашли для семьи О И Сона, испытывавшей большое затруднение из-за нехватки питьевой воды, источник во дворе дома и соорудили неглубокий колодец. Я усердно, с сыновним чувством, орудовал лопатой вместо О Бнна, который в то время с головой окунулся в вооруженную борьбу в районе Хуньчуня.

Когда я встретился с О Бином в Лоцзыгоу перед рейдом в Дуннин, мы с удовлетворением вспоминали о том, как его отец в селе Синхын угощал нас куксу из гречихи в майский праздник тано. Слушая мой рассказ, О Бин остался очень доволен. Хотя он, руководивший военным отделом в Хуньчуне, был разжалован в рядовые, но не пал духом и не унывал. Когда я утешал его воодушевляющими словами, он отвечал:

— Как видите, я остаюсь таким же жизнерадостным человеком. Пусть О Бин, ответственный за военное дело, разжалован рядовые, но он не станет из-за этого Ким Бином или Пак Бином.

Впрочем, больше не хочется продолжать работу в Хуньчуне.

Думаю после рейда в Дуннин послать просьбу в вышестоящий орган о переводе в Ванцин. Как ваше мнение, товарищ командир?

— Приветствую твое решение, О Бин. Но надо тебе знать, что и в Ванцине сколько угодно леваков, готовых приклеить тебе ярлык «минсэндановца», — ответил я.

— Неужели?

— Да, и в Ванцине заметно влияние левачества.

— Все-таки, кажется, легче будет у меня на душе, когда буду поближе к вам, товарищ командир. Так или иначе, я переведусь в Ванцин во что бы то ни стало. У О Бина слова не расходятся с делом!

Когда мы занимали Сишаньский форт, О Бин с гранатой за пазухой смело ринулся вперед, открывая проход для атаки. Этот его подвиг получил достойную оценку, когда подводились итоги боевых действий.

Когда отряды расставались в Лоцзыгоу после битвы, О Бин вновь выразил свою непоколебимую решимость перевестись в Ванцин. Он сказал, что эта его решимость еще более окрепла, когда он увидел, как бойцы из Ванцина, захватив Сишаньский форт, штурмовали уездный центр Дуннин.

Конечно, я обещал ему оказать помощь. Но я не успел выполнить свое обещание, как поступила в Ванцин скорбная весть о его гибели в бою. Весной погиб Ли Гван, летом пал трагической смертью Пань, а теперь вот ушел от нас О Бин, так и не добившись осуществления заветной мечты.

Трагическое сообщение о гибели 13 храбрецов, в том числе О Бина, было для меня словно гром среди ясного неба. После этого я возненавидел эту ультрадемократию в армии. Одно упоминание о ней вызывало у меня дрожь и ненависть. Я ни в коем случае не допускал ее проявления в отряде.

Мы относились к ней с таким отвращением и настороженностью потому, что она представляла собой вредную

идейную тенденцию, которая не приносит революционной практике никакой пользы.

Мы и сейчас считаем абсолютно оправданным принцип обсуждения на партийных собраниях всех вопросов, связанных с военными операциями, и приветствуем то, что творческая инициатива масс отражается в подготовке к той или иной военной операции с помощью парторганизации. Но никогда не допускаем, чтобы подобная коллективность ущемляла права командира, отвечающего за управление войсками.

Однако ультрademократия, наблюдавшаяся внутри армии в начальный период антияпонской войны, под видом коллективности ущемляла права командиров и порой парализовывала систему командования и управления войсками во время операции.

Тогда в армии при разработке военной операции или перед боем с целью выявления творческой инициативы партийных масс созывали собрания партийных групп, ячеек и заседания комитетов партии, а также проводили общевойсковые собрания, выполнявшие функции нынешних общих собраний личного состава. Притом все это нужно делать обязательно с учетом обстоятельств.

Но леваки, абсолютизировавшие ультрademократию в войсках как наполеоновский кодекс, настаивали на безоговорочном обсуждении всех военных вопросов на собраниях организаций различных степеней и на общевойсковых собраниях, не взирая ни на какие обстоятельства и без каких-либо исключений.

Например, проводили сначала собрания партгрупп, когда революционная армия планировала нападение на Н-ский город. При этом сохранялось в тайне название этого города. Составив схему штурма, сперва обсуждали и решали, нужно ли атаковать этот объект или нет; если нужно, то каким методом атаковать. Когда на собраниях групп признавали необходимость вести бой, определяли возможность победы и разрабатывали конкретный

план операции, все повторялось на общих собраниях ячеек. Вопрос обсуждался по тому же самому принципу. А затем принимали план путем голосования поднятием рук. В конце концов проводилось общевойсковое собрание. И на этом собрании обсуждался тот же вопрос в том же порядке, какой существовал на собраниях групп и ячеек. Если между собраниями всех инстанций была разница, то она заключалась в том, что на последнем могли участвовать в обсуждении вопроса беспартийные воины. Принимали решение: будем штурмовать Н-ский город, что позволит разрешить многое в политическом и военном отношениях, потерь не будет, жертв будет меньше; операция пройдет по такому-то плану, а победить вполне возможно. Потом отдавался боевой приказ и согласно ему производился штурм Н-ского города.

Создавалось от этих собраний впечатление: на повестку дня ставят вопрос вдруг, словно бросают в озеро камень. И собравшиеся стремились прийти к нужному выводу умом многих людей. А в результате возникали бесконечные дискуссии о необходимости и возможности проведения операции, о ее предполагаемом исходе. Благодаря господству такой ультрадемократии все воины приобрели равное право голоса и каждый становился выдающимся оратором. Появлялось немало любителей громко и без конца высказывать свои мнения. А тем временем, пока шла говорильня, происходило изменение обстановки у противника, а в результате шел насмарку весь план операции, с такими усилиями обсужденный и принятый на собраниях различных инстанций. А нередко, в случае ведения боя по такому плану, революционной армии приходилось нести большие потери вследствие изменившейся обстановки, которая не была учтена.

В свете рассматриваемого вопроса событие в Дахуангоу, стоившее жизни 13 храбрецов, можно считать типичным примером пагубного влияния ультрадемократии в армии.

С другой стороны, она нашла свое выражение в настоятельных требованиях чрезмерного равноправия и уравниловки под предлогом демократии в революционной армии.

Проявление подобных настроений не обошли стороной и наши отряды.

Как-то раз я вместе с заведующим военным отделом уездного парткома Ким Мен Гюном посетил казарму 1-й роты для ознакомления с ее жизнью. Как раз в этот день командир роты подметал метлой двор вокруг казармы, а политрук вместе с бойцами колол дрова в одной стороне двора. Я невольно улыбнулся при виде такой картины, наглядно демонстрирующей благородный дух единства начальников и подчиненных. Однако заведующий военным отделом Ким Мен Гюн почему-то весьма равнодушно отнесся к увиденному.

— Приятно смотреть, как командиры подают личный пример, — сказал я.

Но лицо Ким Мен Гюна по-прежнему оставалось равнодушным.

— Давайте и мы вместе с ними начнем подметать двор!

После этих слов я зашагал в сторону казармы, чтобы взять метлу, лежавшую в углу двора.

Тут Ким Мен Гюн незаметно дернул меня за руку и сказал:

— Сейчас я покажу вам одну интересную сценку.

Он приказал дежурному немедленно позвать к нам командира роты и политрука.

— Сейчас время утренней уборки, — ответил тот сразу же после получения распоряжения.

— Приказываю вызвать и не болтайте ничего лишнего! — жестко заметил заведующий военным отделом.

Но дежурный не унимался.

— Тогда учтите, что командир роты и политрук будут подвергнуты критике на общевойсковом собрании.

Я потихоньку спросил Ким Мен Гюна, что означает ответ дежурного.

— Это значит, что командир роты и политрук равноправны с бойцами по человеческим достоинствам. Так что начальники тоже обязаны заниматься уборкой, отложив все дела назад, когда наступает время уборки.

Этот разговор происходил в тот период, когда ультрадемократия в армии находилась еще в зачаточном состоянии.

Позже аналогичная, сугубо механическая уравниловка была распространена и на военные действия партизанских отрядов. Поэтому какое-то время система командования войсками была парализована.

Разумеется, можно утверждать, что все люди, все воины равноправны в тех случаях, когда речь идет о человеческом достоинстве. Однако в такой революционной армии, как антияпонский партизанский отряд, а затем и сегодняшняя Народная Армия, всем военнослужащим определены самые различные поручения согласно их служебным обязанностям. Один должен командовать ротой, другой—взводом, а третий—отделением. По степени ответственности за выполнение задания и своих обязанностей установлены взаимоотношения начальников и подчиненных в революционной армии. Командир роты является начальником командира взвода, командир взвода — начальником командира отделения, командир отделения — начальником для всех рядовых солдат. Устав, регламентирующий воинскую службу в революционной армии, определяет: все нижестоящие военнослужащие обязаны безоговорочно подчиняться приказам и распоряжениям своих вышестоящих начальников. Без этого нельзя ни командовать, ни управлять войсками, нельзя поддерживать железную воинскую дисциплину в частях и подразделениях.

Устав военной службы в антияпонском партизанском отряде полностью отражал волю коллектива воинов и требовал от

командиров сознательного его соблюдения. Однако «левые» оппортунисты игнорировали отношения между начальниками и подчиненными, определенные в уставе военной службы в антияпонском партизанском отряде. Это вело к разрушению армейского организма, к крушению моральных устоев антияпонского партизанского отряда, считавшего жизненно важными дисциплину, порядок и единство командиров и бойцов.

В армии ультраравноправие утвердилось в форме ультрademократии и сразу же вызвало отрицательные явления. Нижестоящие под предлогом равноправия перестали уважать вышестоящих начальников, выдвинутых ими же самими. Бывало, рядовые стали небрежно относиться к командирам, начинали торговаться при получении приказов начальников без всяких на то оснований.

Если нижестоящие воины не отдают честь вышестоящим, если они говорят с ними запанибрата, обращаясь на «ты», к тому же ставят под сомнение отданные начальниками приказы и распоряжения, то это уже не армия, а сброд. Вряд ли можно надеяться, что в такой армии будет культивироваться благородное товарищество, единство идей и воли командиров и бойцов, которые проявляются во взаимной выручке в смертельно опасной обстановке. Вряд ли командир сможет сделать свой отряд железной когортой бойцов, где все произносят в один голос, шагают «в ногу», делают все на одном дыхании.

Ультрademократия в армии нашла свое выражение и в требовании к командирам действовать в бою так же, как и все бойцы. Поговорка «Неодинаковые бычьи рожки да монашеские четки» подсказывает простую истину: во всяком деле есть своя определенная доля для каждого. Если истолковать эту истину, то выходит, что на поле боя обязанности командира отличаются от обязанностей рядового бойца. Казалось бы, это азбучная истина, понятная даже маленькому ребенку.

Но тем не менее сторонники армейской ультрадемократии требовали от командиров во время атаки идти впереди боевых порядков, а при обороне заниматьместо на первой оборонительной линии и стоять насмерть. Подобные требования мешали командирам выполнить в полной мере свои должностные обязанности по руководству боем. Люди, призванные комплексно командовать боем с наблюдением за боевой обстановкой постоянно и всесторонне, находясь и действуя вместе с бойцами на передней линии, не могли управлять как следует войсками соответственно сложившейся обстановке.

Конечно, не исключены случаи, когда командир, находясь в первых рядах, ведет бойцов за собой в атаку, воодушевляет их, обходя траншеи и окопы под градом вражеских снарядов. Так может быть и в том случае, когда отряд попал в тяжелое положение, нужно преодолеть трудности и создать благоприятную для него ситуацию, а для этого необходим личный пример командира. Он, командир, безусловно, должен воодушевить бойцов на подвиг в боях с врагом, находясь на передней линии. Но все зависит от обстановки. Нельзя под предлогом личного примера всегда поступать по шаблону, без учета сложившегося положения,

В те годы во время разбора совершенных боевых операций часто превозносили и расхваливали командиров, которые бросали свои командные пункты и действовали заодно с бойцами, шагая впереди боевых порядков во время атаки. Бойцы, как бы соревнуясь, восхищались своими начальниками. Нередко можно было услышать: командир нашего взвода, мол, руководит боем, стоя на высоте во весь рост, невзирая на град пуль; командир-де нашей роты первым ворвался во вражескую траншею, оставив бойцов далеко позади; нигде нет больше такого командира, как наш комбат, онемело ведет рукопашную, врываясь на вражеские позиции.

Благодаря созданной атмосфере подобные примеры распространялись по всем партизанским отрядам Восточной Маньчжурии. Брала верх тенденция безрассудных действий командиров взводов, рот и батальонов. Они первыми вторгались в глубину вражеских позиций, как говорится, «в одиночку на коне с копьем наперевес», уйдя с командного пункта, вместо того чтобы тщательно следить за всем ходом развития боя на указанном в боевом уставе посту и принимать решения о направлении дальнейших действий отряда. Вследствие подобных тенденций в первый период антияпонской войны в партизанских отрядах гибло множество командиров, и прежде всего такого основного звена, как взвод и рота.

И в Ванцине появились многие мастера, склонные нападать на врага «в одиночку на коне с копьем наперевес». Такими мастерами явились Ким Чхор, Ким Сон Хен, Ли Ын Ман и другие командиры. Ким Чхор и Ким Сон Хен ринулись первыми на врага и палиот пуль, а Ли Ын Ман получил рану в ногу, воюя в авангарде. Чвэ Хен и Чо До Он из Яньцзибыли мастерами атаки, известными всей Восточной Маньчжурии. И разведку они вели сами, не поручая ее бойцам. Это были скорее наивные авантюристы, готовые идти на риск, словно ученики средней школы, чем военные командиры. Чо До Он оказался известным сорвиголовой, рожденным Яньцзиским партизанским отрядом. С давних пор в районе Яньцзи называли его «трубач Чо», потому что он искусно изображал звук трубы. Он стал человеком, который повсюду привлекал к себе внимание людей из-за этого прозвища.

Люди так извалиего «трубач Чо» вместо настоящего имени, причем не только в период, когда он стал солидным человеком и уже давно перестал трубить ртом, но даже тогда, когда он стал седым стариком. Это было выражением симпатии людей к борцу Чо До Ону, который неизменно шел впереди под градом пуль в антияпонской войне. Люди звали его всю жизнь «трубач Чо», и дело дошло до того, что ему становилосьстранно и

непривычно, когда кто-то называл его настоящим именем «Чо До Он» вместо прозвища.

Однажды незнакомый человек посетил его дом испросил у ворот:

— Это ли дом товарища Чо До Она?

— В этом доме живет не Чо До Он, а «трубач Чо». Это дом «трубача Чо», —ответил он не особенно почтительно, ошеломив гостя своими словами. Вот так любил он свое прозвище, данное ему боевыми друзьями в годину антияпонской войны.

Если бы Чо До Он не умер, а остался в живых, я тоже вспоминал бы его в своих мемуарах, употребляя прозвище вместо настоящего имени, которое нравилось людям,

Чо До Он, не умевший писать как следует даже имена своих родителей, уже лохматым парнем начал учиться корейскому алфавиту, таблице умножения и «детской хрестоматии» в вечерней школе. Едва он научился грамоте, как сразу же принял участие в жизни организации, вступил в партизанский отряд, а позже выполнял трудные обязанности командира роты.

И после назначения командиром роты Чо До Он оставался чрезвычайно смелым солдатом. Он непосредственно наблюдал за положением противника, подбираясь вплотную к вражескому форту. А уже потом отдавал приказ о штурме и первым стремительно бросался вперед.

Когда Чо До Он произвел разведку среди белого дня под носом у врагов и захватил сразу много оружия, совершив налет на отряд самообороны, леваки громогласно приветствовали и рекламировали его подвиги на различных собраниях и в официальных документах. Причем столь односторонняя пропаганда вовсе не учитывала того факта, что этому человеку как командиру не следует так безрассудно рисковать своей жизнью. Так или иначе, но благодаря такой пропаганде Чо До Он стал пользоваться широкой популярностью как «вояка», известный почти всей Восточной Маньчжурии.

И во время битвы под Дадяньцзы Чо До Он ринулся на вражеский пулемет, находясь впереди боевых порядков, и получил в этом бою смертельную рану. Он так приблизился к пулемету вплотную, что вражеская пуля попала ему в живот и вышла через спину. Чо До Он чудом уцелел, но лечился целых шесть лет в госпитале. Он так и не смог больше вернуться в свою роту, которую так любил.

Чо До Он лежал в больнице в то время, когда антияпонская вооруженная борьба велась крупными отрядами и одерживала одну победу за другой, распространяясь на Южную и Северную Маньчжурию, а также на Корею. Корейская Народно-революционная армия стала легендарными вооруженными силами, известными всему миру, а ее справедливая борьба — факелом, несущим свет угнетенным народам всего мира. Антияпонская война требовала опытных военных кадров, способных командовать новыми дивизиями и полками, а также выдающихся полководцев, закаленных в битвах.

Если бы Чо До Он не стал инвалидом войны, терявшим боевую способность, он совершил бы еще немало ратных подвигов в период невиданного подъема антияпонской борьбы.

Леваки не обращали внимания на безопасность командиров до тех пор, пока не была преодолена ультра демократия в армии. Лишь несколько позже в полках и дивизиях были созданы комендантские отряды, призванные охранять жизнь командиров.

Удьтрадемократия нашла свое выражение также и в уравниловке при наградах и наказаниях личного состава революционной армии. В антияпонском партизанском отряде была установлена система наград и наказаний в качестве одного из мероприятий по укреплению боевой мощи отрядов. Награждались те, кто показал пример в бою, в боевой подготовке и в повседневной жизни. А наказания получали бойцы, серьезно нарушившие устав военной службы. Были учреждены разные награды и разные наказания в зависимости от значимости как подвигов, так и ошибок,

Игнорируя все это, приверженцы ультрадемократии в армии инспирировали общественное мнение для того, чтобы узаконить уравниловку при наградах и наказаниях, и даже оказывали определенное давление- Они разглагольствовали, что, мол, несправедливо дать одному бойцу награду 1-й степени, а другому — 2-й степени. Ведь они состояли в одном отделении, выполняли одинаковые задания. Еще: правильно ли, дескать, объявлять одному предупреждение, а другому—выговор, когда они допустили одни и те же ошибки?

Это была сюрреалистическая позиция, не отвечающая главной цели — награждать по заслугам и не давать спуска виновным в интересах усиления боеспособности армии. Словом, ультрадемократия в армии представляла собой вредную идейную тенденцию, тормозившую наши усилия и стремление непрерывно выявлять военные и морально-политические преимущества антияпонского партизанского отряда, неуклонно и победоносно наращивать вооруженную борьбу против японских захватчиков.

Без своевременной ликвидации подобной идейной тенденции все командиры антияпонских партизанских отрядов рано или поздно превратились бы в марионеток, а партизанские отряды — в сброд анархистов, где нет различия между начальником и подчиненным, нет грани между командиром и бойцом, а в конце концов он разложился бы изнутри.

Ультра демократия в армии, в какой бы форме она ни проявлялась, была оппортунистическим идейным течением, основанным на мелкобуржуазной идеологии. На самом деле это была своего рода анархическая тенденция, не имевшая ничего общего с революционными идеями рабочего класса.

Анархизм как отражение мелкобуржуазной идеологии берет свои идейные истоки из оголтелой ненависти к власти вообще, а также из сопротивления политической власти буржуазных правителей в частности. Он превозносил самые крайности

демократии, свободы, своеволия, пытался вызвать в обществе анархический хаос и беспорядки.

Некоторые экстремистски настроенные идеологи, впитавшие в себя тревожную психику мелкобуржуазных кругов, разорившихся экономически и бесправных политически, постоянно находившихся подгнетом крупного капиталистического производства и политической диктатуры буржуазии, намеревались подбить массы к выступлению против любой власти вообще. Их главным мотивом стали разгром политической власти класса капиталистов насильственным путем и замена ее анархией.

Так называемые теории анархизма, нашедшие свое выражение в крайней ненависти французского мелкобуржуазного идеолога Прудона и русских теоретиков анархизма Бакунина и Кропоткина к политической власти, а также в их безрассудном требовании социального равноправия, получилистрогуюоценку истории как вредные идейные течения. Ведь эти идейные течения мешают организовывать и энергично поднимать трудящиеся массы на борьбу против гнета капитала, а в тех странах, где уже была свергнута диктатура эксплуататорских классов, не позволяют защищать завоевания революции и создавать новый, подлинно народный и демократический строй и новую жизнь. Однако такая анархическая идейная тенденция в течение определенного времени создавала в мелкобуржуазных кругах иллюзии в отношении крайней демократии и безграничной свободы, а, следовательно, получила известное распространение в странах и регионах, где не была развита достаточно крупная капиталистическая промышленность и господствовали мелкобуржуазные, крестьянские идейные взгляды. Именно в этом одна из главных причин того, что многие полагали, будто анархизм играет определенную роль в борьбе с капитализмом.

Среди партий рабочего класса нашлась в свое время партия, вовлекшая анархические силы в борьбу засвержение

помещичье-буржуазной реакционной власти. Широко известно, что в период гражданской войны Советская власть осуществляла сотрудничество с бандой батьки Махно — группой отъявленных анархистов Украины.

Еще в начальный период, когда в антияпонских партизанских отрядах подняла голову армейская ультрадемократия, анархическая тенденция, будучи своего рода политической концепцией, картинно демонстрирующей революционность определенных общественных кругов, в частности, мелкобуржуазных, причиняла весьма чувствительный вред революционной теории и практике рабочего класса.

Впрочем, ультрадемократия проявлялась не в одной только анархической тенденции. Действия ревизионистов, появившихся в международном рабочем движении, тоже напрямую связаны с крайней демократией. Под вывеской демократии они поощряют буржуазный либерализм, анархизм, недисциплинированность, неразбериху и тем самым вызывают общественный хаос и своеволие. Исходя из этой точки зрения, нам приходится делать вывод что между буржуазной ультрадемократией и анархизмом всегда существует идейная общность.

Если ультрадемократия проникает в военную область, то она в конечном счете влечет за собой анархическую неразбериху. Если бы не была вовремя ликвидирована ультра демократия в армии, то она смогла бы стать причиной непредвиденных последствий в строительстве партизанской армии и в проведении военных операций, создала бы немало препятствий на пути развития революционного движения в целом.

Когда мы решили ликвидировать ультрадемократию в армии и развернули борьбу с ней, в Шилипине состоялось совещание командиров и комиссаров партизанских отрядов Восточной Маньчжурии, на котором была подытожена работа, проведенная в течение полутора лет после создания партизанских районов, и

были приняты меры по их обороне от намечавшейся крупной карательной операции противника.

На совещании я встретился с Ким Иль Реном и Ким Чжон Рёном. Первый из них был начальником Аньтуского партизанского отряда, а второй — его комиссаром. Из уезда Хэлун прибыли командир партизанского отряда Чан и его комиссар Чха Рён Док, из уезда Яньцзи — главный начальник партизанского отряда Чу Чжин, командир Пак Тон Гын и комиссар Пак Кир. На совещании присутствовали также товарищи из Хуньчу-ня, но, к сожалению, их имена не сохранились в памяти.

Собравшиеся обсудили вопрос о преодолении ультрадемократии в командовании и управлении отрядам и. Мы утверждали при этом: главное в управлении партизанскими отрядами — воля командира и поддержание строгой централизованной дисциплины и порядка, метод командования и управления отрядами— опережающее проведение политической работы.

В отряде должно стать четким и безусловным различие в отношениях между вышестоящими и нижестоящими. Командир обязан быть настойчивым, активным при выполнении приказов вышестоящих начальников, а принятое решение — доводить до конца. Командир призван всегда брать инициативу в командовании отрядом, действовать решительно, без колебаний в сложной и трудной обстановке. Конечно, это не значит, что он может допускать субъективизм и самоуправство при командовании отрядом. Он обязан уметь опираться на силу и разум масс при выполнении приказов начальников и командовании боем. Командиру, управляя отрядом, нельзя полагаться лишь на одни приказы. Необходимо поощрять сознательную активность бойцов, ставя во главу угла политическую работу. Война нашего времени — это не война рабовладельческого или феодального периодов, когда победу и поражение решал один рыцарь на коне с копьем наперевес. Это

современная народная война, на которой воюют армия и народ, сплоченные воедино. Ее исход зависит от того, кто лучше использует энергию и творческую активность армии и народа. А для выявления этих качеств непременно надо ставить во главу угла политическую работу. Партийное, общевойсковое собрание, разъяснительная работа агитатора — все это мощные средства для политической работы. Поэтому командир должен умело использовать все эти средства... Таково было содержание моей речи на том совещании.

Я критиковал ошибки Хуньчуньского партизанского отряда, допущенные им в Дахуангоу, обратил внимание представителей партизанских отрядов всех уездов на вредность ультрадемократии, которая повлекла за собой гибель 13 бойцов.

Наши потомки, вероятно, не смогут толком понять или даже не смогут поверить тем или иным эпизодам, на которых я вкратце остановился в своих рассказах. Им будет трудно также представить себе о примитивности «детской болезни» этой ультрадемократии. Но все обстояло именно так, это факт.

Проникновение ультрадемократии в ряды армии в тот период, когда только что началась вооруженная борьба, не могло не стать определенным испытанием для нас, взявших на себя тяжелое бремя защиты опорной базы и создания единого фронта, несших ответственность за управление отрядами.

На совещании мы еще раз подчеркивали необходимость командовать и управлять отрядами по принципу личной ответственности, основанной на демократии.

После происшествия в Дахуангоу возникли в партизанских отрядах два противоречащих друг другу мнения: первое заключалось во внедрении единоначалия командира, второе — в дальнейшем усилении демократического принципа управления отрядами. Оба имели как положительный, так и отрицательный моменты.

Абсолютизация единоначалия могла бы породить самоуправство и субъективизм в командовании и управлении

отрядами, а абсолютизация демократии привела бы к лишению оперативности и маневренности в этом деле. Поэтому я выдвинул принцип личной ответственности, основанной на демократии, и представил его на обсуждение.

Под личной ответственностью, основанной на демократии, подразумевается то, что командир с полной личной ответственностью командует и управляет своим отрядом на основе решений, принятых партийной организацией путем коллективного обсуждения. Система коллективного обсуждения, основанная на демократии, позволяла успешно разрешать с помощью коллективного разума масс сложные и трудные военные задачи, встающие на каждом этапе деятельности. Основанная же на этом принципе личная ответственность за порученное дело позволяла повысить ответственность и роль командира в соответствии с требованиями военных операций, предполагающих высокую оперативность и решительность, согласованность действий.

Мы подчеркивали и необходимость установить стройную систему приказов и железную дисциплину в антияпонских партизанских отрядах.

Приказ командира — это не отражение воли какой-нибудь одной личности, а проявление демократической и в то же время организованной воли вышестоящего органа. Военный приказ носит характер закона и начальник, отдавший приказ, за него отвечает перед законом. Бойцы нисколько не должны преувеличивать или преуменьшать суть приказа, или же торговаться с командиром при получении его приказов. Они обязаны исполнить их своевременно и непременно при любых, самых трудных условиях. Командиры же призваны правильно направлять и строго контролировать ход исполнения приказов.

Мы обсуждали на совещании также задачу создания в партизанских отрядах здоровой идейной атмосферы. Речь шла о вопросах усиления изучения коммунистических идей и борьбы с мелкобуржуазной идеологией, выраженной в примитивном

равноправии и анархизме, которые исповедует ультрадемократия. При этом была обсуждена также и задача по установлению революционной атмосферы единства начальников и подчиненных.

Совещание в Шилипине способствовало пробуждению командиров партизанских отрядов. В горниле испытаний, в непрерывных боях, была полностью преодолена ультрадемократия, наблюдавшаяся в армии.

Если бы нам не удалось полностью преодолеть это зло уже в начальный период антияпонской войны, то мы не смогли бы за столь короткий срок после освобождения страны укрепить Народную Армию как непобедимую когорту борцов и выйти победителями в борьбе с международной империалистической коалицией во главе с американским империализмом.

Разумеется, в рядах нашей Народной Армии нет таких, кто бы настаивал на беспринципном равноправии и уравниловке, нет таких, кто бы пререкался, получая приказ вышестоящего начальника. На приказ командира рядовые отвечают только одним словом «Слушаюсь!» Наша Народная Армия является коллективом преданных бойцов, которые с первых же дней после воинской присяги до последнего момента— получения повестки на демобилизацию, неизменно живут в духе единства командиров и подчиненных, единства армии и народа, в духе опоры на собственные силы и упорной борьбы с трудностями.

Достаточно будет взглянуть на боевой девиз наших воинов: «Партия решит — мы сделаем!», чтобы понять их взгляды на демократию. Чтобы представить себе суть единства командиров и подчиненных, проявляемого среди наших воинов, достаточно будет узнать лишь о героической смерти Героя КНДР Ким Гван Чхора[4] и Героя КНДР Хан Ен Чхора[5], которые спасли многих боевых друзей ценой собственной жизни.

Давно уже преодолена ультрадемократия в армии, но по сей день не теряет своего значения вопрос о борьбе против этого идеологического течения. Мы защищаем демократию, но

выступаем против крайней демократии, настаиваем на равноправии, но считаем недопустимым чрезмерное равенство. Ибо как крайняя демократия, так и крайнее равенство служат лазейкой для проникновения в нашу среду ревизионизма.

На земном шаре немало таких людей, которые всячески пытаются заразить социализм нашего образца вредным болезнетворным микробом ревизионизма. Но наш народ и наша Народная Армия ни в коем случае не допускают проникновение ревизионизма в наш государственный организм. Мы не хотим, чтобы наша партия превратилась в клуб или базар вследствие крайней демократии. Призывают нас к стойкости пережитые горькие испытания периода антияпонской войны, навязанные нам ультрademократией в армии, а также уроки стран Восточной Европы.

6. Мацуньская операция

В том году осенью в партизанском районе вспыхнула «жаркая» эпидемия. Симптомы — лихорадка, высокая температура, появление на коже красных пятен. Заразная болезнь с поразительной быстротой охватила все ущелье Сяованцина. И меня надолго приковала она к постели в Шилипине. Позже выяснилось, что это был брюшной тиф.

Новое поколение наших дней не имеет даже представления об этой коварной болезни. Оно живет, что называется, в стерильных условиях на земле, где давно исчезли многие инфекционные заболевания.

Однако 60 лет тому назад, когда мы в горах вели вооруженную борьбу, население опорной партизанской базы ужасно страдало от инфекционных заболеваний. В не так уж большом ущелье в тесноте и скученности обитало много тысяч местных жителей. Поэтому гуляли там всякие известные и неизвестные заболевания. А тут еще карательные отряды противника чуть ли не ежедневно совершали налеты на населенные пункты, поднимали пальбу, учиняли резню, преследуя жителей, укрывшихся в горах. При всем желании люди не могли улучшить санитарные условия, которые были очень скверными, и не могли принять меры для предотвращения болезней. Когда где-либо вспыхивала инфекционная болезнь, санитары натягивали перед плетеной калиткой соломенные веревки, а то и просто на стене дома делали крупную надпись: «Вход воспрещен, инфекционная болезнь!» Вот так и была наша борьба.

Враги подняли на ноги многие тысячи штыков, намереваясь стеретьс лица земли нашу опорную базу. Чуть ли не каждый день нам приходилось вести смертельные бои. К тому же нас

косила инфекционная болезнь. Значит, наступили для нас суровейшие испытания. Да и моя болезнь многое значила для наших товарищей из числа руководства, которые, мертвенно бледные, стали беспокоиться о судьбе партизанского района.

Чтобы охранять меня и ухаживать за больным, они прикрепили ко мне комвзвода Ким Тхэк Гына и его супругу, а также около взвода бойцов. Все они никуда не отлучались, охраняя Шилипин. Даже когда другие отряды уходили в бой, «мой взвод» оставался на месте. Ким Тхэк Гын и его жена раньше жили в Северной Маньчжурии, в Ехэ. Потом они, движимые желанием включиться в революционную борьбу в Восточной Маньчжурии, через Мулин прибыли в Ванцин. Кроме них, в Шилипин была послана Чвэ Гым Сук — член Ванцинского укома партии по женским вопросам. Партийная организация возложила на нее ответственность за уход за больным командиром.

Вначале меня поместили в верхней комнате дома местной хозяйки по имени Чхун Чжа. Ее муж Ким Гвон Ир вначале работал секретарем участкового комитета, а затем стал секретарем укома партии.

При очередном налете врага на партизанский район Ким Тхэк Гын утащил меня в горное ущелье, где мы и скрывались. Когда усиливалась карательная операция противника, они переносили меня вверх по речке в еще более укромное, скрытое густыми зарослями местечко ущелья Шилипина. И вот там, куда не ступала вражеская нога, под нависшими скалами оборудовали небольшой шалаш — временное убежище. Оттуда можно было подниматься вверх только с помощью веревки. Там с помощью трех «лекарей» я и ожидал своего выздоровления.

Что ж, они были спасителями моей жизни в полном смысле этого слова, помогли мне выкарабкаться из цепких объятий смерти. До сих пор не могу никого из них забыть. Если бы не было их сердечного ко мне отношения, я не вышел бы живым из богом забытого ущелья Шилипина.

Болезнь моя протекала настолько остро, приступы были так сильны, что я не раз терял сознание. Каждый раз, когда я впадал в забытье, они со слезами на глазах твердили: «Очнитесь, ради бога! Что же нам делать, если вам так плохо?»

Когда Ким Тхэк Гын уходил за продовольствием — его заменяла Чвэ Гым Сук. Она, поддерживая меня под руку, уводила из шалаша, подыскивая еще более глухое безопасное место. Не будет преувеличением, если скажу, что своим спасением я обязан этой заботливой женщине.

Еще и раньше, когда я только прибыл в Ванцин, она во многом помогала мне. Когда я вернулся в Мацунь из походов в Южную и Северную Маньчжурию, она работала членом 2-го участкового комитета по женским вопросам в Даванцине. В то время делами Общества женщин уезда ведала Ли Син Гын. Чвэ Гым Сук приходила к ней по делам. Я часто видел ее в доме старика Ли Чхи Бэка. Обе эти женщины дружили, как родные сестры.

Ли Син Гын не скупилась на похвалы — мол, подруга Чвэ удивительно быстро пишет. Вначале я пропускал это мимо ушей. Думал: «Женщина есть женщина. Разве она может быстро писать?» Но когда заглянул однажды в протокол собрания, составленный ею, то просто ахнул: все было записано, слово в слово, не было ни сокращений, ни пропусков. Говорят, что скорописью владеют стенографисты наших дней, но я еще не видел человека, который в умении так быстро и четко вести записи мог равняться с Чвэ Гым Сук. За одну ночь она исправно протоколировала собрание, где мы обсуждали различные вопросы. Поэтому всегда, когда проводились важные собрания, мы поручали ей вести записи.

У нее было как бы мужское, открытое сердце и добрый характер. Вместе с тем ее отличали твердое убеждение и революционная принципиальность. Эта женщина готова была выполнить любое, самое трудное задание. Даже, как у нас образно говорят, могла бы плыть в лодке на песке. Я не раз

направлял ее с заданиями в районы, контролируемые врагом. И там она безупречно выполняла все поручения.

Чвэ Гым Сук проявляла ко мне искренние чувства, зная, что я лишился родителей. Она любила меня как родного младшего брата, а я называл ее старшей сестрой.

Возвращался с поля боя — она первой приходила ко мне и потихоньку вкладывала в руку какую-либо очень нужную мне вещь, которую заранее готовила для меня. Порой она подгоняла мне одежду, даже вязала шерстяное белье.

Если она долго не появлялась в Лишугоу, я сам отправлялся к ней. Мы очень близко дружили, словно родные сестра и брат. А во время встреч часто шутили и смеялись. Как почти все уроженцы провинции Хамген, она тоже называла старика и старуху «абэ» и «амэ». Так и звала: «абэ из онсонского дома», «амэ из мусанского дома», «ачжэ из хвэренского дома» и так далее. Лексикон звучал своеобразно, а сама интонация была интересной. И когда, копируя ее манеры, произношение, я слишком уж откровенно подшучивал над ней, она ничуть не обижалась, а только ласково улыбалась. Да, она была очень велико душной. Не отзывалась только на одну шутку—это когда кто-либо называл ее «красавицей».

Как только я произносил слово «красавица», Чвэ буквально вспыхивала — считала, что ее дразнит, и барабанила кулаком меня по спине. Это вызывало у меня интерес, и я несколько раз повторилсвоюшутку, явно видя ее растерянность. Прямо скажу, она не являлась чарующей красавицей, но все-таки выглядела очень милой женщиной.

В моих глазах женщины партизанского района, такие, как Чвэ Гым Сук, представлялись гораздо красивее и благороднее, чем городские манерные барышни и строгие дамы. Мне думалось, что на всем белом свете нет женщин более красивых, чем женщины партизанского участка.

Да, им, пожалуй, никогда в жизни не довелось пудриться, они жили в нелегких уело виях, прокопченные дымом и гарью.

Но ни одна из них никогда не ворчала, не сетовала на свою судьбу. Все жили революцией. И в этом я видел их высшую красоту. Именно это я, может быть, имел в виду, называя Чвэ Гым Сук красавицей. В то время я ничего не жалел, лишь бы женщины опорной партизанской базы чувствовали себя счастливыми.

Нередко среди захваченных нами трофеев попадались предметы косметики, такие, например, как крем и пудра. На первых порах наши бойцы при виде всего этого морщились и бросали тюбики и пудреницы в ручей или же беспощадно растаптывали ногами. Подобные, мол, вещицы предназначены для украшения физиономий японок. Одно время меня тоже не интересовало, что небрежно обращались наши бойцы с этими душистыми трофеями высокого качества. К чему нам эти бесполезные товары? — думал я. В то время женщины нашей опорной партизанской базы не пудрились и кремов не использовали. Они считали, что уже один запах пудры и духов — это непростительный грех. Таким было их общее отношение к косметике. Бывало, конечно, когда в праздники отдельные женщины подкрашивались, но там, гдесобиралосьмного людей, они держались в тени, опасаясь всеобщего осуждения.

Скажу честно, мне было досадно и обидно за это. Душой болел за то, что они отказывают себе даже в таких мелочах, как возможность хотя бы чуть-чуть припудриться или использовать хорошие духи. Ведь они месяцами дышали пороховым дымом, а их лица измазаны были копотью и золой, жили в нелегких условиях. И я сказал бойцам:

— С этих пор никто не должен выбрасывать косметику. Ведь рядом с нами воюют и трудятся женщины. Жительницы партизанского района тоже ведь женщины! Где на свете найдете вы лучших женщин, чем наши партизанки и члены Общества женщин?

— Правильно сказано, — в один голос ответили они. — В мире нет таких замечательных женщин, как в нашем партизанском крае. Они уже полтора года делят с нами все беды и горести.

На столе у них кора деревьев да корни трав. Во время вражеских погромов лишились своих любимых мужей, детей и милых. И в зимний мороз ходят в одной легкой одежде, дрожат от холода, но не хотят уходить в район, контролируемый врагом. Нам, мужчинам Кореи, позорно и обидно, что мы не можем одеть их в шелка, показать людям их красоту, их румяные щеки. Пусть лучше мы в чем-то себе откажем, но отдадим им все лучшее, что нам удается добывать. Встретится косметика — отправим ее нашим женщинам.

Однажды, захватив в качестве трофеев очередную партию косметики для членов Общества женщин, мы пошли к Чвэ Гым Сук. Увидев узелок с косметикой, она от радости просто не находила себе места. С того дня в Сяованцинском партизанском районе запахло пудрой и душистыми кремами.

Помнится, в праздник пошел в клуб, где дети давали концерт художественной самодеятельности. И там пахло пудрой и кремом.

Прошло несколько дней, но, странное дело, почему-то Чвэ Гым Сук не пользовалась косметикой. Мне это было непонятно, и я спросил, почему же она так поступает? Вместо ответа женщина только заулыбалась. Что-то тут не так. Надо бы узнать у Ли Син Гын, в чем дело. Оказалось, что оставленную для нее косметику Чвэ Гым Сук дала своей подруге — члену Общества женщин в Шилипине.

После этого мы, разгромив тыловую часть врага, снова захватили большое количество трофейной косметики.

Передавая Чвэ часть трофеев, я наказывал:

— Ты, Гым Сук, на этот раз не раздаривай свою пудру.

Попробуй сама использовать косметику. Хочу видеть твое лицо румяным, дорогая сестра.

— Ладно, попробую. Не забуду твою заботу, командир.

Ведь, я понимаю, ты достал все это с риском для своей жизни.

Через несколько дней я шел в Шилипин, чтобы познакомиться с работой в роте Чвэ Чхун Гука, И вдруг по дороге заметил, что Гым Сук, такая опрятная, сидит на безлюдном берегу реки Даванцинхэ. Повернувшись спиной к дороге, она неотрывно всматривалась в гладь речной воды. Я велел своему ординарцу Ли Сон Риму узнать в чем дело, почему председатель Общества женщин Даванцина одиноко сидит у речки.

Издали я наблюдал, как ординарец подошел к женщине, как он ей представился. И юный партизан почему-то покатился со смеху, хватаясь за живот. Любопытство охватило меня, и я быстренько направился к реке. Как только приблизился, боец перестал смеяться и указал на лицо женщины рукой.

— Посмотрите, товарищ командир.

Я еле удержался, чтобы тоже не рассмеяться. Обычно цветущее от природы лицо Гым Сук было на этот раз неузнаваемым. На щеках виднелся толстый слой румян и крема, что делало его почти уродливым. Однако сама женщина, ничего не понимая, недоуменно смотрела на нас.

— Да у вас, тетенька, на лице — просто карта мира! — брякнул по своей наивности Ли Сон Рим.

— Господи, что же я наделала! — воскликнула Гым Сук. Она быстро опустилась на колени и начала плескать водой в лицо.

Конечно, чрезмерная косметика не грех, не позор, но тем не менее женщина сгорала от стыда. Перед ней, на камне, на котором стирают белье, лежали крем и румяна, переданные ей мною несколько дней назад.

Мне казалось, она просто не имела представления, как надо краситься и пудриться. Но это не может быть поводом усмешки. Она впервые в жизни получила косметику. У нее не было даже

зеркальца, поэтому решила воспользоваться отражением в прозрачной речной глади, чтобы не переборщить с кремом да румянами. Не было ничего удивительного, тем более смешного в том, что у нее на лице появилась «карта мира».

Я заметил, что Ли Сон Рим намеревается опять подойти ближе к женщине и готов произнести какую-нибудь прибаутку. Поэтому постарался незаметно остановить ординарца. Если бы парень обронил еще несколько язвительных слов, то Гым Сук наверняка бы со слезами убежала домой.

Та женщина, которая ежедневно по утрам перед трюмо или трельяжем использует косметику высокого сорта, несомненно, при чтении этих строк почувствует сострадание к Чвэ Гым Сук. Сейчас нашим девушкам готовят, как мне известно, в качестве «приданого» трельяж, и это уже вошло в своего рода моду. Да, таково материальное свидетельство того, насколько возросли требования и возможности наших женщин сделать свою жизнь более культурной и зажиточной.

Однако в те времена, когда мы, прижимаясь к мерзлой земле, ежедневно питаясь одной лишь похлебкой из трав, вели тяжелые бои за оборону опорной базы, среди женщин Сяованци-на были единицы таких, кто имел у себя карманное зеркальце, не говоря уже о трельяже. И они, чтобы припудриться или подкраситься, вынуждены были бежать на берег реки, как это сделала Чвэ Гым Сук.

В тот день я не упрекал Ли Сон Рима — моего ординарца, который так зло пошутил над женщиной, увидев ее оплошность. Наоборот, я упрекал в душе себя за то, что не догадался достать зеркальца для женщин партиазанского района.

Наши старания хотя бы что-то сделать для них вообще не идут ни в какое сравнение с тем, как они заботились о нас. Наша любовь к народу, конечно, не могла быть выше по своей теплоте, чем та безграничная забота и внимание, которыми он окружал нас.

Лучшим выразителем такой заботы была и Чвэ Гым Сук. Она всегда так внимательно ухаживала за мной во время болезни. И эта ее забота во много раз была сильнее, чем мое доверие к ней. Когда моя болезнь начала потихоньку отступать, она первой сходила в Тумынь — за 40 километров, где можно было достать всевозможной продукции, привозимой из Кореи.

Возвратилась она в Шилипин с узелком корейских груш и яблок. При виде этих фруктов у меня невольно выступили на глазах слезы. Начались вроде бы галлюцинации— вот она, моя мамочка, ушедшая от нас, воскресла и в образе Чвэ Гым Сук окружает меня материнской заботой и теплотой! Да, действительно, такое внимание и сердечность могло исходить только от родной матери, родной сестры.

— Сестра дорогая! Чем я смогу ответить на твою заботу, ГымСук? И когда?—говорил я, испытывая чувство благодарности и полной грудью вдыхая аромат фруктов с Родины, которые она вложила в мои руки.

— Чем ответить, говоришь? Пусть это будет потом, когда

Родина станет независимой. Моя просьба — помоги мне полюбоваться Пхеньяном. Говорят, Пхеньян— чудный край, лучший на свете! — звучали ее слова, произносимые не то в шутку, не то всерьез.

— За это не беспокойся, все в свое время сбудется, в том числе эта просьба. Главное, сестра, чтобы мы не погибли в боях, чтобы довоевали до конца, хотя бы для того, чтобы после освобождения Родины вступить на пхеньянскую землю.

— Я не умру, — отвечала она. — Но меня беспокоит твое здоровье. Ведь ты совсем не бережешь себя...

Чтобы у меня появился аппетит, Чвэ Гым Сук достала молотый кунжут, добавляла приправу и в закуски, и в жидкую кашицу.

— Твоя тяжелая болезнь возникла от недостаточного питания, — сказала она, переживая, что не может приготовить вкусные и жирные блюда.

Ее усердие и искренность не знали предела, но, к сожалению, тогда во всем ощущалась нехватка.

Для меня Ким Тхэк Гын ловил в речке мелких рыбешек гольяна. Его то варили вместе с густой соей, то жарили на огне. Каждый день он ловил по 70 — 80 рыбешек. Это был азартный, необычайно умный рыбак.

Чвэ Гым Сук очень сожалела, что на стол мне подается только одна закуска с этой рыбешкой. И зот однажды она принесла из села корейскую лапшу куксу. Когда партизаны при встрече с ней спрашивали о моем здоровье, она говорила;

— Командиру нужно быстро поправляться, да вот беда — нечем кормить больного. Взводный Тхэк Гын ловит много гольяна, но мне неловко каждый день подавать ему одну рыбешку. Хотя он, командир, всегда говорит, что это очень вкусно.

Выслушав ее, опытные рыболовы из нашего отряда однажды неводом выловили целый мешок рыбы и привезли добычу в наше жилье. С тех пор Чвэ Гым Сук разнообразными способами готовила рыбные блюда и каждый день по давала их мне к столу.

Когда я пошел на поправку, Чвэ со своими прибаутками утверждала, что я в беспамятстве все время называл имя какой-то неизвестной женщины. Она даже старалась изобразить мой голос. Такую несусветную чепуху они придумали вместе с женой Ким Тхэк Гына. Все это было, конечно, чистой выдумкой, бессмыслицей, но я впервые после болезни от души расхохотался вместе с ними и даже захлопал в ладоши. Да, это была, помнится, безобидная выдумка. Я хорошо понимал, что этим они хотели повеселить меня после продолжительной болезни.

Моя сиделка, обеспокоенная тем, что я, недолечившись, вернусь в Мацунь, незаметно «перенесла» на более поздний срок начало моего заболевания. Придя в себя, я каждый раз спрашивал, сколько дней пролежал без сознания. Отвечая, она постоянно сокращала число дней. Допустим, когда я два дня

пролежал без сознания, Чвэ утверждала, что всего «два часа прошло, не больше», а когда я пять суток лежал в безпамятстве, по ее «календарю» выходило всего «часов пять». Так ловко она обманывала меня. Конечно, после полного выздоровления я тут же сосчитал «коечные» дни. По ее утверждению получалось всего не более десятка дней. И у меня немножко отлегло от сердца.

Но когда Чвэ Чхун Гук навестил мой шалаш, тут же раскрылись все ее хитрости. Этот прямодушный политрук вовсе не умел лгать и признался, что я пролежал целый месяц. Услышав признание политрука, Чвэ Гым Сук упрекнула ни в чем не повинного человека: «Какой же ты обалдуй! — с досадой сказала она. — Совсем ничего не соображаешь!»

Я, собравшись с духом, поспешил в Мадунь.

В штабе меня ждала огромная гора папок с донесениями и информапиями. Материалы отражали многогранную динамику действий японских империалистов, пытавшихся обеспечить «безопасность» в Цзяньдао.

За месяц, пока я хворал, противник закончил подготовку к зимней карательной операции. Кабинет министров Японии направил в Цзяньдао высокопоставленных чиновников. Они вместе с верхним эшелоном руководства армии, жандармерии, полиции и дипломатии окончательно утвердили план карательной операции зимнего периода против опорных партизанских баз в Восточной Маньчжурии. В Токио этот вопрос был даже внесен на заседание Кабинета министров.

На собраниях, проведенных японскими захватчиками для обсуждения маньчжурского вопроса, прозвучал призыв: «Обеспечение безопасности в Маньчжурии надо начинать с Цзяньдао!» Они также констатировали, что обеспечение безопасности в Цзяньдао является, по их мнению, самым актуальным, срочным делом как для Маньчжоу-Го, так и для самой Японии. Это потому, что оно не только имеет огромное значение для завершения великого дела — строительства

Маньчжоу-Го, но и тесно связано с обеспечением безопасности охраны границы японской империи. Оккупанты дошли даже до того, что прямо заявили: для будущего «Великого Маньчжоу-Го» достойно «восхищения» уже само то, что сам командующий Квантунской армии, считающий своим первым долгом нападение на Советский Союз, обязан взять на себя контроль над комендатурой в Маньчжурии, а начальнику жандармерии, контролирующему армию, поручено стоять на передовой линии безопасности в Цзяньдао.

Состряпав это самое «Маньчжоу-Го», японские империалисты приняли целый ряд кардинальных мер для своей безопасности в этом регионе. На смену Временному цзяньдаоскому экспедиционному отряду были переброшены новые карательные силы — дивизии Квантунской армии. Была установлена комплексная система полицейского аппарата — организована в каждом уезде вооруженная административная полиция, образована тайная и промышленная полиция, а также была значительно расширена сеть полицейских органов.

Как в центре, так и в провинциях и уездах, словом, во всей Маньчжурии, были организованы и тут же задействованы советы по безопасности — японско-маньчжоугоские объединенные консультативные органы. Перед нимнставиласьзадача: содействовать разработке мер для «ликвидации сопротивляющихся и обеспечения народного спокойствия».

Кроме того, появились разношерстные органы лазутчиков и осведомителей, которые тянули свои грязные щупальцы в коммунистический лагерь. Полиция Японии и Маньчжоу-Го еще крепче сковывала население по рукам и ногам, внедряя режим круговой поруки, который был применен еще в древнем Китае, а затем «оправдал себя» в поддержании Японией общественной безопасности на Тайване и в районе Гуандуна.

Большой приток вооруженных японских переселенцев — резервистов иумножение сил отряда охраны то же

содействовали подавлению антиманьчжоугоских и антияпонских сил, глубоко укоренившихся в трех провинциях Северо-Восточного Китая. Японские империалисты предоставили местной тайной полиции, занимающейся «обработкой» местных бандитов, право на «немедленную физическую расправу» со своими противниками.

Все эти меры свидетельствовали о тех громадных усилиях, которые прилагали наши враги для сохранения и господства над своей колонией — Маньчжоу-Го. Действительно головоломкой стали для них вооруженные выступления корейских коммунистов в Цзяньдао. Кстати, в небольшом уголке Северо-Восточного Китая наносились чувствительные удары по японской империи — ив лицо, и в затылок. Имелось в виду также широкое национально-освободительное движение с его главной осью — вооруженной борьбой. Не случайно и то, что один из начальников японской жандармерии сказал, что пресечение деятельности корейских коммунистов на 90 процентов гарантирует безопасность в Цзяньдао. Это был отнюдь не беспочвенный прогноз дилетанта.

Как оказалось, сильно побаивалась так называемая Великая японская империя антияпонского партизанского отряда и ее стратегических опорных пунктов — партизанских баз. И оккупанты лезли из кожи вон, чтобы любой ценой стереть с лица земли районы действий антияпонских партизан в Восточной Маньчжурии.

Летом 1933 года верхушка японской военщины эвакуировала в Корею частьсил Временного цзяньдаоского экспедиционного отряда, довольно потрепанного ударами антияпонского партизанского отряда, а взамен перебросила в Восточную Маньчжурию множество отборных частей Квантунской армии, в том числе часть Хитоми.

Основные силы японских оккупационных войск в Корее были сосредоточены в северных пограничных районах нашей страны в готовности немедленно начать карательную операцию

против партизанских районов. Огромные полчища, насчитывающие более десяти тысяч штыков, окружили партизанские районы в Цзяньдао и начали зимний карательный поход.

Острие своей атаки противник направил на Сяованцинский партизанский район, где разместился штаб корейской революции. Сюда было переброшено свыше пяти тысяч штыков из Квантунской армии, из марионеточной армии Маньчжоу-Го, а также из полиции и отрядов охраны. За исключением сражений мануфактурного периода, когда воюющие стороны построились в каре, история войн после появления стрелковых цепей не знала примера такой плотной концентрации войск, кроме, пожалуй, борьбы за Порт-Артур во время русско-японской войны.

Кроме того, авиационные эскадрильи ждали приказа к боевому вылету. А в районы партизанских действий уже проникли специальные группы сыщиков, находящихся в ведении спецслужб Цзяньдао.

Итак вся Восточная Маньчжурия превратилась в поле самой ожесточенной кровопролитной битвы между нами и японскими империалистами. Это были не столько бои за оборону нескольких партизанских участков, а скорее всего громадное противоборство двух сил. Однако в Сяованцине находились только две партизанские роты и к тому же совсем мало осталось и запасов продовольствия.

Вообще партизанские базы Восточной Маньчжурии оказались в такой критической ситуации, что трудно было надеяться на то, что удастся отстоять их существование. На партизанском участке трудно было найти оптимиста, который бы поверил в то, что две роты партизан разгромят сильного врага, вооруженного артиллерией и авиацией. Перед нами было два выбора: или же все, как один, погибнем в сражениях с врагом, или, сдав партизанский участок, встанем на колени

перед противником. И мы решили: пусть умрем на поле брани, но не поднимем белого флага.

Если рассматривать обстановку с точки зрения партизанской тактики, то лучшей альтернативой была бы попытка избежать прямого противоборства. Однако стоило бы нам на это пойти, враг одним махом мог бы проглотить все партизанские районы бассейна реки Туман. Если мы не сумеем отстоять их — погибнут в зимнюю стужу от холода и голода, от неприятельских пуль те революционные массы, которые благодаря заботе народно-революционного правительства пользовались подлинной свободой и равноправием. Потеряем партизанский участок — народ навсегда отвернется от нас.

Да, Ванцин осенью чудесно наряжается. Но эта осень была обречена на страшную судьбу под шквальным натиском карательных сил врага, участвующих в операции зимнего периода.

Весь партизанский район, затаив дыхание, взирал на нас. В зависимости от появившегося выражения на лицах бойцов светлели или же мрачнели и лица жителей партизанского края.

Я стал искать самый верный выход. Но в голову никак не приходили дельные мысли. Вокруг меня, к сожалению, не было ни одного такого человека, с которым я мог бы обсудить предстоящие тактические проблемы. Не было рядом со мной и Пак Хуна — выпускника офицерской школы Вампу. «Сяогэцзы» Ким Мен Гюн, — так звали его за маленький рост, несший несколько лет военную службу в Советском Союзе, а также выпускник военного училища Армии независимости Ли Ун Гор были подвержены преследованию, обвинены в причастности к «Минсэндану», исчезли бесследно. И Рян Сон Рён стал жертвой вихрей борьбы против «Минсэндана».

Я даже подумал однажды: «До чего было бы хорошо, если бы рядом со мной был такой прославленный полководец, как Хон Бом До!»

Хон Бом До — был один из руководителей армии ополченцев, который оставил глубокие следы на земле Ванцина. Блестящие ратные подвиги, совершенные отрядами Армии независимости в Циншаньли и Фэнвудуне, можно сказать, являлись творчеством его тактического мышления. Были, конечно, и те, кто не очень высоко его ценил. Они говорили, что Хон Бом До, этот военачальник, воюет, мол, не головой, а умением приспосабливаться. Но это был чистейший вздор, лишенный всякой логики. То самое умение «приспосабливаться» к сложившейся обстановке, по сути своей, и есть плод тактического мышления.

О том, что Хон Бом До наделен был необыкновенным стратегическим чутьем, часто говорил при жизни и мой отец. Не будь этот военачальник стратегом, не смог бы на перевале Гаолилин разбить наголову японскую армию, применив искусный и безупречный маневр — тактику засады. Тот, кто не замечал в этом «дровосеке» проблески разума, не смеет уверять, что знает Хон Бом До.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как на земле Ванцина простыл даже след главнокомандующего Армии независимости Кореи, когда-то зажавшего в своих пяти пальцах весь район Хаэрбалина. Теперь слава его обросла мхом времен, а из памяти людей, казалось бы, постепенно стирается даже его облик. Трудная пора вызвала во мне тоску по предшественникам.

Так я бился день за днем в штабном доме из бревен, пытаясь решить тактические вопросы. Однажды в полночь ко мне пришел старый Ли Чхи Бэк с кувшином меда.

—Я ничем не помог тебе, когда ты болел тифом. Возьми это для укрепления своего здоровья, — сказал старик, ставя передо мной кувшин.

—Натуральный мед—ценнее золота. Спасибо вам! Как вы его достали?

— Достал у старика Ма, что живет в конце Хвангарикора.

Вспомнил, что однажды старик хвалился: у меня, говорит, натуральный мед, сам собрал. Я пошел к нему, а он и говорит:

«Бери все с кувшином. Готов продать даже свой домик, лишь бы помочь поправить здоровье командира Ким Ир Сена». Вот сейчас от него пришел прямо к тебе.

Сердце мое было наполнено теплотой от искренности этих старых людей.

— Спасибо большое! Но я еще молодой, мед вам нужнее,

— Отказываться от просьбы старых людей негоже. И без того мне совестно было, что не мог тебе помочь во время болезни. На днях увидел — плохо ты еще выглядишь.

Старик пригласил меня на ночную трапезу и притянул к себе мою руку.

Я не стал отказываться. Меня тянуло не столько приглашение на ужин, сколько желание поспать ночку в том самом доме, где еще свежо чувствуется теплота дружбы между мной и Панем. Хотя я давно переместился, но все-таки значительная часть моего сердца осталась в этой доброй и простой семье, которая по-прежнему тепло заботилась обо мне, как о родном сыне.

Вот к нам на стол подали ночную трапезу — кукурузную похлебку с фасолью и вареную тыкву. От того, видимо, что я совсем недавно оправился от болезни, все блюда казались мне сладкими, как мед. Хозяйка Со Сон Не хорошо знала мои вкусы. Самым отличительным среди кушаний, которые она подавала мне, были печеная картошка и кукуруза. В Цзяньдао родится крупный картофель, к тому же картошка прошлогоднего урожая содержит много сахара. Особенно вкусная печеная картошка, когда отведываешь ее вместе с рассолом кимчхи из редьки, засоленной целиком. И все это подается в зимние дни, когда хлопьями падает снег.

После ночной трапезы мы со стариком Ли Чхи Бэком улеглись спать в той самой комнате, где раньше останавливался Пань. Хозяин не засыпал, а все время почему-то вздыхал. Я

подумал, что мучается, видимо, из-за гнетущей мысли об умершем несколько месяцев назад сыне. Весной 1933 года его сын Ли Мин Гвон пошел разоружать отряд Гуаня, переходивший на сторону врага, и получил тогда тяжелую рану, от которой вскоре умер в больнице Цююэгоу. Я тог да то же участвовал в похоронах Ли Мин Гвона. А еще раньше, в сентябре 1932 года, в этом доме проходила траурная церемония похорон партизана Чвэ Юн Сика.

— Почему вы, отец, все время вздыхаете?

Я откинул конец одеяла и обернулся к нему лежа на боку.

—Не спится, сынок. Враги буквально у ворот партизанского участка. Многие тысячи солдат на позициях. Право же, не до сна.

Ходят слухи—будет конец партизанской армии при следующем погроме. Что ты по этому поводу думаешь, командир?

— Такие слухи — дело рук провокаторов. Они говорят: партизаны обречены на поражение. Но если мы не подготовимся к сражениям всерьез, то, возможно, падет наш партизанский район за два-три дня. Его судьба, действительно, висит на волоске. И я тоже не могу заснуть.

—Не может такого быть. Как это можно говорить о гибели партизанского района? Без него у нас жизнь не жизнь. Лучше умрем и бог заберет нас, или сами ляжем в гроб...

— Вы правы. Лучше лечь костьми, но только здесь, на опорной базе, А скажите, отец, как нам быть? Врагов-то несколько тысяч, а обороняет Сяованцин совсем мало бойцов — поменьше одной сотой части врага...

Старик несколько раз подряд глубоко затянулся самокруткой и, вплотную придвинув ко мне подушку, проникновенно сказал:

— Если не хватит бойцов, я то же буду твоим солдатом. У най в Сяованцине не один, не два таких старика, как я. Все мы умеем стрелять. Дай каждому ружье — будем сражаться не хуже

Канхваского гарнизона. Под селом Чжунцинли, где раньше жила моя семья, как я помню, зарыли бойцы Армии независимости ружья и боеприпасы. Если найдем их, то сможем вооружить ими всех остальных — и охотников, и стариков — всех бывших бойцов этой армии, да и моего зятя Чжун Гвона и его друзей, которые занимаются делами молодежи. Пусть все встанут в строй и пойдут в бой не на жизнь, а на смерть. Если не будет ружья, схватимся врукопашную... Лишь бы отстоять опорную базу!

Слова старика подсказывали мне, переживавшему из-за

большой разницы в соотношении сил, что только всенародное сопротивление представляет собой единственный выход из наступивших трудностей. Постепенно в моем сознании рождалась уверенность в победе. Если поднять повсеместно на решительный бой также полувоенные организации, такие, как отряд самозащиты и Детский авангард, которые было предусмотрено вместе с партизанами расположить на переднем крае битвы, и всех невооруженных жителей, то мы, я уверен, вполне сможем взять в свои руки инициативу в борьбе с врагом. Оборона Сяованцина должна быть не простым сражением между вражескими войсками и АНПА, а битвой между вражеской армией, с одной стороны, и всеми бойцами, всем народом партизанского района, с другой. Можно было принимать в расчет и жителей полу партизане кого района.

Беседа со стариком Ли Чхи Бэком придала мне сил. «Да, если народ решится идти в бой, мы вполне сможем бороться. И если он будет уверен в победе, то мы обязательно победим. Исход войны зависит от воли народа, от умения мобилизовать его!» Таким был первый душевный толчок, который я ощущал, выслушав спокойный голос старика, а вернее человека, выражающего волю многих тысяч жителей Ванцинского партизанского района. Разрабатываемые нами боевые операции должны непременно отражать народную волю, ту, которую раскрывал передо мной старик Ли Чхи Бэк.

Я полагал, что предстоящая оборона Сяованцина должна стать всенародным сопротивлением с участием всех людей партизанского района — мужчин и женщин, всех от мала до велика. В понятии «всенародное сопротивление» нашло свое отражение глубочайшее доверие к народу партизанского района, который уже года два, разделяя общую судьбу с армией, переносил неимоверные трудности и страдания. Такую веру вселила в меня вся моя жизнь, не такая уж короткая, в партизанском районе, где постоянные бои вошли в нашу жизнь.

После своего основания опорная партизанская база в течение двух лет могла существовать не только благодаря заслугам армии. В борьбу достойно влилась и масса народа, который внес свой немаловажный вклад в военное строительство и оборону партизанского района. И когда нам приходилось вести неравные бои, когда на одного партизана приходилось десять или даже сто врагов, мы не испытывали трудностей, ибо за нами стоял народ. Наши бойцы ощущали в себе тысячекратно умноженную силу, чувствуя дыхание жителей, которые приносили в окопы теплую питьевую воду и свертки с вареным рисом.

Рассчитывая опереться на силы народа, я решил организовать всенародное сопротивление на практике. Такой замысел соответствовал воле народа, который готов жить и умереть на партизанской земле, не отдав ее врагу, и в самых трудных условиях будет представлять единое целое с армией. Поголовная мобилизация народа могла родить грозную силу. Вот что было резервом партизанской армии, о котором подсказал мне старик Ли Чхи Бэк. Нет, это не было простым резервом. Если говорить точнее, то народ партизанского района составлял у нас самую надежную и главную силу.

Мы еще раз подтвердили наш неизменный тактический принцип: при рассредоточении вражеских частей совершить налет и истребить их объединенными силами; когда же они нападают на нас объединенными силами — повсюду наносить

удары по их тылам путем рассредоточения наших сил. Вскоре мы обратились ко всем жителям Сяованцина с призывом вставать в ряды всенародного сопротивления.

Откликнувшись на наш призыв, жители партизанского района, все, как один, взялись за подготовку к боям — все организации, все слои населения. Отряд самозащиты и Молодежная добровольческая армия заняли с партизанами оборонительные позиции. Безоружныелюдимолодого переднего возраста возводили кучи из камней на крутых склонах гор переднего края обороны. Охотники по фамилии Чан, Чвэ и Ли, а также другие известные стрелки Ванцина собирались в Мацуне. Сформировав стрелковый отряд, они вместе со стариками — бывшими бойцами Армии независимости — заняли оборону на переднем крае. Женщины, состоящие в группах поваров и санитаров, готовились отправиться на фронт. Дети маскировали по дорогам доски с гвоздями в местах, где будут двигаться военные автомобили врага. Старые и слабые люди эвакуировались вместе с детьми в места укрытия.

Тогда мы были полны решимости: пусть умрем в боях, но не будем следовать по стопам убежавшей из Ванцина Армии независимости из Северной военной управы. Шла тщательная подготовка к сражению.

На земле Ванцина не только запечатлены следы победного боя в Фэнвудуне, Здесь хранилась и память о душераздирающем унижении после позорного поражения в те дни, когда бойцы Армии независимости из Северной военной управы отступили, бросив соотечественников на произвол судьбы, на расправу карателей.

В Южной Маньчжурии существовала организация Армии независимости, именуемая «Западной военной управой». А в Восточной Маньчжурии, в Сидапо уезда Ванцин, появилась и расширяла сферу своего военного влияния организация Армии независимости — Северная военная управа. Председателем управы был Со Ир, а главнокомандующим — Ким Чва Чжин.

При военной управе находились 500 бойцов-патриотов. У них был один миллион патронов и более 100 тысяч вон денег. В ведении Северной военной управы была и немалая по своему масштабу Шилипинская офицерская школа, здание которой могло вместить свыше 400 курсантов. Когда крестьяне Ванцина и его окрестностей привозили воинам управы соломенные лапти и про довольствие, колонна повозок тянулась до самого Сидапо.

Эти воины одно время во взаимодействии с Армией независимости Кореи, возглавляемой Хон Бом До, поставили японскую агрессивную армию перед катастрофой в Циншаньли.

Когда Ким Чва Чжин в серебряном саржевом мундире, с саблей на боку, проезжал на коне сивой масти, все ванцинцы — мужчины и женщины, стар и млад — отвешивали ему глубокие земные поклоны, как это делали в старые времена при встрече процессии какого-либо королевского канцлера династии Ли или самого короля. Все благодарили его за ратные подвиги Армии независимости в бою Циншаньли.

Но даже прославленный Ким Чва Чжин, получив сведения о начале крупных карательных операций японской армии в Цзянь-дао, бесследно исчез из Ванцина со своими подчиненными, не оказав сопротивления. Его тогда словно ветром сдуло.

Между тем, еще не зная, что Армия независимости удирает, избегая столкновения с карательными силами врага, ванцинцы, перегоняя друг друга, вышли на большак, чтобы увидеть главнокомандующего Ким Чва Чжина.

В военной управе осталась лишь одна рота его армии. Бойцы этой роты по непонятным причинам приняли участие в выпускной церемонии в Тоньирской школе, как раз перед самым началом карательной операции в Цзяньдао. И в тот день по традиции был накрыт такой богатый обед, что столы ломились от обилия приготовленных блюд.

Как только закончилась выпускная церемония, гости из Армии независимости три раза скандировали лозунг: «Да здравствует независимостьстраны!», и поспешили за столы. Они

с аппетитом уплетали приготовленные кушанья и бокал за бокалом пили самогон. Лакомились хлебцами из риса, куксу в холодном бульоне.

Но вдруг нагрянула беда — появились каратели врага. Армейские гости поспешно бежали. Учащиеся и их родители тоже кто куда разошлись. Люди рассказывали, что все они в этот момент напоминали встревоженный муравейник. Безоружные люди метались из стороны в сторону, спасаясь от неизбежной гибели. Каратели, не замедлив, начали кровавую расправу — стреляли, рубили саблями, кололи штыками всех, кто попадался под руку.

Это было полным крушением Армии независимости Северной военной управы.

И подобный оборот событий напоминал изречение: «Поражение воинов равно разрушению горы». Громкая слава такой горделивой Северной военной управы стала в один прекрасный день мыльным пузырем, — так сетовали ванцинцы, горько ударяя кулаками о землю.

Если повторится такая же трагедия на земле Ванцина, где в руках народа власть, то мы, право же, не сможем никогда называть себя сыновьями и дочерьми Кореи.

Мы решили бить врага самыми разнообразными способами, применяя всевозможные тактические приемы, соответствующие требованиям партизанской войны. Имелись в виду засада, заманивание, внезапные налеты, в том числе и ночные. Эти приемы партизанского боя мы разрабатывали самостоятельно уже в ходе защиты партизанского района от непрерывных атак карательных войск.

Еще в ту пору, когда корейские коммунисты, определив партизанскую войну как основную форму вооруженной борьбы, начали ее реализацию, у нас фактически не было особых знаний по проблемам тактики. Если бы в то время к нам в руки попали какие-либо пособия о боевом опыте или наставления зарубежных авто ров, онистали бы для нас определенной

подмогой. Но ничего подобного у нас не было. Пришлось послать товарища в Советский Союз за военными пособиями о боевом опыте времен гражданской войны. Удалось получить несколько инструкций, которые, конечно, помогли нам в понимании самой партизанской борьбы, методов организации засад и налетов, но снимало, отвечали нашим конкретным условиям.

Я решил тогда составить собственное наставление по партизанской борьбе и к концу марта 1933 года, после боя в Цзяпигоу, написал брошюру «Действия партизанской армии». В ней был обобщен элементарный боевой опыт, накопленный за один с лишним год нашей вооруженной деятельности.

В брошюре освещены были основные вопросы, начиная от морально-духовных качеств партизана и кончая общими принципами партизанской войны. В ней четко исжато сформулированы все принципы и методы партизанских действий, конкретное ведение боевых действий — налетов, засад, обороны, походов и бивуака, а также прав ила стрельбы, обращения с оружием и требования дисциплины.

Это, конечно, не была какая-нибудь нашумевшая военная книга, как, например, «Суньцзыские методы ведения боя» или труд Клаузевица «О войне». Но в условиях того времени, когда не было рядом из ряда вон выходящего военного теоретика, или хотя бы искушенных многоопытных ветеранов вооруженной борьбы, моя брошюра стала сводом военных знаний, представляющим по-своему изложенную скромную теорию партизанской войны. Командиры и бойцы партизанской армии носили ее с собой в вещмешках, зачитывали «до дыр» и максимально старались применять изложенные в ней советы в ходе повседневной военной жизни и боевых действий.

«Действия партизанской армии» наряду с вышедшей позже книгой «Элементарные знания партизанской армии» послужили основополагающим началом в строительстве наших революционных вооруженных сил, в разработке и

развитиисамобытных приемов ведения войны, соответствующих нашим реальным условиям.

17 ноября 1933 года противник во взаимодействии сухопутных войск, артиллерии и авиации начал атаку Сяованцинского партизанского района, окружив его с трех направлений. Потомки японских «ямато», тараща злые глаза, налетали на партизанскую зону, как стаи разъяренных шакалов. Япошки настолько были озлоблены, что, казалось, вот-вот начнут грызть стволы стоявших на пути деревьев. Весь их облик — сплошная надменность, горделивость и злость. Казалось, что от одного их вида безжалостно расколется ванцинская земля тысячу раз.

Стояла суровая зима. Крупные отряды карателей упорно придерживались тактики атаки «волнами». Вражеская авиация, совершив серию налетов, бомбила Лишугоу и Мацунь, где были сосредоточены военные и политические руководящие органы партизан. Поражала жестокость и бесчеловечность вражеской тактики. Раньше враги практиковали так называемую «пистонную» тактику: вначале ринутся на партизанский участок, а когда атака отбита, пятятся назад, возвращаются в свое лого во в тот же самый день. Теперь же они перешли на тактику «захвата шаг за шагом». Иными словами, невзирая на неудачные атаки, они не отходили назад, а закреплялись на достигнутых рубежах, оставались ночевать на привалах, а потом продолжали продвигаться вперед шаг за шагом, подкрепляя занимаемую ими зону.

Это была пресловутая тактика. В ходе боев японцы без разбора уничтожали все живое, что попадалось на их пути в захваченном районе, варварски рушили и сжигали все недвижимое имущество.

Однако наша армия и народ, образуя единый мощный кулак, героически защищали партизанскую базу от вражеских атак. Враг нападал, мы оборонялись. Самые жаркие бои шли на Острой горе и у поста в ущелье Мопаныпаня, заросшем

полынью. Они представляли собой своего рода «ворота» в партизанскую зону.

Держали оборону позиций на этих горах 3-я рота и Антияпонский отряд самозащиты. Когда враги подступали к нашим позициям на расстояние до 20 и менее метров, наши бойцы внезапно встречали их сосредоточенным и метким огнем, бросали самодельные гранаты, забрасывали градом камней. Всех, кто попадал в зону обстрела, настигала смерть. Враги яростно атаковали «волнами», но им не удалось продвинуться хотя бы на шаг за передний край партизанской зоны. Защитники на рубеже горы Мопаныиань здорово дрались у изгиба реки Даванцинхэ. Они косили огнем вражескую кавалерию, которая благодаря высокой маневренности быстро обошла партизанский район и перешла в атаку.

Продолжалась переброска крупных сил противника на позиции Острой горы и горы Мопаныпань. Мы также перешли от тактики всесторонней обороны к боям на истощение вражеских сил. Что это означало? Прежде всего то, что мы начали гибко маневрировать, применяя, главным образом, тактику заманивания в ловушки, активизировав одновременно свою оборону. Это были своеобразные и, я бы сказал, более раскованные методы ведения боя, которые позволили нам в разнообразных формах боевых действий непрерывно уничтожать живую силу врага, перехватить инициативу в свои руки и неустанно втягивать его в вихри битв, что не давало карателям ни минуты передышки. Если бы мы не выбрали своевременно подобные формы боя и цеплялись только за трафаретную однообразную тактику жесткой обороны, то партизаны наверняка были бы уничтожены в результате массированных атак противника, который, уповая на свое численное превосходство и преимущества в боевой технике, цепко и зло «всасывался» в наши позиции, словно пиявка.

Партизаны действовали по новым, разработанным нами тактическим меркам. Так, они вместе с членами полувоенных

организаций, эвакуируясь с передовых позиций, терпеливо заманивали врага в глубь партизанской зоны. При этом они применяли весьма разнообразные способы боя — налет из засады, снайперскую стрельбу, внезапную атаку вражеского бивуака, «минирование» самодельными гранатами кострищ. Таким образом, они наносили большой урон противнику, одновременно обрекая его на вынужденную пассивность.

Стоит, конечно, рассказать более детально о «минировании» кострищ. Такая операция была под силу даже детишкам-соплякам. Боевая эффективность ее оказывалась стопроцентной. При первом же сигнале об уходе с занимаемых позиций или перебазировании на другой рубеж мы велели бойцам зарывать самодельные гранаты в костры. Противник, заняв наши оборонительные позиции с непотухшими еще кострами, сразу же бросался к «огоньку», чтобы отогреть коченевшие от холода руки. И вдруг взрыв—наши гранаты срабатывали и отправляли врага на тот свет. Таким же способом уничтожал вражеских солдат у центрального поста Острой горы и наш О Рён Сок — четвертый брат О Бэк Рёна. Он действовал вместе с женщинами отряда самозащиты.

Мы часто совершали и ночные налеты на бивуаки противника. Направляли штурмовые группы в составе двух-трех или же четырех-пяти человек. Наши «штурмовики» разбрасывали листовкис обращениями к солдатам вражеской армии, устраивали панику в тылу врага, а затем возвращались к себе. Так, пальба из винтовок близ вражеских палаток или же костров вызывала в стане врага неописуемую панику.

Разумеется, за ночь мы производили три-четыре, а то и пять налетов. Вражеские солдаты всю ночь не могли сомкнуть глаз, дрожали от страха или сами открывали в своем лагере беспорядочную пальбу. В стане врагов, перепуганных нашими непрекращающимися налетами, началась истерика.

В лагере противника партизаны разбрасывали агитационные листовки, в том числе было, например, «Воззвание к японским

солдатам» и «Воззвание к солдатам марионеточной армии Маньчжоу-Го». Прочитав эти листовки, некоторые солдаты прекращали сопротивление и переходили на нашу сторону.

Многие наши охотники выходили с мушкетами на поле боя. Это, конечно, были старики преклонного возраста, но все они обладали удивительной меткостью стрельбы. Брали на прицел и разили только офицеров противника. Поразительное умение стрелков не уступало, право же, мастерству снайперов наших дней. Члены Общества женщин то и дело подносили на головах в окопы теплую питьевую воду и сверток с вареным рисом, чтобы партизаны могли регулярно питаться. Не отставали от старших и десятилетние детишки — они своими трубами и барабанным боем поднимали боевой порыв партизан.

Во время боевых операций в Мацу не совершенно оригинальной была тактика «каменного урагана». На переднем крае наших позиций, например, на Острой горе, бойцы и жители партизанского района складывали камни в большие кучи, которые затем лавиной катились с обрыва на атакующих вражеских солдат. Каменный ураган с крутого горного обрыва сотрясал поле боя с грохотом грозной молнии, поднимал густые облака пыли, вроде порохового дыма. Под такими каменными ударами холодели сердца захватчиков. Это тактическое новшество производило большой эффект в деморализации вражеских кавалерийских частей, а также в блокировании автомобильного и артиллерийского движения.

В рядах героев, рожденных боевой операцией в Мацуне, оказался тот партизан, который после боя получил прозвище «Тринадцать пуль». Надо сказать, что в Ванцине юноша считался сорвиголовой. Скандальная репутация «любителя авантюр» начала ходить с той поры, когда парень по поручению комсомольской организации захватил оружие в какой-то налоговой конторе, что находилась на берегу реки Туман. Неожиданно он появился там и представился: «Здравствуйте, господа! Я корейский гражданин, комсомолец». Потом,

выхватив из-за пояса пистолет, спокойно забрал три висевшие на стене винтовки. Затем спокойно позвонил по телефону в полицейский участок и произнес в трубку: «Что вы делаете, сволочи! Здесь появился коммунист. Сейчас же всем сюда! Живо!» Полиция в пожарном порядке отправила на место происшествия всадников. «Тринадцать пуль» еле успел увернуться от облавы. После этого он довольно часто повторял подобные трюки. Нет необходимости рассказывать, какой критике подвергла его комсомольская организация.

Этот самый парень — «Тринадцать пуль» совершил беспримерный ратный подвиг, который яркой страницей вошел бы в летопись антияпонской революции. Было это на посту у входа в ущелье, заросшее полынью. Там постоянно держала оборону заградительная группа в составе 10 с лишним бойцов. Возглавлял ее тот самый сорвиголова «Тринадцать пуль» — командир взвода и комсорг группы. Ночью к посту приблизился крупный отряд карателей, состоявший из японских, а также маньчжоуго-ских солдат и отряда охраны. Бесшумно окружив ущелье, заросшее полынью, враги набросились на партизанский пост. До самого рассвета группе пришлось вести жаркие бои. Защитники поста семь раз отбивали вражеские атаки. В конце концов рухнула часть будки — бревенчатого домика. Под градом смертоносного металла «Тринадцать пуль» обратился к комсомольцам группы с призывом: «Товарищи! За нами партизанская база, наши дорогие братья и сестры. Если отступим хотя бы на сажень — навеки запятнаем честь корейской молодежи. Пусть пули прошьют наши тела сотни раз, но мы должны отстоять пост, сражаться не на жизнь, а на смерть!»

Бойцы, охваченные ненавистью к врагу, намеревались броситься в рукопашную схватку со штыками наперевес. Их душевный порыв хорошо понимал и сам «Тринадцать пуль». Но в этот момент он сумел овладеть собой, думал, что надо выполнить до конца боевое задание. Этот воинственный парень,

о котором ходили слухи, порожденные его излишней бравадой и авантюризмом, уже успел к тому времени стать испытанным командиром, который сумел сохранить светлый ум и холодный расчет в смертельно опасный час.

Когда брошенные на подкрепление наши бойцы прибежали к ущелью, заросшему полынью, то увидели на посту сраженного насмерть тринадцатью пулями отважного паренька. С тех пор пристало к нему прозвище — «Тринадцать пуль». Среди защитников поста были бойцы с двумя, тремя, семью ранами. После боя всех этих смельчаков стали называть «Две пули», «Три пули», «Семь пуль».

Юношу ванцинцы называли «Тринадцать пуль» вместо его имени. Так звал его и я. А вот его настоящее имя совсем исчезло из человеческой памяти.

Очень жаль, что я сейчас не могу вспомнить его настоящее имя. Но утешаю себя тем, что ведь главное для читателя не то, какое имя он носил. Неизгладимое впечатление производит его прозвище «Тринадцать пуль», рожденное в суровые дни антияпонской войны.

День ото дня бои становились все жарче. Артиллерийским огнем японской армии наш Сяованцин был превращен в сплошное пепелище. Жители, оставив свои насиженные места, нашли для себя пристанище в Шилипине.

Враги убивали всех, кто попадался им на глаза—и военных, и цивильных, и взрослых, и детей, и мужчин, и женщин. Жизнь сотен людей оборвалась в Сяованцине во время зимней карательной операции противника.

Однажды мы со своим отрядом вели бой в Шилипине, перед бараком лесоразработок, что размещался на Пятом острове. Японские солдаты, напялив на себя одежду беженцев, прошли мимо нашей караульной будки. Приблизившись к беженцам, идущим из Мацуня в Даванцин, японцы открыли по ним пулеметный огонь. При налете врага мы лишились десятков мирных жителей.

В другой раз ночью враги окружили село Дучуаньпин и массированным огнем из пулеметов расстреливали в упор всех спящих мирных жителей. Погибла тогда вся семья Пэк Иль Рёна — секретаря участковой организации союза молодежи, который мастерски сочинял в нашем партизанском районе сценарии для пьес. В том году при погромах погибло много детей Сяованцина.

В партизанском районе положение становилось критическим и в ущелье Лишугоу скопилось более 1500 беженцев. Трудно рассказать обо всех трудностях, пережитых в то время партизанами, которые вели беженцев в Даванцин! Ряды беженцев, следующих в Даванцин, иногда разрезали на две части внезапно налетавшие отряды противника. Беженцы, пытаясь найти друг друга, целыми днями бродили по лесам. В то время и мне нередко приходилось целый день нести на руках малышей, помогая жителям революционной базы спасаться от карателей. Все без исключения партизаны, сражаясь с врагом, спасали старых и слабых людей.

Так складывалась волнующая картина, которая стала как бы исходной точкой традиции единства армии и народа, которую мы видим сего дня в нашей стране. Каждая ее частичка была как бы сгустком крови и пролитых слез.

И ныне, вспоминая картины прошлых дней, когда мне пришлось вести колонны беженцев из Лишугоу в Шилипин, я невольно ощущаю, как к горлу подступает горячий комок.

Многие беженцы в водовороте погромов днями голодали, все это длилось в течение 20 дней. Единственной пищей были для них пустые стручки соевых бобов да сушеные стебли редьки. И в Шилипине люди не могли достать зерно, а поэтому варили для пропитания кусочки сухой воловьей кожи.

Да, это были страшные годы голо да. У многих даже не было сил поднять голову и повернуться лицом к солнцу. Страшно вспомнить пищу, которая была тогда у жителей партизанского района. Если показать потомкам их «блюда», то

они пролили бы море слез перед картиной не поддающегося человеческому воображению голода, который испытывали тогда представители старшего поколения.

Так, Ким Мен Сук (из Яньцзи), живя на партизанском участке, не сумела преодолеть «ячменный перевал» (период нехватки продовольствия до созревания ячменя нового урожая — ред.) и лишилась маленьких своих крошек — двоих детей. И сама она чуть было не умерла с голоду. Более недели эта женщина ничего не ела и не была в силах похоронить умерших детей. Обессилевшая, лежала она неподвижно в шалаше — не было мочи даже приподняться с постели. Пришли соседи и забрали из шалаша трупы ее детей, но и они не смогли зарыть их в землю, а лишь покрыли опавшими сухими листьями. Ведь они голо дали так же, как Ким Мен Сук,—целую неделю. Откуда же у них возьмутся силы, чтобы вырыть яму!..

Прошли годы. Та женщина вернулась на освобожденную родную землю. Когда Ким Мен Сук первую ложку брала из миски с рисовой кашей, она горько-горько плакала — вспоминался ей тот «ячменный перевал» в партизанском районе, который унес жизнь ее детей.

На опорной партизанской базе Чэчанцзы оказался чудом уцелевший человек. Во время боя в Юйланцуне восемь пуль из вражеского пулемета угодили ему в тело. Пробит был череп, но, несмотря на это, он оказался жив. Из уважения к его крепкому организму ему дали прозвище «Восемь пуль», что означало — не сражен даже восьмью пулями. Но этот «Восемь пуль», работавший одно время в местном органе власти в Дуннаньча, умер тогда с голоду. Перед смертью он с досадой сказал своим товарищам:

— Лучше бы я погиб от тех восьми пуль противника. Тогда так и остался бы в памяти людей героем. А теперь вот суждено умереть так бесславно...

Враги штыками заблокировали партизанские районы, чтобы в кольце окружения заморить их жителей голо дом и холодом.

Корейцы в те дни переживали действительно тяжкие испытания. Жертвы той поры и ныне остались неизлечимой раной в душе и сердце корейской нации.

Правящим кругам Японии следовало бы совершить глубокое моральное раскаяние за свои преступления, совершенные в Корее и на маньчжурской земле. Покаяние — не позор, не оскорбление. Оно является процессом осмысления содеянного, совершенствования самих себя в свете своего сознания. Пусть они закрывают сейчас глаза на то, что было. Но ведь история не исчезает и не сглаживается — таков закон. Не надо забывать, что шелковое одеяло «высокого подъема и развития», о котором сейчас хвалебно твердят в Японии, пропитано кровью корейской нации.

И Япония одно время переживала государственную трагедию. Многие жители этого островного государства лишились жизни под градом пуль и снарядов чужеземцев, а верность любимых сестер и дочерей была нарушена оккупационными войсками...

Враг задыхался от горьких поражений, но все еще цепко и настойчиво цеплялся за все захваченное, замышлял разыграть карту «затяжной войны». Цель была ясна: заманить нас в ловушку затяжной бойни, чтобы мы умерли от голода и холода — ведь нам неоткуда было пополнять личный состав, оружие и продовольствие.

Нужен был решающий поворот в ходе войны. Только он спас бы партизанскую армию и жителей зоны партизанских действий. Единственный выход защиты партизанского района и населения — одновременно с обороной партизанского участка проводить в стане врага действенные операции с целью дезорганизации его тыла.

В общем-то я с самого начала приезда в Ванцин не одобрял тенденцию односторонней жесткой обороны партизанской зоны. Иными словами, у меня была идея: когда противник рассредоточивает силы, нам следует при помощи мощных

группировок совершать налеты и бить врага. Когда же он сконцентрированными силами готовится напасть на нас, нам надо, наоборот, рассредоточив свои силы, повсеместно наносить удары в тылу врага. Подобный тактический прием получил название: «избежать сильного противника, а слабого уничтожить». Только такие маневры гарантировали бы защиту опорной базы и сохранение сил отряда.

Однако большинство руководителей Восточно маньчжурского комитета и уездного комитета партии без основания настаивали на своем: враг сосредоточенными силами атакует нас — организуй объединенными силами оборону позиций. Только таким, по их мнению, был путь к защите партизанского района и жителей.

Эти две теории были противопоставлены друг другу как тактические проблемы и, наконец, породили серьезнейшие дискуссии: какая из них истинно марксистская, а какая немарксистская? Люди, находившиеся у руководства, называли нашу теорию немарксистской и даже капитулянтской, не учитывающей реальных событий. Так обстояло дело, и мы были вынуждены поставить проблему со всей ее остротой, упорно настаивая на правоте концепции о дезорганизации вражеских тылов. «При любом объединении наших сил, — заявили мы, — все равно их будет недостаточно для того, чтобы справиться с врагом. А раз так, то лучше рассредоточить жителей в безопасное место, оставив здесь лишь одну часть партизанского отряда. И потом наносить удары будем то там, то здесь. Между прочим, остальные силы отряда пусть рассредоточиваются и дезорганизуют тылы противника. Допустим, в его тыл пойдет десяток вооруженных партизан. В таком случае к нему обязательно присоединятся 30— 40 юношей без оружия. Если они определят уязвимое место противника и нанесут удар, то получат многое — приобретут оружие, решат проблемы с продовольствием».

Многие товарищи, разумно и точно оценив обстановку того времени, полностью поддержали нашу идею. Однако кучка твердолобых не хотела прислушиваться к голосу разума. Они, наоборот, демонстративно восхваляя какую-либо «историю» своей деятельности, придирчиво твердили: «Вот этим зеленым юнцам неплохо бы слушать многоопытных. Враги атакуют — армия уходит за ворота партизанской зоны. Ведь это же логично? Им безразлично, что станется с судьбой народа, лишь бы уцелела армия — такова у них идея».

На партизанской базе земля буквально была выжжена, то и дело гибли бойцы и мирные жители. Я встретился с руководителями Особого комитета и уезда, в том числе и с Тун Чжан-жуном. Ли Сан Муком и Сон Иром. При встрече я настойчиво предтожил вести бои в целях дезорганизации вражеского стана.

«Теперь всему наступил предел, — сказал я. — Продолжится подобная ситуация — помрут все: и армия и народ. Нам некуда уйти! Гонимые все уходят в лес. Дальше пойдешь лесом — ни кровли, ни пищи. Станешь бесконечно гонимым. Разве при этом сумеешь защитить народ? Вы, может быть, думаете: ничего, сумеем вместе с партизанами отбить атаки врага. Чушь! Идея безнадежная. Вот вам мое предложение: сейчас же, сегодня же ночью, отправить партизан тремя-четырьмя группами во вражеский район. Пусть они разгромят там несколько тыловых баз, и тогда каратели непременно уйдут из Сяованцина».

К тому времени и на других партизанских участках Восточной Маньчжурии вели тяжелые бои, как в Сяованцине. Жители Хуньчуня, преследуемые врагом, ушли в сторону Цзиньчана и Хошаопу, а ванъюйгоуанцы начали эвакуироваться в направлении Дахуанвэя и Саньдаованя, жители уезда Хэлуна — в сторону Чэчанцзы.

Очень критическим было положение, но некоторые руководящие кадры не смели принять решительные меры и все

колебались. Поэтому мне пришлось снова поставить на повестку дня вопрос о дезорганизации вражеского тыла. Я провозгласил: «За вооруженные силы я ответственен и сделаю все по собственному решению». Затем, собрав партизан, сказал:

—Нам не надо цепляться только за оборону. Бить врага надо и с тыла. Кто желает пойти во вражеский район? Желающие, пожалуйста, за мной. Много людей не требую. Пусть половина пойдет в тыл противника, а остальная половина останется в партизанском районе для защиты населения. Те товарищи, которые готовы идти во вражеский тыл, прорвут вместе со мной кольцо окружения сегодня же ночью. Прорыв — путь к спасению. Ударим по опорным пунктам и позициям врага— пойдут слухи о наших победах. Давайте побьем врага в одном, другом, третьем месте. Пусть разносятся слухи о нас. Тогда каратели, опасаясь крушения своего тыла от ударов, сразу же уйдут из занятых ими горных ущелий.

Итак, партизанский отряд разделился на две группы: одна из них, возглавляемая Чвэ Чхун Гуком, была призвана оборонять Шилипин, другая — под моим командованием ушла во вражеский район. Более полутора тысяч жителей опорной базы эвакуировались с помощью комсомольцев в Лоцзыгоу.

Мы дали Чвэ Гым Сук задание увести больного Тун Чжанжуна в сторону Мяогоу и помогать ему в лечении. Собрали последний запас продовольствия и вложили его в вещмешок женщины. Это была последняя моя встреча с ней.

Той же ночью мы с группой партизанского отряда ползком вышли из окружения и отправились в глубь вражеского тыла. Он, как мы и предполагали, был пуст. Зашли в первый же поселок за городом. Уместных жителей как раз было в разгаре приготовление новогодних блюд. При встрече с нами они говорили: «Мы думали, что вы на партизанской базе уже все умерли после погрома японских карателей. А вот мы видим вас и просто рады». И нас щедро угощали китайскими пельменями, хлебцами из проса и другими новогодними блюдами. В ту ночь

Ким Сэн Гир, боец взвода О Бэк Рёна, истребил, страшно сказать! — 140 пельменей, так что чуть было не умер от переедания.

Наследующий день мы почувствовали себя крайне уставшими, так что довелось сделать привал на целый день. Выставив часовых, мы дали бойцам отсыпаться. Ведь они целыми месяцами страдали от недосыпания, недоедания и лютого мороза. После хорошего отдыха все были жизнерадостными.

Со следующего дня мы начали громить врага. Применялась тактика: совершать налеты в основном на маленькие опорные пункты карателей, а если предоставится возможность, то и на сравнительно крупные.

Под первым нашим ударом оказался враг в Ляншуйцюаньцзы. Молниеносным налетом были разгромлены войска марионеточной армии Маньчжоу-Го и отряд самоохраны, полностью очищена казарма полиции японского консульства. Прогремел в Ляншуйцюаньцзы первый бой по дезорганизации вражеских тылов. Потом мы делали вид, что уходим куда-то далеко, а на самом деле возвращались на свое прежнее место. В Синьнаньгоу мы внезапным налетом уничтожили передвигающуюся автоколонну противника и захватили в качестве трофея немало пшеничной муки, а также различных военных материалов.

После этого отряд совершенно бесследно исчез, а затем быстро двинулся в горы Бэйфэнвудуна, что довольно далеко от Синьнаньгоу. Там мы готовились к очередному бою. Ночью 16 февраля 1934го да нашим отрядом былиубиты, ранены и взяты в плен все солдаты марионеточной армии Маньчжоу-Го, полицейские и бойцы отряда самоохраны, находившиеся там.

После славной победы в Бэйфэнвудуне мы перешли через перевал Бэйгаолилин и двинулись в направлении Сыдуна. Здесь наш отряд атаковал лесную полицию противника,

находившуюся в Восточном ущелье. Все полицейские были и на этот раз убиты, ранены и взяты в плен.

Последний решительный бой в срыве зимних карательных операций врага разыгрался в Дадучуане — главном военном опорном пункте у железной дороги Тумынь— Муданьцзян. Мы, переодетые в форму карателей, форсированным маршем преодолели горные кручи и перевалы на расстоянии более 40 километров. Потом, разделившись на три группы, совершили в Даду-чуане налеты на полицейский участок, канцелярию отряда самоохраны и сожгли военный склад.

После этого боя враги вынуждены были отказаться от окружения партизанской зоны и отступили до рубежей, занимаемых ими 90 дней назад. Им так и не удалось ликвидировать «опухоль». Их зимняя карательная операция, угрожавшая целых три месяца существованию партизанских районов, лопнула, как мыльный пузырь.

Бои по обороне Сяованцинской опорной базы, которые назывались у нас для удобства Мацуньской операцией, увенчались нашей победой. Это было своего рода чудом, бесшумно сотворенным в одном из уголков земли, на которой в то время поднимался шум в связис занятием поста рейхсканцлера Адольфом Гитлером, много было шума и вокруг лейпцигского процесса, в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и США. Жаль, что сейчас не могу подробно описать плоды боевых дел защитников Сяованцинского партизанского района — плоды героических подвигов и пережитых трудностей.

Да, за нашу победу пришлось дорого заплатить. Сотни человек лишились жизни под градом пуль и снарядов врага. Самой большой скорбью для меня было то, что ушли от нас Чвэ Гым Сук и Тун Чанжун.

Не стало нашей дорогой Чвэ Гым Сук, которая любила меня, как своего родного брата, которая проявляла теплую заботу обо мне. Ее лица не было видно среди людей партизанского района,

которые со слезами на глазах бежали навстречу храбрым бойцам, когда мы возвращались с триумфом из вражеского района. В моем вещмешке, который нес мой ординарец, лежало карманное зеркальце, которое я хотел подарить этой необыкновенной женщине. Взяли мы с собой и несколько тюков с трофеями для других членов Общества женщин.

Сколько у них было мук той зимой, сколько было пролито блез при обороне партизанского участка! Сколько сварили они каши, сколько выкопали в горах корней различных растений для пищи! Разве можно было забыть Хе Сук и Ен Сук, которые, став под угрозой врага проводниками, завели карателей в глухое место, где не было никаких партизан, за что были расстреляны палачами! Не забыть и тетушку бойца Чвэ Чхан Бома! Когда враг воровски подползал к обрыву, где находился партизанский штаб, эта бесстрашная женщина громко закричала о налете противника и привлекла к себе внимание карателей, лишь бы обеспечить безопасность партизанского штаба.

Да они вместе с Ке Воль Хян[6] и Рон Гэ[7] были верными Родине женщинами, патриотками Кореи!

Но моя запоздалая сердечность и забота, к великому сожалению, не дошли до Чвэ Гым Сук. Во всей своей жизни я, право же, только эту женщину звал сестрой и очень уважал.

Я говорил ей: «До освобождения Родины мы с тобой не умрем, давайте будем воевать!» «Я не старею, буду долго жить. Беспокоит меня то, что ты, командир, не бережешь себя...»—так сказала она.

И вот такая замечательная женщина погибла от рук врага!

И смерть Тун Чанжунабыла для меня горькой утратой. Это был один из самых незабываемых соратников среди китайских товарищей, которые любили меня, ценили мои идеи.

Мы с ним много полемизировали вокруг проблемы о важнейших политических установках. Человек он был немного упрямый, и мы порой не приходили к единому мнению. Но подобные разногласия никогда не омрачали нашу дружбу. Он

очень любил и уважал меня. «Среди корейцев вам больше всех могу доверять», — так часто он говорил.

После боя в Дадучуане мы временно эвакуировались в направлении Яоингоу, а потом вернулись в Мацунь. Здесь подвели мы итоги боевых операций по обороне Сяованцинского партизанского района. В то время в Мацуне жители, вернувшиеся из эвакуации, начали воздвигать на пепелище жилье. Какой-то старик, говорили, строит дом свой уже в 70-й раз после начала жизни в партизанском районе. Столь устойчивой была жизнеспособность населения Цзяньдао, которое решило: «Жить будем только в партизанском районе, и умрем тоже здесь».

Не будь такой поддержки и помощи народа, мы, партизаны, не могли бы отражать крупные карательные акции противника. Победа в Мацуньской операции — это, я бы сказал, плод единства армии и народа, плод народного сопротивления. Мы жили дружно духом атакующих — чем становилось труднее, тем решительнее шли вперед. Таким духом были пропитаны и разнообразные методы ведения боя, ставшие отличительными чертами нашего стиля. Все это было решающим фактором нашей победы в Мацуньской операции.

Весь ход боевых действий в Мацуне был яркой демонстрацией «духа партизанского района» — той твердыни, которая на почве революционной власти гордо высилась, как великан-дерево, символизируя несгибаемую волю и порыв нашей нации. Именно этот дух родил стоическую силу, которую не в силах покорить ни авиация, ни артиллерия врага, позволил нам ценой крови защитить каждую пядь земли Сяованцина.

В результате Мацуньской операции враг понес серьезное поражение—и военное, и морально-политическое. А что касается нашей революционной армии, то ее военный авторитет стал несравненно ярче и значительно вырос. В процессе операции мы опробовали на деле неисчислимое множество новых методов ведения боя, которые послужили бы

первоосновой тактики ведения партизанской войны. Были заложены нами военно-организационные и тактические основы перехода в дальнейшем на действия крупными отрядами. Антияпонский партизанский отряд обладал богатым опытом, что помогало ему отразить любые нашествия противника.

Мацуньская операция сделала возможной оборону Сяованцина. Это способствовало устранению кризиса, нависшего над партизанскими районами в соседних уездах, внесло большой вклад в развитие корейской революции в целом, в центре которой находилась антияпонская вооруженная борьба. Исток героизма бойцов — защитников высоты 1211[8] — вытекает именно из «духа партизанского района», рожденного в 30-е годы. И сейчас мы, пропитанные этим духом, несмотря на империалистическое окружение, уверенной поступью продвигаемся вперед, прославляя социализм нашего образца.

Нет на свете такой силы, которая смела бы подавить «дух партизанского района», рожденный иокрепший вгорниле антияпонской войны! Наша армия и наш народ, живущие этим духом, и впредь будут несокрушимы и неизменно будут следовать дорогой побед!

6. Оружейная мастерская в тайге

Когда я находился в Мацуне, довольно часто бывал в оружейной мастерской. В то время мы скромно называли ее и металлической мастерской. Такие мастерские были во всех уездах Цзяньдао.

Мацуньская оружейная мастерская, которая называласьеще и Сяованцинской, первоначально работала довольно примитивно: один-два человека, направленные по поручению организации, заполняли кузнечный горн древесным углем и, раздувая меха, выковывали копья, ножи и другие мелкие предметы вооружения.

Перед началом операции в Мацуне я снова посетил эту металлическую мастерскую, где работало, увы, человек 7—8. Тогда этой мастерской ведал Ким Сан УК, преемник Пак Ту Гена, которого отозвали и переместили на должности заведующего продотделом участкового правительства. Среди тех, кто работал в мастерской, до сих пор помню имена О Хак Бона, Чвэ Сан Муна, Ян До Гира, Кан Хэ Сана, Пак Ен Бока, Ли Ын Мана. Только один из них, Кан Хэ Сан, пришел в мастерскую с техническими знаниями, имея представление о ковке металла. Все остальные были новичками, не сведущими в технике, не имели никакого опыта обращения с металлом» а о ремонте оружия и говорить не приходилось.

Однако впоследствии на этой сельской кузнице, где не было, конечно, ни токарного, ни сверлильного, ни фрезерного, ни поперечно-строгального станков, выпускали и гранаты, и пистолеты, и винтовки и патроны, а также необходимый для них порох — продукцию, которую, как мы считали, можно производить только на современных оружейных заводах. Это было чудо, которое могла сотворить только антияпонская война

и которое могли породить только революционный дух опоры на собственные силы и несокрушимая вера корейских коммунистов, убежденных в том, что победу в антияпонской войне можно одержать только путем собственной борьбы нашей нации.

Одно время люди Цзяньдао, по своей наивности, думали построить гранатный завод на партизанской базе с помощью Советского Союза. В то время коммунисты всего мира с благоговением взирали на эту страну, как на маяк в борьбе за освобождение человечества. Стремление воспользоваться помощью той страны, которая осуществила революцию раньше других, порождало среди людей тенденции иждивенчества, упования на других. Идея опоры на посторонние силы, стремление осуществить революцию с их помощью, породила среди националистов идею низкопоклонства перед капиталистическими державами, а для коммунистов она послужила источником, насаждающим в их среде идею ориентации на Советский Союз. Тогда мы считали, что для советских коммунистов, первыми пришедших к финишу победы революции, оказание помощи коммунистам отсталых стран является законным интернациональным долгом.

Однако со стороны Советского Союза не последовало никакого ответа на подобную просьбу: небыло ни обещания, что будет удовлетворена просьба, не было и отказа. Вот почему мы тогда решили опираться только на свои собственные силы. Молчание советских товарищей заставило нас твердо стоять на позициях: только опора на собственные силы есть путь к новой жизни и решающий фактор продвижения революции вперед тоже заключается в максимальной мобилизации своих собственных сил, а посторонняя помощь является фактором вспомогательным.

Исходя из этого, мы по-новому взглянули на проблемы оружейной мастерской, сосредоточив на ней особое внимание.

Когда Пак Ту Ген работал начальником мастерской, мы обеспечили его наковальней, молотком, щипцами, кувалдой,

мехами, напильниками, сверлом и другими кузнечными инструментами и дали ему задание налаживать работу оружейной мастерской. Работавшие в ней энтузиасты с помощью этих инструментов ремонтировали или восстанавливали поврежденное оружие, производили новое, поставляли его в партизанские отряды и в полувоенные организации.

Из всех видов оружия, выпущенных этой мастерской, выделялся однозарядный пистолет. Его изготовляли из поврежденных мушкетов или винтовок образца 38, укоротив их стволы. Такие пистолеты выдавали не партизанам, а членам отрядов самозащиты и Детского авангарда. Однозарядный пистолет, изготовленный в Юйланцуньском партизанском отряде, выдавали главным образом подпольщикам, которые очень ценили это оружие. Работники мастерской восстанавливали также боеприпасы. Они, удалив из гильзы патрона винтовки образца 38 старый капсюль, заменяли его новым, заряжали патрон порохом.

При обеспечении маете рекой необходимыми материал амии сырьем для оружейного производства самым острым вопросом была нехватка пороха. Потребности в нем удовлетворять было очень трудно.

В первые дни оружейные мастерские в партизанских районах изготовляли гранаты из пороха, доставляемого горняками и подпольщиками. Начиняли порохом и боеприпасы. Однако такой метод доставки пороха постоянно сопровождался опасностью, грозил революционным организациям, с таким трудом созданным на рудниках, саморазоблачением. В самом же деле немало людей, добывая порох, жертвовали своей жизнью. Типичным примером тому служит случай у озера в Луншуйпине.

Луншуйпин — это поселок, расположенный поблизости от рудника в Бадаогоу. Именно в этом поселке росла и стала революционеркой Ким Чхоль Хо —соратница и жена ЧвэХена. У въезда в поселок находилось глубоководное озеро, густо

заросшее камышом. Луншуйпинцы, используя воду из этого озера, занимались поливным рисоводством. Однако именно здесь разыгралась душераздирающая трагедия: озеро, которое было живительной влагой для крестьян этой местности, в одно прекрасное утро превратилось в море крови. Японские изверги-жандармы, выследив более 20 горняков из рудника в Бадаогоу, которые передавали порох на партизанскую опорную базу, зверски убили их на берегу озера.

Это происшествие заставило руководителей партизанских опорных баз и работников оружейных мастерских пересмотреть прежний метод доставки пороха из рудничных подпольных организаций, искать новые пути. Ведь каждый грамм пороха, которым былиснаряжены ручные гранаты и патроны на оружейных мастерских в партизанских районах, стоил в конечном итоге крови и жизни борцов за революцию, был конгломератом их замечательных духовных качеств.

Мы решили производить и порох своими силами. Нашлись люди, которые называли наше решение замком на песке, но я твердо стоял на своем и смело взялся за дело. «Нет невозможного, — думал я, — если человек возьмется за дело! Раз наши предки умели изготовлять порох, то почему же их потомкам невозможно делать это?»

Исходя из этого, я стал усердно изучать историю производства пороха и связанные с этим материалы. В холе поисков я пришел к выводу, что даже в домашних условиях можно получить селитру — основное сырье для изготовления пороха.

Селитру можно было извлечь везде, где живут люди, а она постоянно находилась вокруг нас. Однажды, когда нещадно палило солнце, мы вместе с работниками оружейной мастерской были у старика Ли Чхи Бэка, во дворе его дома, где лежали кучами пепел и навоз. Возле навоза я указал на белое, наподобие соли, и заметил: «Да это же селитра». Все они весело

расхохотались. Получалось, как в том анекдоте — старик ищет трубку, а она у него во рту.

Мы начали добывать селитру вокруг уборных, из земли под грудами навоза, вывезенного из коровников или же конюшен. Известно миру, что в период существования государства Коре Чвэ Му Сон изобрел порох и этим самым внес большой вклад в оборону страны. Изготовленное этим мудрым человеком пороховое оружие сразу же было установлено насудах. Морской флот государства Коре, вооруженный пороховым оружием, в морт скомсражениу Чинпхо нанес большой урон японским морским пиратам. И та селитра, которую Чвэ Му Сон применял при изготовлении пороха, говорят, представляла собой очищенное вещество из пепла или пыли, добытых вокруг домов.

Одно время некоторые люди утверждали, что изобретение пороха в период государства Коре вовсе не принадлежит Чвэ Му Сону. Он якобы внедрял метод изготовления пороха, чему научился у иностранцев. Они разглагольствовали, что, мол, к тому времени в нашей стране не было ни должного теоретического, ни технического фундамента, на которые можно было бы опереться в деле изобретения пороха. Я не считал это справедливой оценкой. Историческая запись свидетельствует о том, что еще в период троецарствия в государстве Силла применяли пороховое оружие.

Скажем, если какой-то иностранец изобрел что-то, то сразу же с восхищением говорят о нем: «У них действительно незаурядные таланты...» Но если, скажем, кореец что-то изобрел, то умники тут же презрительно качают головой: «Неужели это правда?» Такие низкопоклоннические, нигилистические способы мышления больно задевают наше чувство собственного достоинства.

Работники оружейной мастерской простыми способами добывали селитру. В целях извлечения селитры они использовали керамическую сиру (большая емкость с отверстиями в ее донышке — ред.), жестяную сиру, пузатый

кувшин из обожженной красной глины и другие сосуды. Заполнив их землей, собранной со дна конюшен, вокруг уборных, из мест, где были груды навоза, заливают в них воду. Вода просачивается сквозь отверстия в другую посуду. Затем эту воду сливают и нагревают в котле. После испарения жидкости оставался белый кристалл — это не что иное, как селитра. Верхний слой кристалла называли «горизонтальным» осадком, а нижний слой — «вертикальным». Первый обладает свойством взрываться в разных направлениях, поэтому его применяли при изготовлении гранат, а второй обладает свойством взрываться прямолинейно, поэтому его применяли при изготовлении патронов для винтовок и пистолетов.

Все сырье и материалы, необходимые для изготовления пороха, были добыты силами местных жителей. А серу — это крайне необходимое сырье, добывали в большинстве своем из изоляторов на телефонных проводах, проложенных для охранных отрядов врага. Для изготовления пороха нужно было и горючее вещество, такое, как спирт. Мы нашли его заменитель— использовали «байцзу» (спиртовый напиток — ред.).

Мы не раз терпели неудачи, но не падали духом, повторяли эксперимент и, наконец, нам удалось найти идеальные нормы дозировки.

Ну, как тут не вспомнить тех, кто участвовал в изготовлении пороха! Среди них был и Сон Вон Гым. Вообще мы с ним не имели особой связи, не были даже знакомы друг с другом. Несмотря на это, я отлично знаю всю его биографию и деятельность не хуже, чем о закадычном друге, с которым общался десяток лет.

О боевых подвигах Сон Вон Гыма впервые рассказывал нам Пак Ен Сун. Он приехал в Мацунь читать лекцию на семинарах по изготовлению гранат. Мы с ним отдыхали в одной комнате, несколько дней разговаривали о том и о сем. В наших разговорах иногда упоминалось имя Сон Вон Гыма. Изредка, в

одной из десяти фраз срывалось с его уст это имя, но при этом звучало чувство исключительной привязанности и уважения к нему. И мне было любопытно слушать каждый раз его рассказы об этом человеке. Пак Ен Сун был его близким соратником и поручился за него при вступлении в партию.

Человек получает широкую известность по-разному: один—за свои заслуги, другой—за свой талант, а третий—за какое-либо происшествие. В 1932 году Сон Вон Гым стал широко известной личностью для революционеров в Цзяньдао за происшествие, связанное с его побегом из полицейского участка.

Переодевшись в торговца лекарствами, он со скрипкой в руках ходил по деревням, выполняя задание связного. Вот тогда-то он и был арестован и отправлен в полицейский участок. После жестоких пыток он весь был в кровоподтеках и ссадинах. Но ему удалось совершить дерзкий побег. С трудом волоча ноги, он выбрался через канализационный коллектор, где грязная вода до ходил а до пояс а, ицелый день укрывался в реке. Не удивительно ли, что он благополучно бежал из логовища врага, окруженного охраной? Более того, истекая кровью, связной целый день провел в воде! Как тут не восхищаться этим человеком!

Впоследствии Сон Вон Гым вступил в партизанский отряд, а затем и в компартию. С тех пор он своим добросовестным трудом начал показывать людям, на что способен.

На возвышенности в ущелье Сурибави Шэньсяньдэ под селом Цзиньгупунь находилась Хэлунская оружейная мастерская, руководимая Пак Ен Суном. Первую гранату, изготовленную работниками этой мастерской, называли «звуковой бомбой». Позже превратили ее в «бомбу с перцем», которую трансформировали в мощную гранату, называемую «енгирской бомбой».

Для изготовления «енгирской бомбы» требовалось много материалов. Работникам оружейной мастерской стоило большого труда, чтобы своими силами разрешить этот вопрос.

Сон Вон Гым всегда первым брался за трудное дело, решая наболевшие вопросы.

— В то время мы возились с изготовлением звуковой бомбы, — говорил мне в Мацуне Пак Ен Сун. — Однажды мы столкнулись с большими трудностями. Были исчерпаны бумага и ткань для зарядного картуза. Все ломали голову над решением этого вопроса. Однако Вон Гым уже сбежал домой в поселок и вернулся с бумагой, сорванной со своей решетчатой двери, и пододеяльником со своего единственного ватного одеяла! В полночь он прибежал в мастерскую, запыхался... Как мне было совестно смотреть на него!

— Если это правда, то он настоящий революционер с замечательными качествами, — проникновенно говорил я, тронутый этим рассказом.

— Какие бы проблемы ни вставали перед нами, Вон Гым всегда первым брался за дело. Однажды у нас закончилась железная проволока, из-за чего прекратилось производство гранат. Первым вызвался поправить это дело не кто иной, как Сон Вон Гым. Он пошел в Наньянпин — несколько десятков ли от мастерской. Срезал там 300 метров телефонного провода и принес в мастерскую. Доставал он и серу, и куски чугуна, и жесть.

Однажды была вьюжная ночь, когда Сон Вон Гым пришел в оружейную мастерскую с жестью и кусками железа за спиной, а за ним следовала совершенно незнакомая бабушка с чугунным котлом на голове.

Всех удивило неожиданное появление старухи.

— Вон Гым! Что с тобой? Ты зачем привел старуху в такую полночь? Не видишь, злится сибирская пронизывающая вьюга.

Эх, Вон Гым...—говорил Пак Ен Сун,снимаяс головы женщины чугунный котел.

— Не я привел старуху, онасама пришла, — снимая ношу со спины, многозначительно качал головой Сон Вон Гым.

— Бабушка, с какой это стати вы последовали за этим человеком? — обратился к старухе Пак Ен Сун.

— Он-то мне давно знакомый. Знавала его еще тогда, когда мы жили в Нэйфэндуне. Тогда сноха моя захворала, но ни одной таблетки не могла достать. Вот тогда-то и появился этот молодой человек со скрипкой, торговец лекарствами. Он доставал нам и лекарство, и рис, но ни гроша за это не брал. И сноха моя выздоровела. Мы очень беспокоились—как отблагодарить за это? Как раз сегодня появился этот молодой человек в нашем поселке, ходил по домам, просил пожертвовать чугун. Вижу — он! Ну и хорошо, подумала я, теперь смогу отблагодарить его за оказанные услуги. Это у нас в доме самый большой котел. Не знаю, могу ли этим хотя бы немногим воздать за его доброту...

Старуха с сомнением посмотрела на котел, лежащий у печки.

— Бабушка! Мы очень благодарны вам, но берем только поврежденный котел, а нового не берем. Этот котел уносите обратно, — обратился Пак Ен Сун, вроде бы чувствуя себя виноватым.

— Так не говорите! — разозлилась старуха. — Японские ироды заживо сожгли двух моих сыновей. Жалко что ли мне какого-то котла...

После этого оружейники перестали уговаривать старуху забрать свой котел обратно.

Меня обуревало желание немедленно пойти в Хэлун и встретиться с Сон Вон Гымом. Я был просто поражен его достоинствами как человека, стержнем которых был именно железный дух опоры на собственные силы.

— Жаль, что вы пришли не вместе с Соном, — с волнением говорил я Пак Ен Суну. — Его опыт очень поучителен. Все будут очень рады, если он расскажет об этом замечательном опыте до мельчайших подробностей! Было бы неплохо, если бы вы рассказали об опыте вместо Сона.

После семинарских занятий по изготовлению гранат в Мацуне Сон Вон Гым стал широко известной личностью во всей Восточной Маньчжурии.

— Если вы вернетесь в Хэлун, —обратился я к Пак Ен Суну, когда он собирался уходить из Мацуня после семинара, — скажите Сон Вон Гыму, что его опыт был очень полезен участникам семинара. И передайте ему, что когда-нибудь придет время, мы встретимся и подружимся.

Но моя встреча с Сон Вон Гымом так и не состоялась. К тому же его постигло несчастье: он ослеп от случайного взрыва во время работы.

Производство пороха постоянно сопровождалось опасностями. Порой некоторым приходилось даже расставаться с жизнью. Большой опасностью грозила им зарядка пороха в гранаты и в гильзы. Пак Ту Ген, Пак Ен Сун и Кан Ви Рён — все они получили тяжелые ранения при изготовлении пороха. Но, несмотря на такую опасность, они не хотели уходить с работы.

И Сон Вон Гым, хотя его и постигла горькая у часть слепого, не падал духом, не приходил в отчаяние, наоборот, утешал своих друзей. «Товарищи! Не горюйте обо мне, — говорил он. — Хотя я и потерял зрение, но сердце мое со мной. У меня есть еще две руки, две ноги!»

Он пел «Интернационал», ощупью разрезая на части проволоку и собирая гранаты.

Сон Вон Гым похоронил своего отца, своего старшего брата и сестру в угрюмом ветреном краю бездушного, бессердечного мира. А сам потерял зрение! А ведь он был еще так молод, не прожил и половины жизни,

Когда был распущен партизанский район. Сон Вон Гым, не желая быть обузой для своих соратников, покинул отряд и отправился в село Цзиньгуцунь. Каждый день он слышал одни и те же распространяемые врагом бредни, нелепую клевету на партизанские отряды, на компартию. Враги утверждали: «Партизанские отряда! разбиты в пух и прах в горах!», «Все

жители опорной базы умерлис голоду!», «И див Чэчанцзы и смотри: там одни кости!», «Политика компартии — политика гибели. Пойдешь за компартией — останешься ни с чем: хоть шаром покати — ни крупинки!»

Сердце у Сон Вон Гыма обливалось кровью. Обходя дома, он с жаром говорил: «Нет! Живы партизанские отряды! Они вышли в более обширный район! Они громят сейчас врага повсеместно в Южной и Северной Маньчжурии. Вначале у них было несколько десятков человек, а теперь они выросли в большие отряды — сотни, тысячи человек! У них есть пушки и пулеметы. Соотечественники! Братья и сестры! Не давайте быть обманутыми пропагандой врага и еще активнее оказывайте помощь Народно-революционной армии! Война против Японии непременно увенчается нашей победой!»

Следы Сон Вон Гыма появлялись за пределами села Цзиньгуцунь. Он оставлял свои следы и в Яньцзи и Лунцзине, расположенных за сотни ли. Этот «слепой нищий», как и прежде, со скрипкой за спиной шел ощупью, постукивая тростью по земле. Японские солдаты и полицейские не обращали на него никакого внимания.

Весть о бое в Почхонбо долетела и до него. Следуя по улицам и переулкам города Яньцзи, он громко и восторженно говорил:

— Соотечественники Кореи! 4 июня Полководец Ким Ир Сен, возглавив отряд, совершил налет на Почхонбо.

Корейская Народно-революционная армия переправилась через реку Амнок и продвинулась на никогда незабываемую Родину! Враг, застигнутый врасплох мощным ударом революционной армии, вопит от страха. Неизбежна гибель японского империализма!

От его пламенной речи город Яньцзи бушевал, словно кипящий котел. В отместку за это Сон Вон Гым был арестован японской полицией и приговорен к сжиганию на костре.

— Граждане! У меня нет глаз. Но я ясно вижу освобожденные родные горы и реки! Смело боритесь до победного конца! Да здравствует корейская революция!

Это были его .последние слова перед казнью.

Так простился со своей жизнью Сон Вон Гым, 25-летний парень — пионер опоры на собственные силы.

Каждый раз при воспоминании об этом человеке Пак Ен Сун повторял: «Вон Гым ушел от нас, не успев даже жениться».

Если бы Сон Вон Гым остался жив до сих пор, он бы рассказал потомкам много поучительного относительно духа опоры на собственные силы. Его биография послужила бы живым учебником в утверждении идей опоры на собственные силы...

Изготовление пороха вызвало крутой перелом в производстве оружия. Сразу же умножилось количество производимых гранат. Их изготовляли путем присоединения огнепроводного шнура к жестяной банке. Консервная банка использовалась в качестве корпуса. Консервные банки собирали и присылали в мастерскую подпольные организации, действовавшие в контролируемых врагом районах и в полупартизанских районах. В консервную банку вкладывали трубку с порохом, а в пространство между внешней оболочкой и трубкой помешали осколки от лемеха или чугуна, затем присоединяли запал. Это и была граната.

Ее полностью изготовляли вручную. Разумеется, обращаться с ней было неудобно, и внешний вид ее был неказистым. Неосторожное движение рук при обращении странатой могло привести к несчастному случаю. Да так иногда и было. Один партизан в бою в Ляншуйцюаньцзы промедлил с зажиганием запала и произошел взрыв — парень лишился руки.

И все же самодельная граната обладала огромной разрушительной силой, которая не шла ни в какое сравнение с ручной гранатой. Поэтому при одном упоминании о партизанской гранате японские вояки дрожали от страха.

С появлением пороха на опорных партизанских базах создавалась возможность изготовить деревянную пушку. Часть У Ичэна вела бои, открывая огонь из металлических пушек, подобных нынешнему противотанковому ружью. Но нам не удавалось добиться такой роскоши. Мы изготовляли и применяли так называемые деревянные пушки. Ванцинцы впервые изготовили пушку из каменной березы. А было это, кажется, сразу же после рейда в уездный центр Дуннин. При налете на Дадучуань мы пустили в ход эту пушку. Звук ее выстрела был таким оглушительным, словно раскат грома. Вопрос лишь в том, могла ли эта деревянная пушка, сработанная вручную, обладать огромной разрушительной силой и дальнобойностью? Конечно же нет. Однако когда мы открыли из нее огонь, враг испугался и бросился бежать.

Деревянную пушку изготовляли и хэлунпы в Могугоаньцзыской оружейной мастерской в поселке Юйланцунь. Как только открывали огонь из этой пушки с горы Цзяньлифэн, среди японских войск и полицейских в Эрдаогоу, находившемся в 12 километрах от нее, поднимался переполох.

Когда революционная армия стреляла из деревянной пушки, враг не знал, что это за гул, и не на шутку растерялся: изготовлять пушку на партизанских базах, где не было никакого технического оборудования, — это было из ряда вон выходящее дело, какое нельзя было даже себе представить.

Революционная активность, непоколебимость духа и творческая инициатива, которые проявляли работники оружейной мастерской при изготовлении и ремонте оружия, были действительно поразительными. В то время в партизанской мастерской почти не было современных машин и инструментов. Ванцинцы имели только одно буровое сверло, работники Хэлунской мастерской, начальником которой был Пак Ен Сун, имели один ручной сверлильный станок, доставленный с помощью специалиста по кузнечному делу в Далацзы. Точно не помню, были ли подобные механические

средства в Тоудаогоуской и Нэнчжиин-ской оружейных мастерских уезда Яньцзи. Наиболее совершенным средством, кроме бурового сверла и ручного сверлильного станка, был напильник.

Чего только не ремонтировали этим напильником оружейники! Пиля напильником, точа на точильном камне, куя молотом, погружая в огонь, в воду и в глину, они ремонтировали и гильзоулавливатель, и ударник, позже умело восстанавливали поврежденный пулемет. Среди них было немало таких талантливых работников, как Пак Ен Сун, Сон Вон Гым, Кан Ви Рён, Пак Ту Ген, Сон Сын Пхир, Кан Хэ Сан. Они могли проделать даже ушко в игле.

Секрет всех этих чудес был в духе опоры на собственные силы. Если бы корейские коммунисты вообще не приняли решения опираться на собственные силы, а находились бы в плену иллюзий в отношении помощи коммунистов других стран, если бы они не вооружались твердой верой в то, что только опора на собственные силы — путь к жизни, путь к спасению Кореи, то вообще не появилась бы оружейная мастерская в партизанском районе, не увидело бы света такое мощное вооружение, как «енгирская бомба» и деревянная пушка. Без всего этого нам то и дело приходилось бы, как Армии независимости, призывать население жертвовать средства в фонд армии, ходить с сумой за плечами, обращаться к народам других стран за подаяниями, приходилосьбы жаловаться насвоюсудьбу. Собирать милостыню — каждому поклонись, каждого попроси! И невольно ты становишься обывателем-попрошайкой: подлизывай пятки — подлизывает, очищай гной в уголках глаз — очищает.

С первых дней начала антияпонской войны мы выдвинули лозунг опоры на собственные силы и стремились претворять его в жизнь, что вполне соответствовало ситуации, сложившейся для нашей революции в то время. Вторжение японских империалистов в Маньчжурию привело к обострению

противоречий между Кореей и Японией, между Китаем и Японией. Эти противоречия заставили корейских коммунистов перейти к высшей форме борьбы — вооруженной.

Если бы в такое время мы, не опираясь на свои собственные Килы, начали бы обращаться за помощью к другим странам, прибегли бы к дипломатии попрошаек, то после оккупации Маньчжурии японскими империалистами не могли бы столь быстро начать антияпонскую войну, не смогли бы наши партизанские отряды за какие-то несколько лет перерасти в могучие силы.

Опора на собственные силы — это был лозунг, в котором наиболее точно отражались стремление и требование народа, жаждущего добиться независимости страны сил амисамой над ии на основе самостоятельности и собственного могущества. Не случайно, что народ всей душой воспринял этот лозунг, повсеместно превращая обыкновенные кузницы в оружейные мастерские, создавая новые базы для ремонта оружия.

Дух опоры на собственные силы, дух самоотверженной борьбы с трудностями, был основной идеей, пронизывающей не только области оружейного производства и ремонта, но и все области антияпонской революции, стал критерием преданности делу революции. Допустим, какой-то человек был преисполнен высокого чувства патриотизма, верен идеям коммунизма, но если он не опирался на собственные силы, не готов был самоотверженно бороться с препятствиями, то его не считали настоящим революционером. Именно от духа опоры на собственные силы зависело основное, решающее звено, ведущее к победе или к поражению революции.

Одно время руководители национального движения, будучи ослепленными доктриной Вильсона о правах наций насамоопределение, очертя голову, стремились опереться на внешние силы, ибо у них отсутствовал дух опоры на собственные силы.

В Иланьгоу уезда Яньцзи есть поселок Наньянцунь. После борьбы по поводу осеннего урожая и выступлений периода

весеннего голода японские войска и полиция налетели на этот поселок, зверски истребили ни в чем не повинных жителей, прежде всего молодежь и людей среднего возраста, превратили дома в пепелища.

Подпольщики, направленные в Наньянцунь, собрали молодых людей и обратились к ним:

— Мы вели ненасильственную политическую борьбу, но враги пустили в ход оружие. С голыми руками врага не победишь. Настало время драться с японскими империалистами не на жизнь, а на смерть! С оружием, с мечом в руках! Товарищи, как вы думаете?

Встало места один из юношей и, взмахнув кулаком, сказал:

— Соберем металлолом и изготовим из него хотя бы копья.

Если у каждого будет копье, им можно убить врага и отнять у него ружье.

Это был сын старика Ли Тхэ Суна, который за плечами имел опыт ручной ковки. По его словам, в его сарайчике хранились кузнечные инструменты, которыми пользовался его отец, с их помощью можно было сколько угодно изготовить такого оружия, как нож или копье.

— Правильно! Надо изготовлять сперва копье и меч, а в бою заменим их ружьями, — дружно отозвались юноши.

Они взяли с собой молот и щипцы, которыми пользовался старик Ли Тхэ Сун при изготовлении сельскохозяйственных орудий, и пошли в ущелье, куда редко ступала человеческая нога. Там был выжжен древесный уголь из корней березы железной, а затем начали ковать копье из снятых с повозок ободьев. После кузнечной обработки точили копья на камнях. Откуда же взялись удары молота за околицей? Услышав их, старый кузнец поспешил в ущелье. Ведь он был мастер кузнечного дела. Но юноши спрятали копье в зарослях и делали вид, что делают огниво.

— Что готовите? — спросил Ли Тхэ Сун, окинув юношей подозрительным взглядом.

— Делаем огниво, — в один голос ответили юноши.

— Видать, от нечего делать? Дай-ка сюда молот!

Старик в мгновение ока выковал десяток огнив и, забрав у сына кузнечные инструменты, возвратился домой.

На следующий день, когда старик вышел в поле, повторилось то же самое, что и накануне.

—Скажите, ребята, а вы куда по девали вчерашние поделки?

Опять занимаетесь тем же самым? — строго упрекнул старик.

Он, как и в предыдущий день, неожиданно появился в кузнице, в которой нет ни стен, ни крыши.

— Отдали все другим ребятам, — ответил за всех сын старика.

Не один раз повторялись подобные случаи. Старик, конечно, легко догадался, что делают не огниво. Он понял, что сельские юноши оборудовали кузницу в горах не для того, чтобы делать огниво, к тому же в страдную пору. В один жаркий день он через борозду кукурузного поля незаметно подкрался к ребятам и увидел, что они точат готовые копья, а его сын по доказывает им, как и что делать.

— Что же вы, окаянные, делаете? Какими это каверзными делами вы занимаетесь всю весну и все лето? Оказывается, роете себе могилу!

Старик поднял шум, собирая один за другим кузнечные инструменты. Застигнутые врасплох юноши упрашивали его, умоляли, чуть не падали на колени.

— Отец! Япошки нас, молодых, убивают когда хотят, душат как мух. А нам сидеть сложа руки и ждать смерти?

Старик Ли Тхэ Сун вначале приумолк. Затем, кивнув головой, подумал и веско сказал:

— Работать щипцами буду я, а вы постукивайте молотом.

Не забудьте поставить караул!

Юношей было более десяти. В тот день старик изготовил и роздал каждому копье. Парни соседнего поселка тоже принесли

металлолом и сломанные ободья и взяли в обмен все копья. «Ради соседей, где нет кузницы, проявите доброту», — такова была их просьба.

Старик Ли Тхэ Сун велел бросить вон в сторону весь металлолом — из него нельзя изготовить копье. Зато взял из своего сарайчика десятки восьмиугольных ломиков, из которых изготовил несколько десятков кинжалов и копий высокой прочности.

Более 20 юношей Наньянцуня, вооружившись копьями и кинжалами, изготовленными стариком, совершили налет на небольшой отряд марионеточной армии Маньчжоу-Го, передвигавшейся из Яньцзи по направлению в Цзюлунпин. Во время этой операции были захвачены богатые трофеи — большое количество ружей и боеприпасов.

Довольный всем этим, старик Ли Тхэ Сун похвалил сельских юношей за совершенный подвиг. И впоследствии созданная стариком Наньянцуньская секретная кузница изготовляла множество клинков и пик. Позже здесь научились делать даже гранаты. Старик отдавал все силы производству и ремонту оружия, но через некоторое время был арестован и убит врагом.

Это лишь один пример жизненности принципа опоры на собственные силы. Дух опоры на этот принцип таким образом впервые в истории национально-освободительной борьбы в нашей стране положил начало новому периоду создания необходимого практически из «ничего». Живучесть и действенность того периода, можно сказать, была яркой картиной, свидетельствующей о правоте и силе коммунистического метода — все дела решать путем тотальной мобилизации сил и разума народа.

Дух опоры на собственные силы был одним из важнейших путей для коммунистов Кореи в борьбе за установление принципов чучхе. В отрыве от этого духа невозможно было не только говорить, но даже думать о принципах чучхе. Вообще без этого нельзя было даже и представить себе дальнейшего

развития корейской революции. Все дело в том, что только дух опоры на собственные силы позволил нам раз и навсегда положить конец низкопоклонству, сохранившемуся как большой порок в духовной жизни нашего народа на современном этапе. Только следуя этим принципам, можно победоносно прокладывать столбовую дорогу к национальному возрождению, руководствуясь идеалами самостоятельности, собственного могущества и независимости. Дух опоры на собственные силы служил краеугольным камнем, позволяющим определить, кто придерживается принципов чучхе, а кто уповает на дядю.

Вот почему с первых дней начала антиянонской войны мы неустанно воспитывали массы в революционном духе опоры на собственные силы. Если другие помогут — это хорошо, а если нет, то мы своими силами должны и сможем вернуть себе свою страну; если вышестоящие руководители помогут — хорошо, а если нет, то каждый должен своим умом исвоимисилами решать все дела—такая идея легко завладела сердцами людей. Но было немало таких, кто все еще находился в плену идейных пережитков старого, носители которых не верили в свои силы, недооценивали свои возможности.

И среди тех, кто приветствовал наш призыв делать революцию, веря в силы своего народа и опираясь на них, были такие, кто качал головой с неодобрительным выражением на лице, когда перед ними вставало не такое уж большое затруднение, каким являлся вопрос самообеспечения оружием.

Перед предстоящим созданием партизанской армии в Аньту

мы целиком отдавались военному обучению, которое проводилось в качестве одного из звеньев общего плана подготовки к этому событию. Но вдруг случилась беда с Ли Ен Бэ и Пан Ин Хеном: сломался ударник при чистке оружия. В условиях того времени, когда приходилось каждое ружье добывать ценой крови, это было чрезвычайным происшествием,

которое нельзя было обойти молчанием. Осмотрев поврежденный ударник, я обратился к Ли Ен Бэ и Пан Ин Хену:

— Я даю вам целые сутки. Восстановите ударник и принесите завтра примерно в это же время.

Глаза у моих собеседников полезли на лоб. Видимо, они не ожидали от меня такого чрезмерного требования.

— Как же мы восстановим ружье? Ведь это производство современного оружейного завода. Другое дело с риском для жизни отправиться в смертельный бой, а это куда нам? Без техники за такое дело и браться невозможно!

— Делать только легкие дела, выбирать, что попроще, — если это и есть революция, то почему же тогда все то, что совершаем сегодня мы, называют священным именем — «революцией»? Выполнить великое дело, на которое простые люди не могут решиться, — в этом и состоит подлинный смысл революции, настоящее счастье революционера.

— Но это же поломка ударника, изготовленного из стали...

Можно ли с такой задачей справиться с помощью какой-нибудь теории?

Лицо Пан Ин Хена помрачнело. Он посмотрел на затвор, который держал в руках. До этого момента он считал мое требование восстановить ударник абсурдным и непомерным. Если в такой момент начальник отменит свой приказ или распоряжение, то не трудно представить, какие последствия повлечет это за собой в дальнейшем.

Зная, что мое распоряжение все-таки выходит за пределы обычных, я снова холодно обратился к ним;

— Если не сможете восстановить его — не имеете права называться партизанами. Когда вам не под силу справиться с такой маленькой вещицей, то можно ли преобразовать сложное общество? Если не пожелаете восстановить ударник, с завтрашнего дня вы можете не выходить на занятия по боевой подготовке.

Я произносил строгие слова, и оба партизана были встревожены. Они тут же выразили решимость во что бы то ни стало восстановить ударник. Просили только совета, как это сделать.

— Я не знаю как. Попробуйте сами найти метод!

Ли Ен Бэ и Пан Ин Хен, взяв ударник, покинули учебный плац с удрученным видом.

На следующий день они появились на учебном плацу с восстановленным ударником. Лица у них сияли радостью. Надо сказать, что ударник был восстановлен не в полной мере, но он все же действовал без отказа. Все товарищи диву давались. И я тоже, отдавший им приказ, не поверил своим глазам. Каким образом? Какой черт им помог так быстро восстановить столь сложную деталь? Ведь они заявили — на такое дело, мол, невозможно решаться без должной техники.

— Вначале мы, — начал рассказывать Пан Ин Хен, — решили было достать железную проволоку и с помощью напильника выточить новый ударник. Но не было подходящей проволоки. И пришлось накалить ударник в огне, а затем ударом молота удлинить его. Затем точили его на камне, и нам удалось кое-как достичь необходимой длины и восстановить его форму. Но сталь не получили. И мы пошли в Сясяошахэ к старику — старейшему кузнецу. Он подсказывал нам: мол, чтобы закалять металл, надо после нагрева погружать его в масло. Сделали так и получили настоящую сталь.

Он второпях поведал нам о том, как они восстановили ударник.

Этот их опыт с новой силой воодушевил всех бойцов. Они с большим волнением познали урок о том, что всякий, кто был он ни был, может сотворить чудо, если будет верить в свои силы и приводить их в действие.

И поныне не могу забыть, как оба бойца обрадовались, когда прибежали с восстановленным ударником на учебный плац. Лица их сияли, словно полная луна, широкими радостными

улыбками. Их улыбки, вероятно, были выражением безграничной гордости за свои силы. Где увидишь в мире более пламенный восторг, чем радость и ликование, которые приходится испытывать тогда, когда к тебе приходит сила, которой, как ты полагал, у тебя нет?!

Конечно, восстановление ударника действительно не великая уж победа. За то время, которое было потрачено на его ремонт, можно было бы захватитьу врага 10 новых винтовок. Но урок, извлеченный из истории с ремонтом этого одного ударника, рождал и умножал более великую силу, чем мощь водородной бомбы.

К. Маркс и Ф. Энгельс называли историю развития человечества историей классовой борьбы. Это, разумеется, справедливое определение. Человеческая история, можно сказать, является не только историей классовой борьбы, но и историей открытия человеком самого себя, историей самосоздания, историей самосовершенствования. Иным и ело вам и, это история творчества, то есть непрерывного обнаружения и развития присущих человеку сил и способностей. В то же время это история борьбы за самостоятельность народных масс. История человечества, можно сказать, является и историей обновления — непрерывного идейно-политического, морально-культурного и научно-технического самосовершенствования. С помощью силы творчества и новаторства человечество встретило современную эру — эру ракетную, компьютерную, генетической инженерии, зеленой революции.

С подобной точки зрения опору на собственные силы можно назвать мощной движущей силой исторического развития. Если бы человек, не зная и не развивая своих сил, жил только одной верой в милость святого духа или небесного бога, называемого творцом всего сущего на земле, то мы и поныне прозябали бы во тьме палеолита.

Когда наши оружейные мастерские активно действовали в различных районах Восточной Маньчжурии, ТТТи Чжунхэн сделал мне намек на то, что в уездном центре Дуннин есть оружейный завод, который находился в ведении одной из частей Армии спасения отечества, руководимой Ван Дэлинем. Получив эту информацию, мы стали больше уделять внимания этому уездному центру. По сообщению Ши, этот завод был создан весной 1932 года на базе военной ремонтной мастерской с одним-двумя токарными станками, литейной тележкой и швейной машинкой. Со второй половины 1932 года этот заводик начал трансформироваться в настоящий оружейный завод по производству ручных гранат, мин для минометов, 25-зарядных автоматов, пушек, получивших название «Кабан». Работало на этом заводе более 200 человек. Он время от времени пополнялся металле режущимистанками, другимисредствами производства и механизмами. Оружие, произведенное этим заводом, поставлялось частям АСО в Дадяньцзы уезда Ванцин и в районе Нинаня.

После оккупации Дуннина японскими войсками завод был ликвидирован. Однако по-прежнему были сохранены оборудование и механические средства. Если бы осенью 1933 года нам удалось полностью захватить этот уездный центр, то оружейный завод непременно перешел бы в наши руки и мы бы еще лучше вооружились более современным легким и тяжелым оружием.

Опыт оружейного производства, созданный на партизанских базах в первой половине 30-х годов, находил свое применение, наследование и дальнейшее развитие на оружейных мастерских, построенных на Пэктусанской партизанской базе во второй половине 30-х годов. На каждой партизанской базе был организован отряд швей. Мы сами шили военное обмундирование. Сами доставали и ткани, и краску, сам и справлялись и с кройкой и шитьем. Мы сдирали кору с дуба, орехового и бархатного деревьев, закладывали все это в

большие котлы и длительное время варили и вымачивали их содержимое. Таким образом получали красители для тканей. Особенно в ходу был защитный цвет. Цвет ткани можно было чуть-чуть изменить в зависимости от процента смеси коры различных деревьев.

Первыми бойцами отряда швей в Ванцине были Ким Рен Хва и Чон Мун Чжин. Последняя одно время работала медсестрой в больнице поселка с шестью дворами. Кроме них, был еще закройщик. Не помню, к сожалению, его фамилии. Позже отряд швей в Сяованцине пополнялся новыми товарищами: Ли Иль Пха, Ким Мен Сук, Ким Сун Хи. Когда ощущалась нехватка рабочих рук, призывали на помощь и временных тружениц.

Мой военный мундир в годы деятельности в Сяованцине был изготовлен швеей Чон Мун Чжин. Когда же я прибыл из Аньту в Ванцин, швеи сшили мне целый комплект корта и военного мундира. Они говорили: пришелмолодой Полководец, ему надо сшить замечательную военную форму. Одежда была из простого бязевого материала самодельной окраски, но бойцы швейного «комбината» шили ее стежку за стежкой с большим трудолюбием и скрупулезностью.

У сяованцинских швей имелись всего 2 — 3 швейные машины, но они не только брались за изготовление военных мундиров для всего батальона или полка, но и по заказу штаба батальона или полка шили целые комплекты военных мундиров для солдат и офицеров китайских антияпонских отрядов. В такой комплект включались не только верхняя рубашка и брюки, но и головной убор военнослужащего, гетры с тесемками, патронташ. Объем работ, возложенных на группу швей, значительно превышал номинальную мощность. Каждый раз, когда создавалась перегрузка, превышающая производственную мощность, трудолюбивые, верные делу революции, швеи работали без сна и отдыха. Когда их клонило ко сну, они умывались холодной водой, пели песни. Как много пели они

песен! Все швеи хорошо знали и умели исполнять десятки революционных песен.

Первым руководителем отряда швей в Сяованцине была Ким Рен Хва. В то время ванцинцы называли ее «сварливой» женщиной или «бойкой». Но встречались такие, которые говорили о ней «женщина в штанах» — иногда она покуривала. Однако эта шумная и бойкая труженица отличалась необыкновенным мастерством вязанья и шитья.

Ким Рен Хва приходилосьучиться шитью со времени начала супружеской жизни. Ее муж пережил страшное несчастье — потерял ногу. В неравном поединке с бедностью она взялась за шитье, видя в этом единственное средство к существованию. С тех пор, можно сказать, накапливалось ее мастерство шить одежду. Она отлично шила не только военные мундиры, но и китайскую национальную одежду. И те, кто подтрунивал над ней, называя «женщиной в штанах», относились к ней с чувством благодарности. Как только они одевались в сшитую этой труженицей одежду, сразу же начинали отвешивать поклоны, повернувшись лицом к ущелью, где находились партизанки-швеи. Часто они сопровождали этот ритуал словами: «Уважаемая Рен Хва, примите мой поклон».

Среди наших швей было немало пионерок претворения в жизнь духа опоры на собственные силы, не уступающие работникам оружейных мастерских. Ким Мен Сук, Чон Мун Чжин, Хан Сон Хи, АН Сун Хва, Чвэ Хи Сук, Ким Ён Гым, Ким Су Бок, Чвэ Ин Сук, Пак Чжон Сук, Чо Ен Сук, Пак Су Хван, Ма Ин Ок, Ким Сон — все они были мастерицами, показавшими яркий пример в самоотверженной борьбе с трудностями. Эти женщины, следуя за нами, шили тысячи и десятки тысяч комплектов одежды. Жаль, что невозможно описать достаточно живо картину последних минут жизни широко известной миру АН Сун Хва и героической гибели шести швей в тайном лагере в Ганьбахэцзы.

В каждом партизанском районе мы создавали больницы, сами лечили больных и раненых. Скальпели, пинцеты и все другие медицинские инструменты, которые использовались при лечении, были изготовлены нашими специалистами оружейных 'мастерских. Большинство лекарств из растений, за исключением небольшого количества современных препаратов, были доставлены и изготовлены самими медицинскими работниками с 'помощью населения. Неоткуда было взять врачей и медсестер, поэтому приходилось самим разрешить и этот вопрос. Один-два пионера — врача, которые имели за плечами опыт врачевания по нашей традиционной медицине, готовили многочисленные резервы.

Рим Чхун Чху и Ли Бон Су были видными врачами, имевшими особые заслуги в медицинском обслуживании больных. Они слыли также авторитетными «акушерами», имевшими вполне определенные заслуги в подготовке резерва медработников. Сколько людей с их помощью вернулись в строй и шагали дальше с песней о жизни, с песней о возрождении!

И продовольственный вопрос мы решали, опираясь на собственные силы. Конечно, добывать продовольствие путем установления объемов обязательных поставок и сбора их с населения—это было чуждо нашему стилю работы. Мы ставили перед армией. Красным ополчением, антияпонскими отрядами самозащиты. Детским авангардом. Молодежной добровольческой армией и другими полувоенными организациями задачу по самообеспечению продовольствием, строго требовали, чтобы они сами выращивали и собирали урожай на земельных угодьях в партизанских районах. Во второй половине 30-х годов, когда Корейская Народно-революционная армия, выдвинувшись на обширные просторы, вела крупными силами жаркие партизанские бои, мы направили отряд материального обеспечения в район у подножия горы Пэкту, чтобы он специально занимался земледелием.

Дух опоры на собственные силы — это была важнейшая артерия жизни, от которой зависело: выживет или погибнет революционная армия, в долгие годы антияпонской войны. При опоре на собственные силы — выживет, а если нет — погибнет. Именно эта идеястановиласьгосподствующим образом мышления для всех, девизом в их жизни. Те, у кого вошел в плоть и в кровь этот жизненный принцип, не изменяли свои убеждения и в самых трудных и сложных условиях. Те же, кто не принял сердцем эту идею, покидали строй борцов, совершали предательство, капитулировали, останавливались на полдороге.

Искра веры в дух опоры на собственные силы — вот с чем вернулись на Родину предшественники — ветераны антияпонской войны с таежного Пэкту, где бушевал вьюжный ветер. Эта вера глубоко проникала в сердца народа страны после ее освобождения. От этой искры зажегся факел строительства новой Кореи, она служила движущей силой, рождавшей легендарного коня Чхоллима на Востоке. Когда мы на небольшом заводе, представлявшем из себя всего лишь простую ремонтную базу, брались за выпуск электровоза, один из иностранных послов заявил: даст голову на отсечение, если корейцы изготовят собственными руками электровоз. Электровоз «Пульгынги (Красное знамя — ред.) № I», выпущенный нашими рабочими, инженерно-техническими работниками в итоге опоры на собственные силы, своим веселым гудком сразу же развеял предсказание посла.

Удары молота, которые раздавались в оружейных мастерских в партизанских районах, были как бы символом опоры на собственные силы, становились пульсом эпохи Трудовой партии, могучей движущей силой, побуждающей страну в эту эпоху стремительно устремляться вперед.

Дух опоры на собственные силы, рожденный в бурях антияпонской войны, живет могучим дыханием, нашел свое яркое отражение в наши дни в выдвинутых секретарем ЦК партии по организационным делам Ким Чен Иром лозунгах:

«Жить по-своему!», «И идеологию, и технику, и культуру — по требованиям идей чучхе!», а также в лозунге: «Партия решит — мы сделаем!» Наш народ с песней «Марш об опоре на собственные силы» продвигается вперед, поднимаясь на вершину последнего десятилетия бурного XX века.

7. Вечно неувядаемые цветы

Шел 1933 год.

Революционная организация в Ванъюйгоу по распоряжению вышестоящего руководства направила в Сяованцин воспитанниц Бэйдунской школы Детского отряда Ким Гым Сун (Ким Гым Не) и Ким Ок Сун. Две девочки были талантливыми членами художественной агитбригады. Жители района Яньцзи окружали их особой заботой и любовью. Девочки прибыли в Мацунь, получив от организации задание: идти в район Ванцина, где много революционно настроенных масс, обучать жителей опорной базы песням и танцам.

Известно, что в то время революционные организации Восточной Маньчжурии сами подбирали порой кадры и направляли их в Сяованцин, ставший признанным очагом корейской революции. Например, сейчас наш народ ничего не жалеет ради процветания Пхеньяна. Подобно этому, население Восточной Маньчжурии оказывало в то время всевозможную поддержку Сяованцину.

Так вот эти две девочки, прибывшие в Мацунь вместе с работником Бэйдунской школы Детского отряда, направились прямо в партизанский штаб для встречи со мной. Увидев их, я сразу удивился — были они совсем юными — ну лет десяти. Вначале даже показалось, что это родные сестры. Но это было не так, сходство было только в их именах.

Работник школы представил девочек по очереди, сопровождая знакомство рассказами об их биографиях и семейной обстановке.

Весьма впечатляющим был этот рассказ. Когда он говорил о Ким Ок Сун, сама она проливала горькие слезы. Да и я в то

время чуть было не прослезился, настолько трагичными были события, которые произошли с ней, жившей всего только 13 лет.

Ким Ок Сун не исполнилось еще и десяти лет,когда она была помолвлена с сыном помещика, которому перевалило уже за двадцать. Помолвка была явным мошенничеством, так как о ней не знали ни сама девочка, ни ее родители. То было время, когда парень в свои 20 лет уже считался старым холостяком, а его родители беспокоились о его будущей семье и обращались к свахам с настоятельной просьбой найти невесту.

Помещик не успел женить сына до того, как ему стукнуло 20 лет, а поэтому впопыхах фальсифицировал помолвку обманным путем. Он просто-напросто напоил до одури отца девочки вином, а затем его же пальцем сделал отпечаток в документе. Судя по всему, парень-то, вероятно, был с каким-то изъяном и ему трудно было жениться, если не прибегнуть кстоль необычному методу.

Состряпанный документ гласил, что Ким Ок Сун должна была официально выйти заму ж за богача в 15 лет. А отец даже не знал, что в документе содержится такое несправедливое условие, потому что он, пьяный, два дня лежал без сознания, и его привезли домой.

Когда отец невесты пришел в себя, он горько рыдал, найдя в своем кармане документ о помолвке, на котором был сделан отпечаток пальца, да еще деньги — 80 вон, попавшие невесть откуда. Видимо, это был задаток от помещика, довольного заключенной сделкой.

Узнав об этом, Ок Сун все дни проводила в слезах. А сам ее отец Ким Чжэ Ман, одним «документом» решивший судьбу своей дочери, тоже не терял времени. На полученные 80 вон вскоре купил избу с огородом, вола и свинью, жил молчаливой жизнью. Полагал: слабый должен подчиниться сильному, а какой толк, если начнешь сопротивляться? Он, видимо, решил превратить беду в счастье, используя полученные деньги.

Когда дочь плакала, думая о своем будущем, Ким Чжэ Ман как мог утешал ее словами:

— Перестань же, доченька. Пойми, что эти 80 вон спасли нашу семью. Без них нам грозило бы полное разорение. Все-таки лучше жить, чем умереть с голоду. Этой помолвкой ты спасла родителей, братьев и сестер от вероятной смерти. Подумай об этом, надеюсь, у тебя утихнет печаль.

Невежественный, простой крестьянин был слишком наивен, не понимая, что такое революция. Он думал, что можно вырваться из нищеты и стать даже миллионером, если усердно работать, и, естественно, питал иллюзии в отношении мироеда-помещика, который эксплуатирует его самого. Тот помещик иногда давал будущему свату продовольствие, и тот уверовал, что на свете нет такого благодетеля, как этот богатей. Как-то раз Ок Сун услышала речь подпольщика во дворе школы. Тогда Ким Чжэ Ман связал свою дочь веревками в коровнике и беспощадно избил — все тело девочки было в синяках. Отец очень опасался, как бы его дочь не включилась в революционное дело.

У Ким Чжэ Мана классовое сознание пробу лилось довольно поздно, лишь тогда, когда село было превращено в пепелище после пятикратных погромов, учиненных оккупантами. Семья Ок Сун тоже лишилась крова над головой и рабочего скота. А некоторые из ближайших соседей просто сгорели в огне.

— Слушай, Ок Сун, доченька моя! — сказал после этого отец. — Теперь дело у нас критическое. Погибнем или же будем уничтожать их. Твой отец слишком мало знал о мирских делах. Теперь вы, дети мои, должны идти в революцию, чтобы расправиться с этими иродами.

Все это Ким Чжэ Ман произнес вечером, провожая дочь в Ванъюйгоуский партизанский район. Там девочку устроили в доме Ким Гым Сун, что был в селе Сунлиньдун. Ходила она вместе с подругой в Бэйдунскую школу Детского отряда, где

участвовала в массово-просветительной работе в составе участковой и уездной художественной агитбригады.

Корейским детям даже в таком юном, как Ок Сун, возрасте, когда они еще являются баловнями и клянчат у родителей, пришлось задыхаться в повседневных буднях каторжной жизни, ведя трудную борьбу за существование. Жизненные невзгоды не отличали взрослых от несовершеннолетних.

Наша детвора встала на стезю борьбы против столь жестокого мира, который не щадил даже детей и взваливал на их слабые плечи такое же тяжкое бремя, что и на плечи взрослых. Корейские подростки Цзяньдао создали повсюду революционные организации — Детский отряд, Детский авангард, Детскую экспедицию. Они включились в борьбу организованными силами. Жизнь в революционных организациях воспитывала и закаляла наших мальчиков и девочек. Каждый из юных борцов стал исправным винтиком, своего рода шестеренкой в огромном механизме антияпонской революции. Такими частицами огромной махины были Ким Ок Сун и Ким Гым Сун.

Выслушав биографию Ким Ок Сун, я испытал горячее сочувствие к ней. Несчастье, выпавшее на долю этой маленькой девочки, в миниатюре было судьбой многих миллионов детей Кореи.

Молодцы, девочки! Как велика и славна их решимость и воля! Ведь они оставили родной дом в столь юном возрасте и пришли на опорную партизанскую базу для участия в революции. Как отблагодарить их? И сегодня пришли сюда, в Сяован-цин, чтобы помочь нам. Пешком преодолели путь в сотни ли по маршруту Ванъюйгоу — Дахуанвэй — Яоингоу — Мацунь.

Мне казались весьма дерзновенными и славными эти две девочки, которые с риском для жизни пришли в Сяованцин, надев на ноги рабочую обувь для взрослых, взвалив на плечи

тяжелые вещмешки, пробиваясь сквозь заросли с тростями в руках.

— Кто послал вас в Сяованцин? — спросил я, думая о том, как бы заменить им рабочую обувь парусиновыми или резиновыми тапочками.

— Учитель Юн Бен До, — ответили девочки громко, приложив пальчики к краям своих юбчонок. Их глаза блестели, как звездочки, а голоса звенели так ясно и нежно, словно музыка.

Я был очень доволен. Собственно, дружба с детьми являлась большим счастьем на протяжении всей моей жизни. Детские улыбки и смех, можно сказать, всегда были своего рода высокоэффективным средством, снимающим боль и мучения в наших душах. Впрочем, попробуйте погрузиться в детский мир вместе с ребятишками, и вы несомненно почувствуете неуемную страсть к жизни. Будете всем естеством ощущать, как эти малыши делают прелестнее и красочнее жизнь человечества, убедитесь в том, что ваша священная миссия — охранять светлые идеалы, светящиеся в их миленьких глазенках, делать все, чтобы расцветали их надежды.

Было очень жаль Гым Сун, на лице и на ногах которой было много царапин. И я тогда спросил:

— Вам, наверно, трудно было пройти столь долгий путь.

Как вы перешли через множество крупных перевалов?

— На ступнях появились волдыри, было очень больно. Но мы делали вид, будто нам не трудно. Иначе вернул бы нас обратно в Ванъюйгоу наш проводник.

— А не лучше ли вам было остаться дома, у родителей?

— Да, лучше, конечно. Но это значит сидеть и ждать, когда мы повзрослеем. Ведь вожатый Детского отряда сказал, что надо перебороть много трудностей, прежде чем стать взрослым... Хочу пережить все трудности и скорее стать взрослой.

— А зачем тебе нужно так быстро повзрослеть?

— Чтобы сделать Корею независимой. Прошу вас, коман

дир Ким, не отправляйте меня домой! Ни в коем случае!

Я не переставал удивляться образу мышления Гым Сун, напоминающему взгляды взрослой женщины. Несмотря на то, что она была малолеткой, меня удивляли ее идейная убежденность, решимость посвятить всюсвою жизнь борьбе за независимость Кореи.

— Ладно, не беспокойся об этом. Почему я должен возвращать вас? Ведь к нам пожаловали такие юные таланты, которых в Цзяньдао можно пересчитать по пальцам. Отныне будете жить вместе с партизанами в Ванцине. Неплохо вам будет здесь в Детском отряде.

Выслушав меня, Гым Сун захлопала в ладошки от радости. Я попросил руководителей уездной и участковой комсомольских организаций зачислить обеих девочек в Мацуньскую школу Детского отряда, помочь им продолжить деятельность в этой детской организации и устроить их в домах добрых людей, чтобы они и без родительского присмотра могли со спокойной душой проживать на чужбине.

В том году армия и народ в Ванцине торжественно праздновали Первомай, готовили к празднику специальные мероприятия, проходившие на спортплощадке Мацуньской школы Детского отряда. На торжествах присутствовали все воины Ванцина. Вот тогда-то две девочки из Ванъюйгоу и заняли первые места в беге и в прыжках в высоту, за что ванцинцы наградили их громкими аплодисментами.

Гым Сун была маленькой не по возрасту. Когда она семенила с вещмешком за плечам и во главе художественной агитбригады, люди невольно улыбались, глядя на эту добрую и милую девчурку.

Образ ее и мне придавал силы. Вообще я всегда больше уважал тех, кто относится к жизни с оптимизмом, предпочитал их тем, кто склонен к пессимизму в жизни. В те годы, когда мы развернули трудную вооруженную борьбу в горах, питаясь кореньями трав, даже один из оптимистов проявлял такую огромную силу и выдержку, что их можно было приравнять

разве что к воздействию десятков пушек. К тому времени Гым Сун стала выдающимся борцом, оптимисткой, которая представляла самую юную плеяду в союзе трех поколений— партии, комсомола и Детского отряда.

Спустя несколько дней после встречис Гым Сун, я пригласил в штаб учеников Мацуньской школы Детского отряда, чтобы ознакомиться с их жизнью. Было известно, что члены Детского отряда, как положено, постоянно хранят в своих вещмешках продовольственный запас на одну неделю. Однако в тот день среди членов Детского отряда, чьи вещмешки были проверены, оказалось немало таких, кто сразу же съел толокно, выданное школой как запас. Лишь одна Гым Сун не тронула ни горсти и сохранила весь продовольственный запас на неделю.

— Все другие ребята съели, а вот самая младшая не тронула, все вытерпела. Молодец, Гым Сун! — похвалил я девочку, приподняв большой палец после проверки вещмешков.

Девочка улыбнулась смущенно и сказала:

— Я тоже не один раз доставала толокно из вещмешка.

Очень хотелось есть, но все же решила терпеть.

— А трудно было терпеть?

— Когда ребята ели толокно, я крепко зажмуривала глаза.

Если хотелось есть еще больше — выбегала во двор. Когда хотелось есть и во дворе, шла к колодцу и пила из черпалки воду.

Тогда мне казалось, словно досыта поела толокна.

Замечательный ответ Гым Сун еще больше восхитил меня. В трогательных до слез словах этой девочки были как бысконцентрированно отражены все экономические трудности, переживаемые населением партизанского района. В ее словах чувствовалось биение пульса сердец юных фениксов, которые настойчиво прокладывали пути к революции, несмотря на огромные затруднения, вставшие у них на пути.

В тот день мы роздали детям по 10 стаканов толокна и еще вдобавок кукурузные лепешки, вложили в их вещмешки спички.

Через несколько дней послали в школу Детского отряда две телеги с новыми ватниками, одеялами, обувью, тетрадями, карандашами и другими так необходимыми принадлежностями.

Часто шли бои, и у нас оказалось немало запасов из числа трофеев, захваченных у разбитых врагов. Конечно, на вес золота ценились продовольствие и одежда, но все же немалую долю своих запасов мы всегда направляли в школу Детского отряда.

«Самое лучшее — детям!» — этот лозунг стал теперь своего рода незыблемым принципом в нашей жизни. Но и в ту тяжелую годину, когда нам пришлось мыкаться по чужим углам в селах соседней страны, мы, согласно требованиям этого принципа, давали детям все, что могли предоставить им. Мы без малейшего колебания поднимали боевые отряды, лишь бы разрешить проблему питания, одежды и жилья для детворы.

Был тогда выдвинут перед Детским отрядом лозунг: «Всегда будьте готовы к борьбе за независимость Кореи и освобождение пролетариата всего мира!», воспитывая тем самым детей в духе патриотизма и пролетарского интернационализма.

Члены Детского отряда совершали подвиги, не уступая взрослым, в массово-просветительной работе и деятельности художественной агитбригады, в выполнении обязанностей караульных и связных, во время разведки в расположении противника, при захвате у него оружия, а также в боях при обороне партизанского района. Когда нам приходилось воздвигать новые дома на пепелищ ах вместо сгоревших изб во время погромов противника, мы всегда видели на стройке детей. И в пламени ожесточенных боев за оборону опорной базы мы встречались с этими юными орлятами — храбрецами, которые пели песни и прибегали в траншеи революционной армии, держа в руках свертки с вареным рисом. В страдную пору они занимались прополкой и уборкой урожая на полях. Иногда они собирали дикие плоды и посылали их в партизанские казармы.

Однажды мне довелось увидеть на центральном посту на Острой горе учеников щколы Детского отряда, которые несли

караул на переднем крае. Они стояли с тяжелыми самодельными гранатами на поясе, каждый по одной, и с копьем в руках, которое смастерили, прикрепив железный наконечник к концу полутораметрового шеста.

Говорили, что смена часовых идет через каждый час. Зажигалифитилек длиной в две спички, когдаон сгорал наполовину— меняли часового. Говорили мне, что фитилек из ладана такого размера сгорает целиком в течение двух часов. Вот такой оригинальный метод измерения времени придумали.

Как-то раз дети посетили меня, достав из вещмешка корейские брюки с завязками и куртку, сшитые в два слоя, серый жилет из сатина, галифе, ботинки, сапоги и резиновые тапочки черного цвета — целый комплект. Это был ответ на то, что мы не раз направляли трофеи в школу Детского отряда. В то время мы подарили членам Детского отряда корейские яблоки, которые были захвачены после налета на транспортное подразделение японских агрессивных войск. Среди детворы опорной партизанской базы было немало ребят, которые, родившись на чужбине, ни разу не побывали в Корее и не видели даже яблок Родины. Каким безмерным волнением, каким глубоким чувством благодарности были охвачены дети, когда получили ящики с яблоками Родины, захваченными партизанами в бою! Об этом часто вспоминала с волнением Ким Ок Сун, которая является живой свидетельницей эпизода об упомянутых яблоках и сама тогда получила этот подарок.

Начальник детского управления Пак Киль Сон посетил однажды школу Детского отряда и сказал:

— Слушайте меня, ребята. Уважаемый командир Ким горячо любит вас, как родных детей, а мы пока еще не успели ответить на его заботу. Вам следует отблагодарить чем-нибудь уважаемого командира Кима. Высказывайте по этому поводу свои соображения.

Не успел закончить свою речь начальник детского управления, как поднялась с места Гым Сун.

— Давайте сошьем дорогому командиру хорошую одежду.

Ведь говорят, что он ходит в легкой одежде даже в холодную зиму.

Пак Киль Сон улыбнулся, выслушав ее, и спросил:

— Сейчас Гым Сун предложила сшить ему хорошую одежду. А как по вашему мнению?

— Хорошо! — хором ответили дети.

— Ладно! Я тоже думал, что нужно изготовить для него такую теплую одежду. Достанем ткани и попросим членов

Общества женщин или отряда швей сшить из них великолепную одежду. Впрочем, вам следует знать, что ткани не упадут с неба сами собой.

— Надо собирать грибы и продавать! Грибы, говорят, дорого стоят. Купим ткани, когда будут деньги, — снова предложила Гым Сун, быстро встав с места, щебетала она, словно птичка.

— Правильно! Правильно! Будем собирать грибы и продавать помещикам, — одобрили другие дети в один голос.

Со следующего дня члены Детского отряда вместе с Пак Киль Соном ушли в лес с корзинками в руках.

Я часто видел, как они с корзинками, наполненными грибами, шли цепочкой по ущелью Лишугоу, распевая песни. Но не мог догадаться, что за секрет таится в этих походах за грибами. Просто полагал, что дети стараются таким образом доставать дополнительные продукты питания для раненных в бою, лежащих в госпитале. Но, оказывается, собранные ими грибы превращались сначала в деньги, а затем уже в одежду. И вот она лежит передо мной.

— Мы знаем, что и холодной зимой вы, дорогой командир, ходите в легкой одежде, поэтому сшили для вас комплект одежды. Примите, пожалуйста, без стеснения, — сказала Гым Сун и четко отдала салют Детского отряда.

В то время я, действительно, одевался в легкую одежду и зимой. Получив такой подарок, я с трудом сдерживал слезы. С одеждой в руках я уговаривал их:

— Слушайте, ребята. Хотя на мне легкая одежда, все же я молодой и крепкий человек. Не забуду всю жизнь вашу искреннюю заботу. Но хочу отдать эту одежду дедушке, самому старшему в Сяованцине. Не обижайтесь на меня.

Дети чуть не плакали и глядели наменяс легким разочарованием. Их огорчило мое решение. Я же утешал их снова и снова, пока они не улыбнулись в ответ на мои слова.

Однажды после массового митинга Гым Сун подошла ко мне и, незаметно коснувшись рукава моего френча, прошептала с беспокойством:

— Ткань тонкая, и ветер, видимо, пронизывает насквозь.

И поныне в зимнюю стужу в моих ушах порой звенят эти бесхитростные слова, высказанные Гым Сун в Сяованцине.

Вначале ванцинцы дали этой девочке прозвище «черноглазая Гым Сун». Это было связано прежде всего с цветом ее глаз. Потом люди партизанского района стали звать по-новому: «мацуньский дубонос». Этим ласкательным именем нарекли ее женщины — уроженки Кильчжу и Менчхона, имея в виду, что сама она маленькая и милая девочка, словно птичка дубонос.

Когда люди звали ее «черноглазой Гым Сун» или «мацуньским дубоносом», то она всегда однозначно откликалась словом «да». Девочка никогда на это не обижалась, хотя лишний раз люди обращались к ней, называя ее такими прозвищами.

День, когда на сцене у Гым Сун получилась лихая чечетка, был праздником для жителей Ванцина. Она всегда исполняла этот танец вместе с Ок Сун. Их номер был самым популярным в репертуаре художественной агитбригады Детского отряда. Когда Гым Сун быстро отбивала такт ногами и несколько раз

повторяла это действие, одновременно играя платком, зрители устраивали ей овацию, тоже притопывая ногами.

Когда мы располагались в Ванцине, я каждое утро ездил на белом коне по долине Мапуня, изучая положение дел в партизанском районе и вынашивая новые замыслы борьбы. Утренняя прогулка вошла в нерушимый режим моей повседневной жизни. В поездках на белом коне по долине Ванцина, меня сопровождали партизанский горнист Сон Габ Рён и ординарец Чо Валь Нам. Во время утренней прогулки я каждый день встречался на дороге с колонной членов Детского отряда, марширующих с песней. Было весьма приятно и довольно интересно смотреть на эту колонну.

Трудно в точности передать мое восхищение, которое я испытывал, несясь на коне и не отрывая взгляда от бодрых и жизнерадостных лиц детей, щеки которых румянились словно свежие яблоки. Даже в ненастные дни, когда шел снег или дождь, я не прекращал утренних прогулок, — так хотелось посмотреть на жизнерадостную ватагу детей. Мне думалось, что и ребятишки, вышедшие на прогулку, невзирая на непогоду, тоже могут огорчиться, не увидев меня на до роге. Дети думали так же, как я, а поэтому, несмотря на ненастную погоду, ежедневно появлялись на дороге.

На марше запевалой всегда выступала Гым Сун. В разноголосье детского хора мы сразу же без труда различали необыкновенный голос Гым Сун, которая щебетала, словно ранняя пташка. Прислушиваясь к ее голосу, мы почему-то ощущали полное, почти суеверное спокойствие на душе и верили, что в этот день в партизанском районе все дела пойдут на лад.

Но однажды мы вдруг не услышали голоса этой девочки в хоре колонны учеников школы Детского отряда, разносившемся по ущелью Лишугоу. Мне чудилось, будто я слышу песню со всем незнакомого нам отряда другой местности. Встревоженный, я вышел на двор бревенчатого дома. В это время колонна детей,

марширующих с песней, как раз проходила по тропинке мимо штаба. Как всегда впереди по-прежнему шагала Гым Сун.

Но отчего она не поет? Гым Сун молча передвигала ноги, понурив низко голову. А запевал на этот раз вместо Гым Сун сам руководитель Детского отряда Ли Мин Хак.

Певческий коллектив без Гым Сун выглядел все равно что хор, лишенный главной солистки.

В тот день работа почему-то не клеилась у меня до самого вечера. К закату я пошел в школу для встречис Гым Сун. Там мне сообщили неожиданную и печальную весть о том, что погибли от рук врагов члены ее семьи в Ванъюйгоу. Только тогда я понял, почему не могла петь Гым Сун и молча шаг ала в колонне детей, а вместо нее запевать должен был сам Ли Мин Хак.

В тот день Гым Сун, прижавшись к моей груди, рыдала долго и безутешно, чуть не упала в обморок.

—Как же мне быть теперь? Зачем жить одной, когда умерли все — и отец, и мать, и младший брат! — восклицала она, дрожа всем телом, словно промокшая от дождя птица.

В тот день стоило мне огромных усилий, чтобы успокоигь ее. До наступления сумерек я оставался в школе, утешая девочку.

— Гым Сун, крепись душой, не падай духом. Если ты не вынесешь печали, враги попытаются уничтожить и тебя. Сейчас япошки намереваются умертвить всех корейцев на земле Цзяньдао. Но наша корейская нация не позволит врагам этого сделать.

Ты непременно должна вырасти революционеркой и отомстить врагу сторицей.

Лишь после этих слов Гым Сун перестала плакать и, вытирая слезы, глядела мне в лицо.

— Не забуду ваших слов и отомщу врагам во что бы то ни стало!

С тех пор Гым Сун очень редко смеялась и стала скупой на слова девочкой. Почти не было дня, когда бы она, как прежде,

заразительно смеялась или с жаром спорила с кем-нибудь. Теперь она не щебетала, как птичка, когда исполняла запев. В Сяованцине как-то само собой исчезло и ласковое прозвище «мацуньский дубонос». А саму девочку все больше обуревало чувство мести, что проявлялось в ее удвоенном энтузиазме в жизни Детского отряда и в деятельности художественной агитбригады.

Детская агитбригада, где главную роль играла Гым Сун. достигла даже такой местности, как Шисян, Хуемудун в Тумыне и другие районы, контролируемые врагом. Слава о Ванцинской детской художественной агитбригаде перешагнула пределы Восточной Маньчжурии и достигла до далекой Северной Маньчжурии.

В те времена коммунисты Восточной и Северной Маньчжурии поддерживали тесные связи через перевал Лаоелин. Естественно, что трудные горные барьеры, вставшие на горных цепях Лаоелина, не могли помешать революционерам двух этих районов непрерывно форсировать преграды, общаться и оказывать поддержку друг другу.

Опорные партизанские базы превратили Цзяньдао в бастион великой антияпонской войны. Они стали моделью идеального края, о котором мечтали все люди. Установленный в этих краях новый строй, новый порядок стали предметом надежды и заветных чаяний, вызывали восхищение и зависть населения соседних районов. В частности, рейд в уездный центр Дуннин послужил переломным моментом в улучшении представлений о коммунистах среди населения и вооруженных отрядов Маньчжурии. После этой битвы бойцы Армии спасения отечества стали называть меня «командующим Кимом». Именно в тот период народ начал звать меня также «полководцем Кимом» или же «командиром Кимом». Наша политическая линия и демократические мероприятия, осуществляемые нами в партизанском районе, превратились в эпохальные свершения, благословляемые всеми людьми.

Партийные организации и руководство вооруженных сил Северной Маньчжурии несколько раз направляли на опорные базы в Ванцине и его окрестностях экскурсионные группы, чтобы изучать и осваивать опыт строительства опорных партизанских баз, накопленный населением Восточной Маньчжурии.

К этому времени центром района Ванцина был не Сяовандин, а Яоингоу. Детская художественная агитбригада, и ГымСун в ее составе, покинула Мацунь. После крупной карательной операции противника все органы партизанского районаодновременно переместились в Яоингоу. Я тоже перешел туда весной 1934 года, взяв с собой и некоторые отряды.

Летом 1934 года экскурсионная группа уезда Нинань, состоявшая из членов местных организаций и бойцов партизанского отряда, во главе с секретарем комсомольской организации — женщиной по имени Им Ен Чжу, пришла в Дуйтоулацзы из Бадаохэцзы через Шэньсяньдун.

Тогда жители и партизаны Яоингоу горячо приветствовали эту группу. Члены Детского отряда, размахивая треугольными красными флажками, то и дело скандировали лозунг: «Добро пожаловать, делегация Северной Маньчжурии!» Вечером развели костер во дворе казармы и устроили художественное представление в честь экскурсионной группы.

Детская агитбригада показала гостям из Северной Маньчжурии разнообразные номера. В агитбригаде было немало детей с выдающимися художественными способностями.

Ли Мин Хак хорошо танцевал, отлично играл на губной гармошке. Когда он исполнял комические роли, публика покатывалась со смеху. Ким Чжэ Бом тоже был мастером танца. Он обладал оригинальным умением имитировать с помощью танца походку утки и зайца.

Эти дети побывали на всех без исключения участках революционных организаций в уезде Ванцин, дали художественные представления и распространяли разные песни.

Мы как могли заботились о наших юных артистах — выделяли детской агитбригаде лучший шелк из числа трофеев, захваченных в бою, чтобы сшить приличные костюмы для актеров спектакля и танцоров.

Небольшой отряд Антияпонской союзнической армии, направленный лично Чжоу Баочжуном, тоже находился некоторое время в Яоингоу и перенимал опыт Ванцинского партизанского отряда. Для них это была не просто увеселительная экскурсия, а своего рода практика, сопровождаемая боевой подготовкой и отработкой практических действий. За весь период пребывания в Яоингоу они все эти дни жили строго по режиму, установленному в нашем отряде, также вели военные и политические занятия, участвовали в культурных мероприятиях по примеру Ванцинского отряда.

Мы дали комсомольской организации и Детскому отряду задайте часто посещать отряд Антияпонской союзнической армии и совместно устраивать веселый отдых. Члены детской агитбригады, прежде чем обучать бойцов отряда революционным песням на китайском языке, сами обстоятельно репетировали. А бойцы этой союзнической армии, в свою очередь, обучали корейских детей интересным китайским песням. Иногда наши юные артисты посещали этот китайский отряд, подготовив для этой цели даже пьесу на китайском языке.

Гости из Северной Маньчжурии, растроганные сердечным вниманием детской художественной агитбригады, приглашали детей к себе в казарму и всякий раз старались подготовить для них что-то новое и вкусное из блюд.

Гостившие у нас люди, вернувшись затем в Северную Маньчжурию, широко распространяли восторженные отклики о детской художественной агитбригаде.

Летом 1934 года Чжоу Баочжун пригласил в Северную Маньчжурию детскую агитбригаду Ванцина. Мы охотно приняли это приглашение. Я сказал Пак Киль Сону, что нужно

хорошенько подготовить гастрольные выступления и порадовать армию и народ Северной Маньчжурии. Я разработал конкретный план пребывания агитбригады в Северной Маньчжурии.

Мы послали агитбригаду в Северную Маньчжурию с целью доставить китайцам радость и еще более укрепить солидарность с ними. В свою очередь Чжоу Баочжун пригласил нашу детскую агитбригаду с тем, чтобы тем самым усилить воспитание командиров и бойцов антияпонских отрядов, которые находились тогда под влиянием коммунистов. В то время он, работая заведующим канцелярией Суйнинской антияпонской союзнической армии, организованной в районе Нинаня, прилагал титанические усилия к объединению антияпонских отрядов, ушедших из части Армии спасения отечества Ван Дэлиня.

Я долго не мог успокоиться после отъезда детской агитбригады в Северную Маньчжурию. Дети, конечно, привыкли к боям и закалились во всяких невзгодах, познали они и нужду и голод, но все-таки ни на минуту не покидало меня беспокойство — благополучно ли доберутся они до назначенного места? Сумеют ли, в частности, перейти через крутые горные цепи Лаоелина такие девочки, как Гым Сун?

Но мое беспокойство было напрасным. Все дети показали себя настоящими юными соколами, закаленными в водовороте потрясений, были непреклонными борцами, которые не раз сами смотрели смерти в глаза.

Они без особого труда преодолели горные цепи Лаоелина, которые я считал неприступными препятствиями, благополучно прошли через районы, где действовали местные бандиты. Когда шел дождь, они все равно продолжали поход, держа надголовой сосновые ветви и березовую кору вместо зонтов. А вечером сами варили кашу в солдатских котлах и, утолив кое-как голод, ночевали у костра, выставив предварительно часовых. Были в

горах случаи желудочных заболеваний среди детей, от них сильно страдали некоторые дети.

К тому же агитбригада выбрала маршрут не по большой гужевой дороге Ванцин — Лаоелин, а пошла по крутой еле приметной тропинке напрямик, по которой уверенно ходили только связные партизанских отрядов. Тем не менее не было ни одного выбывшего из строя за время похода в несколько сотен *ли*.

Говорили, что даже Гым Сун, самая младшая в агитбригаде, отказывалась от предложения подружек помогать ей нести вещмешок и с песней преодолела перевал Лаоелин без посторонней помощи. Впоследствии Ким Ок Сун, ходившая вместе с Гым Сун в Северную Маньчжурию, при каждом удобном случае интересно рассказывала мне о гастрольных выступлениях в отрядах АСО.

В Северной Маньчжурии агитбригада дала первое представление в отряде Чай Шижуна, дислоцированном в Мачане. Чай Шижун больше всех среди командиров АСО находился тогда под влиянием коммунистов. Их можно было бы сделать нашими союзниками и даже коммунистами при условии нашей вдумчивой и кропотливой работы по их перевоспитанию.

Первое представление в Мачане началось с речи Гым Сун. Представление смотрели 150 командиров и бойцов АСО во главе с Чай Шижуном. Отклики были сенсационными. Когда Гым Сун произнесла последние слова, все зрители, не скрывая волнения, зашумели: «Какую прекрасную речь произнесла эта девочка! Такая маленькая, как каштанчик!», «Мы должны хорошо вести антияпонскую войну хотя бы для этой девочки».

Командующий Чай, охваченный глубоким волнением, пригласил Гым Сун к себе в кабинет и, усадив рядышком, проделал ей в мочку уха серьги и надел на запястье браслеты. Он даже предоставил агитбригаде две лошадиные упряжки для передвижения во время гастролей.

Сроки концертов, запланированных на одну неделю, были намного продлены по просьбе воинов китайских антияпонских отрядов. Агитбригада дала представление и в части Чжоу Баочжуна.

Чай Шижун послал членам агитбригады две телеги с подарками — ватниками, китайской национальной одеждой дабу-шанъцзы, шарфами, а также с продуктами — свининой, курами, сухой лапшой из крахмала, пшеничной мукой и прочим. Кроме того, он подарил каждому из них сумку и ружье.

Когда агитбригада возвращалась в Яоингоу с гастролей, меня на месте не оказалось — вместе с отрядом находился в другом месте. Но не успел я возвратиться з партизанский район, как дети обступили меня и с гордостью показали подарки, принесенные из Северной Маньчжурии.

— Это подарил нам командующий Чай. Он очень добрый человек. Носит бородку, как Ленин. У него в комнате я даже пробовала блюдо из свинины. Господин Чжоу Баочжун тоже преподнес нам много подарков, —с радостью расхвалив ала Гым Сун командующего Чая и Чжоу Баочжуна. А напоследок прикрепила к моему поясу семизарядный револьвер.

— Дорогой Полководец, вы непременно должны носить с собой это оружие. Это наше решение, — сказала она, делая ударение на слове «решение», и тут же рассмеялась весело, словно о чем-то вспомнив.

Чтобы не огорчать детей, я несколько дней носил с собой этот револьвер, а затем при случае отдал его начальнику Молодежной добровольческой армии. Все остальное оружие тоже было передано этому молодежному ополчению. Другие подарки, принесенные из Северной Маньчжурии, были полностью оставлены в распоряжение детской агитбригады.

Осенью того же года в Яоингоуском партизанском районе распространялись невероятные слухи, что мать Гым Сун осталась в живых. Услышав эту новость, девочка носилась, словно бабочка, по всем ущельям Яоингоу, заколов в волосы с

десяток цветков полевой хризантемы. С удовольствием глядели на нее жители опорной базы, хорошо знающие о ее семейной драме.

Организация Детского отряда решила предоставить Гым Сун возможность осуществить свою сокровенную мечту о свидании с родной матерью. Вначале девочка не хотела принимать это предложение организации. Ведь она хотя и была совсем юной, но обладала высоконравственным характером, пропитана была духом коллективизма. Гым Сун ответила, что она, мол, не вправе пользоваться особыми привилегиями в то время, когда так много вокруг детей, желающих увидеться со своими родителями.

Я видел Гым Сун в последний раз осенью 1934 года, когда наш отряд форсировал в Чжуаньцзяолоу подготовку к походу в Северную Маньчжурию. В то время детская агитбригада, к которой принадлежала Гым Сун, давала представление в этой местности. Думаю, что это был специальный спектакль, посвященный проводам нашего экспедиционного отряда. После представления мы угощали детей китайскими пельменями с мясом косули.

Я посетил дом, где обедали дети. Когда собирался уже уходить, Гым Сун, отодвинув тарелку с пельменями, вдруг поспешно подошла ко мне и почти шепотом проговорила, как бы информируя меня о какой-то тайне.

— Дорогой Полководец, говорят, что моя мать жива!

— Да, все дяди-партизаны очень радуются. Я тоже очень рад.

— Сегодня я так счастлива, что сумела исполнить соло три раза. Но хотелось петь снова и снова.

— Так и пой сколько хочется!

Я передал девочке частый бамбуковый гребешок и редкую расческу из трофеев, которые специально припас для детворы села Чжуаньцзяолоу.

— Спасибо, дорогой Полководец! — сказала она, прикасаясь к моему рукаву, словно баловница.

Было весьма приятно чувствовать небывалый восторг в словах и жестах этой милой маленькой девочки, у которой не было ни тени кокетства. Такой восторг светился в ее глазах, что казалось: вот-вот она взмахнет крыльям и, как миленькая птичка!

— А ты должна немедленно отправиться на свидание с мамой. Только я, к сожалению, не смогу тебя провожать. Путь мой — в Северную Маньчжурию.

Это были последние слова в жизни, которые я сказал Гым Сун.

Когда Гым Сун вернулась в школу Детского отряда из Чжуаньцзяолоу, революционной организации Яоингоу был нужен связной, которому можно было бы поручить доставку в контролируемый врагом район совершенно секретных сведений. Возник вопрос: кого следует послать, чтобы обеспечить максимальную безопасность и своевременность? Не один раз серьезно обсуждали об этом в местной организации. И, наконец, выбор остановился на Гым Сун.

Когда революционная организация поручила юной девочке Гым Сун важное задание в качестве связной — задание, с которым мог бы справиться далеко не каждый, она восприняла это с благодарностью и расценила как высшее доверие к ней.

В день, когда Гым Сун отправлялась в контролируемый врагом район, Хан Сон Хи повела подругу на берег ручья, умыла ей лицо, расчесала волосы, повязала оборки, разгладила юбку, словно ухаживала за невестой, идущей под венец. Вместо ленты скрепила волосы булавкой, на которую были нанизаны три желудя величиной с крупную виноградину.

В тот день члены Детского отряда провожали Гым Сун до околицы.

Куда ты пойдешь?

Пойду я до Янъцзи.
Какой перевал перейдешь?
Перейду перевал Цзицинлин.
Зачем ты идешь туда?
Иду передать сведения.
С кем ты идешь?
Иду одна-одинешенька.

Девочка шла лесом частыми, мелкими шагами, мурлыча песню. Текст песни она сама импровизировала в такт своим шагам. Слушая песню, ребята смеялись, хлопая в ладоши, а потом подпевали громкими голосами, заполнившими все ущелья Яоингоу.

Гым Сун, оперативно и четко выполнив порученное организацией задание, направлялась затем в поселок, где, по слухам, находилась ее мать. Однако в пути она, к большому несчастью, вместе с группой местных жителей была схвачена японскими жандармами.

Враги сильно обрадовались, пронюхав, что девочка пришла из партизанского района. Они полагали, что в их лапы попала «юная коммунистка». И если ее припугнуть, она сможет разгласить важные секретные сведения. По-видимому, им удалось установить даже тот факт, что Гым Сун пришла из Яоингоу, где находилось руководство Восточной Маньчжурии. Враги, казалось, рассчитывали, что могут узнать от девочки важные секретные данные, если хорошо обработать ее.

Конечно Гым Сун и в самом деле знала много тайн партизанского района. Ей были известны действия отрядов революционной армии, работа руководящих кадров, секретные каналы, связывающие партизанский район с полупартизанским, жизненные условия и настроения населения опорной базы и многое другое. Поскольку девочка в составе детской художественной агитбригады часто выступала и в

контролируемом врагом районе, то, естественно, она могла знать многие тайны местных организаций. Надо только «поставить ее на колени», считали каратели.

Взвешивая все эти возможности, враги намеревались максимально «выжать» из юной партизанки немаловажную информацию. Сначала Гым Сун соблазняли различными посулами, предлагали вкусные кушанья. Потом перешли к угрозам и пыткам.

Когда-то мне довелось читать иностранную повесть, где был такой эпизод: мальчик на каком-то острове, соблазненный наручными часами из серебра, разгласил сведения о спрятавшемся в стоге сена, а затем был казнен руками своего отца. Если верить автору повести, то не так уж трудно уговорить мальчика. Они обычно зарятся на подарки, могут заговорить под угрозами пыток или же истязаний.

Однако не изменяют своих убеждений дети, закаленные политически в своих организациях. Среди членов нашего Детского отряда не было ни одного мальчика, ни одной девочки, которые поменяли свои политические убеждения на звонкие монеты. Со Ган Рем, Ли Хон Су и Лим Хен Сам, выпестованные нашей партией после освобождения страны, тоже были мальчиками лет 13—15, но они не разгласили тайнсво их организаций даже под дулом вражеской винтовки.

Гым Сун была непреклонным юным борцом, закаленным, как сталь, в водовороте антияпонской революции. Маленькая дочка Кореи не разжала крепко стиснутых уст даже под воздействием жесточайших пыток. С ее языка лишь сорвались слова ненависти и проклятий, адресованных палачам.

— Ничего не скажешь — убьем! — орал жандармский офицер, допрашивавший Гым Сун.

—Ничего не скажу. Не желаю говорить с такими палачами, как ты, мерзавец! — ответила Гым Сун.

Жестокие каратели решили казнить девочку только за то, что она отказалась выдать тайны революционной армии. Люди

скрежетали зубами и дрожали от гнева, глядя на девочку из партизанского района, которая шагала к месту казни вся в крови. Поле Байцаогоу превратилось в море слез. Но сама Гым Сун не плакала. Она обратилась к отцам, матерям, братьям и сестрам, проливавшим слезы от жалости к ней:

— Зачем плачете вы, отцы и матери? Не плачьте, бойцы революционной армии непременно уничтожат врагов. Боритесь стойко до дня освобождения Родины!

В этом последнем огненном призыве как бы сжато отражен был короткий жизненный путь девятилетней девочки. На месте казни вновь раздался звонкий голосок Гым Сун:

— Долой японских империалистов! Да здравствует корейская революция!

Узнав о гибели Гым Сун, я некоторое время не мог посещать школу Детского отряда. Отчего-то мне было страшно идти туда. Я испытывал безмерную печаль при мысли о школе Детского отряда без Гым Сун, о детской художественной агитбригаде без Гым Сун. Враги навсегда отняли у меня любимицу жителей Ванцина, эту бабочку художественной агитбригады, жаворонка партизанского района!

Кто теперь будет петь песни столь звонким голоском,-кто будет танцевать в таком энергичном, легком и красивом ритме, как Гым Сун? Да, она делала все для жителей партизанского района, которые вели кровопролитные бои, испытывая неимоверные невзгоды и трудности. Кто же теперь затронет струны сердец воинов Армии спасения отечества задушевной песней на чистейшем китайском языке так, как Гым Сун? Кто улыбнется мне такой светлой, такой живой и ласковой улыбкой, как Гым Сун, во время ежедневных утренних прогулок по лесу на белом коне?

Печальная весть о смерти Гым Сун взбудоражила революционные массы в Ванцине и его окрестностях. В Яоингоу в глубокой скорби состоялся траурный митинг по случаю гибели Гым Сун. Во всех уездах Восточной Маньчжурии

несколько десятков возмущенных юношей и девушек добровольно вступили в КНР А, давая клятву отомстить за Гым Сун.

Журнал Коминтерна, печать Китая и Японии наперебой сообщали о юной героине, о столь беспрецедентном случае в истории освободительной борьбы угнетенных наций всего мира. Онис восхищением писали о героическом пути Гым Сун, вынося в заголовок слова: «Биография девочки-патриотки».

Таким образом, этот жаворонок партизанского района, Гым Сун, которая так страстно пела революционные песни, без устали перепрыгивая через пенистые ручьи и крутые перевалы маленькими ножками, стала лицом, взволновавшим весь мир в девять лет.

В современной истории Кореи фигурирует имя Рю Гван Сун — известной патриотки, отдавшей жизнь ради Родины. Когда речь заходит об этой девушке, вспоминается прежде всего Первомартовское движение года Кими. Рю Гван Сун как стипендиатка прилежно училась в Рихваском коллеже в Сеуле. Когда школа закрылась после Первомартовского движения, она вернулась в свой родной край, в Чхонан провинции Южный Чхунчхон. Там организовала массовую демонстрацию с требованием независимости страны и сама возглавила выступление демонстрантов. Патриотка была арестована японской жандармерией.

Судьи приговорили Рю Гван Сун к 7-летнему тюремному заключению. И еще 33 инициатора Первомартовского народного восстания были приговорены к тюремному заключению от одного года до трех лет, некоторые из них были освобождены от наказания. Если судить по этому факту, то не трудно представить себе, какой опасной «преступницей» считал японский суд эту 16-летнюю девушку. Даже крестьяне в деревнях цокали языком — говорили с удивлением о том, что 7-летнее тюремное заключение — самое тяжелое наказание в истории Первомартовского движения за независимость.

После смерти Рю Гван Сун в Содэмунской тюрьме весь наш народ по сей день чтит ее память с горячей любовью, называя ее «Жанна д'Арк Кореи».

К сожалению, наша славная Гым Сун не удостоена столь почетного звания. Это потому, что нет равной ей юной героини, почти нет таких девочек, как Гым Сун, которая совершила подобный подвиг.

Несомненно, исключительной гордостью и честью нашей нации является то, что она имеет наряду с героиней Первомартовского движения Рю Гван Сун такую славную девочку-героиню, как Ким Гым Сун. В последнее время вышли повесть и фильм, посвященные Гым Сун, однако этого явно недостаточно, чтобы в полной мере раскрыть грядущим поколениям все величие ее подвига. Чтобы подвиги наших юных героинь, таких, как Гым Сун, передавались из поколения в поколение, не жалко сооружать даже золотые и бронзовые памятники.

Ким Гым Сун была девочкой, которая обрела бессмертие в возрасте всего девяти лет. А ведь это же ничтожно малый промежуток времени в сравнении с человеческой жизнью, это период, который можно разве что сравнить с огрызком карандаша. Но и этого мгновения жизни, вспыхнувшего словно молния, было для нее достаточно, чтобы достичь славных вершин нравственности, каких иной человек может достичь за всю свою жизнь. Эта девочка наглядно показала яркий пример того, как должен прожить человек свою жизнь. На свете немало людей, которые дожили до ста лет, но умерли, не оставив никаких следов созидания во имя процветания нации. А Гым Сун в девять лет совершила подвиг, который навеки останется в памяти грядущих поколений.

Можно считать заслугой корейских коммунистов то, что они вырастили девочку Ким Гым Сун — эту юную героиню мирового масштаба. Как и вообще мы, коммунисты, выпестовали в пламени антияпонской войны множество таких же юных героев.

Ким Гым Сун, Чон Ги Ок, Мок Ун Сик, Кан Рён Нам, Пак Мен Сук, Пак Хо Чхор, Хо Чжон Сук, Ли Гван Чхун, Ким Дык Бон... Все они были юными патриотами, рожденными в бурях антияпонской революции.

— Не убивайте меня из винтовки, проткните штыком. А патроны отправьте в партизанский отряд!

Эти широко известные слова принадлежатмальчику Чон Ги Оку, члену Детского отряда уезда Хуньчунь. В ходе выполнения задания по передаче секретных сведений он был схвачен врагами. Перед казнью юный герой обратился с этими словами к полицейским марионеточного государства Маньчжоу-Го, Даже палачи растерялись, услышав эти слова, проникнутые благородным революционным духом мальчика, который в столь страшной обстановке, перед лицом смерти, думал не о себе и своей судьбе, а о партизанском отряде и его победе в антияпонской войне.

Подвиг мальчика Мок Ун Сика тоже заслужил бы высокую похвалу народов мира. Он направлялся из Юнчандуна в Пинган, спрятав в соломенном ладте записочку, содержащую секретные сведения. Его задержали каратели и подвергли допросу у постовой будки возле Цзицинлина. Враги обыскивали мальчика с головы до ног, пытаясь найти у него секретные сведения. Когда они сняли лапоть с его левой ноги, он вдруг толкнул охранника, стремглав бросился в постовую будку и неожиданно сунул правую ногу вместе с лаптем в печку. Тайное донесение сгорело вместе с лаптем правой ноги. Напрасно враги, разгадав замысел паренька, беспощадно били его, пытаясь вытащить из топки обгоревшую ногу. Превозмогая адскую боль, он, цепляясь за камень топки, держал ногу в печке, пока не сгорели и лапоть, и нога, и штанина.

Враги отправили Мок Ун Сика в больницу. Они всячески отхаживали лежавшего без сознания мальчика, делали ему уколы в надежде, что он придет в себя и раскроет тайну

донесения. Но он спокойно умер, унеся с собой навеки тайну партизанского сообщения.

Все члены Детского отряда и Детского авангарда, поддерживавшие антияпонскую вооруженную борьбу на передовой линии, были героями. Они представляли самую молодую поросль из первого поколения нашей революции.

И сегодня наша революция считает Детский союз надежным резервом ТПК наряду с Союзом социалистической трудовой молодежи. Вот почему мы, не жалея никаких затрат, строим дворцы для детей и уделяем постоянное внимание подрастающему поколению.

Не случайно я всегда напоминаю нашим работникам, что необходимо всей душой любить новое поколение. При этом всегда подчеркиваю, что детвора — это «король» страны. Лишена перспектив та революция, которая не готовит себе смену, не любит ее, не ухаживает за ней. Надеяться на то, что подобная революция достигнет в будущем лучезарных идеалов, — просто наивно.

В настоящее время в некоторых регионах нашей планеты, словно заразная болезнь, ширится тенденция любой ценой достичь личного благополучия. Сознание многих людей заражено болезнью крайнего индивидуализма, эгоизма, стяжательства, которые выражаются в стремлении обеспечить «красивую» жизнь только себе одному, не уделяя при этом никакого внимания подрастающему поколению. Некоторые матери отказываются даже рожать детей. Они утверждают: «Потомки доставляют много хлопот». А иные даже отказываются жениться или выходить замуж. Конечно, не вступать в бракосочетание и не рожать детей — это личное дело каждого человека. Но какой же тогда смысл жизни без потомков?

Ревизионисты, погрязшие в болоте крайнего эгоизма и жажды личного благополучия, не уделяют внимания подрастающему поколению, разоружают его морально и безжалостно бросают в пучину растления и социального зла.

Если дети десятилетнего возраста жалуются на своих родителей, на руководителей государства, сетуют на мир и проливают слезы, видя повсюду хаос и беззаконие, то революция в такой стране, несомненно, лишена будущего, она крайне бесперспективна.

Когда наши руководящие кадры не жалеют времени, денег, энтузиазма и усилий во имя нового поколения — наша революция будет рожать больше героев, таких, как Ким Гым Сун, Чон Ги Ок и Мок Ун Сик.

Семья Гым Сун была известна как род революционеров, переживала суровые испытания в горниле антияпонской войны. Отец ее, работавший руководителем подпольной революционной организации в Ванъюйгоу, был без всяких оснований обвинен в причастности к «Минсэндану» и убит. Мать ее с оружием в руках сражалась во время обороны опорной базы и погибла смертью храбрых на поле брани.

Когда был жив отец Гым Сун, я давал ему много трудных секретных заданий. Он обладал стойкой волей и выполнял все поручения во что бы то ни стало.

В семье Гым Сун погибли в борьбе пять человек, включая и саму героиню. Судьба этой семьи точь-в-точь повторяет судьбу семьи Рю Гван Сун.

Однако, несмотря на столь жестокую и безжалостную участь, остался один потомок этой семьи, призванный продолжить замечательный род. Чудом остался в живых двухлетний Ким Рян Нам, младший брат девочки, которого мать отдала в руки сельчан перед смертью на поле боя.

О том, что Ким Рян Нам является младшим братом Гым Сун, первым узнал секретарь ЦК ТПК по организационным делам Ким Чен Ир и сообщил мне некоторые штрихи из его биографии. К тому времени Ким Рян Нам, окончив консерваторию, работал в киностудии документальных фильмов музыкальным редактором. В одном из официальных печатных изданий он встретил материал о том, что его отец был казнен как

«минсэнда-новец». Сколько пережил он мучений, охваченный чувством подавленности, боясь общественного осуждения!

Я дал поручительство в том, что отец Ким Рян Нама никогда не был «минсэндановцем», он был стойким революционером.

С тех пор он стал сотрудником аппарата ЦК партии, руководил работой в области литературы и искусства, энергично помогал секретарю ЦК партии по организационным делам Ким Чен Иру в его работе. Он, как и его славная старшая сестра Ким Гым Сун, обладал музыкальной одаренностью и неутомимой энергией. Вчерашний пастух, умевший передать невыносимую горечь порабощенного народа с помощью грустной мелодии свистульки из травинки, денно и нощно вкладывал всю свою душу в оперное творчество, восстанавливая первоисточники революционного музыкального искусства.

Ким Рян Нам был одним из заслуженных работников, который под непосредственным руководством секретаря ЦК Партии по организационным делам Ким Чен Ира внес большой вклад в основание художественной труппы Мансудэ и превращение ее в первоклассный художественный коллектив с мировой славой. В феврале 1971 года труппа дала первое историческое гастрольное представление на Кубе, расположенной в западном полушарии, на расстоянии многих тысяч километров от Родины. Тогда Ким Рян Нам возглавлял труппу как заместитель руководителя по политической части.

Секретарь ЦК партии по организационным делам Ким Чен Ир всегда с болью в сердце вспоминал о том, что а прошлом Ким Рян Нам, один-единственный потомок рода Ким Гым Сун, с двух лет рос в чужом доме. Его детство и отрочество были очень трудными— работал батраком. Поэтому секретарь ЦК партии по организационным делам окружил этого человека большой заботой и любовью, как родного брата.

Когда Ким Рян Нам заболел неизлечимой болезнью, он посоветовал создать специальную лечебную группу из десятков специалистов и оказывать ему круглосуточную интенсивную

медицинскую помощь. Была разослана в посольства КНДР, аккредитованные в различных странах, история его болезни, чтобы приобрести высокоэффективные, дорогостоящие лекарства в необходимом количестве. То и дело направлялись специальные самолеты в те страны, где была хорошо развита фармацевтическая промышленность.

Ким Рян Нам, окруженный такой заботой, жилещедвагода, подвергаясь операциям десять с лишним раз. К сожалению, когда он умер, ему было всего 40 лет. И все же он прожил в 4 раза больше своей старшей сестры. Но и это была слишком короткая жизнь» если иметь в виду нашу эпоху, когда немало людей становятся долгожителями. Если древняя жизненная философия «несчастна судьба талантливого человека» представляет собой реальную истину человеческой жизни, то мы должны вышвырнуть на помойки эту, с позволения сказать, «философию» во имя множества талантов, таких, как Ким Гым Сун и Ким Рян Нам, которые живут на этом свете. Недавно второй сын Ким РянНама окончил Пхеньянский музыкально-хореографический институт, стал композитором. В этом институте учился и его отец. Этот сын сделал первые творческие шаги в художественной труппе Мансудэ. Теперь он поет те же революционные песни, которые пели его дедушка и бабушка, сестра отца и сам отец.

Таким образом, из поколения в поколение продолжается и совершенствуется наша революция, путь которой проложен ценой крови патриотов Родины. Гым Сун умерла, но ее несгибаемая воля, стойкий дух живут поныне в сердцах подрастающих поколений. Их, юных граждан страны, вдохновляет яркий образ жизнерадостной девочки, славная жизнь кото рой связанас долинами Мацуня и Яоингоу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первый поход в Северную Маньчжурию

Корейская Народно-революционная армия

Богатый и бедный

Через перевал Лаоелин

Звуки губных гармошек в Нинане

Пурга на перевале Тяньцяолин

Окрыленные любовью народа

Октябрь 1934 — февраль 1935

1. Корейская Народно-революционная армия

Там, где живет народ — есть государство; где есть государство, там существует войско. Это, можно сказать, элементарная политическая закономерность. Встречаются, однако, исключения — государства особой категории, такие, например, как Монако. А остальные почти все страны мира — крупные и малые, имеютсвои национальные армии для собственной обороны. В прошлом множество слабых и малых стран планеты, перепуганных первыми же залпами артиллерии колонизаторов, лишались всех своих суверенных прав и страдали под ярмом рабства на протяжении сотен лет. Есть ряд причин этих бед, но главная — в том, что не было в покоренных странах своих войск или же были слишком слабые армии.

То же самое было и с нашей Старой Кореей — ее армия не сумела защитить Отечество и потерпела поражение. Конечно, при подавлении бунтов и волнений в стране та армия свирепствовала и все крушила, а вот при нашествии чужеземных армад не могла даже как следует стрелять из пушек и после кратковременного сопротивления была поставлена на колени. Наша страна погибла не только из-за насквозь прогнившей государственной политики, но и вследствие истощения военного потенциала.

Чтобы воскресить погибшую страну, предтечи Кореи создали Армию независимости. Закономерно, что та нация, чья государственная власть узурпирована, создает вооруженные силы для восстановления утерянной власти.

Если националисты, организовав Армию независимости, много лет продолжали вооруженное сопротивление оккупантам, то коммунисты Кореи, создав партизанскую армию, нанесли

агрессорам — японским империалистам сокрушительные удары. Наш вооруженный отряд, обозначивший свои первые шаги Великого антияпонского похода созданием маленького, засекреченного партизанского отряда, вырос затем в каждом уезде Цзяньдао до размеров полка.

После того как умолкла зимой канонада вражеских карателей, мы остро ощутили необходимость переформирования Антияпонской народной партизанской армии в Народно-революционную армию. Предварительно были проведены серьезные консультации о намечаемых мерах с партизанскими командирами других районов. Речь шла об объединении партизанских полков всех уездов в единую армию. Эту актуальную, не терпящую дальнейшего отлагательства задачу поставила перед нами сложившаяся тогда ситуация и закономерная необходимость, возникшая при дальнейшем развитии АНПА.

Преобразование АНПА в КНРА было революционной мерой. Дальнейшие шаги призваны были бы обеспечить единое, более эффективное командование возросшими и окрепшими партизанскими отрядами, они позволили бы умножить боеспособность армии и со всей решительностью, инициативой противостоять крупным наступательным операциям японских империалистов.

Речь о революционной армии впервые прозвучала на совещании в Минюегоу. В то время мы обсудили вопрос о дальнейших перспективах АНПА и пришли к решению вначале организовать партизанский отряд в пределах батальона, а через определенное время, умножив его силы в качественном и количественном отношениях, использовать подходящий момент для переформирования всех партизанских сил в крупную революционную армию. Эта проблема, конечно, не была главной в повестке дня совещания. Однако вопрос, связанный с будущим создаваемой революционной армии, делегаты продолжали серьезно обсуждать как в кулуарах, так и в зале

заседания. Самыми горячими сторонниками создания крупной революционной армии были О Бин и Пак Хун.

С целью сопротивления оккупантам или марионеткам в колониальных и полуколониальных странах вооруженные силы создаются вначале, как правило, в качестве небольших формирований. Так, вначале появляется вооруженный отряд из нескольких человек, затем, опираясь на него, шаг за шагом расширяются силы, а, когда созревают необходимые условия, организуется армия путем объединения действующих отрядов.

Вначале отряд Фиделя Кастро, вернувшийся на Кубу с эмиграции из Мехико, состоял всего из 82 человек. Из них осталось в живых только 12 человек. Вот эти 12 бойцов, располагая 7 винтовками, ушли в горы Сьерра-Маэстра, где постепенно расширяли свою деятельность, умножали силы отряда и, наконец, вступив в Гавану, молниеносно свергли режим проамериканского диктатора Батисты.

Со второй половины 1933 года в Цзяньдао главным предметом дискуссий стал вопрос об объединении сил партизанских отрядов иустановлениидиной системы командования ими. Это было своего рода уроком, извлеченным из Мацуньской боевой операции по отражению зимних карательных операций противника, а также выводом, вытекающим из героических битв за оборону партизанской территории площадью в тысячи, а то и десятки тысяч квадратных километров.

При подведении итогов боевых операций речь шла о взаимодействиях рот и дальнейшем объединении отрядов. Самым страстным участником дискуссий был не командир 2-й роты, не командир 3-й роты, которые 90 дней сражались рука об руку с нами, от начала и до конца вели оборонительные бои на Территории Сяованцина, а, к моему удивлению, им стал Хан Хын Гвон, находившийся со своей ротой далеко от района боевых действий. Командир Хан Хын Гвон утверждал, что во время Мацуньской операции его рота получила задание

сковывать противника, когда вторгнется он в Восточную Маньчжурию через перевал Лаоелин. Однако роте ни разу не довелось вступить там в бой с врагом и, естественно, она ничего не смогла сделать в поддержку главных сил. Короче говоря, суть дела в том, что когда противник совершал налеты на опорную партизанскую базу, рота Хан Хын Гвона могла наносить удары по врагу с тыла, но она не только не сделала этого, но и не имела возможности предпринять подобные действия.

В то время мы, слушая его выступление, думали о многом. Речь Хана была самокритичной, но фактически у него не было никакого повода подвергаться критике. Он был замечательным командиром, который со всей ответственностью выполнил то задание, которое получил.

Так, почему же он бичевал себя как командира, лишенного чувства долга, революционности и проницательной прозорливости? Что он хотел подчеркнуть тогда при подведении итогов боевых действий? Когда Хан Хын Гвон критиковал себя за близорукость, я, со своей стороны, с позиций его начальника, руководителя, извлек для себя серьезный урок из Мацуньской операции. Напрашивался вывод: чтобы наладить взаимодействие рот в соответствии с непрерывным изменением боевой обстановки, должен быть координирующий их действия командно-штабной аппарат, а для этого необходимо установить единую систему управления. Требования командиров — унифицировать командно-штабной аппарат, указывали, в конце концов, на необходимость установить стройную войсковую систему путем слияния всех отрядов АНПА.

Когда шли оборонительные бои, преследовавшие задачу сорвать зимние карательные операции противника, партизанские отряды, разбросанные по разным районам, воевали самостоятельно без какой-либо поддержки, без взаимодействия с флангами.

Можно взять, к примеру, бой в уезде Хэлун. Известно, что налет противника на партизанскую базу Юйланцуня начался в

первые дни ноября 1933 года. Первая карательная операция, сдержанная мощными ударами партизан, слилась со второй трехдневной кампанией, которая началась только в конце ноября, Такой же была и вся картина боевых действий. Как показывают названные даты, вражеская операция в Юйланцуне примерно на полмесяца опередила атаку на Сяованцин. Если бы в сложившейся ситуации партизанские отряды других уездов, не вступавшие в бой, ударили бы по противнику с тыла, осуществляя принцип взаимодействия, то партизанскому отряду Юйланцуня легче было бы выстоять в боях. Почти такая же картина была и в уездах Яньцзи и Хуньчунь.

О чем говорит все это? Прежде всего о том, что должна быть единая система командования и соответствующий штабной аппарат, которые могли бы осуществлять централизованное управление партизанскими отрядами всех уездов и участков в условиях, когда противник в разные по времени периоды совершал налеты на партизанские районы. Только при их наличии можно было бы успешно координировать действия отрядов. Вот тогда-то и сработало бы на достижение успеха исключительно мощное оружие, имя которому — взаимодействие и взаимопомощь. Именно такой вывод подсказывал нам наш опыт хотя и с опозданием.

Однако подобные отношения действенного, активного сотрудничества не смогли сложиться между партизанскими отрядами, ибо к тому времени руководство ими осуществлялось через уезд и участок, где они располагались. Отсюда следовал вывод, что система командования партизанскими отрядами, практиковавшаяся в период зимних карательных операций противника, заключала в себе ограниченности, не соответствующие требованиям реальной действительности.

К тому времени направлять и координировать деятельность партизанских отрядов было поручено военным отделам парткомов различных ступеней. В первый период партизанского движения, когда в каждом уезде были только одна-две роты,

боевые действия совершались в небольших масштабах. Стало быть, оправдывала себя и такая система руководства вооруженными силами, при которой основной единицей были уезд и участок.

Однако росли ряды партизанских отрядов, да и численность войск карателей поднялась до нескольких тысяч и даже десятков тысяч штыков. В этих условиях нельзя было вести только бои местного значения. Вообще боевые операции совершаются не по воле какой-либо одной из воюющих сторон. Противник, непрерывно наращивая свои силы, навязывал нам бои, и мы вынуждены были принимать его вызов.

Враги, собирая отовсюду в единый Кулаковой вооруженные части—полки, бригады, дивизии, крупнымисилами атаковывали нас. Мы же, не объединив пока своих сил, не могли организовать взаимодействие на флангах. Поэтому вынуждены были разбросанно, располагаясь там и сям вущельях, вести перестрелки с противником. Так что же, и впредь такими способами будем воевать? При рейде в крупный город или уездный центр мы собирали бойцов с тех или иных уездов и сосредоточенными силами били противника. А почему же в оборонительных боях нам воевать только по уездам и партизанским участкам? Такие вопросы я задавал себе и до и после Мацуньской операции.

Короче говоря, партизанское движение потребовало нового механизма, соответствующего его содержанию и размеру. Нам нужны были радикальные меры для вовлечения в единую систему разбросанных по уездам и участкам вооруженных отрядов. Самый короткий путь к реализации этого требования — объединение отрядов АНПА, переформирование их в крупную революционную армию.

Такая же картина была представлена и в письме командира 4-й роты, находившейся в Яоингоу. Он по уважительным причинам не мог участвовать в совещании по подведению итогов Мацуньской операции, поэтому ему пришлось прислать

письмо в Мацунь, в котором изложены были итоги действий его роты. Письмо нам передал О Чжин У — ординарец того командира роты.

Подведя итоги боевых действий в Мацуне, я серьезно задумывался над вопросом слияния отрядов АНПА. По этой проблеме приходилось часто советоваться с Чу Чжином, Рян Сон Рёном и другими боевыми товарищами.

Однажды я был в доме Рян Сон Рёна, играл на гитаре.

Побудило меня взяться за музыкальный инструмент не какое-то веселье или душевный покой. В ту пору душу мою бередило, прямо скажу, какое-то необычное уныние. Хотя Мацуньская операция и закончилась победой, но все же партизанский район, образно говоря, стонал от душераздирающих мучений. Были похоронены уже многие те, кто с нами всегда делил горе и радость. Да и на пепелищах, где сгорели последние стропила домов, действительно нелегко было снова поднять все из руин и созидать новую жизнь.

Хотелось поговорить с Рян Сон Рёном о военных делах, и я пошел к нему в гости. Кстати, он тоже с унылым настроением встретил меня. Видел я, что бывшему комбату очень тяжело было переживать обвинения в причастности к «Минсэндану», арест, которому он был подвергнут. Хорошо еще, что мы взяли его на поруки, и он с величайшим трудом избежал участи оставаться за решеткой. Но он все-таки не мог работать в прежней должности. Он совершал рейсы между Сяованцином и Лоцзыгоу, добывая продовольствие. Теперь он стал совсем молчаливым человеком, потеряв свою жену и мать при вражеском погроме.

Когда я заговорил о создании крупной революционной армии, он тут же обрадовался, загорелся небывалым энтузиазмом.

— Дело, думаю, в том, в какой форме, какими методами объединить отряды, — сказал Рян Сон Рён.

Он не сказал мне ни «за», ни «против», но уже самой постановкой вопроса о форме и методах формирования армии выразил свою решительную поддержку. Больше всего беспокоил его вопрос: как воспримут эту идею шовинистически настроенные люди, с головой ушедшие в борьбу против «Минсэндана»?

Его беспокойство было вполне оправданным. И это хорошо показывает, чем мучились, над чем ломали тог да головы корейские коммунисты. В этом заключалась особенность их деятельности — им приходилось продуманно и безошибочно преодолеть все трудности.

Да, это были такие времена, когда доминировала так называемая «интернациональная линия», приверженцы которой навязывали другим свою волю и определяли все вопросы коммунистического движения и национально-освободительной борьбы по собственному эталону и пониманию, когда под громкой вывеской «классовых интересов» и «международной солидарности» яростно оплевывали национальные традиции истремления, приклеивая им ярлык «националистических перегибов». К тому же корейским коммунистам приходилосьсовершать революцию на чужой земле. И, естественно, коммунистам Кореи, право же, было нелегко проводить в жизнь собственную идею о создании самостоятельных вооруженных сил.

Проблему слияния отрядов АНПА и преобразования их в крупную революционную армию одобрил и Чу Чжин. Тогда я еще не успел закончить свои слова, как Чу Чжин — человек большой души, горячий по своему темпераменту, отчаянно жестикулируя, предложил объединить все отряды и воевать в крупных масштабах. Мне, собственно, очень понравилось именно его выражение «воевать в крупных масштабах». Такие великолепные слова можно было услышать только от Чу Чжина, этого, я бы сказал, настоящего мужчины, которого так оберегали и любили все корейцы Цзяньдао. «Если корейцы

объединят вооруженные силы и создадут собственную революционную армию, — сказал он, — то их, возможно, обвинят в «амбициях к расширению круга интересов Кореи». Но не следует напрягать нервы и обращать внимание на такую чепуху. Надо набирать скорость в осуществлении задуманного».

Нашу идею поддерживал еще и Тун Чанжун. Он сказал, что главными инициаторами создания АННА в Восточной Маньчжурии являются корейские коммунисты, абсолютное большинство состава этих вооруженных сил составляют корейцы, армия эта, хотя и создана на китайской земле, должна быть революционными вооруженными силами Кореи, призванными, в конечном счете, совершить корейскую революцию.

Подобная оценка Тун Чан жу на была совершенно справе дли-вой и прогрессивной в условиях того времени, когда само упоминание о корейской революции считали преступлением националистической окраски. Как справедливо отметил Тун Чанжун, корейские коммунисты в создании вооруженных сил выполняли роль первопроходцев, инициаторов и руководителей. Именно они сыграли ведущую, главенствующую роль в партийном строительстве в Маньчжурии. К ним относятся не только те, кто действовал в Восточной Маньчжурии, но и Ли Хон Гван и Ли Дон Гван в Южной Маньчжурии, а также Хо Хен Сик, Ким Чак, Ли Хак Ман, Чвэ Ён Гон в Северной Маньчжурии. Подавляющее большинство командного состава и бойцов вооруженных сил составляли тогда корейские коммунисты.

Тун Чанжун рекомендовал при создании армии определить подходящие формы и методы, направленные на укрепление солидарности с китайскими коммунистами, предусматривающие взаимную поддержку и дополнение. Такие меры, продолжал он, принесут пользу обеим сторонам — как корейской, так китайской.

Нашу инициативу об объединении отрядов АНПА и переформировании их в крупную революционную армию

активно поддерживал и посланец Коминтерна Пань, который считал этот курс правильным и соответствующим линии Коминтерна.

Все здравомыслящие люди — начиная от Рян Сон Рёна, возглавлявшего вместе Ванцинский батальон, и кончая Чу Чжином, ставшим впоследствии командиром 1-й отдельной дивизии Народно-революционной армии. Тун Чанжуном из Восточно-маньчжурского Особого комитета партии, посланцем Коминтерна Панем — пришли к полному единству мнений в понимании курса на слияние отрядов АНПА и переформирование их в крупную революционную армию. И по вопросам выбора названия будущих объединенных переформированных вооруженных сил и определения их характера они, в общем-то говоря, стали на одну с нами точку зрения.

В марте 1934 года мы официально наметили курс на преобразование АНПА в Корейскую Народно-революционную армию. Эта мера соответствовала как целям нашей борьбы, так и характеру политических сил, борющихся за осуществление этих наших целей.

Вначале АНПА называлась в ряде районов Восточной Маньчжурии Рабоче-крестьянским партизанским отрядом. При определении характера вооруженного отряда это название односторонне подчеркивало классовую сторону. Оно не соответствовало характеру корейской революции, первоочередной задачей которой было не социальное, а национальное освобождение и достижение независимости страны. Оно не соответствовало также характеру революции на Северо-Востоке Китая, проводимой китайскими коммунистами.

В качестве подготовки к переформированию АНПА в КНРА корейские коммунисты в Восточной Маньчжурии совместно с коммунистами Китая начали преобразовывать партизанский батальон каждого уезда в полк. Итак, в Цзяньдао партизанские

вооруженные силы насчитывали в общей численности пять полков.

Каждый полк имел соответствующие органы: политотдел, штаб и интендантскую службу. Первый призван был осуществлять партийное руководство партизанскими отрядами, второй — ведать оперативными делами, разведкой и связью, третий — заниматься обеспечением обмундированием, продовольствием и медицинским обслуживанием.

Ванцинский полк стал первоосновой полковых формирований вооруженных сил в Восточной Маньчжурии, первым из всех детищ первого этапа подготовки к перестройке АНПА в КНРА.

Задачей второй стадии подготовительной работы было построение дивизионной системы. Необходимость создания дивизии мы крайне остро ощущали в ходе боевых операций в Мацуне. Сопротивляться силами двух рот пятитысячным крупным полчищам — такого не было в мировой истории войн. Мы, конечно, небольшими отрядами могли дезорганизовать тылы противника, преодолевая трудности в партизанских районах. Но нас, честное слово, не покидала неотступная мысль; как было бы хорошо, если бы мы имели вооруженные силы на уровне дивизии, не говоря уж о корпусе! В каком приподнятом настроении мы бы оказались, если бы у нас имелись многотысячные формирования, которые бы крупными отрядами вели бой при поддержке артиллерии!

Организация дивизии стала величайшей задачей, не терпящей дальнейшего отлагательства. Да это и было понятно — каждый из уездов уже имел полк и его боевые силы росли убыстренными темпами.

Наша задача была такова: первым делом создать в системе КНРА две дивизии и один отдельный полк, а затем после закрепления достигнутых успехов создать еще несколько дивизий. Поставив перед собой такую задачу, мы решили

создать одну дивизию из полков Яньцзи и Хэлуна, другую—в основном из полков Хуньчуня и Ванцина.

Переформирование АНПА в КНРА сопровождалось рождением нового руководящего партийного органа — Партийного комитета КНРА. Ему отводилось большое предназначение — направлять не только парторганизации вооруженных сил, но и местные. И это понятно, ибо без вооруженной гарантии местным партийным организациям трудно было защищать и сохранять самих себя. До этого, как известно, местные партийные органы руководили также и парторганизациями в вооруженных отрядах.

Перестройка АНПА в КНРА прошла в сжатый срок — с марта по май 1934 года. Узнав о переформировании армии, жители партизанских районов, как бы соревнуясь, не жалели ничего для оказания помощи армии и повсеместно готовили торжественные мероприятия.

Ванцинские женщины, например, подарили нам сшитое ими самими почетное знамя, комсомольцы организовали в нашу честь выступления художественной самодеятельности юных артистов, а также различные спортивные игры. На Саньдаованьском партизанском районе Яньцзи прошли крупный митинг и демонстрация с участием более чем 1000 человек. В них участвовали также представители населения района, контролируемого противником.

В образовании КНРА народ ясно видел будущее возрождения Родины, подтверждал свою решимость идти в едином строю с армией на антияпонскую революционную войну.

Переформирование АНПА в КНРА дало нам широкую возможность значительно расширить зоны своих свободных действий и активизировать операции, проводимые крупными отрядами. Если бы мы не занимались перестройкой армии или не создали своевременно крупных вооруженных формирований — таких, как полк и дивизия, то не смогли бы высоко поднять пылающий факел борьбы над Почхонбо,

рассеивая тьму над небом обреченной Родины, не смогли бы испытать несказанную радость от непрерывных боевых побед, которые загоняли отборные части врага в пропасть гибели в Фусуне, Цзяньсаньфэне, Хунтоушане, Лиминшуе, Тэхондане, Хунцихэ, во многих других районах Кореи и Маньчжурии. И, естественно, не смогли бы мы сорвать пресловутые операции по окружению и разгрому партизанских участков, которые совершались противником вскоре после зимней карательной операции.

Перестройкой АНПА в КНРА мы ярко продемонстрировали на весь мир твердую волю корейской нации непременно добиться возрождения Родины путем вооруженного сопротивления.

КНРА действовала в ряде случаев под именем Северо-Восточной Народно-революционной армии. Само слово «Северо-Восток», по нашему пониманию, не означало названия какого-то одного государства. Оно вошло в лексикон как географическое понятие.

Другими словами, созданная нами Народно-революционная армия действовала не как «Маньчжурская Народно-революционная армия» или «Китайская Народно-революционная армия», а именно как «Северо-Восточная Народно-революционная армия», кроме своего собственного названия. Такая обстановка удовлетворяла интересы китайских товарищей, боевой целью которых было сопротивление режиму государства Маньчжоу-Го и Японии. Следовательно, Северо-Восточная Народно-революционная армия выполняла свое предназначение именно как Корейская Народно-революционная армия и в то же время как революционные вооруженные силы, содействующие сопротивлению китайских коммунистов Маньчжоу-Го и Японии.

КНРА выросла как самые могучие вооруженные силы в районах Цзяньдао и Дунбяньдао, на всей территории Корейского полуострова, главным образом, в районах гор Пэкту.

Принципиальная позиция и последовательная политическая взвешенность корейских коммунистов, показанные ими в процессе слияния и переформирования отрядов АННА в Народно-революционную армию, значительно способствовали впоследствии развитию общей борьбы народов Кореи и Китая, в частности, вооруженной борьбы против японского империализма на Северо-Востоке Китая. Если бы мы в то время, без учета сложившейся субъективной и объективной ситуации, настаивали только на той или иной форме и названии, соответствующих во всем самобытной линии корейской революции, то корейские коммунисты не смогли бы эффективно развертывать антияпонскую вооруженную борьбу при активной поддержке и помощи со стороны китайского народа.

И впоследствии, когда создалась Объединенная Северо-Восточная антияпонская армия, мы действовалисоответственно характеру объединенных антияпонских войск Кореи и Китая. Так, когда мы воевали на Северо-востоке Китая, называли себя Объединенной Северо-Восточной антияпонской армией, а в районах Китая, заселенных корейцами, и на территории самой Кореи называли себя по-другому — Корейской Народно-революционной армией, с учетом сложившейся ситуации. Таким образом, где бы мы ни находились— всегда могли действовать и воевать в обстановке любви и поддержки со стороны народов двух стран — Кореи и Китая.

Мы придавали исключительное значение существенному содержанию движения, нежели какой-то его форме. Даже если расценивать этот принцип с точки зрения современности, то он выглядит вполне достойно и славно. Именно такие принципиальные взгляды и широкий подход к делу позволили нам неизменно оставаться верными своему основному долгу как интернационалистов и вместе с тем без малейшего ущерба сохранять национальный характер и самостоятельность своей борьбы. Благодаря этому мы могли пользоваться глубоким

уважением и поддержкой со стороны китайских товарищей и Коминтерна.

Печать того времени называла Народно-революционную армию в Цзяньдао не Северо-Восточной, а Корейской. «Журнал Востока», изданный в 1935 году в Шанхае издательством Шанву, в своей статье о партизанской борьбе на Северо-Востоке писал, что в Цзяньдао действует трехтысячная Корейская Народно-революционная армия. Этот факт точно так же был изложен на страницах книги «Память антияпонским борцам Северо-Востока», выпущенной издательством «Спасение отечества» во Франции в Париже.

Позже, после формирования Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, часть КНРА называлась 2-м корпусом. И этому были определенные основания. КНРА носила характер международной организации единого антияпонского фронта корейского и китайского народов. Да и корейские бойцы 2-го корпуса выполняли самостоятельные боевые задачи во имя достижения независимости Кореи и в то же время под знаменем интернационализма оказывали помощь освободительному движению китайской нации.

Когда в Цзяньдао была организована КНР А, которая начала умножать свои боевые успехи, больше всего она страшила японских империалистических агрессоров. Они сразу же начали отчаянно шуметь об опасности, исходящей от самого ее существования. Под какими бы названиями ни действовали наши антияпонские вооруженные силы в Восточной и Южной Маньчжурии, оккупанты в большинстве случаев называли их «армией Ким Ир Сена».

После переформирования АНПА в КНРА отряды Антияпонской добровольческой армии в Цзяньдао под руководством Кун Сяньюна, Чай Шижуна, Ши Чжунхэна и Ли Саньси, в целях успешного проведения антияпонской совместной борьбы, объединились с КНРА, действовавшей под названием «2-й корпус». Это соединение называлось, кроме того,

«Северо-Восточной корейско-китайской народно-революционной армией». Подобный процесс преобразований в первой половине 30-х годов на территории Восточной Маньчжурии фактически означал прочное объединение антияпонских вооруженных сил Кореи и Китая.

В своей статье Чжоу Баочжун писал: «2-й корпус Объединенных антияпонских войск одновременно была «Корейской Народно-революционной армией»... В ходе антияпонской партизанской войны народы Китая и Кореи навечно спаяны алой кровью во имя общего дела». Таким образом автор статьи, признав реально существующую КНРА, дал высокую оценку коалиции антияпонских вооруженных сил Кореи и Китая, исторически существовавшей в годы совместной борьбы.

В этом смысле показательно, пожалуй, то, что японцы изображали партизан, действовавших в Маньчжурии, особенно в Цзяньдао, «партизанами чисто корейской крови».

По материалам, обнаруженным нашими товарищами, известный советский специалист по вопросам Китая и Кореи В. Раппопорт в 1937 году опубликовал в советском международном политическом журнале «Тихий океан» статью «Партизанское движение в районах Северной Кореи», в которой, в частности, говорилось: «...Большая часть корейских партизан объединена, имеет свой центр и называется Народно-революционной армией». «Существование связи и установление контакта между партизанскими отрядами Кореи и Маньчжурии больше всего беспокоит японскую военщину. Поэтому именно сюда, на пограничные районы, и направлено все внимание японцев».

Преобразование АНПА в Народно-революционную армию не означало простую замену наименования или чисто техническое ее переформирование. Оно ознаменовало собой новую стадию строительства вооруженных сил: подведены были итоги прошедших боевых действий АНПА, усовершенствована

система командования партизанской армией, укреплены ее ряды в количественном и качественном отношениях в направлении обобщения боевого опыта и умножения достигнутых успехов.

После переформирования АНПА в КНРАмы активизировали свои военные действия с целью срыва вражеских операций по окружению и уничтожению партизанских участков. Свои карательные операции зимнего периода противник без лишней скромности именовал «после дней схваткой» с цельюокончатель-ного истребления партизан. Потерпев позорное поражение, верховное руководство Квантунской армии и милитаристский эшелон Токио подняли шумиху в целях выяснения причин и поиска виновных за поражение. Наконец, с весны 1934го да, пересмотрев прежнюю тактику «выжженной земли», японцы начали претворять в жизнь новый, еще более коварный план карательных операций — так называемую «осадно-наступательную операцию». Эта пресловутая операция была направлена на окончательное уничтожение партизанских участков. С этой целью сочетались военное окружение и атаки, политические репрессии, экономическая блокада. Эту японскую «новинку» мы квалифицировали как копию чанкайшистской политики блокирования, применившейся при нападении на советские районы Китая.

Если подобная политика Чан Кайши была нацелена на то, чтобы «сотворить нечеловеческий мир — мир политического страха и экономического кризиса» и таким образом лишить коммунистическую армию возможности одеваться и питаться, то цель самурайской операции на окру жение и нападение состояла в том, чтобы заморить голодом и холодом, расстреливать и сжигать всех жителей и бойцов партизанских районов. Для этой операции японцы попытались создать «коллективные поселения», цель которых состояла в том, чтобы оторвать армию от народа и ввести средневековую систему круговой поруки, такую, как привлечение десяти дворов к

ответственности за участие одного из них в «преступлении», взаимонаблюдение пяти дворов, что должно было способствовать, по замыслу карателей, обнаружению и ликвидации всех сил сопротивления.

Политика блокады и осадно-наступательная операция были сходны друг с другом и с точки зрения применяемой тактики. Чанкайшистская тактика брала свои истоки из «политики мягкой слежки, мягкого удара и сооружения бастиона». Это значит после окружения «противника», не прибегать спешно к его преследованию, не вторгаться глубоко в его зону, а если при этом удастся захватить какой-то пункт, неторопливо закрепить взятый рубеж с тем, чтобы после этого больше не отдать его, и переходить в атаку на другие пункты.

Такой тактике уподоблялась тактика японцев «захвата шаг за шагом». Насчет этой тактической доктрины мои товарищи в шутку говорили: «Видишь, какая жалкая судьба постигла японцев! Теперь им суждено даже искать себе подмогу у Чан Кайши!» Это, право же, не было просто шуткой.

Проводя подготовку к осуществлению осадно-наступательной операции, противник с весны 1934 года больше сосредоточивал вокруг партизанских районов отборных частей Кван-тунской армии, перебрасывал сюда оккупационные войска из Кореи, приступил к подкреплению частей марионеточной армии Маньчжоу-Го.

Враги постоянно расширяли масштабы подобной операции. Складывалась довольно серьезная ситуация. Учитывая сложившиеся условия, мы предприняли новые шаги: частям КНРА предписано было, с одной стороны, не ослаблять внимания к обороне партизанских участков и крупными боевыми операциями непрерывно наносить удары по военно-политическим пунктам в тылу противника с целью заранее сорвать его замысел, а с другой — расширять партизанскую зону в более благоприятных местностях.

Предпринятые меры позволили нам захватить инициативу в сложившейся трудной ситуации, закрепить завоеванные ценой крови победы и непрерывно сохранять приподнятый революционный порыв народа.

Отряды КНРА перешли к началу наступления весеннего периода. Они, действуя в районе Ванцина, совершали налеты на главные пункты дислокации войск противника и на населенные пункты, где строились «коллективные поселения», — в Сяобай-цаогоу, Дадучуань, Шитоухэцзы, Чжуаньцзяолоу и другие места. Наши товарищи из Хуньчуня, Яньцзи и Хэлуна тоже внезапно совершали налеты на стройки «коллективных поселений» и срывали оперативные замыслы противника проводить осадно-наступательную операцию с ее самого начала.

Нужно было закрепить боевые успехи весеннего наступления и, твердо взяв в руки инициативу, окончательно сорвать операции противника, нацеленные на окружение партизанской зоны и ее уничтожение. Для этого мы немедленно начали свое летнее наступление, главной целью которого было расширение партизанской зоны на северо-запад уезда Аньту и на северо-восток уезда Ванцин. Если бы мы цеплялись только за оборону нескольких партизанских участков, когда противник норовил произвести осадно-наступательную операцию, то это бы соответствовало его коварным замыслам и полило бы воду на мельницу врага.

Задание расширять зону партизанских действий на северо-запад уезда Аньту было поручено 1-й дивизии и отдельному полку Народно-революционной армии, а задание по расширению ее на северо-восток уезда Ванцин получила 2-я дивизия. Если район партизанских действий, связывающий Дадяньцзы и Фуэрхэ, стал жизненной артерией уезда Аньту, то зона Лоцзы-гоу — Лаомучжухэ — Тайпингоу — Саньдаохэцзы была жизненно важным участком уездов Хуньчунь и Ванцин. Все эти местности были идеальными районами, подходящими для партизанских действий. Ведь там высились горные

перевалы Муданьлин и Лаоелин. С прежних времен, еще с периода движения за независимость, эта зона интересовала известных военачальников Хон Бом До, Чвэ Мен Рока, Ли Дон Хви и Хван Бен Гира.

Мы поручили командиру 1-й дивизии Чу Чжину и командиру отдельного полка Юн Чхан Бому задание — первым делом атаковать зону Дадяньцзы — Фуэрхэ и приковать к себе внимание противника. А затем нужно было нам выступить в направлении Лоцзыгоу. Таков был наш оперативный план.

Когда Квантунская армия сосредоточила свое внимание на районе Дадяньцзы уезда Аньту, мы совместно с частью бойцов 4-го и 5-го полков 2-й дивизии Народно-революционной армии ис китайскими антияпонскими отрядами вышли в направлении Лоцзыгоу и заняли Саньдаохэцзы и Сыдаохэцзы. В Саньдаохэцзы прошло совместное собрание с участием бойцов КНРА и более чем 1500 бойцов китайских антияпонских отрядов. Оно вылилось в своего рода агитационную кампанию с целью достижения победы во время рейда в Лоцзыгоу. В этой боевой операции приняли участие и китайские антияпонские отряды под командованием Кун Сяньюна, Ши Чжунхэна и Ли Саньси.

Городок Лоцзыгоу был военным опорным пунктом противника, связанным с Байцаогоу уезда Ванцин ис уездным центром Дуннин. В нем размещалисьсотнисолдатмарионеточной армии Маньчжоу-Го. Ими командовал комбат Вэнь Чанжэнь. Раньше Лоцзыгоу был малонаселенной местностью, где находилось около 500 дворов. А после событий 18 сентября городок быстро вырос и превратился в военный опорный пункт противника. С весны 1932 года он стал главной базой Цзяньдаоского временного экспедиционного отряда. После ухода названной экспедиции японская военщина постоянно держала там силы численностью более чем в один усиленный батальон и намеревалась использовать его как своего рода рычаг в своей осадно-наступательной операции.

Нам нужно было превентивным ударом взять район Лоцзыгоу. Это стало бы главным звеном в цепи боевых действий: была бы пробита брешь в системе осадно-наступательных операций противника, а это в свою очередь создало бы благоприятные условия для расширения новой партизанской зоны.

В Саньдаохэцзы, в доме старика Ли Тхэ Гена, мы проводили оперативное заседание с командирами китайских антияпонских отрядов по вопросам рейда в Лоцзыгоу. За плечами Ли Тхэ Гена — служба в Армии справедливости и в Армии независимости Кореи. Старик был насквозь пропитан чувством патриотизма. Одно время он был вместе с Чвэ Чжа Иком управляющим делами в Северной военной управе.

Со Ир назначил его, простого солдата, управляющим делами потому, что был поражен его искусством меткой стрельбы и каллиграфическим почерком. Когда Со Ир проповедовал религию Тэчжонгё, восхваляющую Тангуна, Ли Тхэ Ген вступил в его секту и стал фанатически верующим человеком. А когда Ким Чва Чжин призывал бороться с коммунизмом, Ли примкнул к нему и за это получил от него подарок — револьвер.

В канун японского погрома в Цзяньдао, при уходе Ким Чва Чжина в Северную Маньчжурию, старик ушел в Мишань вслед за своими хозяевами. Однако, после того как Ким Чва Чжин исчез бесследно в глубине лесов Даомугоу в уезде Яньцзи, он со своими коллегами обосновался в Сыдаохэцзы. Зарыв винтовку в землю, он занялся земледелием.

Из впечатлений о старике Ли Тхэ Гене и поныне сохраняется в моей памяти то, что в его доме я развернул перед комсоставом китайского антияпонского отряда карту-схему городка Лоцзыгоу, чтобы объяснить всем о наших оперативных намерениях. Но вдруг старик Ли положил какой-то камень на краешек развернутой карты у оконной рамы, чтобы бумагу не унесло ветром. В семье старика называли тот камень «камушком-счастьем». Кстати, камень был такой причудливо-гладкий, словно скорлупа куриного яйца. По словам старика, в

его бытность управляющим делами в Северной военной управе в Шилипине его друг перед своей смертью передал ему этот волшебный камень, а также оставил завет: «Храни камень долго — тебе выпадет счастье».

Этот «камушек-счастье» сейчас хранится на одном из стендов Музея корейской революции. В последние минуты своей жизни старик Ли Тхэ Ген оставил его своему сыну в наследство, как семейную реликвию. «Знаешь, этот камушек держал в руках Полководец Ким Ир Сен, когда разворачивал оперативную карту. Значит, храни его свято и бережно», — завещал старик.

В 1959 году, когда на Северо-Востоке Китая побывала группа корейских экскурсантов по местам боевой славы, связанным с антияпонской вооруженной борьбой, сын старика передал тот самый заветный камень группе.

Старику Ли Тхэ Гену не нравился коммунизм, но он ничего не жалел для оказания нам помощи. С ним я впервые познакомилсялетом 1933года. Встреча состоялась по рекомендации Чвэ Чжон Хва—председателя Антияпонского общества в Лоцзыгоу. В то время я поезжал в Саньдаохэцзы верхом на белом коне и проводил там массово-политическую работу. В те дни там создалось Антияпонское общество, к которому был привлечен Ли Тхэ Ген — самый старейший в селе. Став членом общества, старик прекрасно воспитывал односельчан. Все жители охотно прислушивались к каждому слову старейшины — первого влиятельного лица поселка.

Кстати, если оказывались в селе один-два бывших бойца Армии справедливости или Армии независимости, то деревня очень легко превращалась в оплот революции. Встречались, конечно, такие бывшие бойцы Армии независимости, как Ли Тхэ Ген, который, зарыв оружие в землю, отказался от дальнейшей борьбы. Но и эти люди почти все свято хранили чувство патриотизма. Они сыграли роль зачинщиков в оказании нам помощи. Ходили по домам и предлагали помогать бойцам

революционной армии, тем, кто, по их выражению, переживает муки в горах. На их призывы каждый отвечал: «Еще бы, обязательно надо помочь!» А если старый солдат спрашивал: «Что же надо делать? Ведь у нас деревне гостит революционная армия», в ответ звучало: «Приготовить надо паровые хлебцы» или «Надо резать корову».

Не отрицаю, конечно, что среди выходцев из Армии независимости порой встречались изменники. Но их были буквально единицы. Подавляющее же большинство прожило остаток своей жизни на совесть. Итак, в какую бы деревню я ни пошел — не упускал из виду работу с влиятельными лицами из бывшей Армии независимости. Вот имена этих пожилых людей, например, в Шисяне—О ТхэХи, в Сидапо—Чвэ Чжа Ик, в Мацуне— Ли Чхи Бэк, в Дунжицуне—Ким Дон Сун, в Саньдаохэцзы—Ли Тхэ Ген и так далее. Окажись я в любой деревне, — сначала здоровался с ними. Лежа со стариками в комнатушке и подложив под голову деревянный валик вместо подушки, мы вели речь о текущей политической обстановке.

После освобождения Кореи некоторые работники чурались зыходцев из Армии независимости: у них, мол, идеи иного оттенка. Время было такое, что на всех, кто не привержен к коммунистическим идеям, смотрели через призму предвзятости. Некоторые узколобые деятели, — конечно, это бывало редко, — при кадровой работе отстраняли их от активных дел. Но это было, так сказать, подобно тому, когда обливают грязью нашу неизменную политику по вопросам единого фронта. Каждый раз, когда я сталкивался с подобными перекосами, говорил: «Отстранять от себя выходцев из Армии независимости за то, что они когда-то исповедовали иные идейные взгляды, — весьма неблагодарное дело. Они, конечно же, не были коммунистами. В этом, может быть, их ограниченность. Но это не грех. А вы что, хотели бы сделать даже Чхун Хян и Ли-дорёна[9] коммунистами? Власть-то теперь в руках коммунистов. Но негоже им не признавать старшее поколение патриотов.

Каждому периоду, как правило, соответствует свое идеологическое течение. Так, зачем же вам отвергать, остерегаться и отстранять от себя этих людей? Когда другие блаженствовали в тепло отапливаемых комнатах вместе со своей семьей, с женами и детьми, когда они питались горячей пищей, то в это время те же самые бойцы Армии независимости с риском для жизни воевали за независимость Кореи. Скажите — разве в этом есть какая-либо их вина? Лучшие патриоты, думаю, не те, кто в своем доме спокойно жил, зарабатывая себе на пропитание, а именно люди с винтовками в руках — бойцы Армии справедливости и Армия независимости. Помните: отвергнем Армию независимости — утратим народное доверие».

Таков был у нас подход к делу. И когда было создано в Мангендэ училище для детей павших революционеров, мы принимали в него и детей павших бойцов Армии независимости. Когда нашлись деятели, причастные к этой армии и активно поддерживающие налгу линию на строительство новой Кореи, мы направляли их и на руководящую работу соответственно их способностям. В их числе были, например, Кан Чжин Гон[10], бывший первый председатель ЦК Крестьянского союза, а также Ли Ён[11] — первый министр коммунального хозяйства Кабинета Министров КНДР.

Закончив оперативное заседание, мы вели подготовку к предстоящему бою. В тот самый момент до КП долетело донесение нашей разведки: враг уже вышел за ворота городка, чтобы первым нанести нам удар. Мы, заняв заблаговременно выгодные рубежи, уничтожили главные силы противника. После этого мы продолжали погоню за убегающими врагами и начали атаку городка. Соединению пришлось вести тяжелый бой под проливным дождем.

Самым большим «рифом» в бою под Лоцзыгоу оказался, как при рейде в уездный центр Дуннин, Сишаньский форт. Благодаря отчаянному сопротивлению вражеских солдат форта, битва затянулась на трое суток. На третий день боя, когда мы в

штабе китайского антияпонского отряда проводили совещание, прилетел со стороны форта снаряд миномета. От его взрыва ранило Чжоу Баочжуна и нескольких других командиров антияпонского отряда. Ранения были разные — тяжелые и легкие. Чжоу Баочжун принял участие в бою как начштаба отряда Кун Сяньюна. После ранения командиров снизился боевой дух солдат некоторых антияпонских отрядов, и они начали беспорядочное отступление от Лоцзыгоу.

Не сумеем остановить уходящих с поля боя солдат — наверняка потерпим поражение в бою. Взять Сишаньский форт стало решающим звеном в цепи битвы в Лоцзыгоу, От этого зависела теперь наша победа. На бастионах форта заработали миномет, а также несколько пулеметов — станковых и ручных.

Огнем с форта смертельно ранило комроты Хан Хын Гвона — у него был распорот живот, Чо Валь Нам также потерял боеспособность. Хан Хын Гвон был так страшно ранен, что сам просил друзей пристрелить его.

Бойцы Народно-революционной армии от злобы скрежетали зубами, но не смели приблизиться к форту и залегли на земле. Я громко крикнул остановившимся бойцам: «Товарищи! Любой ценой возьмем Сишаньский форт! Пойдем на штурм и будем сражаться до последней капли крови во имя революции!»

Стреляя на бегу из маузера, я ринулся вперед в атаку. С форта косили пулеметные очереди, свистели пули мимо ушей. Зловещая пуля продырявила мою фуражку. Но я без передышки бежал вперед. Бойцы тут же вскочили с земли и бросились вперед вслед за мной.

Так называемый «неприступный» Сишаньский форт был взят всего лишь за 30 минут. Теперь над ним ярко заалел красный флаг.

Солдаты китайского антияпонского отряда, окрыленные развевающимся флагом, также начали генеральную атаку. От отступления — к наступлению! На них заметно подействовал самоотверженный поступок Чжоу Баочжуна и других китайских

коммунистов. Чжоу Баочжун, тяжело раненный в бою, широко расставив руки, преграждал путь отступающим солдатам. При этом он громко кричал: «Смотрите, солдаты, над Сишаньским фортом — красный флаг!» Увидев его, солдаты антияпонского отряда поворачивали обратно и продолжали наступать на врага с громкими возгласами. Бой завершился нашей победой.

Комбат Вэнь и японский инспектор, оборонявшие Лоцзыгоу, послали командующему Квантунской армии последнюю телеграмму, где говорилось: «Мы обречены на гибель, окружены и подвергнуты атаке войсками Ким Ир Сена. В его соединении 2000 бандитов! Атакуют уже шестой день». «Патроны на исходе, наша судьба обречена, — признавались они. — Но мы гордимся тем, что приложили все усилия во имя государства, во имя строительства Маньчжоу-Го. Прошу прощения, командующий».

Наша победа в Лоцзыгоу и Дадяньцзы была самым крупным из первых боевых успехов КНРА в антияпонской войне. Рейд КНРА в Лоцзыгоу нанес ощутимый урон противнику, пытавшемуся совершить осадно-наступательные операции, вверг его в пучину смертельного страха. После боя карательные отряды врага, шнырявшие в окрестностях партизанских районов, — и крупные и малые — не находили себе покоя и дрожали от страха.

Бой в Лоцзыгоу нанес чувствительный удар по врагам на северо-востоке Ванцинского партизанского района, создал благоприятные условия для расширения партизанской зоны, внес большой вклад в дальнейшее укрепление объединенного фронта с китайскими антияпонскими отрядами. И после этой битвы мы динамично развертывали военно-политическую деятельность для срыва оперативного замысла противника, нацеленного на организацию осадно-наступательных операций. Позже, после роспуска партизанских районов многочисленные революционные массы Восточной Маньчжурии навсегда обосновались и пустили свои глубокие корни в районах Аньту и

Лоцзыгоу. И это стало возможным лишь благодаря тому, что мы уже давно активизировали здесь свою военно-политическую деятельность и превратили эту зону в невидимую революционную базу.

Во время летнего наступления 1934 года было пролито немало крови бойцами нашей революционной армии. Настраницах победной летописи о бое в Дадяньцзы оставлены следы алой крови доверенного партизанского командира, выходца из среды рабочего класса Чха Рён Дока — одного из организаторов Хэлунского партизанского отряда и полкового комиссара. Он первым погиб среди комиссаров после формирования КНРА.

2. Богатый и бедный

Опорная партизанская база, несомненно, была для нас и домом и колыбелью. Но я был, правда, не только на этой базе.

Если бы войска постоянно оставались сидеть в четырех стенах казармы — они бы неизбежно погибли. Таков закон тактики. Сидеть на шее у населения, питаться за его счет и прогуливаться по ущельям Сяованцина — это нам было не по нутру. Нас раздражали и возмущали поступки леваков и национал-шовинистов, которые безжалостно убивали своих же, ни в чем не повинных товарищей, обвинив их в причастности к «Мин-сэндану».

Когда позволяло время, мы вместе с бойцами проводили операции в районе, контролируемом врагом. Чаще всего стали практиковать такие вылазки после создания полупартизанских участков.

Такие рейды наших бойцов в тот район приветствовали и сами жители. Они хорошо знали: побываешь там — обязательно раздобудешь и рис, и ткани. С каким бы усердием враг ни предпринимал меры для дискредитации коммунистов, все его усилия, все затеи шли прахом, как только мы приходили туда и останавливались хотя бы на одну ночь. Народ переставал верить слухам, распространяемым противником. Сильно возрос интерес населения к облику коммуниста, служившего олицетворением нашей морали и норм приличия

«Вкусив» жизни в районе, контролируемом врагом, все бойцы готовы были идти со мной в самое пекло.

Моими неизменными спутниками были бойцы 5-й роты. Брать с собой слишком большую группу нельзя — трудновато приходилось с продовольствием, да и следы заметать за собой было не так-то просто. Поэтому я брал с собой отряд из 50 — 60

человек. Когда требовалось больше людей, я вызывал дополнительно еще и 1-ю роту. Больше всего мы бывали в зоне, контролируемой врагом. Поэтому Чвэ Чхун Гуку, ответственному за 2-ю роту, и Чан Рён Сану из 3-й роты приходилось брать на себя немало хлопот по защите Ванциыа. За оборону Яоингоу отвечала 4-я рота.

В Ванцине среди всех наших подразделений 5-я рота считалась отборной, самой прославленной в боях. Сказывалась прежде всего высокая выучка. Отдано распоряжение шагать с интервалом в три шага — так и шагали, дышать без шума — так и дышали. Особо больших боев почти не было, шли только стычкис теми, кого нам было подсилу разгромить. В мгновение ока наносили удар и молнией исчезли, преодолев за ночь от 8 до 20 километров. Наши действия в тылу врага не позволяли ему сосредоточивать свои силы для проведения карательных операций против партизанских баз.

После освобождения Кореи некоторые работники из аппарата партийной пропаганды совсем упускали из виду боевой опыт корейских коммунистов в тылу врага, накопленный ими в годы антияпонской войны. Зато на все лады восхваляли традиции и опыт другой страны. Насаждаемая ими болезнь «низкопоклонства» была столь пагубна, что после освобождения страны в разговорах людей чаще всего можно было слышать о Сталинградской битве, о танковых схватках на Курской дуге. Но совсем ничего не знали о том, что в истории нашей антияпонской войны были такие ожесточенные сражения, как оборона Сяованцина. Было даже время, когда героя КНДР Ли Су Бока[12] называли не иначе, как «корейский Матросов». Даже в годы Отечественной освободительной войны нашим людям внушалось, что именно советский герой Александр Матросов первым в мире закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Никому и в голову не приходило, что среди плеяды наших борцов за освобождение Родины — ветеранов антияпонской

войны был партизан Ким Чжин, который раньше Матросова своей грудью закрыл амбразуру вражеского дзота.

Если бы мы после освобождения страны уделяли должное внимание воспитанию трудящихся на революционных традициях, то в дни нашего отступления не погибло бы столь много людей. Многие из них остались бы в живых. Ведь казалось бы все очень просто: организуй небольшой отряд из 5—6 или из 15—20 человек, бери с собой топор на поясе и один-два маля (примерно 18 килограммов—ред.) риса за спиной и, перемещаясь от одной горы к другой, из ущелья в ущелье, открывай стрельбу в тылу врага там и тут, расклеивай несколько листовок, уходи глубоко в горы. Таким образом нашилюди вполне могли бы продержаться месяц-два. А мы не сумели заранее интенсивно провести такое воспитание, в результате впоследствии несли потери, которых могли бы избежать...

Большая часть моей деятельности в районах, контролируемых врагом, проводилась в поселках, прилегающих к бассейну реки Туман. В каком-то году, точно не помню, я проезжал поездом вдоль бассейна реки Туман и смотрел на противоположную сторону — промелькнули перед моим взором знакомые, казалось бы, совсем не изменившиеся с тех пор горы и долины...

Пословица гласит: «Под лампой всегда темно». В самом деле нам всегда неплохо было действовать под самым носом у врага. Однажды наш отряд расположился даже на сопке за Тумынем. Там все мы ходили в штатской одежде. Выставив часовых на трех вершинах гор—на каждой по одному человеку, жили в лесу довольно привольно и спокойно: спали, читали книги. А враг даже не помышлял, что совсем рядом находятся партизаны.

В летние периоды 1933 и 1934 годов мы продвинулись в районы Тумыня и Ляншуйцюаньцзы в бассейне реки Туман, чтобы начать действовать в районах расположения противника. Тогда я, возвратясь в Ванцин после переговоров с У Ичэном, вел

массово-политическую работу в окрестности Ляншуйцюаньцзы. Решил я выбрать подходящее место для ставки командования ис этой целью не только направил своих бойцов в Тумынь, но и сам побеседовал с коренными жителями той местности. Их мнения сошлись в основном в трех пунктах: Сундуншань, Бэйгаолилин, Цаомаодинцзы. Жители считали их идеальными местами. Они имели положительные стороны всмысле обеспечения безопасности ставки командования, но все же не соответствовали достижению целей нашего передвижения.

Почему-то меня тянуло на гору за Тумынем. Еще раньше, когда мне приходилось бывать в Онсоне, я всегда засматривался на эту гору. Мне казалось, что она напоминает гору Моран в Пхеньяне. Вынул карту, прикинул что к чему и убедился, что именно этот край идеальное место для реализации целей нашего похода.

Разветвленные долины, густой дремучий лес. Место как нельзя лучше подходит для того, чтобы построить там шалаш и провести в нем все лето! Вокруг облюбованной горы было много «поднятой целины» — мест, где после 1930 года пустили свои глубокие корни наши организации. Но было много и «целинных земель», которых еще не коснулся наш «плуг». Мы решили всю эту «целину» превратить в революционные очаги.

Вообще сразу же после боя в Лоцзыгоу я проникся идеей перебазироваться в горах за Тумынем. Однако навалившиеся тогда на меня заботы об обмундировании и продовольствии для китайских антияпонских отрядов не позволяли отправиться туда в назначенный день. Пришлось задержаться некоторое время в Сяованцине. Ведь приближались первые дни жаркого лета, а бойцы отряда Циншаня все еще так и ходили в изношенной ватной одежде. Да и с продовольствием было туговато — и им приходилось выкапывать на полях только лишь завязавшийся картофель величиной с воробьиное яйцо.

Да, пострадали тогда картофельные делянки вокруг района дислокации отряда. Хозяева огородов были в большой обиде на

бойцов отряда Циншаня. Но ведь люди в отряде были голодны и плохо одеты, а в результате ухудшились отношения между начальством и подчиненными. У отряда в то время, казалось бы, единственный путь—стать шайкой бандитов. Некоторые из солдат готовы были капитулировать. Мало чем отличались и отряды Каошаня и Ши Чжунхэна. Все это было, конечно, до тех пор, пока отряд Каошаня еще не присоединился к КНРА.

Мы вместе с отрядом Циншаня напали на Гаяхэ, добыли продовольствие и ткани, раздали их китайским антияпонским отрядам. После этого мы вновь разгромили врага в Дяомяотае и направились на гору, расположенную за Тумынем. Когда рота уже добралась до назначенного места, откуда ни возьмись, появился передо мной комроты Хан Хын Гвон. Бог знает, на какие хитрости он пустился, чтобы убежать из больницы, — плелся в хвосте роты. Ведь он, смертельно раненный в бою в Лоцзыгоу, с насквозь прошитом пулями животом, был эвакуирован в больницу партизанского района и лежал в постели.

Уже зажила огнестрельная рана в его животе, из которого месяц назад вывалились наружу кишки. Но теперь следы ранения уже зажили, только в тех местах, откуда были выдернуты нитки, оставались пока окровавленные следы. Я велел Хан Хын Гвону вернуться обратно в больницу, опасаясь, как бы у него не разошлись швы в местах ранения. Командир роты, а был он человеком крупного телосложения, чуть не плача, умолял не отправлять его обратно. Тогда я приказал Вану, временно исполняющему обязанности командира роты, дать ему возможность как следует отдохнуть, хотя бы там в горах за Тумынем, чтобы не было осложнений после операции.

Тумынь первоначально называли Хуемудуном. Название это происходило от того, что издавна в этом поселке корейцы строили шалаши и занимались обжигом из вести («Хуе» означает известь, «му» — шалаш, «дун» — поселок — ред.). Говорили, вокруг него высились могучие известковые горы.

Японские империалисты, оккупировав Маньчжурию после событий 18 сентября, продлили железную дорогу Гирин — Хвэрен от Чаоянчуаня до Хуемудуна и назвали последнюю станцию Тумынем. В поселках, расположенных вблизи станции, были построены жилые дома, а затем вырос целый город, в котором появились филиал японского консульства, полицейский участок, таможня и расположился военный гарнизон. Горный поселок, где годами обжигали известь, превратился в шумный город—город потребления, находящийся под неусыпным оком войск и полиции. Новый город стал называться Тумынем, а селение на западе у подножия горы теперь стало старым городком, его называли Хуемудуном, то есть сохранили то имя таким, каким его называли раньше корейцы. Между Тумынем и Намяном позже была проложена пограничная железная дорога. С тех пор Тумынь стал восточными воротами для концессий Японии на маньчжурском материке. Намян, расположенный на противоположном берегу реки, также был важнейшим пунктом на коммуникациях, связывавших Корею и Маньчжурию.

Во второй половине 30-х годов в этом районе свили себе гнездо органы японской разведки, готовившие агрессию против Советского Союза. В их планах Тумынь занимал важное место в разворачивающихся военно-политических играх.

Именно этот Тумынь служил опорным пунктом и для нашей деятельности. Он использовался в качестве важной коммуникации, связывавшей нас с полупартизанскими районами внутри Кореи. А это, надо сказать, приносило нам немало пользы во многих сферах деятельности.

Мы уже давно создали свою организацию в Хуемудуне. Она находилась под влиянием О Чжун Сона. В сентябре 1930 года, пробираясь в Онсон, я пользовался помощью товарищей из Хуемудуна, Они провожалименяивмае следующего года, когда я переходил в Чонсон. В свое время и Чвэ Гым Сук приходила сюда за яблоками и грушами, чтобы восстановить потерянный мой аппетит во время болезни. В то время ей помогала именно

организация Хуемудуна. Тумынь вообще являлся своего рода промежуточным пунктом, связывающим нас с Онсоном, кроме того, он считался еще и базой материального обеспечения партизанских отрядов.

Во время пребывания в горах загородом Тумынь генеральной целью нашей деятельности было стремление блокировать вражеские попытки «отрыва народа от бандитов». Этот лозунг они объявили своим политическим курсом. «Отрыв народа от бандитов» означал отделение народа от его революционной армии, которую враги именовали не иначе, как «коммунистической бандой». Объявив эту концепциюсвоего рода политическим курсом, японские империалисты предпринимали всевозможные меры — вели массированную идеологическую обработку, политику по созданию «коллективных поселений», ввели в действие закон о совместном привлечении десятидвориков к ответственности за участие одного из них в «преступлении», закон о взаимо наблюдении пяти дворов, разработали положение о добровольной капитуляции. Таким образом они отчаянно пытались перекрыть все животворные артерии, с помощью которых осуществлялась связь между армией и народом.

Бесчеловечная политика «отрыва народа от бандитов» разрушила многочисленные организации, создала неразбериху в настроениях народа. Некоторые люди поставили даже свои подписи под заявлением о добровольной капитуляции. Такие настроения довольно часто встречались среди жителей южной окраины Ванцина в бассейне реки Туман.

В ответ на происки врага мы выдвинули свой лозунг: «Сорвем попытки врага оторвать партизанскую армию от народа укреплением нашего единства!» Для претворения этого лозунга в жизнь все мы шли в гущу народа и начинали разворачивать работу по налаживанию деятельности организаций. В то время была восстановлена подпольная организация в поселке Намян, где жил О Чжун Хыб. В Далацзы

были созданы новые организации с их ядром — жителями, носящими фамилию Чвэ. Закончив такую работу среди населения окрестных поселков, мы постепенно стали перемещать центр работы с массами в сторону Ляншуйцгоаньцзы. Мы шли прежде всего к лесорубам и крестьянам. Был случай, когда я, возглавив одну из групп, через Сосновое добрался до Сунцзидуна в Мицзяне уезда Хуньчунь. Находясь там, мы вели работу по налаживанию деятельности организаций, действовавших в районах Кенвона (Сэпер) и Хунюна на противоположном берегу реки Туман, на корейской земле. В результате этого народ, который стонал, раздавленный вражеской политикой «отрыва народа от бандитов», стал радоваться дружбе и согласию между революционной армией и народом.

В дни, когда я бывал в горах за Тумынем, чаще всего приходилось следовать в район шести уездных городков для того, чтобы организовать стройную систему руководства низовыми партийными и другими революционными организациями в различных районах внутри самой Кореи и дальше расширять сферу работы по организационно-партийному строительству внутри Кореи.

После создания в октябре 1930 года партийной организации на горе Туру в уезде Онсон, в притуманганском бассейне были созданы многочисленные низовые партийные организации благодаря усилиям руководящих партийных активов — О Чжун Хва, Ким Иль Хвана, Чхэ Су Хана, О Бина и подпольщиков Ли Бон Су, АН Гира, Чан Гым Чжина. Появились много низовых парторганизаций в Хвэрене, Енса, Унги(Сонбон), Мусане, Кенвоне (Сэпер), Рачжине, Пурене, в квартале Синам Чхончжина.

В августе 1933 года в Паксоккоре уезда Кенвон (Сэпер) был организован семинар по вопросам ведения партийной работы в подполье. Семинарские занятия проходили два дня на открытом воздухе под сенью деревьев, вблизи от шалаша в Паксоккоре, где выжигали древесный уголь. Всеминаре участвовали

подпольщики и руководители подпольных революционных организации, действовавшие в северных и других районах Кореи. Лекцию по вопросам организационно-партийного строительства в условиях подполья читал я, вопросы комсомольской работы освещал Чо Дон УК, вопросы о работе с женщинам и—Пак Хен Сук, вопросы о работе с детьми — Пак Киль Сон.

К тому времени мы в Онсоне руководили работой совещания представителей партийных и революционных организаций, действовавших внутри страны. Совещание состоялось в феврале 1934 года в Чинменском училище в нынешнем Пхуньинском рабочем поселке уезда Онсон. На собрании были обсуждены главным образом вопросы о расширении сети парторганизаций в обширных районах Кореи и установлении системы руководства партийными организациями, были приняты также меры для создания такого зонального руководящего органа, как, например, региональный партийный комитет.

Согласно решению совещания был организован Онсон-ский региональный партийный комитет во главе с Чон Чжан Боном. Совещание было важным форумом, положившим начало заметному расширению сферы работы по организационно-партийному строительству внутри страны в первой половине 30-х годов.

В то время газета «Чосон ильбо» писала: «На партийном съезде, проходившем в школе Чинмен, выдвинут резкий курс из многих пунктов, документ о котором был напечатан и распространен». Такое сообщение приподнимало завесу над состоявшимся тогда форумом.

В ходе деятельности, которую мы вели в контролируемом врагом районе, базируясь в горах за Тумынем, произошло множество интересных событий. До сих пор не изгладился в моей памяти тот случаи, когда мы припугнули скупого помещика. Не помню, как называли тот поселок, где жил

помещик, о котором идет речь, с уверенностью могу сказать лишь то, что это был поселок корейцев.

Однажды, предоставив бойцам отдых в горах за Тумынем, я в неформенной одежде спустился с горы в поселок, где жил упомянутый помещик. Под ней здесь имеются в виду не в европейские костюмы, а корейские национальные куртки и такие же брюки. Мы всегда держали их в наших вещмешках. Без такого запасного комплекта одежды невозможно было появляться и вести какую-либо деятельность на территории, контролируемой врагом. Те, кто хорошо говорил на японском языке, носили в вещмешках японскую одежду.

На этот раз меня сопровождали ординарец Ли Сон Рим и еще два бойца. Во второй половине дня, когда до заката солнца было еще много времени, мне захотелось позондировать настроение жителей этого поселка, к которому еще не протянулась наша рука. Собственно говоря, скучно было сидеть несколько дней, окопавшись в лесах. Мы намеревались получить от жителей поселка помощь, если они добрые и щедрые, и создать здесь революционную организацию. Оказалось, что в поселке нет ни японских войск, ни полицейских.

Подойдя к самому большому в поселке, великолепному дому под черепичной крышей, я позвал хозяина. День был ясный, безоблачный, до заката солнца было еще далеко. Но почему-то хозяева заперлись в своем доме, не отвечая на наш зов. Взяв дверное кольцо, мы стали раскачивать ворота — послышались скрежет и звон. Только после этого послышались шаги: шлепая домашними туфлями, хозяин лениво приближался к нам. Отперев ворота, мужчина среднего возраста окинул нас недобрым взглядом. Это как раз был тот помещик, которому мы преподали тогда поучительный урок.

— Господин хозяин! Мы путники. Уже вечереет, но нам негде переночевать. Будьте признательны, позвольте

остановиться у вас, — обратился я со всей вежливостью, соблюдая правила приличия.

Хозяин ни с того ни с сего начал сыпать в наш адрес оскорбления; мол, глупые вы люди, шариков у вас в голове не хватает. Да, это был действительно безнравственный и недалекий человек.

— Пройдете примерно два километра, там гостиница. С какой это стати нагрянули в мой дом какие-то голодранцы?

Может быть, ты считаешь, что это и мельница в нашем селении общая?

Судя по тому, как он надувался при этом и таращил глаза, перемежая свою речь ругательствами, мы все больше убеждались, что это человек действительно глупый и бессердечный. С первого взгляда он обзывал нас сумасшедшими, относился к нам словно к бродячим нищим. Наблюдая все это, я невольно приходил в ярость. Но все же старался взять себя в руки и казаться хладнокровным.

— Господин хозяин! Идти дальше не можем — болят ноги, все в волдырях. Отведите нам где-нибудь место для ночлега.

Помещик с пеной у рта продолжал ругаться.

— Я же сказал, что недалеко отсюда гостиница! За каким чертом вы прилипли ко мне, как пиявки? И в базарный день такие, как вы, не бродят...

Ординарец, стоявший за моей спиной, вышел вперед и теперь стал умолять за меня.

— Господин хозяин! У нас нет денег на гостиницу. Ведь говорят, что «доброго чтит даже Большая Медведица». Значит, главное у человека — доброта души. Не изволите ли угостить нас?

Ординарец не успел даже закончить фразу, как помещик тут же зарычал: «Может быть, прикажете пожертвовать вам деньги? А мышиного помета не хотите?» И смачно сплюнул. Захлопнув ворота, он так же пошел к дому.

За годы моей почти десятилетней революционной деятельности я впервые встретил столь бесцеремонное обращение. Было немало богачей в районах Средней Маньчжурии, где мы часто бывали и вели подпольную деятельность, но не было тажих черствых и грубых людей, как этот помещик.

Ординарец Ли Сон Рим, теряя терпение, начал буркать от возмущения. Видимо, он даже не представлял себе, что его командир подвергнется столь дурному обращению от этого деревеньского помещика, какого трудно назвать человеком. Закипая от возмущения, ординарец заметил, что надо расстреливать таких подонков, которые хуже свиней и которым не следует жить на свете. Надо его хотя бы попугать, сказал он, произведя для острастки холостой выстрел мимо ушей. Тогда посмотрим, какой он храбрец...

Я был возмущен не менее своего ординарца. На чужбине соотечественники, как правило, всегда очень быстро сходятся друг с другом. Даже те, что жили на родине, как собака с кошкой, при встречах на чужбине с первых слов становятся друзьями. Такова уж человеческая мораль. Однако у этого помещика, который ругал нас на чем свет стоит, называя сумасшедшими, не было даже проблеска чувств человеческой доброты.

Пусть страна погибла, но вряд ли может быть запятнано чувство человеческой порядочности! Наши предки оставили в наследство даже такое мудрое изречение: «Взаимное сочувствие у несчастных людей». Такова логика человеческой жизни.

Где найдешь на свете такую нацию, как корейская, которая от теплых чувств легко радуется и так же легко может прослезиться. Вот почему в старые времена люди говорили: «Дух воспрянет от заклинаний, а человек — от чувства привязанности».

Радушное гостеприимство — положительная черта корейца. Не гнать, а предоставлять ночлег — таковы обычаи и признак

доброты нашего народа, которые передаются из поколения в поколение. Хотя я выходец из семьи, которая по найму сторожила чужую могилу, но у нас в семье относились к гостям всегда доброжелательно. Не было риса, — угощали хотя бы жидкой похлебкой, добавленной немножко водой. Каждый раз после ухода гостей на долю моей матери и жены моего дяди приходилась самая что ни на есть жидкая похлебка.

Женщины нашей семьи никогда не сетовали на свою судьбу, не жаловались на бедность хозяина дома, если даже им приходилось оставаться без еды один-два раза в день. Такими были общий характер, подлинная сущность корейской нации, которые запечатлелись с детства в моей памяти.

Даже уличный торговец, у кото рогоза душой ни гроша, мог при желании объехать всю Корею, все восемь ее провинций, совершая путешествия. Такими были обычаи у нас в стране, которые передавались из поколения в поколение с древнего периода троецарствия. Нередко иностранцы, которые хоть разок погостили в доме простого корейца, с восхищением говорили о нашей стране как символе высокой нравственности на Востоке.

Однако вряд ли в жилах этого бессердечного, взбесившегося помещика текла кровь настоящего корейца. Разве можно себе представить такое холодное отношение к людям?

Перед нами был безнравственный человек, моральный урод. Ведь слабая государственной мощностью нация может лишиться даже своей страны. Народ, потерявший страну, может лишиться и языка, и письменности и своих фамилий. Но даже при таких обстоятельствах, когда страна погибла, нельзя оставаться без чувства человеческой доброты. Если все станут, простите, такими свиньями, повернувшимися спиной к соотечественникам, как этот помещик, то разве можно корейцам думать о том, чтобы вернуть себе потерянную Родину?

К счастью, среди корейцев таких подонков, как этот помещик, буквально единицы.

Скажу откровенно, что взволновавший нас случай дал мне повод еще раз установить свои взгляды на богачей.

Летом 1933 года был еще один, можно сказать, подобный случай. Один из отрядов АСО, расквартированных в Шилипине, совершил налет на Шисянь. В целях раздобыть материальные средства бойцы АСО захватили в качестве заложницы жену одного из китайских богачей. Ее так и доставили в штаб в одном нижнем белье, с забинтованными ногами. Здесь, в Шилипине, пленницу продержали несколько дней.

Бойцы АСО послали извещение мужу заложницы, в котором предъявлен был ультиматум: если до какого-то числа он внесет сколько-то денег, то женаего будет возвращена домой. Но богач заявил в ответ, что будь у него такая сумма, он бы нашел себе более импозантную женщину и женился бы на ней вместо того, чтобы совать нос в Шилипин с выкупом. Пожертвовав деньги Армии спасения отечества, выкупил женщину не муж, а ее родной отец.

Вообще такими были жадные и черствые богачи...

Мы еще раз обошли тот поселок в надежде найти место для ночлега. На этот раз мы решили постучаться в дом попроще — не под черепичной, а под соломенной крышей. Поодаль от дома того негостеприимного помещика виднелась хижина под соломенной крышей с настежь раскрытыми как первой, так и второй комнатами. Хозяева дома сидели за столиком и ужинали.

Стоя перед крылечком под выступом крыши, я стал просить хозяина о ночлеге точно таким же тоном, каким просил помещика.

— Мы путники. Уже вечереет. Позвольте переночевать у вас.

Хозяинсразу же поднялся из-застола и, опираясь надверной косяк, посмотрел на нас.

— Ну что ж, проходите и присаживайтесь. Мы живем не богато, но вместе поужинаем, чем бог послал... Есть хотя бы жидкая похлебка, а ничего другого у нас нет, не осудите., Да

проходите, пожалуйста, не стесняйтесь. Комната у нас, к сожалению, такая неуютная...

— Да вы не беспокойтесь. Разве нам, путникам, можно на что-то жаловаться?

Мы вошли в комнату, приглашенные хозяином. Кругом выпирала исключительная бедность, но от душевного обращения хозяев веяло искренностью и добротой. Хозяин тут же обратился к жене — не найдется ли еще одной миски похлебки. Женщина ответила, что обязательно найдется. Увиденная картина невольно наводила меня на мысль, что бедные люди — всегда добрее и проще. Они не растеряли чувство человеческой добропорядочности, а богачи чужды ей. Нас двоих, вошедших в комнату, пригласили вместе поужинать. Мы были очень тронуты таким отношением.

— Если мы съедим вашу долю, то вы же останетесь голодными. Нам бы только переночевать, — сказал я.

Мы долго упирались. Похлебка не полезет в рот, если даже мы сядем за стол!

Тогда хозяин не на шутку обиделся:

— Где же это видано? Раз пришли к нам в гости, должны угощаться... Вы отказываетесь, думаете, что похлебка не вкусная. К сожалению, ничего другого у нас нет, кроме похлебки.

Женушка, сбегай в огород и выдерни пару луковиц, да принеси еще одну чашку соевой пасты...

По велению мужа хозяйка принесла лук, соевую пасту и положила все это на стол.

Эти простые люди относились к нам так тепло, словно мы были их родственниками. До слез тронули меня их доброта и любезность. Мы сели за стол, но не могли ни к чему притронуться. Мною овладели думы о наших товарищах, которые несут охрану за околицей поселка.

— Большое спас ибо! Я потом поужинаю, вы сами перекусите. А я навещу товарищей. Они остались за околицей...

— А сколько их там? — спросил обеспокоенный хозяин.

Ведь если нагрянут еще гости, ему придется ломать голову — чем их накормить? Ведь осталась только одна миска жидкой каши.

— У нас там еще два товарища. Но вся беда в том, что у них ноги болят, им трудно ходить. Хозяин, правду ли говорят, что неподалеку отсюда есть гостиница?

— Есть-то есть. Отсюда, наверное, семь ли. Семь ли — это все равно что целых десять. Как с больными ногами они пройдут десять ли? Лучше пойдете туда завтра утром. Конечно, у нас ничего нет, кроме жидкой каши, но подкрепитесь тем, что есть, и укладывайтесь спать. Приведите и своих товарищей, что остались за околицей.

Я спросил хозяина дома, что он думает о помещике, что это за человек.

— Злой и очень скупой! — махнул рукой крестьянин и добавил. —Живет он, повернувшисьспиной к односельчанам, но вот с полицейскими и чиновниками ой-ой-ой какие у него дружественные отношения! Совсем недавно, несколько дней назад, произошел в селе такой случай. Один юноша приходил из Кореи в гости к своим родственникам. Но ни с того ни с сего парня схватили и поволокли в полицейский участок. Там его избили, долго допрашивали. Отпустили домой полумертвым. И это тоже, вероятно, дело рук помещика.

Между тем уже стемнело. Я сказал ординарцу: сегодня надо переночевать в этом поселке. Пусть наши товарищи, которые несут охрану, сбегают в горы за бойцами.

Спустя некоторое время спустился с горы в поселок отряд во главе с командиром роты Хан Хын Гвоном. Видя, что в поселке неожиданно появилось 60 — 70 человек в военном обмундировании, помещик не на шутку встревожился. Он сразу же выбежали начал подобострастно улыбаться нашим товарищам, расточая комплименты: «Господа, приветствую вас в нашем поселке. Милости прошу в мой дом». Лебезя перед

партизанами, он предложил им переночевать в его доме. Он был на этот раз сплошная доброта, льстил прямо в глаза. И мне подумалось: «Эх ты двуликий Янус! Видать, тебе очень трудно жить на свете, пытаясь всякий раз держать нос по ветру».

Хан Хын Гвон не знал подлой натуры этого человека. Он был очень тронут его «гостеприимством» и стал нахваливать помещика:

— Товарищ командир! Этот человек очень добр, он чем-то напоминает мне сяованцинского помещика Чана и еще тумыньского помещика...

Что касается помещика Чана, то этот человек оказывал немало добрых услуг партизанам, но, к сожалению, советское правительство принудительно отправило его в Дадучуань. А тумыньский помещик был человеком совестливым и добрым. Это он по нашей просьбе пожертвовал ткани и вату, которых хватило на изготовление 500 с лишним комплектов военного обмундирования, а также другие материалы. Тогда китайские антияпонские отряды испытывали нехватку обмундирования. И мы из его ткани сшили одежду и выдали ее китайским антияпонским отрядам, расквартированным в Сяованцине и его окрестностях.

Тумыньский помещик часто приходил в Шилипин к своим родственникам. Однажды наши товарищи, узнав об этом, задержали помещика с тем, чтобы потребовать от него помощи в материальном обеспечении наших отрядов. Но как только мы возвращались из района, контролируемого врагом, некоторые товарищи из числа руководства освободили его, заметив, что прибегать к подобным методам нельзя. Узнав об этом, я приказал бойцам вернуть обратно того помещика, который уходит из партизанского района. Встретившись с ним, я откровенно рассказал ему о сложившемся положении дел с обмундированием китайских антияпонских отрядов. Помещик согласился удовлетворить нашу просьбу. После возвращения домой он сдержал свое слово...

Я коротко рассказал Хан Хын Гвону о только что случившемся с нами в поселке:

— Товарищ командир роты, не верь ни одному слову этого льстеца. Это такой подлец, что даже не хотел открыть ворота и приютить путников...

Выслушав меня, Хан Хын Гвон кисло улыбнулся — он вовсе не ожидал такого. От гнева и возмущения у него сжимались кулаки.

— Вот он оказывается, каков на самом деле. Да, такому подлецу не должно быть никакой пощады. Давайте осудим его и расстреляем!

Возбужденный Хан Хын Гвон не находил себе места, но я только махнул рукой.

— Перестань! Расстрелять одного помещика? Что толку от этого? Лишний шум поднимется... Лучше его вразумить как следует, чтобы он дорожил совестью корейца.

— Тогда мы пойдем и проучим помещика. Можно ли оставлять безнаказанным такого, как эта собачья блоха?

— Но не уподобляйся местным бандитам. Понял?

Я беспокоился, что Хан Хын Гвон позволит себе переступить черту нашего закона, а поэтому счел нужным заранее предупредить его.

Едва только появился Хан Хын Гвон в доме помещика, как этот весьма сообразительный и наблюдательный человек, подойдя к нему, тихонечко спросил: кто, мол, из вас тут главный начальник? Ясно было, о чем он думает — хочет пригласить к себе и угощать только начальника и некоторых других командиров, а к остальным ему нет никакого дела. Пусть они размещаются по другим домам. Этот скупой хитрец и шагу не мог ступить, не извлекая для себя какой-либо выгоды.

Хан Хын Гвон представил себя главным начальником и как бы невзначай сказал:

— Вижу, вам живется безбедно. Если даже мы проживем у вас примерно два месяца, видать, вам нипочем.

— Что вы говорите! Несколько дней кое-как обойдется, но куда там — целые два месяца?

Лицо у помещика побледнело, видать, он действительно поверил, что партизаны намерены пробыть у него месяца два.

О чем бы ни говорил помещик. Хан Хын Гвон прикидывался равнодушным к его словам. Наоборот, с его уст то и дело срывались новые то загадочные, а то и просто ошеломляющие слова, от которых помещик чуть не впадал в обморок.

— Господин хозяин! Мои подчиненные вот уже несколько месяцев не пробовали мяса. Сколько у вас свиней? А риса тоже, думаю, достаточно в этом доме? Видать, сотня мешков найдется? Надеюсь, у вас не то, что в других домах...

— Что вы? Откуда же сто мешков? Как бы не так! Другие семьи-то хотя и питаются жидкой похлебкой, но у всех тоже есть рис, они только прикидываются бедными.

— Меня не касается, много у вас риса или мало. Все равно вы должны угощать нас! Вы богатый человек. Напрасно вы трясетесь из-за пустяков. И если в вас жива совесть корейца, то вы обязаны внести свою лепту в достижение независимости страны. Кого же нам тогда беспокоить, если не таких, как вы?

Опустощать ли нам чаны у бедных? И без того они испытывают острую нехватку продовольствия на период сельскохозяйственных работ. А без еды как они будут заниматься земледелием?

Убитый мнимыми угрозами Хан Хын Гвона, помещик зарезал свинью, приготовил рис. Даже бойцы, расквартировавшиеся в других домах, не трогали их риса, брали его у помещика и варили там кашу. Конечно, если бы этот помещик относился к нам как к людям, то он не попал бы в такую беду.

Проучив таким образом помещика, Хан Хын Гвон возвратился ко мне даже со взятыми у помещика циновкой и одеялом, беспокоясь о моем ночлеге. Вообще-то наш командир роты был очень большим шутником.

Вечером того дня в доме простодушного крестьянина, предлагавшего нам ячменную похлебку, мы варили кашу из помещичьего риса, принесенного Хан Хын Гвоном. Глаза у бедняги полезли на лоб:

— Не будет ли беды?

— Не беспокойтесь, хозяин, — успокоил я его, — вы не имеете никакого отношения ко всему этому, вам нечего волноваться. Вы только одолжили нам котел. Если после этого помещик начнет придираться к вам, то отвечайте, что вы здесь ни причем, все, что произошло, дело рук партизан.

— Если вы партизаны, то я спокоен. Эх, мы глупцы, не распознали партизан!

Откуда им, хозяевам дома, было узнать, кого мы из себя представляем? Просто из простых человеческих приличий гостеприимного корейца предлагали они нам вместе поужинать, разделить все то, что у них есть, — пусть то будет похлебка или же соевая паста. Но помещик не обладал, вернее, растерял все признаки приличия. Появись японские полицейские у ворот, помещик непременно пригласил бы их на ковер, по-холуйски лебезя перед ними.

Вот такой была пропасть между богачом и простолюдином. Не утверждаю, что среди богачей вообще нет хороших людей, таких, в ком живет чувство человеческой привязанности и чувство патриотизма. Чжан Ваньчэн, отец Чжан Вэйхуа, был крупным помещиком, но человеком нравственным, сильным своим патриотическим духом. Я называю такую богатую женщину, какой была вдова Пэк[13], замечательной женщиной потому, что она была патриоткой-благодетельницей, которая не жалела денег ради просвещения нации и ее развития. Вот почему даже последующие поколения неизменно называли ее Пэк Сон Хэн (добродетельница Пэк — ред.).

Но большинство богачей были такимискупыми, черствыми, как этот помещик, с которым мы встретились. Справедлива пословица, которая гласит: «Чтобы быть щедрым, надо, чтобы и

у самого что-то было». Однако нельзя сказать, что она во всем является справедливой. Спрашивается, имел ли что-то лишнее тот крестьянин, который предлагал нам ячменную похлебку? Может быть, был у него полный чан риса? Это просто был человек доброй души. Кстати говоря, чан у него был совершенно пуст. Только лежал у него дома, в углу утепленного пола, узелок с ободранным неспелым ячменем.

Пусть у тебя много денег, много богатств, но если у тебя отсутствует доброта души, обязательно будешь отверженным. Пусть ты живешь в ветхом домике с соломенной крышей, но если у тебя переполнена добротой душа, ты будешь иметь много хороших соседей, станешь морально богатым, тебя будут окружать большой почет и уважение людей. Когда мы называем мораль критерием превосходства и низости человека, то жадного помещика, который прогнал нас от ворот, можно назвать моральным уродом, низким и бедным, не достойным звания человека.

Подлинное чувство человеческой привязанности проявлялось не в роскошных домах, дворцах, а в хижинах, где жили простые люди.

Однажды, когда Ли Бон Су и его жена работали в Мачане, они заболели сыпным тифом. АН Сун Хва, жена Ли Бон Су, лежала в больнице, где работал главным врачом ее муж. Чтобы похоронить своего сына, умершего с голоду, она выползла из больницы и засыпала покойного дубовыми листьями.

В минуты, когда чутье подсказывало Ли Бон Су, что скоро и ему придет конец, как и его сыну, он, сняв с себя новую одежду, которую недавно подарили ему товарищи по революционной борьбе, написал «завещание» и положил его сверху на свой костюм. «Эта одежда еще новая. Тот товарищ, который первым найдет это завещание, может считать ее своей собственностью», — так было написано в той записочке.

Таким был мир человеческих чувств революционеров, которые не идут ни в какое сравнение с душой таких стяжателей, как этот помещик.

Ли Бон Су чудом выжил и продолжал вести революционную борьбу. Его «завещание» осталось лучшим доказательством его человечности и тронуло сердца людей. Это был мир высокого благородства и пламенного чувства человеческой привязанности, мир, который могут создавать только коммунисты.

После возвращения в партизанский район с горы, расположенной за Тумынем, мы собрали бойцов и рассказали им о случаях, с которыми сталкивались в том поселке. «Вот смотрите,— говорили мы, — это и есть классовая природа человека! Бедные готовы поделиться с нами последней миской похлебки, а богатый помещик гонит даже людей от ворот, не говоря уже о похлебке. Какая черствость! И для того чтобы избавить нашу страну от таких безжалостных подлецов, мы должны ликвидировать эксплуататорское общество».

Подобные рассказы служили замечательным средством классового воспитания людей.

С тех пор эти рассказы о богатом помещике и бедном крестьянине стали своего рода темой доверительных разговоров в сельских поселках в бассейне реки Туман. Жители, которые знали об этом понаслышке, в один голос бранили того помещика как бессердечного подлеца, восхищались тем крестьянином, который оказался человеком доброй души.

Когда наши бойцы в штатской одежде появлялись в окрестностях поселков, к ним сразу же приходили юноши и девушки, информировали нас, кто каким располагает богатством, а у кого волы, которые принадлежат обществу «Минхвэ».

В то время в поселках держали волов общества «Минхвэ». Так называли тех животных, которых раздавало крестьянам общество «Минхвэ» — реакционная организация, созданная после оккупации МаньчжурииЯпонией. Волы не являлись собственностью крестьян. Требовалосьоткормить их и вернуть

обратно. И это тоже было своего рода способом эксплуатации рабочего человека. На рогах у волов общества «Минхвэ» ставилась его печать.

Если молодые люди нам сообщали, что у кого-то находится вол общества «Минхвэ», — это означало, что можно без всяких сомнений резать его. Партизаны резали только волов общества «Минхвэ», о которых сообщали местные жители.

Нам стало известно, что не на шутку всполошились и шумели тогда японцы: «В этом поселке все подлецы. Каким образом у коммунистической армии на учете все дома, которые держат волов общества «Минхвэ»? Эти сведения они, несомненно, получают от местных крестьян!»

А сельчане, когда к ним приходили японцы, удивлялись:

«Откуда мы знаем? Мы ничего не знаем. У партизан на руках были готовые списки. По списку они вызывали тех, у кого были волы. Что нам оставалось делать?»

На собственном многолетнем жизненном опыте до глубины души убедился я в том, что чем больше богатств у толстосумов, тем бессердечнее и черствее они становятся. Само богатство, чуждое доброте и морали, являлось не родником высокой морали, а пропастью нравственного падения. Случай с тем помещиком, который жил на берегу реки Туман, остался в моей душе примером горького разочарования. Из-за него и весь тот поселок оставил в душе довольно мрачные воспоминания.

После того происшествия я твердо решил: в будущем, когда страна станет независимой, на могиле старого, морально разложившегося общества, где хозяйничали помещики и капиталисты, необходимо построить прекрасное, здоровое общество, где все заживут в дружбе и согласии, одной семьей, не зная пропасти между богатством и бедностью.

Нынче мыстремимся сделать всех тружеников богатым и, но не такими богачами, которые сами хорошо питаются и одеваются за счет пота и крови других, а честными, трудолюбивыми, неустанно создающими своим трудом

общественные блага, материально обеспеченными и в то же время отличающимися высокой нравственностью, морально чистыми богачами. Нам чуждо капиталистическое общество, где безраздельно господствуют деньги. Придет время, когда все люди в одинаковой степени будут наслаждаться всеми материальными и нравственными благами. Тогда будут раз и навсегда ликвидированы социальные зла, разлагающие человечество.

3. Через перевал Лаоелин

Мы только что вернулись на опорную партизанскую базу после операций в контролируемых врагом районах, как нам снова пришлось покинуть Ванцин с вещмешками на плечах. Чжоу Баочжун, действовавший в Северной Маньчжурии, прислал ко мне связного с просьбой о помощи.

Я воспринял его просьбу со всей серьезностью. Чжоу Баочжун был моим близким соратником, который имел с нами тесные связи еще со времен совместной работы в Антияпонском солдатском комитете и боролся вместе с нами за достижение общей цели. Наша с ним дружба еще больше окрепла после боя в Лоцзыгоу, хотя он был старше меня лет на десять. И теперь я считал своим священным интернациональным долгом откликнуться на просьбу Чжоу Баочжуна и поэтому торопился с подготовкой к походу в Северную Маньчжурию.

В третьей декаде октября 1934 года, когда хлопьями падал снег, североманьчжурский экспедиционный отряд, состоящий из трех рот в составе 170 с лишним человек, подобранных в (Ванцине, Хуньчуне и Яньпзи, выступил из Дуйтоулацзы и начал подниматься на перевал Лаоелин.

Природа хранит в себе поистине тайне твеннуюсилу. Горные хребты разделяют то государственные территории, то пределы провинций и уездов. Зачастую барьеры горных хребтов становятся своего рода фактором, определяющим уровень развития политики, экономики и культуры. Перевал Лаоелин, как крутой природный барьер, разделяет Маньчжурию на Восточную, Северную и Южную. Именно он отсекает Северное Цзяньдао от Восточного, а Восточное Цзяньдао от Западного. На юге и на севере от этого барьера наблюдаются резкие контрасты и в рельефе местности. На юге высокие горы теснятся

сплошной грядой, тогда как на севере немало обширных равнин, какие можно видеть только в Хонамском районе Кореи. Большинство жителей Восточной Маньчжурии южнее перевала Лаоелин были уроженцами провинции Северный Хамген, в то время как среди людей, поселившихся севернее перевала, было много выходцев из провинций Северный и Южный Кенсан.

Следует отметить, что по уровню сознательности люди Северной Маньчжурии в какой-то мере отставали от жителей Восточной Маньчжурии. Следовательно, у них и революционный энтузиазм был ниже, чем у соседей на востоке. Однажды Чжоу Баочжун искренне признался, что заниматься политическим просвещением среди населения Северной Маньчжурии намного труднее, чем повышать сознательность жителей Восточной Маньчжурии. Естественно, такое положение не могло не тяготить коммунистов Северной Маньчжурии. И если хотя бы немножко помочь им разрешить эти трудные вопросы, то это будет полезным делом для гармоничного развития революции на Северо-Востоке Китая.

Мы планировали в дальнейшем превратить Южную и Северную Маньчжурию, не говоря уже о Восточной Маньчжурии и Корее, в арену деятельности наших крупных партизанских отрядов, Делать все от нас зависящее для сотрудничества и взаимодействия с соседями было нашей неизменной позицией, которой мы придерживались с самого начала. Вот почему мы считали встречу с Ли Хон Гваном и Ли Дон Гваном одной из главных целей нашего выступления в Южную Маньчжурию и прилагали неимоверные усилия для этого.

Помочь Северной Маньчжурии—означало бы и оказывать помощь Ким Чаку, Чвэ Ён Гону, Хо Хен Сику, Ли Хак Ману, Ли Ге Дону и другим корейским коммунистам, развернувшим партизанскую деятельность в этом районе.

В экспедиционном отряде царил огромный душевный подъем с самого начала похода. Знакомство с новой местностью,

как правило, вызывает у людей прекрасную, как радуга, мечту. К тому же бойцы экспедиционного отряда были в большинстве своем юношами 18 — 20-летнего возраста, у которых любопытство, стремление к познанию мира сильнее, чем у кого-либо другого. Я вел за собой отряд, переживая такие же волнения, какие были у всех.

Однако с момента выступления нашего экспедиционного отряда из Дуйтоулацзы я то и дело ощущал какое-то непонятное беспокойство, которое всячески тормозило мои действия. Чем дальше отдалялся отряд от партизанского района, тем сильнее охватило меня это беспокойство.

Я направлялся в Северную Маньчжурию в то время, когда опорные партизанские базы в Восточной Маньчжурии все еще не избавились полностью от угрозы окружения и атак со стороны врагов. Специальная долговременная операция оккупантов по «обеспечению безопасности» была в то время главной карательной программой, разработанной японскими империалистами. Разумеется, они бы желали взять реванш за поражение, которое потерпели накануне, натолкнувшись на летнее наступление Корейской Народно-революционной армии. Теперь же они пытались окружить и удушить нашу армию путем затяжной войны.

Основное содержание программы японских карателей состояло в том, чтобы разделить полтора года — время, отведенное на ее претворение в жизнь, с сентября 1934 по март 1936 года—на три этапа, при этом начать операцию в тех местах, где была в какой-то мере обеспечена безопасность, а затем постепенно действовать, вплоть до уничтожения последнего опорного пункта КНРА. Окружение и атаки, сочетаемые с тактикой расширения оккупированных районов «шаг за шагом», а также с тактикой затяжной войны, предполагавшей продолжительное время для боевых действий, могли бы, в конце концов, привести к удушению революции.

Несомненным было то, что походе Северную Маньчжурию, совершенный нами в этот период, позволил нам пробить большую брешь в планах японских агрессивных войск, пытавшихся совершить осадно-наступательную операцию.

Однако в то время судьбе партизанского района угрожала и другая, не менее серьезная опасность, чем запланированная осадно-наступательная операция врага. Я имею в виду борьбу против «Минсэндана», развернувшуюся во всех районах Цзянь-дао крайне левацки настроенными элементами. Вопреки первоначальной задаче, поставленной восточноманьчжурской парторганизацией, эта борьба была использована для неблаговидной политической цели некоторых честолюбцев, карьеристов, национал-шовинистов и фракционеров-низкопоклонников, захвативших в то время руководство. Это повлекло за собой серьезные последствия, которые привели к расколу и деградации революционных рядов изнутри и, в конце концов, угрожали существованию опорной партизанской базы.

Страшная дубинка беспощадной ликвидации «реакционеров» ежедневно умертвляла без всякого разбору многих настоящих революционеров, беззаветно преданных своему делу, а также многих патриотически настроенных людей. Абсолютное большинство населения и воинов опорной партизанской базы оказалось под подозрением в причастности к «Минсэндану».

При этом нельзя было не обратить внимания на то, что острие «антиминсэндановской» борьбы было направлено на корейцев, в частности, на руководящее ядро, самые лучшие кадры этой национальности, работавшие на ответственных постах в партии, в армии и в массовых организациях. В ликвидации «реакционеров» мишенью под дулами винтовок становились, как правило, передовые работники, бойцы, активисты, пользовавшиеся доверием и любовью масс. Одним из примеров тому явилось то, что секретарь Ванцинского укома партии Ли Ён Гук был казнен после того, как ему приклеили

ярлык «минсэнданов-ца». По-прежнему находился под наблюдением командир Ванцинского батальона Рян Сон Рён, который одно время был заточен в тюрьму для «минсэндановцев» и с трудом выпущен на волю в результате нашего поручительства. Под вывеской ликвидации «реакционеров» некоторые властолюбцы и интриганы района Цзяньдао преследовали таким образом истинных революционеров, Вынуждены были бежать из партизанского района заведующий военным отделом уездного парткома Ким Мен Гюн и секретарь 1-го участкового комитета партии Ли Ун Гор, которых ожидала казнь в связи с подозрением в причастности к «Минсэндану».

К концу октября наманьчжурском материке выпал большой снег, подули сильные ветры. Северяне издревле называют этот ветер сибирским.

И в тот день, когда мы отбыли из Дуйтоулацзы, на перевале Лаоелин преградил нам путь свирепый снежный ветер. Перевал напоминал форму согнутого в дугу лука при стрельбе. Само слово «Лаоелин», если буквально его перевести, означает «перевал старого деда». Так был высок и крут тот перевал. Мы целый день карабкались наверх, пытаясь преодолеть преграду. Ли Сон Рим не раз раздраженно бормотал: «Что это за такое крутое восхождение!»

На всем трудном пути Ко Бо Бэ ободрял и вдохновлял боевых друзей своим особым мастерством. Выше уже говорилось вкратце о том, что после того, как Тун Чанжун был брошен в Лунцзинскую тюрьму. Ко Бо Бэ, получив от нас задание, внедрился в ту же камеру, притворившись карманным вором. Он-то и передал ему наш план. У этого парня была неповторимая ловкость рук, он мог моментально и незаметно очистить карманы у всех собравшихся на большом базаре. Она-то, эта ловкость, позволила бы ему при желании стать богачом не хуже миллионера.

Было весьма странно, да и действительно похвально то, что такой человек ушел в дальние горы и с головой окунулся в трудные будни революции.

Впрочем, ловкость рук была лишь частью того особого мастерства, которым он обладал. Его еще более чудесным ценным искусством явилось умение изображать всевозможные звуки и исполнять клоунские номера. Стоило ему приложить пальцы ко рту, как издавались самые невероятные и таинственные звуки. Выражением лица с играющими глазами, постоянно меняющимися губами он заставлял хохотать даже строгого и невозмутимого командующего 2-го корпуса Ван Дэтая. Никто не мог оставаться равнодушным, когда он прыгал на одной ноге, забросив вторую чуть ли не на шею. Когда Ко Бо Бэ ходил по улицам, взвалив мешок на плечо и распевая песню бродячего певца, он выглядел точь-в-точь придурковатым недорослем, что помогало ему обводить врагов вокруг пальца.

При помощи такого мастерства, умения менять свою внешность он добывал разведывательные данные о положении противника, часто бывая в городах и поселках. Во время своих вылазок он приобрел прозвище Ко Бо Бэ(«Бо Бэ» означает «сокровище» — ред.). По-видимому, его стали так звать, потому что действительно ценили этого человека, как сокровище. Среди боевых друзей Ко Бо Бэ почти не было такого, который бы звал его настоящим именем. Я тоже звал его буквально прилипшим к нему прозвищем. Поэтому было малоизвестно его настоящее имя.

Говорили, что он уроженец провинции Северный Хамген или провинции Южный Хамген, а то и провинции Канвон. Сам Ко Бо Бэ точно не помнил, где он родился. Когда спрашивали Ко Бо Бэ, где его родной край, он отвечал, что родился в Корее, где-то на берегу моря. При этом утверждал, что попал в Маньчжурию грудным ребенком, а родители его рано умерли, так что ему неизвестно, где его родной край. С детства он начал

заниматься физическим трудом и стал мастером на все руки. Мог работать и кузнецом, и строителем дома, и парикмахером.

Одно время Ко Бо Бэ выполнял обязанности связного, обеспечивающего связь между Восточной и Северной Маньчжурией. Он никому не говорил без надобности, где и кем работает. Иногда кто-нибудь из товарищей спрашивал его: «Бо Бэ, что ты делаешь в последнее время? Ты действительно боец партизанского отряда?» Он отвечал на это твердым «да». А когда его спрашивали, не он ли инспектор, тоже отвечал «да». При этом он всегда улыбался лукаво, чтобы собеседник не мог определить, говорит и он всерьез или в шутку. Это был своеобразный способ Ко Бо Бэ, который он применял для маскировки своих служебных секретов.

Ко Бо Бэ относился ко мне с глубоким уважением, и я тоже полностью доверился ему и любил этого парня.

Когда мы поднялись на вершину Лаоелина, два японских двукрылых самолета покружились над перевалом на малой высоте и удалились. Наверняка, преследовавший нас карательный отряд противника сообщил своему штабу о направлении движения нашей экспедиции.

В тот день с утра до вечера валил необыкновенно густой снег. Все склоны и ущелья севернее перевала Лаоелин утопали теперь в сугробах, и трудно было ориентироваться. Вдобавок, во второй половине дня поднялась вьюга. Не говоря уже о нас, редко побывавших в Северной Маньчжурии, даже Ко Бо Бэ, который знал рельеф этой местности, как свои пять пальцев, пришлось тыкаться направо и налево, не в силах точно определить то направление, куда нам следует двигаться дальше. И все-таки мы сбились с пути в пункте, расположенном в 32 километрах от Бадаохэцзы. Пришлось приостановить движение. Под зимней стужей, в снежной завесе, бойцы отряда с надеждой смотрели мне в лицо. Хмурый был вид у Ко Бо Бэ, всегда веселого человека. А сейчас он стоял передо мной, понурив голову, будто совершил тяжкое преступление.

— Ежегодно на этом перевале погибали путники в сугробах, сбившисьспути.И в прошлом году здесь замерзли 7 или 8, точно не знаю, солдат китайского антияпонского отряда. Не следует ли нам вернуться в то место, где есть селение, и переночевать там, а затем продолжать поход, когда утихнет ветер, — осторожно предложил Ко Бо Бэ, с тоской посматривая на северные склоны ущелья Лаоелина, покрытые белым ковром.

Я не принял его предложения, ибо понимал, что не только бесполезно, но и вредно в такой момент отступление перед трудностями.

— Нет, этого нельзя делать. Нечего нам бояться. Там ты, Бо Бэ, часто проходил, к тому же еще несколько дней назад. Ведь перевал Лаоелин не мог превратиться в перевалы Хаэрбалин или Муданьлин. Значит, где-нибудь должен быть путь. Кстати, у меня есть компас и можно держать путь прямо на север. Не надо только ничего бояться. Ну, пошли смелее. Товарищи в Северной Маньчжурии ждут нас.

Мои слова ободрили Ко Бо Бэ. Он зашагал вперед, издавая губами гул мотора автомобиля и настойчиво пробиваясь сквозь сугробы. Слыша этот гул, все бойцы так весело хохота-лись, что как бы потрясало весь Лаоелин.

Мы продолжали поход и следующий день и лишь после этого наткнулись на небольшой китайский поселок. Не успели мы туда войти, как неожиданно напал на нас японский карательный отряд из соседнего поселка. Тут-то и произошел наш первый бой в Северной Маньчжурии, где до этого японский карательный отряд и марионеточные войска Маньчжоу-Го ни разу еще не вступали в бой с Народно-революционной армией. До тех пор они обычно имели дело лишь с разрозненными и бессильными вооруженнымигруппами, такими, например, как шайка местных бандитов и лесной отряд, которые, только завидев каски японских солдат, удирали куда глаза глядят.

Японский карательный отряд, привыкший только преследовать и без труда уничтожать более слабого противника,

и в тот денье победными возгласами налетел на нас, приняв, видимо, за группу местных бандитов или лесной отряд.

Мы быстро поднялись в горы. Принимая бой с карательным отрядом, я один из взводов направил в обход чтобы нанести противнику ударе тыла. Каратели были ошеломлены, не ожидая от нас столь внезапного и сильного удара. В этом бою противник потерял много солдат убитыми и раненными.

Весть об этом бое широко распространялась по районам Северной Маньчжурии с помощью самих же врагов. «Из Восточной Маньчжурии пришли отряды «лаогаоли» и воюют они на славу. Кто командует ими? Может быть, это отряд Ким Ир Сена, атаковавший уездный центр Дуннин», — так строили догадки. Уже в то время в газетах появились сообщения о нашем отряде. Тогда еще враги пренебрежительно называли партизанский отряд «коммунистической бандой» или же давали неопределенные названия — «коммунистическая» или «анти-маньчжоугоская» армия.

Наш экспедиционный отряд хотя и одержал победу в сражении с врагом, но он все же оказался в положении полной изоляции, когда негде было даже приготовить еду. Дело в том, что все жители села укрылись от нас.

Чтобы оставаться в населенном пункте до тех пор, пока не отыщется отряд Чжоу Баочжуна, нужно было все знать о местах расположения противника. Но здесь у нас не было ни разведывательной сети, ни знакомых людей. Так что мы не могли приступить к следующему этапу нашей деятельности. О том, где находится Нинаньский партизанский отряд, не знал толком даже Ко Бо Бэ.

Мы переночевали не в поселке, а в незнакомом горном ущелье. Наследующий день Ко Бо БэиО Дэ Сон, отправленные на разведку, нашли шалаш, где размещался Чжоу Баочжун. В этом шалаше я встретился с этим командиром, который вместе с 20—30 бойцами лечился после ранения. У него вскрылась старая рана от мины миномета, которую он получил, сражаясь в

Лоцзыгоу. Она была воспалена, гноилась, хотя после того боя минуло уже несколько месяцев. Нам навстречу довольно далеко от шалаша вышел сам Чжоу Баочжун с посохом в руке, поддерживаемый бойцами.

— Как видите, я все еще никак не оклемаюсь, —сказал он, взмахнув посохом и грустно улыбаясь. Потом крепко сжал мою руку и продолжал:

— Очень рад вновь встретиться с вами. Помогите мне, как только можете.

В его коротком привете и взоре теплилась большая надежда на нашу искреннюю поддержку.

Моя встреча с Чжоу Баочжуном явилась своего рода событием, символизировавшим новуюстраницу истории нашей антияпонской вооруженной борьбы. Эта встреча послужила отправным моментом для КНРА, которая вступила на путь всесторонних совместных действий с партизанскими отрядами, во главе которых стояли китайские коммунисты.

Мы уделяли серьезное внимание сотрудничеству с вооруженными отрядами, возглавляемыми коммунистами Китая. В свою очередь китайские коммунисты в Маньчжурии прилагали все усилия к осуществлению коалиции с нашими вооруженными отрядами, во главе которых стояли корейские коммунисты.

После инцидента 18 сентября повсюду были созданы и выступали против японской агрессии отряды Антияпонской добровольческой армии различных направлений и разновидностей, такие, как китайский антияпонский отряд, Армия спасения отечества, отряды Хунцянхуэй (Союз Красных Пик — ред.) и Дадаохуэй (Союз Больших Мечей — ред.), которые подняли знамя сопротивления, вопреки капитулянтской политике Чан Кайши. Коммунисты обеих стран — Кореи и Китая — придавали важное значение единому фронту с этими вооруженными отрядами и прилагали огромные усилия для его

создания. Нечего говорить здесь о том, какие большие плоды принесли в конце концов эти усилия.

После 1934 года постепенно наступал период спада в деятельности Антияпонской добровольческой армии. Перед лицом усиленного наступления японских войск многие ее командиры ушли со своими отрядами во Внутренний Китай, а часть из них просто капитулировала или же превратилась в местных бандитов. Некоторые люди, такие, как Ши Чжунхэн, изменив свою руководящую идеологию, совершили поворот от национализма к коммунизму. Враги называли антияпонские отряды такой ориентации «политическими бандитами».

В сложившейся обстановке антияпонская вооруженная борьба в Маньчжурии развивалась в направлении создания армии со стройной системой путем объединения антияпонских народных партизанских отрядов, организованных и возглавляемых корейскими коммунистами, а также тех или иных антияпонских отрядов, находившихся под влиянием китайских коммунистов.

Чжоу Баочжун сказал, что не было гладким рождение Нинаньского антияпонского партизанского отряда. При этом он повторно осветил весь этот процесс. Основой этого отряда стали около 20 антияпонских бойцов, которых Чжоу Баочжун взял с собой при отправлении из Лоцзыгоу.

После роспуска Восточногиринского бюро и организации Суининского главного укома партии Чжоу Баочжун, ведавший военным отделом, без промедления приступил к расширению вооруженного отряда, опираясь на упомянутых 20 бойцов.

Вскоре численность отряда превысила 50 человек: включилась в его отряд партизанская группа, состоявшая из корейцев. Потом этот отряд, благодаря неоднократным переговорам, добился объединения с отрядом Пин Наньяна, который имел свою базу в районе Эрдаохэцзы.

Чжоу Баочжун способствовал избранию Пин Наньяна командиром объединенного отряда, асам взял на себя руководство военным делом.

Настоящее имя командира было Ли Цзинпу. Но вместо настоящего имени его звали Пин Наньяном. Говорили, что в прозвище Пин Наньян кроется глубокий смысл.

«Пин Наньян» в буквальном смысле означает «усмирение южного края». В то время японские агрессивные вооруженные силы были сосредоточены в южном районе уезда Нинань. Тогда Ли Цзинпу поставил цель вести решительные бои с японскими захватническими войсками, дислоцированными в этой местности. В связи с этим вооруженный отряд Ли Цзинпу получил название «Пиннаньянский отряд», а его командира стали звать Пин Наньяном.

Уже один этот эпизод говорит о том, что Пин Наньян являлся настоящим храбрым мужчиной, отличающимся чувством высокого патриотизма. Он был смелым человеком, сильно ненавидящим японских оккупантов. Его крайне беспокоила недисциплинированность подчиненных. То же самое волновало и Чжоу Баочжуна, который был как бы главным руководителем отряда, фактически держал реальную власть в своих руках.

При встрече со мной Чжоу Баочжун выразил свое пожелание, чтобы я вместо него провел соответствующую работу с Пин Наньяном.

— Хотя у Пин Наньяна сильно ячество, но он питает большие симпатии к вам, командующий Ким. Ведь именно корейский коммунист спас его от гибели!

Я ответил, что благодарен за столь высокое доверие и понимаю всю тяжесть ответственности, которая ложится намой плечи.

— Я верю в особую силу благотворного влияния командующего Кима. Ведь вы убедили командующих Юя и У, — с улыбкой добавил мой китайский товарищ.

Чжоу Баочжун ломал голову и над отношениямис китайскими антияпонскими отрядами. В районе уезда Нинань было много больших и малых антияпонских отрядов. Причем многие из них враждебно относились к коммунистам. Это представляло собой заметный риф, который немедленно необходимо было устранить в организации деятельности Нинаньского антияпонского партизанского отряда.

Антияпонские отряды Дапина, Сыцзихао, Чжаньчжунхуа, Жэньися, действовавшие, главным образом, в Бэйхутоу западнее города Дунцзинчэн, одно время сотрудничали с Пин Наньяном, но потом связи нарушились. Эти отряды питали вражду к коммунистам, к тому же Цзинъаньская армия склоняла их к капитуляции, вбивая клин между ними. Поэтому довольно трудно было предугадать дальнейшую судьбу этих отрядов.

Антияпонские отряды Шуаншаня и Чжуняна, занимавшиеся бандитизмом . на северо-западе от города Дунцзинчэн, тоже оказались под угрозой со стороны Цзинъаньской армии. Отряд Цзян Айминя, самый сильный среди многочисленных мелких антияпонских отрядов района Тандаогоу на востоке от Нинаня, также колебался после того, как был подвергнут жестокому карательному удару 13-й бригады японской армии.

В свое время были выдворены в Восточную Маньчжурию отряды, находившиеся под контролем Цзян Айминя, не выдержав натиска той же самой 13-й бригады. Тогда их бойцы бродили, занимаясь грабежом продовольствия. Был момент, когда они подали даже заявление о «добровольной капитуляции», но наши товарищи с трудом сумели приостановить их действия.

По словам ЧжоуБаочжуна, отряд Чай Шижуна, находящийся близ Мачана, тоже стал менее активным, чем раньше, в своей деятельности. Он сетовал на то, что и в Нинане возникло «событие Чжаньчжунхуа», похожее на то, что произошло с отрядом Гуаня[14] в Ванцине, вследствие этого нелепого происшествия его отряд не может легально действовать.

«Событием Чжаньчжунхуа» называли несчастный случай, имевший место до объединения отрядов Чжоу Баочжуна и Пин Наньяна. Когда отряд Пин Наньяна испытывал большие затруднения из-за распрей в своих рядах, бунтовщики, подпоив своих противников во главе с Пин Наньяном, разоружили их и удрали.

Пин Наньян остался тогда без маузера. Чтобы добыть оружие для своего отряда, оставшегося с пустыми руками, командир вместе со своими верными подчиненными разоружил отряд Чжаньчжунхуа, находившийся под Наньхутоу и собиравшийся капитулировать. Он вооружил своих солдат добытыми таким путем винтовками. После этого события антияпонские отряды Северной Маньчжурии объявили своим врагом Нинаньский партизанский отряд, связанный с именем Пин Наньяна.

Следовательно, для легализации деятельности отряда Чжоу Баочжуна нужно было восстановить добрые отношения с антияпонскими отрядами. На этот раз он и просил меня сыграть при всем этом роль посредника.

Чжоу Баочжун больше всего беспокоился о состоянии революционного движения в районе Нинаня. При этом он думал, как будто по его вине и из-за его ошибок застопорилось развитие революции в этой местности.

— Если оценить положение дел в Нинане с точки зрения людей Восточной Маньчжурии, то эта местность является тихим краем, где почти не наблюдается революционное влияние. Непонятно, почему так низок идейный настрой масс? Как мы ни стараемся призывать народ подняться на борьбу за революцию, он все время остается равнодушным. Знаете настроения крестьян этого района? Они говорят, что, мол, вполне можно пока терпеть, хотя помещик и не дает им покоя. В горах, дескать, сколько угодно земель и можно поддерживать существование, если обрабатывать эти земли, и незачем подниматься на революцию, проливая кровь и переживая лишения. Конечно,

население довольно тем, что имеет обширные земли, но в данный момент именно это мешает пробудить его классовое сознание. Просто непонятно, следует ли нам гордиться или же сожалеть о том, что в Северной Маньчжурии много земель.

Я расхохотался, слушая такие слова Чжоу Баочжуна.

— Что вы, для 400-миллионной китайской нации счастье, что у нее много земли!

Чжоу Баочжун тоже весело смеялся. Даже разгладились складки на его лбу.

— Да, обширная территория и плодородная земля— источник счастья для всего народа. Оказывается, я зря беспокоюсь.

Товарищ Ким, я рассказал вам о наших трудностях, помогите нам, в чем можете. Мог бы я спатьспокойно, если бы нашел пути к подъему революции в Нинане. А пока я в безвыходном положении.

Примерно такой разговор шел между нами, когда я встретился с Чжоу Баочжуном в Северной Маньчжурии. Мне были вполне понятны его трудности. Этот человек был способным и образованным. Но в физическом отношении, оказалось, ему не под силу решение трудных проблем революции в Северной Маньчжурии. Вскрывшаяся осколочная рана не давала ему в полной мере проявить свою работоспособность. Вдобавок, среднего подчиненных было мало хорошо подготовленных людей.

В шалаше в Бадаохэцзы мы с Чжоу Баочжуном обсуждали в течение нескольких дней пути развития революции в Северной Маньчжурии. Тогда же пришли к выводу, что необходимо идти в гущу народных масс, с тем чтобы искать пути решения различных и трудных проблем революции в Северной Маньчжурии. Только пробуждение и мобилизация народа позволили бы вывести североманьчжурскую революцию из застоя. А для этого нужно было вести в массах политическую

работу и в то же время активизировать боевые действия партизанского отряда.

Вооруженный отряд, как правило, пополняет свои ряды в ходе боев, а революция может расти только в борьбе. Ничего не добьешься, если будешь сидеть сложа руки, без борьбы. Кроме того, без активизации военной деятельности нельзя было превратить отношения с китайскими антияпонскими отрядами от враждебных в союзнические и восстановить престиж Пин Нанья-на, упавший вследствие «события Чжаньчжунхуа».

Мы констатировали обоюдное единогласие по всем этим вопросам.

Когда мы находились в шалаше Чжоу Баочжуна, там был также и Ву Пин, специальный посланец Коминтерна в Маньчжурии. Тогда же Ву Пин познакомил нас с программой сопротивления Японии и спасения отечества, состоявшей из 6 пунктов, которую он взял с собой из Шанхая. Этот документ называли «Основной программой китайского народа по антияпонским операциям». Он был опубликован от имени подготовительной комиссии Комитета по вооруженной самообороне китайской нации. Под ним стояли подписи таких знаменитых лиц, как Сун Цинлин, Чжан Найци,Хэ Сяннин, Ма Сянбай. Ву Пин объяснил, что люди, подписавшие этот документ, автоматически становятся членами Комитета по вооруженной самообороне китайской нации и число таких людей уже достигло нескольких тысяч.

Программа сопротивления Японии и спасения отечества, состоявшая из 6 пунктов, отражала политику единого антиимпериалистического фронта, которую выдвинула Коммунистическая партия Китая в условиях, когда японские империалисты, выдавая себя за защитников Китая, откровенно пытались оккупировать Хуабэй силой оружия, а Чан Кайши открыл огонь для 5-й карательной операции против коммунистической армии. И в китайской революции коммунисты стремились максимально объединить и

мобилизовать силы нации. Поэтому я считал названную программу своевременным документом.

Около 10 дней мы с Ву Пином обсуждали широкий круг вопросов. Беседуя с ним, я узнал, что согласно стратегическим замыслам Мао Цзэдуна китайские коммунисты, прорвав окружение чанкайшистских войск, под знаменем продвижения на север и сопротивления японским захватчикам, начали свой Великий поход в 25 тысяч ли. Сильно вдохновляло нас то, что китайская революция перешла от отступления, вызванного неудачей в первой революционной гражданской войне, к частичному наступлению и множит свои успехи. Могучий поток выступления на север и сопротивления японским оккупантам, поднятый китайскими коммунистами, и движение сопротивления японскому империализму за спасение отечества, активно развернувшееся на территории Внутреннего Китая, могли бы создать благоприятные условия для революционной борьбы корейских и китайских коммунистов в Маньчжурии, и прежде всего именно в Восточной Маньчжурии.

Чжоу Баочжун выделил нам один взвод для совместной деятельности. Экспедиционный отряд вместе с этим взводом покинул горный шалаш в Бадаохэцзы.

Спустя несколько дней в Шитоухэ, на берегу озера Цзинбоху, раздался первый винтовочный выстрел, продемонстрировавший в совместной борьбе братскую дружбу коммунистов Кореи и Китая и животворную силу пролетарского интернационализма. Японский карательный отряд из 200 с лишним штыков, отбывший из Бэйхутоу после получения сообщения о выступлении революционной армии, стал мишенью для наших пулеметов на самой середине упомянутого озера и потерял множество солдат убитыми.

Вслед за этим мы нанесли чувствительный удар по японским агрессивным войскам вблизи Фаншэньгоу. Наконец дал трещину и стал тускнеть миф о «непобедимой императорской армии» Японии, которая кичилась своим

могуществом, одержимая манией победы за победой на обширной территории Северной Маньчжурии. Это позволило также пробить заметную брешь и в осадно-наступательной операции японских империалистов против партизанских районов Восточной Маньчжурии.

Жители района Нинаня вновь оживились, распространяя слухио«лаогаоли», выражая при этом большое удовлетворение.

Узнав об этих слухах, первым прибежал к нам именно командир Нинаньского антияпонского партизанского отряда Пин Наньян. Мы, продвинувшись в район Наньхутоу, встретились там с местным активистом участковой парторганизации, оказавшим позже моральную поддержку и материальную помощь нашему Ванцинскому отряду. После этого направились в сторону Сицингоуцзы. Тогда Пин Наньян вместе с ординарцем Чжоу Баочжуна неожиданно появился передо мной и, даже не представщись, непрерывно восклицал; «Рад вас видеть!», «Рад вас видеть!»

Я отдал отряду приказ о привале, после чего непринужденно с ним беседовал.

— Сейчас по всей Северной Маньчжурии широко распространялись слухи об отряде Ким Ир Сена, Мои подчиненные очень радуются этим слухам. Позвольте мне, пожалуйста, пожать вам руку, командующий Ким, заставивший самураев трепетать от страха!

Пин Наньян, крепко держа мою руку в своих руках, внимательно смотрел на меня приветливым взглядом и продолжал:

— Ныне мои подчиненные находятся севернее города Дунцзинчэн. Поступила информация, что их потрепали солдаты Цзинъаньской армии. В боях с японскими войсками и Цзпнъапьской армией они постоянно дрожат от страха и терпят поражение. Какая это обида!

— Может быть, потягаемся разок с этой Цзинъаньской армией?

— Готов вместе с вашим отрядом, командующий Ким...

Совместная борьба придаст нам храбрости да и кое-чему научит нас.

По просьбе Пин Наньяна я включил в наш экспедиционный отряд около 40 бойцов, которых он взял с собой, зато один взвод, выделенный мне Чжоу Баочжуном, направил вместе с его ординарцем, сопровождавшим Пин Наньяна, в горный шалаш в Бадаохэцзы. Одновременно возвратил в Цзяньдао бойцов Яньцзиской роты, учитывая напряженное положение, вновь сложившееся в Восточной Маньчжурии вследствие карательной операции противника.

Когда Пин Наньян посетил меня, Чжоу Баочжун послал ко мне вместе с ним также связного из Восточной Маньчжурии. Тот подробно сообщил нам об обстановке, сложившейся в Цзяньдао.

Проходя мимо Бэйхутоу, я приказал всему отряду продолжать «поход единым шагом». Нам пришлось проходить мимо мест, недалеких от пункта скопления врагов. Поэтому требовалось заместиследы нашего про движения. Мы применили «поход единым шагом» — это такой поход, когда и десять, и сто, и тысяча человек движутся, ступая по следам впереди идущего бойца, как будто прошел всего лишь один человек.

Пин Наньян наблюдал, как в каждой нашей роте по моему приказу конкретно обучали бойцов не только совершению «похода единым шагом», но и мастерству заметать следы, методу похода рассредоточеннымисилами, методу сооружения бивака в населенном пункте. Он тогда отметил, что КНРА овладела в совершенстве приемами партизанской войны.

Под Синьаньчжэнем мы совместно с отрядом Пин Наньяна разгромили два батальона Цзинъаньской армии, находящиеся под командованием подполковника Такэути. Затем во взаимодействии с антияпонским отрядом Чжуняна разбили другое подразделение этой армии на берегу реки Дахайланхэ, а

в местечке Лаочжуаньцзя в Бадаохэцзы нанесли удар по кавалерийской и 6-й пехотной ротам названной армии.

В нашу экспедицию включались один за другим антияпонские отряды, которые прежде жаловались на падение боевого духа. Это было достигнуто в результате одержанных побед и ратных подвигов бойцов экспедиционного отряда.

Мы возвратили в горный шалаш в Бадаохэцзы и после короткой встречи с Чжоу Баочжуном снова перешли через реку Муданьцзян в последней декаде декабря и нападали на Цзинъаньскую армию и полицейский участок Маньчжоу-Го под СиньаньчжэнеМ. Эти бои были организованы по предложению антияпонских отрядов Дапина, Сыцзихао, Чжаньчжунхуа и Жэньися. Цель боевых операций — опять вовлечь в Нинаньский партизанский отряд те антияпонские отряды, которые ушли от Пин Наньяна. Активно и уверенно участвуя в боевой деятельности, нанося врагам непрерывные удары, Нинаньский партизанский отряД беспрестанно пополнял свои ряды за счет бойцов китайских антияпонских отрядов и местных новобранцев-добровольцев.

В тот день, когда мы сражались с Цзинъаньской армией под Синьаньчжэнем, Пин Наньян уверенно говорил, крепко пожимая мою руку:

— Командующий Ким, теперь мне нечего бояться. Могу громить и японские войска и Цзинъаньскую армию. Чем мне отблагодарить вас за оказанную помощь?!

— Благо дарить-то не за что. Если хотите—бейте побольше врагов. Армия закаляется в битвах!

Я крепко пожал руку Пин Наньяна, чем еще больше воодушевлял его.

Во время похода мы встретились также с Чай Шижуном и Цзян Айминем и обсуждали с ними вопрос создания антияпонского объединенного фронта. Цзян Айминь, который потерпел жестокое поражение от ударов 13-й бригады японской армии и попал, что называется, в заколдованный круг,

направился в Восточную Маньчжурию для встречи со мной, но, узнав, что мы действуем в Северной Маньчжурии, сам поспешил к нам. Он выглядел довольно веселым и энергичным и мне даже трудно было поверить, что передо мной стоял командир отряда, потерпевшего одно поражение за другим.

— Честно говоря, я побывал в Ванцине, чтобы обратиться к вашему отряду за помощью, командир Ким. А Фан Чжэнынэн сказал: «Извините, у нас тоже трудное положение, нам не до помощи другим». Командир Ким, помогите нам!

Цзян Айминь откровенно рассказал о своих трудностях, не стесняясь, что может упасть в моих глазах его престиж как командира крупного отряда. Фан Чжэныпэн был китайцем, которого назначили командиром полка нашей армии после того, как мы отправились в Северную Маньчжурию.

Мы научились многому в ходе взаимодействия с отрядом Пин Наньяна и другими многочисленными мелкими антияпонскими отрядами. Можно было считать, что в основном успешно была достигнута военно-политическая цель, которую ставил перед собой экспедиционный отряд в качестве своей задачи.

Позже мы, вернувшись в Цзяньдао после похода, получили радостную весть о том, что в Северной Маньчжурии Чжоу Баочжуну удалось сформировать 5-й корпус Северо-Восточной Народно-революционной армии, ядром которого был Нинань-ский антияпонский партизанский отряд. Было вовлечено в этот 5-й корпус большинство китайских антияпонских отрядов, которые в свое время установили узы боевой дружбы с нашим экспедиционным отрядом, пробиваясь сквозь снежные бури Северной Маньчжурии.

Среди военных кадров 5-го корпуса было немало моих задушевных друзей — соратников похода в Северную Маньчжурию. Пин Наньян, командовавший 1-м полком 1-й дивизии, был назначен комдивом, Чай Шижун, занимавший пост командира 2-й дивизии, стал заместителем комкора. Цзян

Айминь командовал 5-м полком 2-й дивизии. В этих частях было немало корейских коммунистов, прошедших вместе с нами путь кровопролитной борьбы.

Получив весть об организации 5-го корпуса, я мысленно поздравлял Чжоу Баочжуна, обратив свой взор на Нинань издалека, из-за перевала Лаоелин.

Наш первый поход в Северную Маньчжурию, наряду с битвой в Лоцзыгоу, послужил отправным моментом и основной движущей силой для срыва осадно-наступательной операции противника. Главные силы 13-й японской бригады, дислоцированной в Нинане, и части Цзинъаньской армии оказались сильно потрепанными благодаря нашему военному натиску.

В Северной Маньчжурии мы пролили тогда немало крови. Потерей, вызвавшей самую острую боль в моем сердце, явилась гибель политрука Яньцзиской роты и ординарца-малыша Ли Сон Рима.

Ли Сон Рим был первым ординарцем, которого мы приняли в отряд после прибытия в Ванцин. Он рано лишился родителей во время карательной операции японских войск. Мы тепло приняли его, заботливо растили, одевая и обучая грамоте. Так он вырос довольно стройным парнем. Он не стеснялся засыпать, обняв меня за шею. Видя все это, Рян Сон Рён сказал, что из этого парня-неженки не выйдет достойный мужчина, и предложил послать его в школу Детского отряда. Ли Сои Рим плакал, умоляя не отправлять его из отряда.

Рян Сон Рён невзлюбил Ли Сон Рима с тех пор, как этот парень пошел в школу Детского отряда и начал хвастаться полученным от меня малокалиберным пистолетом. Однажды, когда мы проводили заседание в штабе. Ли Сон Рим втихомолку пошел в школу Детского отряда и заманил в заросли ивняка на берегу ручья детей, игравших на площадке. Ему хотелось показать им свой пистолет. Пока он разбирал и собирал пистолет, прошло время перерыва. Учитель, вошедший в класс

для урока, ахнул и забил тревогу. Ведь не появился в классе ни один из учеников, которые ушли вслед за моим ординарцем, чтобы посмотреть его пистолет.

Узнав подробности об этом событии, Рян Сон Рён сказал мне, что может случиться серьезное происшествие, когда держу при себе такого ординарца, как Ли Сон Рим, и советовал заменить его другим.

Но я не принял тогда его совета. Ли Сон Рим вместе со мной сходил в Онсон и Чонсон, долгое время находился и в горах за Тумынем. Он был мужественным и отважным ординарцем, не боявшимся смерти.

Ли Сон Рим, вероятно, погиб в бою близ Туаныпаньцзы. Тогда мы оказались под ударом с двух сторон — японских войск и Цзинъаньской армии. Парень бежал в отряд Пин Наньяна, чтобы передать мой приказ, и на пути неожиданно столкнулся с противником. Не осталось ни одного патрона в маузере, найденном возле погибшего ординарца. Зато вокруг него валялось пять или шесть вражеских трупов. Погиб, как настоящий солдат, смертью храбрых.

Обняв погибшего Ли Сон Рима, я так горько плакал, что и Пин Наньян всхлипывал.

Когда мы нашли труп Ли Сон Рима на поле брани после победы над врагом, перед моими глазами всплыла школа Детского отряда в Ванцине, пороги которой обивал он при жизни. В этой школе было много его товарищей по играм и закадычных друзей.

«Как мне теперь к ребятам Детского отряда Ванцина идти, похоронив Сон Рима на земле Северной Маньчжурии?» При такой мысли подступил у меня к горлу горячий комок, на глаза навернулись слезы.

Боевые друзья долбили замерзшую землю для погребения Ли Сон Рима, но я запретил бросать в могилу мерзлые комья, ибо мне чудилось, что паренек вот-вот оживет и бросится в мои

объятия. Я никак не мог тронуться в путь, оставив мальчика в земле, холодной, как лед.

Ли Сон Рим, который шагал через перевал Лаоелин, недовольно что-то бормоча, проклиная тот крутой перевал, и поныне покоится насклоне безымянной горы вместе с другим и павшими боевыми друзьями. Пусть же слышит он песню о новой жизни, разносящуюся по обширной земле Маньчжурии.

4. Звуки губных гармошек в Нинане

Нет ничего более обидного, более горького, чем прохладное отношение народа к армии, призванной защищать его интересы.

Возможно, читатель не поверит, но действительно наш экспедиционный отряд испытал подобный «холодок» сразу же после перехода через перевал Лаоелин. И, наверное, можно в связи с этим задать вопрос: «Где ж это видано, чтобы народ, преисполненный истинным чувством долга, защитник и выразитель этого чувства, сторонился революционной армии, с прохладой относился к тем, кто защищает интересы народа?»

К сожалению, давая на этот вопрос утвердительный ответ, мне приходится рассеивать подобное всеобщее сомнение.

Известно, что тучные, хлебородные земли Нинаня по праву считаются житницей страны. Но, к сожалению, в то время, когда наша экспедиция только еще спустилась с Лаоелина и вступила в пределы Северной Маньчжурии, жители Нинаня не хотели даже угостить нас кашей. Если бы столь прохладное отношение порождено было житейскими трудностями, бедностью, то оно, конечно, вызвало быу нас только со чувствие. Но в данном случае причина была иной — вокруг воцарилось сплошное недоразумение и недоверие, и люди без всяких причин отворачивались от нас. Это сильно встревожило нас, привыкших к народной поддержке и радушию жителей.

Увидят местные жители хотя бы издали наших бойцов, — а были они в матерчатых гетрах и в солпхи (Приспособление для передвижения по глубокому снегу, надеваемое на обувь. Дежичся из соломенных веревок, проволок и т.п. — ред.), — сразу же шепчутся: «Вот она, «кореская красная армия», пришла!» И тут же прячут в домах детей и молодых девушек, а двери закрывают на засов. После этого начинали осторожно

следить за нами, что вызывало у всех сильное чувство обиды, задевало самолюбие.

Несколько дней нам приходилось и варить кашу, и ночевать прямо под открытым небом. Все вокруг было чуждым, непривычным, чего нам никогда не приходилось испытывать в Цзяньдао.Там, в Восточной Маньчжурии, обстановка была совершенно иной. Как только мы возвращалисьс победой после боя, люди гурьбой выходили навстречу нам, приветствовали бойцов — били в барабаны, гремели гонгами, аплодировали, преподносили букеты цветов. Одни, бывало, протягивали бойцам чащки с кипятком, другие предлагали початки вареной кукурузы. Однажды в Мацуне даже соорудили своего рода триумфальные ворота из сосновых ветвей в честь бойцов.

Однако вНинане люди как могли сдерживали свои чувства. Мы отправили в населенные пункты разведчиков, задействовали подпольную организацию, однако местные жители ничуть не выражали нам своимнения и не выдавали свои думы. Их ледяная сдержанность намного превышала наши представления о тамошнем населении, которые у нас возникли в Восточной Маньчжурии после беседе Чжоу Баочжуном и с Ко Бо Бэ, который довольно часто посещал Северную Маньчжурию.

В уезде Нинань находилось село Волянхэ. Само название села «Волянхэ» говорило о плодородности полей, обилии хлеба.

Но и там люди не только не проявляли готовности накормить бойцов, а как бы даже и не замечали никого из нас.

Мы попытались было провести среди населения политическую работу, но на наше приглашение посетить собрание почти никто не откликнулся. В результате никто из нас не смог даже выступить с публичной лекцией о текущем политическом положении. Ли Сон Рима раздражала крутизна перевала, когда мы добирались сюда. Но оказалось, что теперь перед нами встали еще более крутые, более высокие барьеры, чем при форсировании перевала Лаоелин.

Некоторые бойцы поторопились сделать вывод, что нинанцы по самой природе своей люди холодные. Но я придерживался на этот счет иного мнения. Разумеется, в зависимости от местности люди несколько отличаются своими нравами, привычками, но не могут же только лишь здесь, в Нинане, предаваться забвению добрые обычаи китайцев и корейцев, которые всегда проявляют к гостям внимание, радушие и окружают теплой заботой.

Так чем же все-таки объяснить их неучтивость, сбившую с толку бойцов экспедиционного отряда?

Согласно историческим сведениям, одно время в Нинане располагалась столица древнего государства Пальхэ. Было время, когда, по преданию, в этом древнем городе проживало население до 100 тысяч человек. Следовательно, довольно продолжительной была история освоения и развития этой местности. Плодородные земли, трудолюбие, простота, доброта и верность жителей, отличающихся глубоким доверием, справедливостью и строгим соблюдением неписаных моральных законов, — таковы общепризнанные приметы этой местности, запечатленные в исторических документах.

После перенесения столицы государства Пальхэ в другое место многие жители Нинаня также начали покидать насиженные места. С течением веков процессы менялись — то росла, то уменьшалась численность населения. Множество раз менялись сами по колония жителей. Но добрые нравы иобычаи нинанцев не поблекли и не были запятнаны. Они передавались из рода в род. Стало быть, совершенно беспочвенно мнение о том, что нинанцы от роду холодны, бездушны и бессердечны.

Среди бойцов нашлись и такие закоренелые скептики, которые утверждали, что вообще Нинаню чуждо коммунистическое движение. Тут же приводили аргументы: во-первых, у людей этой местности низкая сознательность, они неспособны взять на вооружение коммунистическую идеологию, а во-вторых, обилие земель и малая численность крестьян в

уезде Нинань тормозят возникновение антагонистических противоречий в социально-классовом отношении и, как следствие, здесь не обостряется классовая борьба.

Подобные нигилистические заключения сразу же натолкнулись на решительный отпор, «Есть ли в мире места, подходящие или не подходящие для коммунизма? Если есть, то как же тогда такому коммунизму завоевать весь мир? Как претворить в жизнь лозунг «Манифеста Коммунистической партии» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Тезис о том, что малочисленность населения и обширность земель не порождают антагонистических отношений между классами, есть не что иное, как поверхностное суждение, порождаемое незнанием реальной действительности, Согласно такой, с позволения сказать, «теории», должно следовать заключение, что в густонаселенной Германии, например, должны быть более острыми классовые противоречия, там раньше, чем в малонаселенной России, должна была победить революция. Все это софистика!» — так отвергли эту концепцию.

Чтобы установить причины непринятия нинанцами коммунизма и их враждебного отношения к коммунистам, прежде всего надо было искать последствия преступных действий японских империалистов. Ведь они ничем не гнушались, когда дело касалось антикоммунистических акций. С активизацией коммунистического движения в Нинане подлые провокаторы из числа оккупантов усиленно раскручивали маховик антикоммунистической пропаганды, чтобы вбить клин между коммунистами и простыми жителями. В Нинане, где сравнительно медленно протекал процесс идейно-политического просвещения, японская пропаганда легко охватывала своим влиянием местных жителей.

Вина за антикоммунистический психоз в Нинане, можно сказать, лежала также на корейских коммунистах раннего периода, не прекращавших между собой фракционной грызни. В середине 20-х годов, после основания в Корее Компартии,

фракционеры группировки «Хваёпха» создали здесь учреждение под весьма броской вывеской: «Маньчжурское бюро Компартии Кореи». Тогда же, злоупотребляя священным словом «коммунизм», они просто ушли с головой в борьбу за расширение влияния своей фракции. Прожужжав уши простодушному, доверчивому народу своими крикливыми лозунгами о независимости Кореи и о незамедлительном осуществлении идей социализма, фракционеры подстрекали местных жителей на безрассудные восстания и демонстрации.

Микрофоны, оказавшиеся в руках «левых» экстремистов, призвали нинанцев подняться на восстание 30 мая. Главными объектами, против которых был направлен этот путч, явились в Цзяньдао правленческие учреждения японских колонизаторов и китайские помещики, а здесь, в Нинане, — Ханьская национальная ассоциация и другие организации националистического толка. Но демонстрация, начатая в уездном центре, с самого начала потерпела провал.

Такая же самая участь постигла и демонстрацию, организованную коммунистами 1 мая 1932 года. Перед врагами был оголен состав активистов, улицы Нинаня были залиты лужами крови, что повлекло за собой весьма пагубные последствия. Все демонстрации, организованные авантюристами, привели к массовому разрушению революционных организаций Нинаня. После первомайской демонстрации коммунистическое движение в Нинане стало приходить в резкий упадок. Руководство партийного органа, прекратив процесс создания вооруженных сил и партизанских районов, стало разбредаться кто куда: в Мулин, Дуннин, Ванцин и другие места. Некоторые вероотступники, предав революцию, ушли и в уездный центр Нинань.

Разнузданный белый террор японских империалистов, маньчжоугоских войск и полиции способствовал созданию впечатлений превратного представления людей о коммунизме.

Люди были охвачены отчаянием и страхом перед ужасом тюрьмы и смерти, доставшихся в результате борьбы. Тогда в сознании многих людей укоренилась такая нигилистическая психология, что конечный пункт шествия революции—смерть, коммунистическое движение — бессмысленная авантюра.

Итак, корейские коммунисты не смогли пустить глубокие корни доверия в сердцах масс и, наконец, вынуждены были оставить Нинань, квалифицировав эту местность как «бесплодную землю». Появились здесь китайские коммунисты, которые начали налаживать «восстановительную» работу. Но и новых пришельцев вскоре ошеломило холодное отношение населения к революционному движению в общем его понимании.

Нельзя умолчать о некоторой части националистов Кореи, которых тоже можно считать непосредственными распространителями антикоммунистического яда в Нинане. Довольно усердно проводили антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду остатки сил Армии независимости, которые, испугавшись крупной карательной операции японцев в году Кенсин, эмигрировали в Россию и оттуда вернулись в Нинань после события на Хэйхэ[15]. Чтобы опорочить коммунизм и Советский Союз, они твердили, что трагедия на Хэйхэ — затея корейских коммунистов — эмигрантов, вступивших в сговор с СССР. Националисты заявляли, что смерть Ким Чва Чжина — дело рук коммунистов. Наговор этот, конечно же, искажал картину его убийства, но простодушные люди начинали верить и в такой вымысел.

Нинанцы сторонились не только коммунистов, но и вообще людей военных. Они чурались всех без исключения солдат и командиров, независимо от их принадлежности и выполняемой миссии. Да это и было понятно: все войска, в их понимании, властвуют над народом, являются нахлебниками, не стесняющимися потрошить чужие чаны с рисом и кошельки с деньгами. Не говоря уж о японских войсках и марионеточной

армии Маньчжоу-Го, даже некоторые китайские антияпонские отряды, ратующие за сопротивление Японии и спасение отечества, насильственным путем забирали у населения деньги, зерно и угоняли домашний скот.

Корейские националисты в свое время создали в Нинане административный орган «Синминбу», который собирал в военный фонд деньги и зерно. В довершение всего этого своими частыми налетами докучали местные разбойники, которые чуть что забирали людей заложниками. Взвесив все это, начинаешь понимать, каким могло быть настроение у жителей, которым приходилось безоговорочно прислуживать всем этим нахлебникам.

Такой обзор исторических корней не давал нам повода для обиды на якобы бессердечных нинанцев. Дело ведь не в том, что именно нашей экспедиции не была оказана необходимая материальная помощь. Самым тяжелым камнем лежало у нас на сердце то, что было невозможно достигнуть главной цели нашего похода — посеять семена революции в сердцах жителей Северной Маньчжурии. Мы хорошо понимали: если народ не раскроет нам душу, то экспедиционному отряду будет навсегда закрыт путь к побуждению революционного сознания населения Северной Маньчжурии.

Для того, чтобы вывести нинанцев на широкую дорогу революции, требовалось непременно открыть проход в стоящем перед нами барьере.

Мы ознакомилисьс деятельностью Бадаохэцзыского участкового комитета партии. От Ким Бэк Рёна, секретаря того парткома, мы узнали подробности положения дел в уезде Нинань. В этом уезде, говорил он, все же наиболее революционно настроенными являются жители Бадаохэцзы.

Это место и называлось Сяолайдипанем. Здесь находились уездный и участковый комитеты партии. А название «Сяолайдипань» происходило от имени Ким Со Рэ (Со Рэ — по китайски

произносится Сяолай — ред.), который был главой секты религии Тэчжонге в уезде Хэлун.

Об этом деятеле я впервые услышал от Со Чжун Сока, когда учился в Юйвэньской средней школе в Гирине. Он говорил мне, что одно время учительствовал в Конвонской школе в Хэлуне, созданной Ким Со Рэ. Этот Ким был не только основателем школы, но и ее директором. Он имел прочные связи с Со Иром, был в дружеских отношениях и с верхушкой Северной военной управы и с руководством Цзяньдаоского национального собрания. Настроенный крайне антияпонски, глава секты оказывал свою поддержку движению за спасение Родины. Она заключалась в том, что он направлял выпускников школы под попечение Хон Бом До, Ким Чва Чжина и других храбрых военачальников Армии независимости.

После ухода Армии независимости из Северного Цзяньдао Ким Со Рэ переселился в ущелье Бадаохэцзы, купил там землю и, став местным помещиком, снабжал денежными средствами отряд Армии независимости, которым командовал Ким Чва Чжин. В свое время Ли Гван тоже приобрел у него оружие в первые дни после основания партизанского отряда.

Революционеры Нинаня одно время считали Ким Со Рэ неблагонадежным в силу того, что тот возглавлял секту религии Тэчжонге. Среди тех, кто плохо разбирался в истории, оказались люди, которые принимали эту религию за японскую. На самом же деле Тэчжонге была чисто корейской религией, основанной на вере в Хваньина, Хваньуна и Хвангома — героев древнего мифа об образовании Кореи.

Ким Вэк Рён говорил, что длина ущелья Бадаохэцзы достигает по меньшей мере 32 — 40 километров. Там, утверждал он, разбросано много поселков, в которых немалую часть населения составляют корейцы. Бадаохэцзы, бывшее одно время солидной тыловой базой Армии независимости, в начале 30-х годов стало опорным пунктом действий Нинаньского партизанского отряда.

Я с еле теплившейся надеждой направил политгруппу в одно из поселений в Бадаохэцзы, указанное мне Ким Бэк Рёном. Кстати, хотелось собрать сведения о вражеских действиях, а заодно узнать настроение жителей. В составе группы были искушенные мастера агитации и пропаганды.

Группа, возглавляемая политруком 5-й роты Ван Дэ Хы-ном, отправилась в населенный пункт. Через некоторое время он возвратился с усталым видом,

— Опять неудача! Любые, самые зажигательные словал бесполезны — словно об стенку горох! Лучше, как говорится, втолковывать в воловьи уши Четверо книжие или Троекнижие из конфуцианского канона, чем общаться с этими людишками Нинаня! — доложил он мне и безнадежно покачал головой.

Находившийся рядом Ким Бэк Рён глубоко вздохнул, как будто сам был виноват в том, что нинанцы так холодно относят" ся к гостям из Восточной Маньчжурии.

—Да, беда-то, беда с этими нинанцами! —сказал он.—Как ни старайся, все равно не сдвинуть их с места! Посылали уже делегацию, чтобы перенять опыт работы, проводимой в Восточной Маньчжурии. Возвратились люди оттуда, после чего еле-еле удалось создать школу Детского отряда. Вначале собралось там с полсотни ребятишек, пошумели, а вскоре все лопнуло — оказалось, начало было хорошим, а конец стал бесславным.

Как же понять такой народ, который отворачивает лицо от революционеров — защитников, выразителей интересов народа? Я глубоко задумался, впервые в жизни столкнувшись с такой неприступной жизненной кручей. Нелегок был, конечно, процесс революционного воспитания жителей сел Фуэрхэ и Уцзяцзы, но и там люди были не такими холодными, как здешние.

В древней, многовековой истории нашей нации никогда не было таких случаев, когда народ был неблагонадежным. Я никогда в жизни не делил народ на хороших и плохих людей.

Запятнал историю, надругался над ней не народ. Это сделала жалкая кучка правителей. Не отрицаю, что отдельный человек стал и предателем, и скупердяем, и плутом, и мошенником, и честолюбцем, и развратником. Но их было ничтожно мало, как пылинки в куче очищенного риса.

Громада, а имя ей — народ, который, можно сказать, и представляет все на этом свете, всегда добросовестно вращала в нужном направлении колесо истории. Понадобилось истории— народ сотворил и «корабль-черепаху»[16], и пирамиды. А когда время потребовало от него пролить кровь, то он без колебаний бросился грудью на дзоты, презирая неминуемую смерть.

Вопрос, видимо, в том, что мы не сумели найти кратчайший путь к сердцам нинанцев.

Политтруппа Ван Дэ Хына, несомненно, страстно с пламенным призывом вела антияпонскую пропаганду.

Но мало лиместным жителям приходилось слышать подобных речей? Нет, наслышались достаточно, до пресыщения. Такие же речи произносили и воины Армии независимости, и бойцы АСО, да и разбойники тоже соловьями поют. Само собой разумеется, что политическая агитация Ван Дэ Хына не могла достичь ожидаемого результата.

Беда в том, что наши пропагандисты во всем пытаются учить народ! С какой же это поры мы начали считать себя учителями, а народ — своим учеником?! Несомненно, что коммунисты призваны вывести народ от тьмы к свету. Однако скромно ли, право же, так безапелляционно считать себя его учителем?

Пути, ведущие в глубину души народной, разные, но пропуск туда только один. Это искренность! Только она, эта бескорыстная искренность, сможет соединить нашу и народную кровь в одной артерии.

Надо бытьсынами, братьями, внукаминарода в подлинном смысле этого слова. Иначе мы на нинаньской земле навсегда будем отвергнуты народом.

Мы слышали, что при выступлении в Нинане детской агитбригады из Ванцина зрительная аудитория каждый раз была переполнена до отказа. Так, почему же народ детскую агитбригаду приветствует, а от партизан отворачивается, хотя и те и другие одинаково призывали к революционной борьбе?

— Ты тоже смотрел здесь выступления наших юных артистов?—спросил я тогда Ким Бэк Рена.

— А как же! Просто было великолепно! — Ким Бэк Рён добавил при этом, что детский концерт потряс весь Нинань.

— Говорили, что там, где выступала агитбригада, было всегда полно народу. Это же чудеса сотворения мира! Ведь нинанцам не по душе коммунистическая пропаганда, но тем не менее собралось много людей. В чем же секрет, по-твоему?

— В том, что эти миленькие ребятки вызывали у местных людей симпатию. Покорили зрителей своим представлением.

Они, улыбаясь, словно яркая луна, воздействовали на зрителей.

Дети ласкались к людям, как к родной матери, к родному отцу, и нинанцы, какими бы они ни казались черствыми, души не чаяли в этих детишках.

— Да, эти таланты и в Ванцине привлекательны.

— Дело не в одном концерте. Главное — дети проникали в души людей. А какая у них искренность! Покорили, скажу честно, и мое сердце. А как они наводили чистоту в Бадаохэцзы! Вставали рано на рассвете, убирали улицы так чисто, что сверкало вокруг. Днем шли на поля помогать взрослым.

Ким Бэк Рён не скупился на похвалы в адрес маленьких агитаторов, что вызывало у меня большое удовольствие.

— Дети-то малолетние, а какие смышленые!

— И еще важно то, как они тянулись к людям! Встретят взрослых—приветствуют салютом Детского отряда. И обращались ко всем так вежливо: «дедушка», «дяденька», «тетенька», «сестра» — слышать приятно. В общем люди здорово их хвалили.

Юные артисты овладели сердцами людей Северной Маньчжурии, я бы сказал, своей привязанностью. Да, помню, когда-то мы целых полдня проводили у проруби на реке Туман, чтобы отыскать затонувший топор хозяина. И это тоже было выражением нашей искренности, любви к народу. Когда мы проявляли полноту своей искренности, народ никогда не отворачивался от нее, ни разу не отвергал наших идей.

Оплошность политгруппы Ван Дэ Хына в том, что бойцы не убедили людей в своей искренности. Они руководствовались деляческим подходом: обязательно надо воспитать жителей Северной Маньчжурии в революционном духе! Не стремились проявить внимание к людям, не думали сдружитьсяс ними. И нет удивительного в том, что народ Северной Маньчжурии не открыл нам своей души.

Просчет был и в том, что контакт с ним они начинали с речей. Насколько же поучительны для нас действия маленьких агитаторов из Ванцина! Сначала они проявили к людям свои искренние привязанности, а затем своими захватывающими песнями воздействовали на их чувства и настроение.

Я решил прежде всего изменить формы нашей политпропаганды. Посоветовался по этому поводу с командирами. Затем велел всем ротным политрукам пригласить в штаб тех, кто хорошо играет на губной гармошке. Когда все они собрались, я предложил каждому из них продемонстрировать свое мастерство.

Боец из Яньцзиской роты по имени Хон Бом играл так великолепно, что слушатели азартно хлопали в такт музыке. Порой он даже извлекал звуки, напоминающие ансамбль аккордеонистов. Мы знали, что боец из 5-й роты Ванцина тоже мастерски играет на губной гармошке, но ему трудно было тягаться с Хон Бомом.

Хон Бом начал увлекаться губной гармошкой еще в начальной школе. Однажды кто-то из постоянных гостей оставил у него дома губнуюгармощку и больше за ней не явился.

И естественно, что этот инструмент увлек, захватил мальчика. Несколько лет подряд играл он на ней, достигая удивительной виртуозности. Со старенькой гармоники стерлась никелировка, но звуки, к счастью, были по-прежнему отчетливыми, мелодичными.

Увидев этот старенький инструмент в Дуйтоулацзы при подготовке к походу, я подумал, что надо приобрести ему новенькую гармонику. Но не было подходящего момента, и я не смог выполнить свое решение до самого момента отправления в Северную Маньчжурию.

Немало партизан и жителей Цзяньдао хорошо знали биографию Хон Бома. Это был рядовой боец, но его жизненный путь знали многие из людей, молва о нем разнеслась по просторам Восточной Маньчжурии. Всем этим он был обязан своей великолепной игре на губной гармошке. Мастера губной гармошки везде были любимцами своих боевых друзей.

Хон Бом родился в Чонсоне провинции Северный Хамген. В детстве с родителями переселился в Цзяньдао, с раннего возраста окуну лея в революционное движение. Одно время, вступив в красное ополчение, он принял участие в массовой борьбе против прокладки железной дороги Дуньхуа — Тумынь. После роспуска Хайланьгоуского партизанского участка Хон Бом с вещевым мешком, где хранилась его губная гармошка, перебрался в Ванъюйгоу, где и вступил в партизанский отряд.

Я дал Ван Дэ Хыну задание — пойти вместе с ансамблем гармонистов в то самое село, в котором вчера политгруппа потерпела фиаско, и еще раз попытаться проникнуть в сердца местных жителей. Затем я попросил Ким Бэк Рёна скупить в округе все губные гармошки при помощи подпольной организации,

В тот же день я пошел в секретариат Нинаньского укома партии, чтобы подготовить агитационные листовки для жителей. Когда мы беседовали с товарищами из секретариата, ко мне

прибежал Ван Дэ Хын с посветлевшим лицом. Незадолго до этого он отправился в село с гармонистами.

— Товарищ командир, удача. Эти бесчувственные, словно верстовые столбы, люди наконец-то открыли нам свои души!

Ван Дэ Хын был командиром особого склада — докладывал сначала результат, а уж потом в деталях рассказывал о том, как выполнялось задание.

Поучительными были действия гармонистов. Они сумели привлечь на свою сторону именно тех людей, которые никак не хотели открывать свои души бойцам революционной армии и были равнодушны, по их выражению, словно истуканы.

Ансамбль гармонистов начал свою деятельность с уборки снега во дворе дома, находившегося посреди села. В довольно просторном дворе поставили часового. Затем начали концерт. Первым номером выступления был дуэт — играли на губной гармошке Хон Бом и еще один боец. Остальные пустились в пляс под бодрую мелодию. Привлеченные интересным зрелищем, подбежали к ограде два-три мальчугана, крутивших до этого волчок в соседнем переулке. Затем из других переулков тоже заспешили мальчуганы, подтягивая штаны.

Два гармониста, исполнявшие песню «Все, поднимайтесь!», быстренько переключились на детские мелодии, исполнили «Песнюо детях» и «Доку да пришел?» Дети, очарованные заливистыми звуками губной гармошки Хон Бома, начали подпевать, хлопая в ладоши. Несколько детей побежали по улицам, по домам, громко оповещая:

— Смотрите, «корёская красная армия» из Цзяньдао!

Танцуют!

Самые что ни на есть живые афиши. Появились и взрослые, которые издалека залюбовались весельем бойцов революционной армии, засовав руки в рукава или скрестив их на груди. Некоторые из них подошли поближе к танцующим и стали с любопытством разглядывать «шутов» из «кореской красной армии».

Когда собралось 40, а то и целых 50 зрителей, группа гармонистов начала играть «Ариран». Эта песня-то, к удивлению, собрала все село. Толпа все увеличивалась: вначале было сто, а затем двести и, наконец, триста человек.

В это самое время Ко Бо Бэ затянул песню «Элегия пхеньанцев». Несколько сот зрителей, заинтересовавшись такой грустной, задумчивой мелодией, окружили двор плотным кольцом и внимательно прислушивались к звукам, льющимся из уст воина этой «кореской красной армии».

Но артист не допел, вдруг остановился на половине куплета. Затем начал свою речь на манер артиста «школы новой волны»:

— Послушайте, уважаемые! Интересуюсь я, где же ваш родной край? Что, что? Говорите, провинция Северный Кенсан, провинция Южный Хамген, провинция Канвон... Ах, вот как! Ну, конечно, некоторые родом из провинции Южный Пхеньан. Но прошу вас, не спрашивайте, пожалуйста, о моем родном крае!

Нет! Я это не от собственной гордостиутаиваю, а просто не знаю точно, где появился на этот свет. В Корее-то, разумеется, в

Корее, но я лишь знаю, что на каком-то побережье моря. Жил в Корее, а затем на спине родителей переправился через реку, только не знаю через какую. Может быть, через реку Туман, а то и через реку Амнок. Да, да, я сроду такой дурень...

Слушая балагура, люди начали улыбаться, потихоньку обмениваться впечатлениями.

Ко Бо Бэ продолжал интересно говорить дальше. Его речь была о том, как после переселения в Цзяньдао рос бездомным бродягой, как катился из одного конца в другой, словно опавший листок на ветру, как стал партизаном. Он не забыл рассказывать об эпизодах, когда сам расправлялся с япошками. И вдруг перешел на другую тему, как будто пластинка патефона, перевернутая на обратную сторону. Началась просветительная работа на тему революции.

— Скажите, пожалуйста, какое же у нас общее желание? Нет слов, вернуться на Родину. Но дорогу туда нам

преграждают япошки. Теперь скажите, оставить в покое этих подлецов-островитян? Нет, я не могу. И вот я взял в руки оружие и стал партизаном. Я и в Нинань пришел, чтобы укокошить всех япошек с потрохами. В Северной Маньчжурии, говорят, эти японские вояки более наглые, чем в других местах.

В этот момент на голове Ко Бо Бэ невесть откуда появилась японская военная фуражка. Видимо, моментально достал ее из-за пояса. Затем в мгновение ока прилепились к нему усики, появились на носу очки. Зрители сразу поняли, что импровизированный грим превращает его в японского офицера.

Самодеятельный артист в столь комическом виде потянулся, зевая, а затем, закинув руки заспину,вытянул подбородок ис неподражаемой гримасой, раза два прошелся по кругу двора перед зрителями. Весь его вид, походка, жесты точь-в-точь соответствовали поведению японского офицера, который, только что встав с постели, вышел прогуляться во двор казармы.

Зрители вначале вполголоса захихикали, а вскоре, не сдерживаясь, стали захлебываться от смеха. Не успели они успокоиться, как партизанский комик, делая круг, стал останавливаться перед старикам и, старушками, молодухами и подражать их смеху, учитывая и пол и возраст смеющихся. Зрители, взявшись за животы, катились от хохота, смеялись до слез.

Ансамбль гармонистов, подготовив таким образом душевный настрой жителей села, под конец еще раз провел антияпонскую пропаганду и призвал их помочь революционной армии.

В предыдущий день здесь политгруппа потерпела неудачу, а сегодня ансамбль губных гармонистов показал удивительный результат. Не было сомнения в том, что секрет успеха — в доходчивости и правдивости пропаганды.

С учетом накопленного опыта мы еще глубже начали проникать в гущу масс и постепенно революционизировали десятки поселков в уезде Нинань, применяя самые

разнообразные методы иформы. Был ликвидирован, наконец-то, железный барьер между «кореской красной армией» из Восточной Маньчжурии и нинаыпами. В местах, где останавливалась «корёская красная армия», росли ряды членов партии и быстро ширилась сеть комсомола. Общества женщин, Детского отряда и других революционных организаций.

Народ, открывший перед коммунистами свое сердце, начинал понимать большой смысл жизни в оказании помощи революционной армии. В гуще народа надолго запомнились многие незабываемые лица. В их числе — старик Ким на лесоразработках в Тяньцяолине, старик Чо Тхэк Чжу в Давэйцзы, китайская старушка Мын Чэнфу в Волянхэ, старец Ли в Наньхутоу.

Старушка Мын постоянно посылала в экспедиционный отряд ценные разведывательные данные о действиях противника, несмотря на то, что вместе с женой двоюродного брата своего мужа она подверглась арестам и жестоким физическим мукам со стороны японской полиции.

Старец Ли из Наньхутоу был занесен в черный список, находился под постоянным надзором врага. Варвары со жгли его дом жилплощадью восемь канов за помощь партизанскому отряду. Было время, когда доставляли его в жандармерию и десятки раз избивали батогами. Несмотря на такие мучения, старик все равно часто приходил в расположение отрядов революционной армии, взвалив на спину необходимое нам продовольствие и обувь.

— Скажите, пожалуйста, вам не страшно? — спросил я однажды у него.

— Конечно, страшно. Пронюхают, что я таскаю вам, революционной армии, вещи, — истребят всю мою семью, не говоря уж о моих трех сыновьях. Но ничего не поделаешь. Нельзя же нам заботиться только о своем благополучии и сидеть сложа руки, когда вы, бойцы революционной армии, недоедая и

недосыпая, испытываете страдания, чтобы вернуть потерянную Родину, — ответил он.

В сердцах жителей Северной Маньчжурии воспламенялась святая искра любви к отечеству, готовность защищать справедливое дело. По силе этих чувств они мало чем отличались от жителей Восточной Маньчжурии. Различие было лишь в том, что у первых была «толстая скорлупа», покрывшая это святое чувство, и был «гораздо выше порог» на двери к проходу сквозь эту «скорлупу».

Народ без колебаний открывает свое сердце любому из тех, кто относится к народу с пониманием и сочувствием, и с горячей любовью заключает его в свои объятия. Но он решительно замыкается, уходит в себя, встречаясь со всяким сбродом — перед мерзавцами низменной души, ни разу не задумывавшимися над тем, что сами родились в гуще народа и росли на почве народа, перед наглецами, считающими, что народ обязан им прислуживать, а они имеют право пользоваться всевозможными почестями, перед бюрократами, полагающими, что народом можно управлять как им вздумается, перед вампирами, относящимися к народу как к дойной корове, перед пустомелями, на каждом шагу трезвонящими, что любят народ, а, видя его страдания, проходят мимо с закрытыми глазами, перед лицемерами, бездельниками и мошенниками.

Сейчас в живых не осталось ни одного соратника, кто бы мог поведать о нашем первом походе в Северную Маньчжурию. Из 170 с лишним бойцов—участников похода мало кто вернулся на освобожденную Родину. Кажется, из Ванцинской роты вернулись О Чжун Ок и Ен Хи Су.

Когда мы вступили на землю Нинаня, Кан Гон еще был членом Детского отряда. Судя по возрасту, он мог бы и сейчас жить и бороться за революцию. Но он тоже погиб в бою на передовой линии фронта ранней осенью того года, когда началась великая Отечественная освободительная война. В то

время Кан Гон был начальником Генерального штаба Корейской Народной Армии.

Что касается Ко Бо Бэ, то он впоследствии служил полковым комиссаром в 5-м корпусе, которым командовал Чжоу Баочжун. О его судьбе говорят по-разному: одни утверждают, что он погиб в бою, другие — уехал в Советский Союз и там умер. Где правда — точно не знаю. Я не мог поверить даже самой вести о том, что скончался этот одаренный весельчак, который своими бесконечными прибаутками и шутками вызывал взрывы смеха во всем Цзяньдао. Даже трудно представить, что из жизни мог уйти такой оптимист.

Больше половины группы гармонистов, проложивших вместе с Ко Бо Бэ путь для нашего экспедиционного отряда, остались в Северной Маньчжурии по просьбе Чжоу Баочжуиа или погибли в боях на обратном пути. Какова судьба остальной половины? Этого я не могу сказать, нет возможности собирать о них справки. Сейчас трудно припоминать даже их имена.

Прошло около полувека после первого североманьчжурского похода. Однажды я получил радостную весть, что в Пхеньяне живет один из участников похода. Работники соответствующего отдела прислали фотоснимок. Взглядываюсь — да это же он, первый гармонист того ансамбля Хон Бом!

В его глазах я читал следы тех чрезвычайно суровых дней в Северной Маньчжурии, когда нам угрожали страшные метели, когда мы в снежных бурях с невообразимым трудом делали шаг за шагом. Капризы времени неузнаваемо изменили черты его лица, но, к радости, я сумел вспомнить одну примету — необычайно длинную, как у цапли, шею бойца.

Неужели это известный мастер губной гармошки Хон Бом, тот самый любимец жителей Цзяньдао? Почему же этот, я бы сказал, замечательный человек — непосредственный участник, свидетель первого североманьчжурского похода — только теперь дал о себе знать, проживая поблизости от меня?

Я попросил соответствующих сотрудников узнать, отчего же так получилось. Оказалось, Хон Бом не напомнил о себе чисто из-за свойственной ему чрезмерной скромности и простоты.

— Я, конечно, участник антияпонской революции, но. я» собственно, не совершил подвигов, чтобы достойно гордиться. Есть у меня единственная гордость — то, что вместе с вождем участвовал в походе в Северную Маньчжурию. Кстати, вернувшись из Северной Маньчжурии, я заболел тифом в глухом уголке Саньдаованя. Прохворал там, не подозревая, что уже был ликвидирован партизанский район. Выздоровев, я не мог найти свой отряд и вернулся в родной край. Если бы сообщил, что являюсь участником антияпонской войны, — партия стала бы заботиться обо мне, как о заслуженном человеке. Но мне не хотелось обременять нашу партию! — так сказал ветеран антияпонской борьбы Хон Бом на склоне жизни.

В то время этот 70-летний старик работал сторожем в Чонсынском отделении милиции. Жил в скромной однокомнатной квартире. Музыканты нового поколения, родившиеся в 50 — 60-х годах, переселялись в трех- и четырехкомнатные квартиры. А в то время довольствовался однокомнатной квартирой тот самый партизанский гармонист, испытавший все невзгоды в вихрях антияпонской войны. Несомненно, Хон Бом свыше этого не желал ни привилегий, ни особого почета.

Таким был каждый из участников антияпонской войны.

Хон Бом всю жизнь хранил губную гармошку, которую я купил ему в Нинане. Однажды навестили его дом наши работники, специализирующиеся на истории революционной деятельности. И тогда он исполнил для них на той самой губной гармошке серию революционных песен, которые пел во время похода в Северную Маньчжурию. Все слушатели были единодушны в том, что у него исполнительское мастерство было просто удивительным.

Партия позаботилась, чтобы он жил в новой квартире на проспекте Кванбок. Там ветеран и скончался.

Ветераны антияпонской борьб ы, прошедшие школу суровых испытаний в дни Североманьчжурского похода и «Трудного похода», вынесли вместе с нами неисчислимые трудности и после возвращения на освобожденную Родину. Каким глубокомыслием, каким вечно живым импульсом звучит золотое изречение наших предков об истине жизни: «Лишения в раннем возрасте не купишь и на золото»! Да, трудности и испытания — мать истинного счастья!

5. Пурга на перевале Тяньцяолин

Это было в третьей декаде января 1935 года. Наш экспедиционный отряд выполнил намеченные военно-политические задачи и начал собираться в обратный путь.

Когда мы покинули Дуйтоулацзы уезда Ванцинс тем, чтобы начать поход наш отряд насчитывал 170 бойцов. Однако, когда начался путь возвращения, осталось всего 50 — 60 человек.

В начале нашего похода Яньцзиская рота вернулась в Восточную Маньчжурию. После этого нам пришлось вывести и Хуньчуньскую роту из Нинаня. Это объясняется тем, что создалась напряженная обстановка, требующая защитить очаг революции от вражеских осадно-наступательных операций. Мы понесли немалые потери в непрерывных боях, продолжавшихся в течение трех месяцев. Разумеется, появились и раненые: их отправили в безопасные места, итак личный состав нашего отряда уменьшился до одной трети бывшего числа бойцов.

Мы не могли пополнить свои поредевшие боевые ряды. Правда, в селах, где останавливался наш отряд, было много молодых парней, просившихся к нам добровольцами, но мы направили их в отряд Чжоу Баочжуна. Он стал искренне беспокоиться о нашей безопасности на обратном пути.

— Есть агентурные сведения, что сейчас враги лихорадочно ищут следы отряда Ким Ир Сена. Этой зимой вы сильно потрепали их своими чувствительными ударами. Наверное, они решили рассчитаться с вами за это. По-честному говоря, я очень беспокоюсь за вашу безопасность, —сказал он, бросив на меня тревожный взгляд.

— Спасибо за внимание, но не беспокойтесь, пожалуйста. Я уверен, что мы как-нибудь доберемся благополучно. Думаю, что страшные метели в горах Лаоелина укроют нас и на этот раз, —

ответил я просто, испытывая к нему чувство благодарности за его товарищеское беспокойство о нашей безопасности.

— Ну и спокойствие же у вас! Ведь вы же знаете, что скоро придется столкнуться с большими опасностями. Вы, командующий Ким, всегда пребываете в оптимистическом настроении...

Чжоу Баочжун помог нам избрать, как ему казалось тогда, наиболее безопасный и надежный маршрут, даже прикрепив к нам более чем 100 бойцов из антияпонского отряда. Мы прибыли в Северную Маньчжурию по известному маршруту Дуйтоулацзы — перевал Лаоелин — Бадаохэцзы. Избранный же нами обратный путь, а именно перевал Тяньцяолин — перевал Лаоелин — Бажэньгоу, был совсем другим, обходным, предусматривающим поход по горным грядам, находящимся вдали от мест расположения вражеских заслонов. По словам Чжоу Баочжуна, противник не имел даже представления о существовании этого пути.

Пин Наньян знал этот маршрут лучше, чем Чжоу. Притронувшись к моему локтю, он сказал:

— По-моему, поход в сторону перевала Тяньцяолин самый надежный и безопасный. Там есть лесоразработки, где хранится большое количество продовольствия. К тому же я ручаюсь головой, что каратели не посмеют совать туда свой нос.

Название Тяньцяолин в буквальном смысле означает «мост под самым небом». Гора была очень крутой, словно высокий мост.

Мы, вняв совету товарищей из Северной Маньчжурии, решили вернуться в Цзяньдао предложенным ими путем. Две-три другие горные трассы, идущие через перевал Лаоелнн, уже были перекрыты противником. Мы покинули горный шалаш Чжоу Баочжуна, боевые друзья из Северной Маньчжурии тепло проводили нас.

Сердца сжимались от печальных мыслей, что мы возвращаемся к себе в Цзяньдао без многих павших в бою

соратников. Сейчас они, как и Ли Сон Рим, лежат в мерзлой земле без ухоженных могильных холмов и надгробных памятников.

Я скомандовал всему отряду снять головные уборы и трехминутным молчанием почтить память боевых товарищей, навеки оставшихся на немилых просторах Северной Маньчжурии.

Мы мысленно обещали павшим бойцам: «Прощайте, боевые соратники! Сегодня мы оставляем вас в далеком чужом краю, в мерзлой земле. Но настанет день освобождения, день независимости страны и мы, вернувшись к вам снова, перенесем ваш прах насво их плечах в родные места. Там мы похороним вас со всем и почестям и, украсим ваши могилы цветами иустановим на них стелы и жертвенники, будем поминать каждый год. До новой встречи, боевые друзья!»

И как бы стараясь укрыть белым саваном тела лежащих без гробов боевых друзей в безымянных горах и ущельях Нинаня, в тот день в Северной Маньчжурии повалил хлопьями густой снег. Снегопад одновременно заметал наши следы, так что для скрытного продвижения день был самым подходящим.

Но и такая щедрая поддержка неба не смогла полностью скрыть нас от цепкого наблюдения противника. Свора карателей появилась далеко как раз в тот момент, когда мы, подкрепившись приготовленным североманьчжурскими товарищами обедом, расположились на короткий отдых в районе горного склона высотой 700 метров над уровнем моря.

Внезапное появление противника в этом девственном лесу, за безопасность которого Пин Наньян ручался своей честью, явилось для нас полной неожиданностью. При виде направленных на нас карателями дул винтовок у бойцов нашего экспедиционного отряда глаза полезли на лоб. Как же так? Может быть, мы сбились с маршрута? Бойцы раздраженно переговаривались: мы считали, мол, обратный путь станет для

нас передышкой, но, не говоря о передышке, преследователи не дадут нам ни минуты покоя.

С такими настроениями бойцов отряду нельзя было успешно преодолетьобратный путь. Поэтому я сразу же решил сказать несколько слов своим товарищам, чтобы они с самого начала не поддавались панике и не теряли присутствия духа;

— Товарищи! Вот уже несколько лет мы находимся во вражеском окружении. Кругом противник—ивпереди, и позади, и по бокам, и даже в небе. Там, где находятся партизаны, там появляются и враги. Скажите, кто же из нас не подвергался ни разу их преследованиям во время походов? Сколько спокойных походов — без перестрелок, без рукопашных боев было в истории нашей антияпонской войны? Так что, товарищи, мы должны быть готовы к боям и в этом походе. Бои — это единственная возможность, позволяющая нам прорваться сквозь окружение противника и добраться до Цзяньдао.

Услышав мои слова, бойцы прибодрились и воспрянули духом.

Чтобы собрать сведения о преследовавшем нас противнике, мы выслали вперед разведчиков. Они провели разведку боем и захватили двух «языков» из вражеского дозора. При допросе пленные часто упоминали имя командира отряда Цзинъань-ской армии Иосизаки, который во время стычек с нами терпел немало поражений. Чтобы смыть с себя этот позор, он укрепил пополнениями свои силы, потрепанные под ударами нашего экспедиционного отряда. И вот теперь эти каратели начали нас преследовать.

Сразу же после события 18 сентября под руководством штабного офицера Квантунской армии майора Комацу был организован «Цзинъаньский партизанский отряд», действующий под вывеской отдельных войск специального назначения и призванный оказывать содействие Квантунской армии. Этот отряд как предшественник Цзинъаньской армии состоял из смешанного состава — как из маньчжуров, так и из японцев.

В ноябре 1932 года с созданием армии Маньчжоу-Го Цзинъаньская армия причислялась к ней. Две трети командного состава этой армии, включая и командующего генерал-майора Фудзии Дзюро, были японцами. В Цзинъаньской армии было также и резервное подразделение, большинство которого составляли 17 — 18-летние выпускники средней школы родом из Японии.

Оружием и обмундированием эту армию снабжала Квантунская армия. Вояки Цзинъаньской армии носили на рукаве красные повязки, отчего их порой называли «Отрядом красного рукава». Воспитывали их в духе «постоянного пребывания на поле брани», насильно заставляя находиться всегда в бою, под огнем. С другой же стороны им прививали дьявольское сознание «Ямато тамаси» и «Сейан тамаси» (цзинъаньский дух).

Большинство воинов-китайцев этой армии были выходцами из имущих классов, все они великолепно говорили на японском языке.

План Цзинъаньской армии, состоящей из верных псов японских империалистов, заключался в том, чтобы противостоять партизанской борьбе коммунистов своей партизанской тактикой. Это свидетельствовало о том, что вышколенные эти головорезы своей основной целью считали действия, направленные на уничтожение нашей партизанской армии. «Цзннъаньский партизанский отряд» поначалу насчитывал около трех тысяч воинов, что несколько превышало силы одного полка японской армии.

Иосизаки был командиром 1-го пехотного подразделения Цзинъаньской армии. Оно было самым жестоким и яростным отрядом среди всех других подразделений этой армии. Попав в поле зрения этих карателей, любой, даже довольно сильный противник, должен был готовиться к кровопролитию. При разгроме своих карательных сил Иосизаки тотчас же пополнял их новыми резервами. В руках этого палача находилось сколько

угодно резервных отрядов, необходимых для непрерывной атаки экспедиционного отряда Народно-революционной армии.

К сожалению, у нас не было никакой возможности пополнять свои поредевшие ряды, восполнить хотя бы часть понесенных потерь. Каждый день приходилось по 4— 5 раз ввязываться в бой с преследовавшими нас карателями. Когда мы начинали пере движение, за нами неотступно следовал враг, а когда устраивали привал, делали передышку и карателя. Преследователи напоминали пиявок, которые не отрывались от своей жертвы до тех пор, пока она не падала от изнеможения.

Как утверждал Чжоу Баочжун, Цзинъаньская армия о нашем отряде знала все: командует отрядом Ким Ир Сен; в нем столько-то бойцов; применяют такую-то тактику; в районе перевала Тяньцяолин и вблизи него нет никаких вооруженных отрядов коммунистов, которые могли бы прийти партизанам на помощь. Надо сказать, что в то время разведка японской армии действовала на довольно высоком уровне. Значит, нам пришлось вести бессекретный бой с противником.

Каратели придерживались правила: «Пусть падет 100 наших солдат, но если при этом будет ликвидирован хотя бы один коммунист—это у же большой успех. Мы можем восполнить 100 человек, но партизаны не в силах заменить ни одного». Они непрерывно вводили в бой все новые и новые силы. Их наглости не было предела, поскольку они действительно имели неисчерпаемый резерв войск. «Во что бы то ни стало надо истребить экспедиционный отряд из Цзяньдао, хотя бы для этого пришлось потерять и тысячу своих солдат. С ликвидацией этого отряда придет конец и Ким Ир Сену, а без него будет шабаш всей армии корейских коммунистов, борющихся против Маньчжоу-Го и Японии» — таким был девиз вояк Цзинъаньской армии.

К несчастью, помимо непрерывного и отчаянного преследования карателей, той зимой часто разыгрывалась страшная метель. В ее вихрях порой трудно было отличить

своих бойцов от неприятеля. Только по говору удавалось определить бойцов одной из сторон — наш или противник, и сразу же начинался бой.

Не сумев преодолеть суровых испытаний, нас оставили следовавшие за нами бойцы китайского антияпонского отряда. Из-за отсутствия высокой готовности к самопожертвованию они были не в силах выдержать преследования следующих по пятам карателей, да и безжалостные морозы, метели сделали свое дело. Ведь получалось, что не они хранили нас, а мы — их до конца.

Вскоре кончился и провиант, которым снабдил нас Пин Наньян. Вместо пищи нам несколько дней пришлось глотать один лишь снег. Это был единственный продукт, который мы могли бесплатно добывать на бесконечной, не проникшейся к нам состраданием земле. Ведь куда ни посмотри — не было перед взором даже признаков о существовании человеческого жилья. С помощью бойцов, не страшившихся идти на верную гибель, мы пробовали устраивать налеты на лагерь карателей во время привалов, но добытым продовольствием нельзя было прокормить наш отряд. Тем более, что противник, выходя в боевую экспедицию, брал с собой небольшой запас провианта.

«Невзирая на любые трудности, надо добраться до лесоразработок в Тяньцяолине. Ведь Пин Наньян говорил, что там хранится много продовольствия». С этой надеждой мы упорно продолжали продвигаться вперед, вдохновляя и поддерживая друг друга.

Когда появлялось немного съедобного, я уступал его своим бойцам. Бывали и такие дни, когда суточный рацион всего отряда состоял из менее двух килограммов кукурузы. В таких случаях предназначенные для меня кукурузные зерна я вкладывал в рот молоденьким бойцам, а сам глотал горсти снега. Разумеется, от снега не прибавлялось сил, но я сквозь жестокую пургу упорно продвигался вперед по крутым склонам гор.

В том походе Хан Хын Гвон утверждал, что и в снегу имеются питательные вещества, привлекая тем самым внимание

к себе других бойцов. Я все ожидал, что его утверждение вызовет с их стороны решительный протест, но этого не последовало. Бойцы, вопреки моему предположению, почти не стали возражать своему товарищу, выдвинувшему столь сомнительную гипотезу. Наоборот, большинство бойцов стали даже развивать его идею, высказывая предположение, что и в воде может быть много питательных веществ. Тут у же сконфузился даже Хан Хын Гвон — автор столь нелепого «изобретения».

Я тоже поддержал предположение бойцов, так как отрицанием мог сокрушить их призрачные надежды продержаться без пищи. А между тем, мучительный голод еще больше зажимал нас в свои тиски. Нельзя было смотреть без волнения и слез на прекрасный облик бойцов отряда, которые хотели верить гипотезе, что и в снегу, употреблявшемся ими вместо каши и хлеба, могут быть и питательные вещества, и которые, споря об этом, преодолевают все трудности и испытания нашего тернистого пути.

Говорили, что во время Великого похода в 25 тысяч ли китайские товарищи питались отваром из кожаных ремней, когда у них кончался провиант. Мы тоже знали этот способ, но у нас не было свободного времени, чтобы сварить ремни в котелках. Поход был слишком суровым, и я в некоторые моменты черпал силы, вспоминая эпизоды из романа «Железный поток», который прочитал в свою бытность в Гирине.

Каждую ночь я, наряду с другими бойцами, стоял на часах. Положение нашего отряда, испытавшего смертельную опасность, было слишком тяжелым, чтобы командир мог пользоваться какими-либо привилегиями.

В то время, когда для экспедиционного отряда наиболее насущными были воля, умение командира и его искусство управлять отрядом, судьба-злодейка принесла бойцам отряда еще один чувствительный удар. Вблизи Тяньцяолина я схватил

сильную простуду, от которой пришлось слечь. От недоедания, недосыпания и без отдыха я крайне ослаб физически, так что неудивительно было, что в таком состоянии мой организм был не в силах сопротивляться болезни. От высокой температуры горело все мое тело, как раскаленная печка, а страшная лихорадка, в конце концов, безжалостно свалила меня в снежную яму. В начале, когда начинало лихорадить, надо было бы согреться у костра. Тогда не обострилась бы болезнь. Но я скрывал от бойцов свою болезнь, чтобы не вызвать у них беспокойства. И вот настал момент, когда судорогой свело мои руки и ноги, и я оказался на грани смерти. Подбежали ко мне бойцы и начали делать массаж рук и ног, после чего я еле-еле пришел в сознание.

Сведущие люди утверждают, что от простуды можно избавиться, выпив чашку меда и пропотев на горячем полу. Но, находясь в безлюдной местности на высоте свыше 1000 метров над уровнем моря, о таком «лекарстве» нечего было даже мечтать.

Хан Хын Гвон вместе с бойцами соорудили сани. Мои боевые друзья, окутав меня ватным одеялом и накрыв дополнительно шкурой косули, усадили на сани и стали тянуть их по очереди. Они, беспокоясь о моей безопасности, не прочь были помолиться и богу, чтобы противник прекратил преследование, но каратели не отставали ни на шаг. Невыразимо трудно было бойцам, с однойстороны, сдерживать преследовавшего врага, ас другой — тащить меня на санях волоком по крутому горному склону. Да, это было неимоверным напряжением сил, требующим мобилизации всех душевных и физических качеств.

Иосизаки в ряды преследователей добавил роту Куто, который именовался не иначе, как «королем карательных операций». За боевые заслуги в Маньчжурии Куто, после его смерти, удостоился звания «гунсин» (герой в войне — ред.) Японии, прах которых, говорят, принято хранить в

синтоистском храме «Яскуни». Появившись на рубеже перевала Тяньцяолин, он обратился к своим подчиненным:

— Нам стало известно, что Ким Ир Сен сейчас тяжело болен и даже не способен командовать. Следовательно, в дальнейшем незачем затевать бои. Не надо воевать! Надо лишь продолжать преследование до тех пор, пока коммунисты не выбьются из последних сил. Преследуя, уничтожайте их по одному. В таком случае не более чем за месяц можно будет истребить всю коммунистическую армию!

Применяя такие методы, Куто вывел из строя многих наших бойцов. Надо сказать, что враги стреляли очень метко.

Когда я очнулся, возле меня находилось всего 16 бойцов. Напрягая зрение, я оглянулся, но, кроме них, не увидел больше никого. «Куда же пропали другие товарищи и остались лишь эти? Неужели дорогие мои соратники захоронены в снежных сугробах Тяньцяолина?» — иногда приходила мне в голову такая мысль.

«Где Ван Дэ Хын?», — достав маузер из-под одеяла, написал я на снегу его рукояткой, поскольку от сухоты в горле и запекшегося рта не мог вымолвить ни слова. При этом бессильно взглянул на командира роты Хан Хын Гвона.

Тот вместо ответа опустил голову, и стало видно, как под его подбородком, заросшем темной щетиной, судорожно задвигался кадык.

—Товарищ политрук погиб, — ответил дрожащим голосом командир взвода Ким Тхэк Гын, который внимательно ухаживал за мной в Шилипине, когда я заболел сыпным тифом.

Его лицо тоже заросло щетиной, а из глаз падали крупные капли слез.

Оказалось, что когда отряд попал в окружение противника, политрук роты Ван Дэ Хын, взяв Ким Тхэк Гына и других бойцов, создал из них ударную группу, чтобы прорвать кольцо окружения. В ожесточенном рукопашном бою он штыком и

прикладом уложил пятерых карателей, а затем замертво свалился сам в сугробах.

Ван Дэ Хын! Он был одним из самых любимых мною военно-политических работников, был лихим «воякой», заслуживавшим всеобщего уважения. Люди, как правило, принимали его за китайца. Да это и понятно: от его фамилии и имени на версту пахло китайской интонацией, да и он сам также искусно владел китайским языком, как и родным — корейским. Но он был чистокровным корейцем. В оказание помощи военным и жителям в Северной Маньчжурии он внес свой посильный вклад. Ван, искусно владея китайским языком, везде встречал радушие китайцев. Не без основания Чжоу Баочжун «зарился» на него.

«Надо было бы оставить его в отряде Чжоу Баочжуна, когда он этого домогался...» — думалось мне. Меня охватила такая жгучая душевная боль, что, казалось, все тело, вся душа вот-вот разобьются вдребезги. Я как мог в той обстановке чтил память павших боевых друзей.

— Ситуация была настолько критической, что нам даже не удалось похоронить политрука, — снова послышался голос комвзвода Ким Тхэк Гына, дрожащий от скорби и раскаяния.

«Ведь в Северной Маньчжурии много снега. Так почему же не накрыли его хотя бы снегом?» — чуть не сорвалось с моих уст порицание. Однако разум подавил этот внутренний голос. Разве он, Ким Тхэк Гын, не знал об этом? Насколько же острой была обстановка! Ведь этот добряк, заботливый, даже не смог похоронить своего товарища!

Я опять написал рукояткой маузера на снегу: «Ты запомнил ущелье, где погиб Ван Дэ Хын?»

—Конечно же! Как же мне это забыть?—отвечает Ким Тхэк Гын.

«Ну ладно. Вернемся туда, когда потеплеет, и похороним с почестями», — вновь написал я на снегу.

Вижу, бойцы чуть-чуть передвигают сани вперед, чтобы буквы на снегу не налезали друг на друга.

Но, к сожалению, мы впоследствии не могли возвратиться к нашему боевому товарищу Ван Дэ Хыну. В Тяпьцяолипе помимо него пало немало других бойцов, чьи тела мы не успели похоронить. При мысли об этом и поныне разрывается моя душа. На сердце и до сих пор лежит камень вечно неоплаченного долга. Чем же мне выразить столь неотступное чувство вины?

После освобождения Родины поэт Чо Ги Чхон, завершив свою поэму «Гора Пэкту», пришел с рукописью сначала ко мне. Я стал первым читателем поэмы, слушал, когда декламировал ее автор. Золотые слова, ценные, как жемчужина! Я был просто восхищен, — а это главное, — содержанием поэмы. В ней много строк, трогающих струны сердец людей.

Ты, дровосек могучих этих гор, Руби стволы деревьев осторожно — Они в лесу оберегают души Погибших за Отечество бойцов.

Ты, путник величавых этих гор, Не трогай камни у дороги горной — кто знает, может быть, лежат под ними Скелеты павших за народ бойцов.

Эти строфы—свидетельство лирического настроения автора. В нем отражается душевный мир Чхор Хо, — он переправлялся через реку Амнок с заданием вести подпольную работу внутри страны, — при погребении маленького Ен Нама, сраженного вражеской пулей.

Когда Чо Ги Чхон декламировал эти строфы, прослезились и поэт и я. При этом думал я о многих и многих Ван Дэ Хынах, о тех, кому не смог насыпать могильных холмов на земле Северной Маньчжурии, думал о бесчисленных Тяньцяолинах. На маньчжурских просторах, на полях и в горах, на берегах рек зарыты в землю останки наших многих предшественников, наших боевых друзей.

Раньше, когда я работал Председателем Кабинета Министров, однажды во время беседы с одним из ответственных

работников Министерства просвещения услышал рассказ о следующем эпизоде.

... В один из обычных дней домой к профессору, преподающему на историческом факультете Университета имени Ким Ир Сена, пришел в гости его боевой друг. Два фронтовика, обрадованные встречей, задушевно вспоминали минувшие времена. У профессора был один-единственный сын, воспитанник детского сада, и гость сразу же сдружился с малышом.

Усевшись на колени гостя, мальчишка начал трогать его одежду, пуговицы и орденские планки. Притронувшись же к руке гостя, мальчуган вздрогнул и с испугом взглянул на папу. Протез руки был таким холодным, что не чувствуется в нем теплоты, вызванной течением крови. Схватившись за протез, мальчик обратился к гостю:

— Дяденька, что у тебя с рукой?

— На войне был ранен. В бою с янки.

—Скажи, а разве народноармейцы тоже бывают ранеными?!

— Конечно же! Бывает, порой и погибают.

Выслушав гостя, сын профессора был очень расстроен. Ему совсем не хотелось верить, что народноармейцы тоже могут быть ранены и даже убиты. Слова гостя опрокинули его твердое убеждение, что бойцы Народной Армии никогда не могут быть сломлены, ранены или убиты.

К тому времени у нас книги с рисунками и детские фильмы показывали, как много гибнет в боях врагов, а народноармейцев — мало. И, естественно, дети даже уверовали в то, что для народно армейце в и антияпонских партизан немыслимы ни смерть, ни ранение.

Наши педагоги и писатели, к сожалению, не показывают подрастающему поколению реалистически верно, ценой каких огромных жертв мы заплатили за наши победы в революционных войнах против империалистов США и Японии. Можно сказать, что мы, сложив огромную лестницу из трупов и

невообразимых душевных мук, взбирались к далекой и светлой вершине, именуемой Победой Великой антияпонской войны.

Как же обойтись без жертв в сражениях с сильнейшими врагами— империалистами, не внемлющими ни призывам, ни петициям, ни террористическим мерам! Смерть не выбирает своих и врагов, она не отличает правды от несправедливости.

Она лишь различна по своему характеру. Своей гибелью один спасает десятерых, десятеро — сотню, а сотня — тысячу, — такими являются смерти в революционной армии...

Получив вестью гибели Ван ДэХына, я вс ко ре опять потерял сознание. Все тело по-прежнему горело от высокой температуры, и я погрузился не то в сон, не то в небытие.

... Перехожу через перевал горы Ога. Несу вместе с Ван Дэ Хыном санитарные носилки. На них, подложив под голову руки, рядышком лежат Чха Гван Су и Чжоу Баочжун. Странное дело, не думалось, что Чха Гван Су и Ван Дэ Хын мертвы, и живые, непринужденно соприкасаясь с мертвыми, не чувствуют никаких переживаний. Мы идем под палящим солнцем, перед нами далекий путь, крутой перевал. Мы задыхаемся от зноя и жажды в этот летний день. Поднимаясь на горный перевал, я больше не могу стерпеть мучительной жажды. Надеясь утолить ее, бегу к луже у обочины дороги, чтобы отхлебнуть застоявшейся воды. В этот миг откуда-то слышится знакомый голос: «Постой!» Я поднимаю голову и вижу — моя мать в белом одеянии, стоящая на вершине перевала вместе с братишкой Ен Чжу, машет мне рукой и говорит: «Не пей! Вода эта отравлена». Смотрю в лужу и чуть было не ахнул: в ней кишмя кишели головастики, похожие на виноградные гроздья. Почему же мать говорит, что это отравленная вода? Ведь это же, мне казалось, медовая или совсем очищенная вода. Я наклоняюсь над лужей и собираюсь вот-вот отхлебнуть живительной влаги. А тут опять слышится голос матери: «Я же тебе сказала, не пей!» Ее предупреждение приподняло меня с

саней, и я с удивлением смотрю туда, на вершину перевала. Там ни матери, ни братишки...

Разумеется, это сновидение, которое было прервано отчаянным зовом: «Брат Сон Чжу! Умоляю, очнись и открой глаза. Если ты не поднимешься, наша страна больше не увидит света!»

Этот крик привел меня в сознание. Кто-то, наклонившись над санями, внимательно всматривается в мое лицо. Я признал в нем комсомольца Валь Рёна, который с первых пор моей борьбы в Гирине находился при мне, выполняя разные поручения, а иногда и работу писаря.

За санями медленно проплывал снежный покров дремучего леса, багровеющего при ярком закате вечернего солнца. Приближались сумерки. Над головой кружились клочки холодного вечернего неба,

Роняя крупные слезы, за санями тащился Валь Рён, который приговаривает: «Брат Сон Чжу! Брат Сон Чжу!» Затем кто-то, — не знаю кто, может быть, О Дэ Сон или другой боец, — приникнув ко мне, отчаянно кричит:

— Товарищ командир! Если вы так уйдете, Корее будет конец!

Бойцы, безмолвно шагавшие впереди и позади саней, вдруг окружают меня и начинают громко рыдать.

Я хотел успокоить их и сказать «Не плачьте!» Но я, совсем изнеможенный, не мог даже открыть рта. Да, в ту минуту, по правде говоря, я и сам был в слезах. Через несколько секунд опять впал в коматозное состояние.

На следующий день утром, видимо, от временного спада температуры я на мгновение пришел в себя и открыл глаза. Вижу — на лесной поляне стоят сани, а вокруг них распластались на снегу 16 моих боевых друзей.

Теперь они не в силах утешать меня, заботиться о них придется мне. Откуда у них возьмутся силы? Несколько дней у них пустые желудки, — ни пищи, ни глотка воды. Только одни

бои. Сколько мучились они, чтобы спасти меня. Факт, что последние несколько лет мы с ними жили в тяжких мучениях в Цзяньдао. Но никогда они не выглядели такими изможденными, никогда их одежда и обувь не были в таких лохмотьях.

Я почувствовал невыносимую душевную боль и погрузился в мучительные думы. «Перед нами лежит еще далекий путь. А что же мне делать дальше? Вот они, мои верные друзья, свалились, выбитые из сил. Найдется ли у них сила подняться со снега и вернуться в Ванцин? Да, они, возможно, никогда не смогут встать, их, может быть, навеки занесет эта свирепая пурга. Тогда зачем мне одному жить, да и что дальше делать? Ведь до сих пор я мог беззаветно сражаться, подняв знамя антияпонской борьбы и преодолевая встречающиеся на пути трудности. Всем этим я им обязан: они неизменно поддерживали и уважали меня. И я, со своей стороны, настойчиво боролся, веря в них и опираясь на их силы. Да, без них все для меня немыслимо — ни выживание, ни революция. Они до смерти старались спасти меня, а значит, теперь я должен спасти их. Поднимись сейчас же, и тогда спасешь своих боевых товарищей, зарытых в снегах, продолжишь борьбу за революцию. Но я не могу подняться — нет сил даже пошевелить пальцем! Боже мой, что же делать?!»

Мое сознание опять окунулось в море густого тумана. Смутно ощущаю, что сердце разрывается на тысячи кусочков от крушения цели всей моей жизни, от того, что у меня, бесстрашного феникса, свободно парившего в небесах, сломаны крылья, и я вынужден свалиться на землю. В голове у меня молнией промелькнула мысль: «Если мы здесь не сумеем подняться и останемся прижатым и к земле, то нашисоотечественники, взирающие на нас с надеждой на возрождение, будут вечно горевать от разочарований».

От этой мысли я вздрогнул, как бы от удара электрического тока. Да, будет горевать корейская нация — обрадуются японские империалисты. Отчаяние наших соотечественников

предоставит им удовольствие. Если мы свалимся, этому будут рады лишь богачи и милитаристы Японии. Империалисты с тех островов хотят, чтобы мы здесь, в медвежьем углу Маньчжурии, свалились навеки от голода и холода и, отчаявшись, сложили оружие. История еще не дала нам праваумирать. Если каждый из нас, не выполнив задания, возложенного на него историей и эпохой, погибнет и станет горстью рыхлой земли, наверняка останется для родины блудным сыном. К тому же это не дело в какой-либо одной семье или в роду! Значит, станешь неверным сыном народа — того, кто родил и растил тебя! Нет, нет, мы не будем блудными сынами своего народа!

Я потер горстью снега веки бессильно слипавшихся глаз и стал соединять нити молнией промелькнувших размышлений.

...Если мы, бойцы революционной армии, будем навечно зарыты в ледяных снегах на Тяньцяолине, то японские империалисты сразу же обрушат на наш народ в десять, во сто раз больше репрессий. Они и сейчас, когда здравствует КНРА, жестоко выжимают все соки из нашего народа, яростно злобствуют, предпринимая попытки сделать корейцев «верноподданными японского микадо».

Японские империалисты после выхода в 1933 году из Лиги Наций хотят возместить свой ущерб, понесенный из-за экономической блокады, экспроприацией корейской нации. Если в 20-е годы состряпанный генерал-губернатором СаЙто план роста производства риса, политика увеличения сбора хлопка и тутовых шелкопрядов убыстряли процесс классового расслоения в корейской деревне и усугубляли трагедию крестьян, которым приходилось бросить землю, покидать свои насиженные места, то во времена правления генерал-губернатора Угаки политика «индустриализации Кореи», «поощрения добычи золота», «развития хлопководства на юге, овцеводства на севере Кореи» превратила слабое хозяйство Кореи в придаток для поддержания пахнущей порохом японской милитаристской экономики. Сталь, каменный уголь, хлопок,

овцы — все, что выкачано из Кореи, отдано на алтарь укрепления государственной мощи и вооруженных сил Японии.

Корейский язык и письменность оказались в состоянии неофициального диалекта. Вся прогрессивная печать была брошена в костер японскими самураями. На Родине множатся лишь военные плацы и тюрьмы. Пресловутая Со дэмунская тюрьма со следами пролитой нашими патриотами крови не в силах вместить всех заключенных, число которых все растет. Теперь, говорят, тюрьма эта расширяется. Японские магнаты, военщина, грезящие о мировом господстве, и их холуи продолжают бешеную гонку на колеснице милитаризма. До вспышки китайско-японской войны остаются считанные дни. Спустить курок винтовки — все это зависит от решения японской военщины. Фашистами Германии и Японии с небывалой скоростью надвигаются угрозы с запада и с востока земного шара. Их черные тучи чреваты опасностью новой мировой войны.

Как же в такой час, когда контрреволюция отчаянно неистовствует с злобой, мы, решившие покончить с ней, можем отчаиваться хоть на миг и сетовать на трудности сложившейся ситуации?

Пусть рухнет небо, но мы должны во что бы то ни стало выжить и продолжать революцию. Что же станется со столь многими делами в Восточной Маньчжурии, ждущими наших рук, если мы не вернемся туда живыми? Если мы свалимся здесь, падем на колени, то корейцы, наверняка, станут вечными рабами японских империалистов...

Вдруг мои мысли осенил поэтический взлет. Возникла идея, сложились стихи, которые впоследствии получили название «Песня об антияпонской войне». Ее, кстати, поют и сегодня:

Все громче, громче топот
Самураев Японии злодейских.
Топчут нашу землю родную —
Страну с чудесными горами и реками.

Убивают, поджигают, грабят—
Обдирают наших людей безжалостно.
Под пятой врага страдают
Десятки миллионов людей добрых.

Моих родителей, твоих братьев и сестер,
Твоих жен и любимых детей
Убивают палачи-злодеи,
Льется их кровь под штыками врага.
Домик мой родной, твои поля —
Все лежит в руинах и в пепле.
Все лежит в пустоши да пепле,
Все горит в пламени и в огне.

... ...

Вставай, люд трудовой,
Соединяйтесь, массы трудовые,
Не измените слову, данному нами,

Будем сражаться стойко, только вперед!
Со знаменем красным в руках
Свергнем террор белый врага,
Пойдем к победе, куда зовет знамя,
Грянем во весь голос «ура!»

Я растормошил Валь Рёна, свалившегося прямо у саней, и, усадив его рядышком с собой, попросил записать под диктовку текст песни. Затем мы с ним начали напевать ее. Слушая нас, со своих мест о дин за другим поднимались бойцы и тут же начинали нам подпевать.

К часам десяти утра мы добрались до заветных лесоразработок в Сипяньляньцзы. Хотелось бы там

подкрепиться похлебкой хотя бы из кукурузы и хорошо бы как следует пропотеть.

В тот день у меня температура поднялась до 40 градусов и даже чуть выше. Единственный способ лечения в тогдашних обстоятельствах — прием кукурузной жижицы да хотя бы немножечко китайской водки с сахаром красного цвета.

Чтобы лечиться, надо было бы каким-то образом пропотеть, но моя болезнь все больше и больше осложнялась, ибо я все время лежал на санях под открытым небом и дрожал от холода. Боевые друзья, наблюдая, как я в бессознательном состоянии страдал от высокой температуры, отчаялись и решили, что теперь нет никакой надежды на спасение экспедиционного отряда. Среди нас не оказалось ни одного оптимиста, который бы верил в то, что мы выпутаемся из нагрянувшего кризиса и вернемся в Ванцин. Решив, что всему пришел конец, бойцы с мрачным настроением полностью положились на командира роты Хан Хын Гвона.

С прибытием на лесоразработки этот командир попросил старика Кима, посыльного лесоразработок, сварить кукурузную похлебку. Наши бойцы были очень голодны, ибо целых два дня не брали в рот ни крошки еды. Вначале наши товарищи приняли этого старика за китайца—он был в китайской одежде, говорил по-китайски.

Узнав же, что мы корейские партизаны из Цзяньдао, старик Ким с радостью сообщил, что он тоже является корейцем. Он даже признался, что его сын Ким Хэ Сан возглавляет партизанский отряд в Бадаохэцзы.

Ким Хэ Сан был одним из участников зимнего совещания в Минюегоу, состоявшегося в 1931 году. Старый Ким, отправив сына в партизанский отряд, летом уходил в горы, где запасался продовольствием, занимаясь земледелием, а зимой приходил на лесоразработки, чтобы благодаря подсобным работам добыть хотя бы немного соли и масла.

Прошло некоторое время после того, как мы вошли в дом и поздоровались со стариком. Вдруг разведчики доложили Хая Хын Гвону, что недалеко от лесоразработок появился вражеский карательный отряд.

В это время Валь Рён поставил в топку тазик без крышки, чтобы закипятить для меня воду. Возле печки он также начал сушить снятую с меня промокшую обувь.

Боец тяжело переживал, проливая слезы, — думал, что теперь все пропало из-за того, что не отступает болезнь командира и нет надежды на успешный прорыв кольца вражеского окружения. В то время, когда мы вместе с ним покидали Гирин, у Валь Рёна была чрезвычайно тверда решимость— думал, что в случае моей смерти умрет и он.

Как раз в эту минуту с охапкой поленьев в домик вошел старик Ким и, увидев заливающегося горькими слезами Валь Рёна, спросил, почему он так убивается.

— Командир заболел... — ответил Валь Рён. — А каратели окружают нас двойным кольцом... Через час они доберутся сюда, и у нас не будет иного выхода... Вот я и горюю, отчаявшись что-либо предпринять. Чтобы выбраться из окружения, надо перебраться через реку, ноонаслишкомширокаяиктомужееще не замерзла. Можно спастись только через мост, но его оседлала одна рота карателей. Куда ни кинь, всюду клин.

Выслушав его, старик подсказал парню единственный выход, настолько хитроумный, что наверняка позволит прорвать кольцо окружения.

— Так что не расстраивайся, молодой человек. Как говорится, рухнет небо — и тогда найдется выход. Скоро здесь появится хозяин лесоразработок — приспешник Маньчжоу-Го.

Арестуй его и заставь сообщить карателям, чтобы они сюда не приходили. Тогда ребята смогли бы спокойно сидеть здесь до вечера. А как стемнеет, придумаем, что делать дальше.

О том, что сказал старик, Валь Рён доложил Хан Хын Гвону. Таким образом, комроты в качестве представителя нашего

отряда встретился со стариком, побеседовал с ним. И, наконец, обсудив все как следует, приняли окончательный план прорыва из окружения.

По «сценарию», предложенному стариком. Хан Хын Гвон связал хозяина и начал вести допрос:

— Слушай, подлец, кто тебе разрешал вести здесь лесоразработки? Никакого Маньчжоу-Го мы не признаем. Если хочешь загладить свою вину, то тебе придется сделать солидный денежный вклад для нашей армии. Ну, скажи, сколько хочешь пожертвовать?

Хозяин лесоразработок с самого начала был подавлен внушительным внешним видом Хан Хын Гвона, — кстати, он казался на вид строгим и очень сухим человеком. Был очень высокого роста, достигал чуть ли не до потолка. Поэтому насмерть перепуганный угрозой нашего командира роты, тот стал ползать перед ним на коленях и лепетал:

— Простите только, я отдам все, что прикажете.

Хан Хын Гвон тут же назвал огромное количество требуемых вещей: сколько-то комплектов военного обмундирования, сколько-то свинных туш и пшеничной муки, что хозяин чуть ли не упал в обморок. Затем наш ротный строго спросил:

— Сможешь ли ты отдать все это?

— Спасите, ради бога... Если вы оставите меня в живых, я сделаю все, чтобы не явились каратели, пока вы будете здесь, — ответил хозяин лесоразработок.

— А как можно сделать, чтобы они не явились? Выкладывай твой вариант.

— Это очень просто. Скажу: партизаны ускользнули в другом направлении. Я с офицерами карательного отряда в дружбе, они мне верят.

— Если ты выполнишь наше требование, мы можем простить тебя, понял? Наша цель одна — антияпонская борьба.

Коль ты желаешь искупить свою вину и хочешь бороться с самураями, то помоги нам, понял?

— Понял. Все будет сделано. Только прошу, пожалуйста, развяжите меня.

У этого китайского торговца лесоматериалами, как говорится, голова была на плечах. Он сразу же понял, что нам нужны не какие-то материалы, а безопасность, благополучный прорыв кольца вражеского окружения.

Торговец тут же не раз интересовался, кто из нас начальник. Чтобы не выдавать меня, Хан Хын Гвон ответил: «Начальник здесь я!» Когда же китаец, указывая на меня, спросил: «Чем он заболел?». Хан Хын Гвон невнятно ответил, что почувствовал какое-то легкое недомогание и лег.

Тот торговец сдержал свое слово. Карателям он сообщил все, что было отрепетировано. В результате до наступления сумерек противник не появился на лесоразработках.

Здесь мы пообедали, что, кстати, являлось и завтраком. На ужин нам подали даже свинину, но я, совершенно потеряв аппетит, лишь понемногу прихлебывал из мискиотвар из кукурузной похлебки, чтобы утолить жажду.

После ужина старик Ким выложил свою «вторую часть сценария» по выходу из окружения, которая тоже оказалась очень хитроумной.

— Теперь дело обстоит так: надо благополучно пройти через мост. Операция эта, конечно, очень рискованная. Так что вам надо выработать хорошую тактику. Есть два варианта: один из них — незамеченными проскользнуть мимо сторожевого поста, другой—добраться до моста с хозяином во главе, а затем уже с его помощью перехитрить часовых. Если же они приблизятся к вам и начнут придираться, тогда надо быстро ударить по ним и моментально проскочить через мост. На том берегу можно легко скрыться в горах, унося с собой командующего Кима. В километрах восьми от моста есть глубокая долина с небольшим ущельем. В самом его конце притаились три хижины корейцев.

Ненавидят они японцев, переселились сюда тайно и возделывают небольшие участки земли. Слыхал, что у них нет вида на жительство от ведомств Маньчжоу-Го. Помогут они— не будет никаких проблем с лечением командующего Кима.

Когда Хан Хын Гвон поддержал план старика, он был очень доволен и тут же добавил:

— Если что-то случится при переходе моста, в бой лучше всего можно вступить командиру взвода, а остальные пусть следуют за мной. Ты, ротный, человек высокого роста и силь

ный — тебе нести командующего Кима на спине. Только не отставай от меня. Когда перейдете через мост, на том берегу я знаю все горы, как свои пять пальцев. Сколько бы враги ни тужились, им нас не обнаружить. Коль мы с вами перейдем мост благополучно, то повезите меня с хозяином до окраины уездного центра Нинань. Там потребуется поколотить меня немного, да не забудьте припугнуть хозяина... А за это время комроты и остальные уйдут в ущелье вместе с командующим Кимом.

До конца выслушав старика. Хан Хын Гвон познакомил Меня с предложенным им планом. Выслушав его, я подумал, что план идеальный. Старик был, конечно, не военным специалистом, но обладал смелым тактическим умом, что мог бы стать предводителем ополченцев. Право же, отец партизанского командира был незаурядным человеком. Такой хитроумный план побега, честное слово, трудно было бы придумать и искушенным командирам.

В то время я всем своим существом чувствовал: наш народ— олицетворение неистощимого родника народной смекалки, дающего ключ к решению любых трудных вопросов. В трудных порах не забывай обращаться к народу за помощью! —; такое мое убеждение формировалось в процессе накопления собственного опыта.

Я сказал тогда Хан Хын Гвону:

— Все дела поручаю тебе. Куда кривая ни вынесет — делай все по-своему. Я больной, не могу даже держаться на ногах. Ничего не поделаешь!

Наступила ночь. Хан Хын Гвон велел хозяину лесоразработок подготовить пять саней, запряженных лошадьми. В лесоразработках было множество лошадей. На передние сани вместе с хозяином сел смелый вояка комвзвода Ким Тхэк Гын, а меня уложили на третьи сани.

Часовые на мосту — японские и маньчжоугоские солдаты, увидев во тьме наши сани, всполошились: «Кто там?»

Хозяин, торговец лесоматериалами, по составленному заранее сценарию, спокойно ответил: «Знаете, заболели у нас рабочие, везу их в больницу, да еще нужно в Нинань за покупками». Узнав голос торговца, часовые, не подходя к саням, крикнули: «Баста! Проезжай».

Пять саней стремительно прокатились по мосту. Я каждой своей клеточкой ощущал дрожание деревянного настила моста под полозьями саней. Под мостом с шумом проносилась бурная река, являвшаяся большим притоком, впадающим в реку Муданьцзян.

— Ну, все, пронесло! Так и должно быть! — воскликнул старик Ким в тот момент, когда все сани былиужезамостом. Он, очень довольный, обнял Хан Хын Гвона.

Наконец, довольно успешно завершив опасные приключения, закончилась наша тяжелая драма, чем-то напоминающая легенду или детектив. Дальше все дела вершились по заранее продуманному плану.

Если бы не старик Ким, очевидно, я не мог бы выкарабкаться из когтей смерти. Да и экспедиционный отряд вместе со мной, несомненно, был бы окончательно разгромлен в глухомани Тяньцяолина. Старик этот, право же, был незабываемым благодетелем. Он, как и подобает отцу партизанского командира, пошел на смертельный риск и помог нам. Да, он человек с большой буквы.

В любой критический момент, когда жизнь висела на волоске, к моему удивлению, всегда на моем пути появлялись благородные люди, такие, как этот старик Ким, и спасали от верной смерти. Так, в Цзяохэ незнакомая женщина выручила меня от неизбежного ареста; на плоскогорье за Лоцзыгоу старик Ма принес спасательные «подарки» мне и моим товарищам, страдавшим от голода и холода; а вот теперь на Тяньцяолине совсем незнакомый старик Ким выручил наш экспедиционный отряд, и в том числе меня, его командира, вытащил из пропасти, где нам грозила явная гибель.

Когда я рассказываю этот эпизод иные говорят: «Это вас выручила случайность». Но есть и такие, кто рассматривает это как закономерность. Они говорят: благодетели, помогающие патриотам, самоотверженным борцам за Родину и нацию, появляются отнюдь не в силу одной лишь чистой случайности.

Я здесь не собираюсь быть судьей: кто прав, а кто нет. Если в моей жизни неоднократно повторялись случаи, когда меня спасала помощь благодетелей, то могу сказать, что подобные случайности, несомненно, были на моей стороне. Очевидно, и случайность благосклонна к тем людям, которые всю свою жизнь посвящают делу народа.

Если бы народ не знал, что наша партизанская армия есть его вооруженная сила, борющаяся за справедливость, за освобождение человека, если бы яркий образ партизанской армии не был в глазах жителей образом святой и величавой силы народной, то мы в то время на Тяньцяолине не смогли бы рассчитывать на помощь старика Кима. Стало быть, на скрижалях истории нашей антияпонской революционной борьбы не были бы запечатлены и такие чудесные предания, как эта живая легенда о происшествии на Тяньцяолине.

6. Окрыленные любовью народа

В ту роковую ночь мы, удачно миновав тройные караульные пикеты противника, остановились на ночлег в ущелье Давэйцзы, на руинах сгоревшего жилья. Не было ни одной уцелевшей крыши, только были почерневшие стенки. В этом разоренном гнезде мои боевые друзья провели остаток ночи и весь следующий день, ухаживая за своим больным командиром. Нечего было и говорить о каком-либо, хотя бы самом примитивном медицинском обслуживании: развели костер, уселись вокруг него и по очереди массажировали мои руки и ноги.

На следующий день, с самого утра, несколько наших бойцов из числа 16 уцелевших начали разыскивать жилье корейцев, которые, по утверждениям старика, должны были жить здесь без прописки в ведомстве властей Маньчжоу-Го. Искали в лесу целый день. Разумеется, нелегко было найти приют тех, кто обитает скрытно от японских войск и полицейских и властей Маньчжоу-Го, оградив себя барьером от внешнего мира. Лишь глубокой ночью натолкнулись вдруг на сруб бревенчатого домика в чащобах девственного леса на склоне горного перевала Лаоелин. Все вокруг заросло кедрами, березами и пихтами.

Как раз это и был тот дом, который сегодня широко известен среди нашего народа как «одинокий дом в Давэйцзы». Имя его хозяина—Чо Тхэк Чжу. Чвэ Иль Хва, автор воспоминаний «Желаю доброго здоровья и долголетия!», была его старшей невесткой.

В густом лесу на склоне горы находились два бревенчатых однокомнатных домика, напоминавшие близнецов по размерам и внешнему виду. Между жильем протекал небольшой ручеек. В одном из домиков, находящемся к северу от него, на склоне

горы, проживало, увы, 9 человек —старые супруги, их старший сын Чо УК с женой и внучата. В южном домике жили пятеро — семья второго сына Чо Гена. Домики такие низенькие, что вернее было бы назвать их землянками. Крыши были устланы толстым слоем земли, на которых было посажено несколько низкорослых сосенок. Понятно, что это было своего рода маскировкой жилья от посторонних глаз. Поэтому наши разведчики и не могли сразу отыскать их, хотя тщательно прочесывали всю лесную глушь.

Путники, форсирующие перевал Лаоелин, даже не могли догадаться, что на одном из склонов гор Давэйцзы обитают люди с «особым» взглядом на жизнь, те, кто скрывает малейшие признаки своего существования. «Адреса» этих домиков, говорят, знали лишь трое связных, которые часто преодолевали полосу между Восточной и Северной Маньчжурией.

Наши разведчики рассказали хозяину дома, зачем они пришли сюда. Тут же старик Чо Тхэк Чжу дал «экстренный сигнал» своему сыну Чо Уку и внуку Чо Ен Сону отправиться за нами. Он сказал: «Знаете, ребятки, командир Ким Ир Сен-заболел. Страдает от сильной простуды. Пусть свалится и небо, такого не должно быть. Идите скорее за партизанами». Затем невестке Чвэ Иль Хва велел приготовить кипяток и рисовый отвар. От дома старика Чо Тхэк Чжу до нашего временного лагеря напрямую было больше 8 километров. Чо УК и Чо Ен Сон вместе с нашими разведчиками прибыли на нашу стоянку в тот момент, когда бойцы отряда, усевшись вокруг костра, подогревали в полевом котелке воду для меня, вновь впавшего в бессознательное состояние. Положив меня на спину, бойцы направились к дому старика. Позади всех шел Валь Рён, заметая следы всей группы веткой сосны.

Дед Чо Тхэк Чжу, как говорится, с молодости повидавший все на своем веку, задал несколько вопросов комроты Хан Хын Гвону, после чего пришел к выводу: болезнь у командира Кима тяжелая; причина — сильная простуда, результат переутомления,

недоедания и страшного переохлаждения организма; эта болезнь порой может привести к смертельному исходу, но, вовремя приняв меры, больного можно исцелить за три дня; для этого нужна теплая постель, в которой больной мог бы хорошенько пропотеть.

Старец добавил, что для больного нужен абсолютный покой.

— Командир Ким еще не пришел в себя, находится в тяжелом состоянии оттого, что у него нарушено кровообращение. Когда в тепле нормально заработают кровеносные сосуды, дело пойдет на поправку, — заявил он. — Прошу вас, ребята, не беспокоиться. Идите в дом моего второго сына и отдыхайте спокойно, — сказал он Хан Хын Гвону, вместе с невесткой продолжая массажировать мои руки и ноги.

Слова старика приободрили и немного успокоили бойцов отряда, которые с тревогой и беспокойством сидели вокруг меня, уже несколько дней страдающего от тяжелой болезни. По наказу старика Чо Ен Сон повел их через ручеек в домик Чо Гена. Возле меня остались двое караульных и семья Чо Тхэк Чжу.

Старик разбавил в кипятке полчашечки меду и стал понемножку вливать мне в рот этот целебный напиток. Усевшись у моего изголовья, он внимательно следил за ходом болезни то и дело притрагиваясь ладонью к моему лбу. Через некоторое время он кормил меня отваром, разбавленным медом. Бойцы которые ухаживали за мной в ту ночь вместе со стариком, впоследствии рассказывали, что я стал приходить в себя лишь после того, как проглотил отвар с медом. В этот момент я окончательно избавился от беспамятства и предательской слабости, которая клонила меня то в сон, то в полузабытье. Чувствовалось, голова у меня как бы проясняется и казалось поэтому, что наступает цветущий весенний день. Все мое тело пребывало в состоянии невесомости, а душа рвалась все время вверх, словно пушинка. Вокруг меня не было ничего — ни скучного, надоедливого зимнего пейзажа леса, ни снежного покрова, ни пурги, ни холода, не слышно было ни назойливых

выстрелов преследователей, постоянно тревоживших мой слух. Не ощущал я теперь ни страшной головной боли, ни озноба, ни изнуряющей высокой температуры. Странно, что же случилось? Неужели так начисто отступила та болезнь, которая ввергла меня в страшную пропасть между жизнью и смертью и причинила мне столько страданий?

Я собрался с мыслями и прислушался к шуму ветра, трепавшего бумажку на окне. Звук гудящей бумажной полоски напоминал отдаленный шум двукрылого самолета, который мы видели над вершиной Лаоелина при следовании из Дуйтоулацзы. Мои глаза встретилисьс внимательным взглядом незнакомого старика с седыми длинными бровями.

Натруженная рука этого пожилого человека слегка придерживала мое правое запястье и очень напоминала мне теплую ладонь моего родного дедушки в Мангендэ, любившего ласково притрагиваться к моей щеке и ко лбу.

— Где я нахожусь? — тихонько спросил я у совсем незнакомого старика, наклонившегося ко мне.

Мой вопрос вызвал на его лице неожиданную реакцию, которую невозможно ни описать на бумаге, ни рассказать словами. Улыбка, еле заметно появившаяся в уголках рта старика, вмиг преобразила его щеки и глаза — все лицо, изрезанноеглубокими морщинками, такое простое и доброе, как вспаханная земля. В этот миг оно мне казалось чудесно-волшебным. Подумалось, что я впервые в жизни вижу такое простое лицо, выражающее искренность и вызывающее к себе безграничное доверие.

Валь Рён, сидевший рядом с хозяином и напоминавший собой неподвижную мумию, неожиданно залился слезами. Он одним духом выложил мне, как бойцы экспедиционного отряда, миновав полосу смерти, добрались сюда, до ущелья в Давэйцзы, от лесоразработок в Сипяньляньцзы.

—Спасибо, дедушка! Исцелился я благодаря вашей доброте.

— Нет, нет, не говорите! Богатырем вас родило небо! То.что вы ожили в нашем домике, не связано с нашей семьей. Это все по воле неба, командир Ким!

При этих словах дед Чо Тхэк Чжу, подняв голову, посмотрел вверх, будто бы я и на самом деле был рожден небом. Слушая его, я испытывал чувство неловкости и даже, прямо скажу, очень смутился.

— Дедушка, пожалуйста, не восхваляйте так мои возможности. Слишком высока для меня честь—сравнение с богатырем, рожденным небом. Я не богатырь, рожденный небом. Я сын ивнуксвоего народа, родился всемье простого крестьянина. Как один из воинов Кореи я пока что сделал далеко не все.

— Нет, нет! — заупрямился хозяин. — Слишком большие ратные подвиги вы свершили, командир Ким. Весь мир знает об этом. Я еле-еле свожу концы с концами и живу, словно червь, копаясь в земле этого безымянного ущелья, но до меня тоже доходили слухи, которые гуляют во всех трех провинциях Северо-Востока Китая.

Услышав от Валь Рена о моем выздоровлении, вбежали в распахнутую кухонную дверь родные старика вместе с партизанами, вскочившимис постели в этот предрассветный час. Старик взволнованным голосом велел своим детям:

— Поклонитесь этому человеку, дети мои. Это знаменитый командир Ким. Осенью позапрошлого года он во главе корейской армии совместно с отрядом командующего У атаковал уездный центр Дуннин.

Я еле приподнялся в постели, принимая поклон этих лесных жителей.

В комнате этого бревенчатого домика в горной глуши, куда не заходят и почтальоны, жилья, не зарегистрированного даже в журнале учета местных властей, временами раздавался громкий, веселый смех.

— Да, теперь мы шумим и смеемся, а когда страдали в полном окружении врага, в глазах темнело от безнадежности.

Думали тогда — всему конец! — проговорил командир взвода Ким Тхэк Гын со слезами на глазах.

— Сколько же вы мучились из-за меня, товарищи! — проник новенно заговорил я. — Слава богу, хоть вы остались в живых!

Всю жизнь, до седых волос, не забуду вашей доброты и заботы!

На всю жизнь запомнил я обращенные ко мне лица боевых друзей, повлажневшие от слез. И сейчас те лица живы в моей памяти, как и тогда, более полувека тому назад. Досадно только то, что не сохранилось в памяти больше половины их имен. Страстно хочется передать нашим потомкам хотя бы их славные имена, но, к сожалению, я запомнил их не все. Эти 16 имен мне сегодня трудно различить одно от другого, ибо на них наслаивались десятки тысяч имен, связанных со мной прямо или косвенно в течение свыше полу вековой деятельности. Чтобы восстановить каждое имя из глубины истории нашей антияпонской революционной борьбы, требуется прибегнуть к летописи тех лет, к историческим документам. Но их, к сожалению, не существует. Ведь мы бросились в пучину антияпонской войны не для того, чтобы оставить о себе какие-либо записи. Мы взяли в руки оружие для того, чтобы положить начало новому миру, где хозяевами жизни станут трудящиеся массы.

Но этими аргументами, думается, нельзя оправдать себя. Ведь что ни говори, я все-таки являюсь бывшим командиром партизан! А вот не могу вспомнить больше половины имен своих ближайших боевых друзей, тех, кто спас меня от, казалось бы, неминуемой смерти!

— Дедушка, скажите, пожалуйста, где ваш родной край?

Откуда вам пришлось забраться в такую горную глухомань?

Я притронулся к тыльной стороне руки старика, которая была у него большой и грубой, словно грабли. Видно было, как вздулись большие синие вены. С чувством вечной благодарности, близкой к умилению, смотрел я на его лицо в морщинах, в которых как бы таятся следы полу веко вой истории политической жизни страны.

— Я родился в волости Самчжан уезда Мусан. Не выдержал притеснений япошек, покинул родной край в 29 лет и переправился в Хэлун, — грустно ответил старик и начал рассказывать о своем житье-бытье.

... С того года, когда он переправился через реку Туман, минуло около трех десятилетий. Работал все время арендатором, а через два года после антияпонской демонстрации 10 нюня вместе с семьей перебрался через горный перевал Лаоелин и начал осваивать паровые поля, зарегистрированные в японской компании по освоению рисовых полей. Слушал я старика, и перед моими глазами, как в замедленном кино, раскрывались картины бедствия одной крестьянской семьи, разорявшейся постепенно вместе с историей гибели Кореи.

Перевалив через Лаоелин, семья Чо Тхэк Чжу вначале приютилась в селе Давэйцзы, где поставила изгородь и заложила обтесанные камни под фундамент нового дома. Там было всего три корейских двора и пять китайских. Затем прибыли новоселы — стало десять корейских дворов, после чего и в этом захолустье пустили свои корни такие организации, как Антияпонский отряд самозащиты. Общество женщин. Детский авангард и Детский отряд. Но бурные волны, вызванные событием 18 сентября, одновременно смыли все эти организации без остатка.

При погроме каратели превратили село в сплошное пепелище. Люди вновь начали воздвигать на пожарищах жилье, старательно обстраивая свою жизнь. Весной 1933 года Давэйцзы постигла новая ужасная трагедия—дома опять его рели дотла, а во время пожара погибли жители деревни.

Весной 1934 года семья Чо Тхэк Чжу переселилась в другое место — построила бревенчатый домик в глубокой горной глуши Лаоелина на расстоянии около 12 километров от Давэйцзы. Это и был тот дом, в кото ром я отведал целебного отвара из чумизы с медом, что помогло восстановить мои физические силы.

В семье Чо Тхэк Чжу было девять человек. Они у входа в ущелье, на отдалении 8 километров от дома, построили небольшой шалаш и начали там заниматься подсечным земледелием. В страдную пору, когда не хватало рабочих рук, вся семья спала и питалась в шалаше, чтобы сэкономить время. Когда созревали хлеба, их быстро жали и на себе переносили в лесной домик, прятали зерно на хранение в землю. Крестьяне затем время от времени извлекали его из подземного хранилища и обрабатывали на крупорушке, приводимой в действие человеческими ногами. Вот так они и питались до нового урожая.

Это было наивным, примитивным самообеспечивающим хозяйством, но Чо Тхэк Чжу им довольствовался. Иногда семья ходила с зерном в городок Нинань с целью обменять его на другие продукты или товары. Достать ткань, обувь, спички, соль, иголки с нитками и прочие предметы первой необходимости — это и было целью проводимых рыночных операций. Других форм общения с внешним миром не было. Городская цивилизация никак не могла проникнуть в эту далекую глухомань, куда не было ни дорог, не могли пройти не только машины, но даже повозки. Не проникало сюда и электричество. Детишки полностью были изолированы от школы. Все просвещение заменялось наставлениями старика, а литература и искусство—сказками и песенными напевами невестки Чвэ Иль Хва, число которых можно было сосчитать по пальцам...

— Страшное, дедушка, одиночество и скука в этой безлюдной глуши? — спросил я старика, испытывая что-то вроде бурного чувства, похожего на негодование.

Старик Чо с грустной улыбкой ответил:

— Да, так одиноко и скучно, что и говорить нечего. Зато не маячат перед глазами ненавистные япошки. От всего этого, кажется мне, я здесь начинаю заметно полнеть. Для нас это теперь своя земля обетованная!

Упоминание слов «земля обетованная» заставило сжаться мое сердце.

Разве можно сравнить эту горную глухомань с обетованной землей? Неужели идеальные мечты корейской нации скатились до такого жалкого предела?! Япония отправляет своих переселенцев в Корею, где они прибирают к рукам плодородную землю, а наши соотечественники, перебравшиеся на немилую землю Маньчжурии, вынуждены ютиться в мышиных клетушках, расположенных среди тесных горных ущелий. Не найдешь на свете более страшной тюремной жизни, чем жизнь в этой горной чащобе!

Да, такое жилище, несомненно, напоминает тюрьму! Если оно чем-то и отличается от мест заключения, так только тем, что здесь нет надзирателей, тюремных стен и оград. Величайшим надсмотрщиком этой «тюрьмы» являются полиция, во иска Японии иМаньчжоу-Го, а оградой ее—угроза от этих карателей. А дедушка Чо Тхэк Чжу еще сравнивает эту тюрьму с обетованной землей. Поистине трагическое самоутешение!

Меня даже как-то разочаровывало такое мышление старика, который, будучи заключенным в этой «тюрьме», сковавшей его самого, считает ее чуть ли не земным «раем». Меня преследовала мрачная мысль: «Если каждый кореец будет так же безропотно воспринимать реальную жизнь, как старик Чо Тхэк Чжу,-то Корея никогда не увидит света возрождения».

— Дедушка, какая горькая судьба у корейцев! Вот вы даже считаете это место обетованной землей. Наверное, Самсу и Капсан, эти всем известные места ссылок, не являются более изолированными и глухими, чем эта глухомань. Пока в Корее и на маньчжурской земле хозяйничают япошки, для нас с вами не

может быть ни обетованной земли, ни спокойной жизни. Значит, со временем и до этой горной глуши дотянутся щупальца карателей. Этого никогда не надо забывать.

Конечно, я знал, что мои слова встревожат старика, но все равно прямо и без обиняков выложил ему свою душу.

Нервно подергивая бровями, старик Чо долго не отрывал от меня своего взгляда, утомленного, может быть, разочарованием, а затем произнес:

— Если эти злодеи, эти изверги доберутся и до этой глуши, то на свете больше негде будет жить корейцам. Будь прокляты эти подлецы, сделавшие жизнь простого человека такой горькой!.. Кочуя с семьей с места на место, я проклинал этих пятерых министров-предателей[17]...

Такой была в общих чертах моя беседа со стариком Чо Тхэк Чжу, которая проходила на рассвете того дня.

На следующий день, поднявшись с постели, я уже начал немножко прогуливаться и даже читать. А спустя несколько дней смог уже заниматься даже легким домашним трудом. Днем проводил военно-политические занятия, а вечером собирались все вместе, чтобы немного повеселиться. Каждый раз к началу веселья я вместе с двумя-тремя бойцами, устроившимися у Чо Тхэк Чжу, переходили через ручеек в дом Чо Гена. Даже в этих тесных, темных домишках беженцев партизанский отряд не нарушал распорядка дня и выполнял его так же строго, как и в Ванцине.

Через три или четыре дня, точно не помню, я решил отдать отряду приказ тронуться в путь. При этом все мы хорошо понимали, что самые элементарные приличия и мораль не позволяют нам, крепким мужчинам, число которых превышает семью старика из 14 человек, причинять хлопоты этим бедным крестьянам, находиться у них на иждивении, нанося невосполнимый ущерб их и без того скудному запасу продовольствия.

Но моя первая же попытка натолкнулась на протест со стороны командира роты Хан Хын Гвона. Он категорически воспротивился моему плану. «Отправляться на такой холод после перенесенной болезни равносильно самоубийству, — заявил он.—Я помогу согласитьсяс таким рискованным шагом!» В это время он был даже категорически против моих прогулок в лесу.

Количество продовольствия для трехразового питания около двадцати мужчин требовалось немалое. Даже если прикинуть согласно обычным нормам для взрослого человека, существующим ныне на пунктах продовольственного снабжения, то получится, что за 20 дней следовало израсходовать 4мешка зерна. Так что мы тогда истратили почти весь запас зерна, хранившийся в тайниках старика.

Но старик Чо Тхэк Чжу никогда не считал наше пребывание в его доме обременительным, не хмурился и не вздыхал, не кривил лицо. Наоборот, когда мы извинялись за причиненные его семье хлопоты, он не давал нам раскрыть даже рта. «Что вы говорите! — махал он руками. — Забота о воинах своей страны — прямой долг и обязанность народа. Никаких хлопот!» Действительно, это был человек большой души.

Чвэ Иль Хва, невестка хозяина, тоже была женщиной с добрым сердцем. Занимались они подсечным земледелием и, естественно, не располагали рисом. Но она очень вкусно готовила для нас три раза в день аппетитную кашу из чумизы, бобов, ячменя, овса и других круп, а также угощала блюдами из картофеля. Порою стряпала соевый творог и другое кушанье из растертых соевых бобов.

Она очень огорчалась, что не может угостить мясом командира, сильно ослабевшего после болезни.

— Очень жаль, что мы не держим домашнего скота. Боимся, как бы он не выдал наше жилье. Была бы хотьодна курица— непременно зажарила бы и угостила вас. Полководец... Думала сходить за мясом на рынок, правда, далеко это, надо идти целых

сто ли. Но боюсь сумасшедших карателей — придерутся, сотворят зло. Ой, какой немилый свет!.. — причитала эта добрая женщина.

От ее простых, бесхитростных слов веяло теплотой, глубокой заботой и просто человечностью.

— О чем вы говорите! — отвечал я. — Мне даже неудобно слушать такие речи. Я сын простого народа, с детства привык питаться зеленью, супом из сушеной ботвы капусты и редьки.

Прошу вас, не огорчайтесь из-за того, что не можете угостить меня мясом. Вы извиняетесь, что не можете приготовить настоящего соевого творога за неимением рассола и только подаете кушанья из растертых бобов. А мне кажется, я хорошо выгляжу благодаря этим блюдам.

— Говорят, что мужчины, уроженцы провинции Пхеньан, по характеру грубые и взбалмошные. А я вижу, что вы, командир, человек с душой нежной, как шелк. Была бы у меня дочь, обязательно выдала бы ее замуж в провинцию Пхеньан. Да вы кушайте на здоровье, закуски у нас не ахти какие. Ешьте по

больше каши и обязательно вылечитесь у нас, в этом доме.

Когда я обедал или ужинал, она с какой-то особой настороженностью усаживалась перед топкой, желала душой, чтобы я обязательно съел всю свою порцию.

Поэтому я даже при отсутствии аппетита, чувствуя ее горячую заботу и искренность, обязательно старался съесть всю пищу, разложенную на столике с короткими ножками. Лишь после этого на ее лице появлялась еле заметная улыбка.

Искренность и доброта простых людей, их теплое отношение к нам, действительно, отличались кристальной чистотой и неподдельной честностью. Если можно сравнить эти чувства с водой в реке или ручье, то я назвал бы ее «чонню» (прозрачный поток — ред.) или «онню» (нефритовый поток — ред.). Их искренность не знает пределов, ее невозможно измерить ни длиною, ни весом.

Кто постоянно ощущает любовь народа, тот счастлив, кто же не любим народом, тот несчастен! Таков мой подход к оценке счастья, и я придерживался этих взглядов всю свою жизнь.

Как в прошлом, так и сейчас я испытываю высшее счастье и ни с чем не сравнимую радость, когда ощущаю любовь народа. Вот в чем, полагаю, настоящий, истинный смысл человеческой жизни. Тот, кто понял это, может стать верным сыном и слугой народа.

Все возрастающая забота, постоянное внимание семьи Чо Тхэк Чжу способствовали быстрому улучшению моего здоровья. Несмотря на возражение Хан Хын Гвона, я часто прогуливался по лесу. Бывали дни, когда я помогал хозяину колоть дрова или же молоть зерно на самодельной крупорушке.

Незаметно минуло более 10 дней с той поры, как мы прибыли в ущелье Давэйцзы, и мне была оказана неоценимая помощь семьей старика Чо, а также эффективное лечение. Я начал подумывать о возвращении в партизанский район. Казалось, что мы покинули Ванцин очень давно, хотя не прошло и трех месяцев. Что же изменилось за это время в партизанском районе, каким он встретит нас, бойцов экспедиционного отряда, возвращающихся в Ванцин? Все это очень интересовало меня. При мысли о будущем почему-то появлялось на душе какое-то смутное беспокойство.

Еще в то время, когда мы действовали в Бадаохэцзы, связные из Восточной Маньчжурии не раз намекали прозрачно, что в обстановке так называемой борьбы за «ликвидацию реакционеров» среди жителей Цзяньдао зарождается весьма тревожное настроение. Одни сетовали, что беспощадная дубина борьбы против «Минсэндана» разрушает позицию революционных сил, другие вообще утверждали, что с дальнейшей активизацией работы по «ликвидации реакционеров» партизанская база не продержится и двух лет.

День ото дня у меня крепла решимость вернуться в партизанский район и принять срочные меры для устранения последствий, вызванных левацким беспределом в борьбе против «Минсэндана».

Однажды, после кратковременной прогулки в лесу, я направился к домику Чо Гена, чтобы сообщить командиру роты Хан Хын Гвону о своем решении. Я застал его сидящим на пне близ домика Чо Гена и с тоской на лице смотревшим на север небосвода. Скрестив руки на груди, он сидел неподвижно, напоминая человеческую фигуру, вырезанную из дерева. Весь его вид выражал какое-то горькое и сильное чувство, которое, казалось, никому не позволено нарушать.

Когда я подошел к нему, он вскочил и протер ладонью глаза. Увидев его покрасневшие веки, я заволновался — молнией пронеслась какая-то беспокойная мысль: «Не случилось ли что-нибудь за минувшую ночь? А может быть, этого мужчину, с виду

546

настоящего великана, терзает душевное страдание, такое, что трудно даже высказать другому?»

— Комроты, что случилось с тобой с раннего утра? Грусть

не к лицу Хан Хын Гвону! — сказал я и начал прохаживаться

возле него.

Хан Хын Гвон почему-то взглянул на меня мрачным взглядом. Моргнув повлажневшими глазами, ротный глубоко вздохнул и не торопясь проговорил:

— В Северную Маньчжурию отправлялось несколько де

сятков бойцов, а вот теперь возвращается только 16 человек... Вы

же сами знаете, с каким трудом создали мы эту роту!

Я с чувством глубокого волнения вспомнил о тех днях, когда мы с ним прилагали огромные усилия для 5-й роты. Эту

роту вновь организовали, разделив Ванцинскую 2-ю роту, находившуюся в Шилипине. Тогда я с частью бойцов 2-й роты отправился в район Лоцзыгоу, где к нашему отряду примкнуло новое пополнение из молодежи. Итак, появилась полнокровная 5-я рота, командование которой принял Хан Хын Гвон.

Эта рота постоянно находилась под моим личным руководством. Когда мне приходилось командовать батальоном или полком, я непосредственно водил эту роту в тыл врага на подрывные операции. Среди всех партизанских отрядов в Восточной Маньчжурии Ванцинская 5-я рота была одним из самых что ни на есть отборных отрядов, имевшим высокую боеспособность и большой боевой опыт. Но оказалось, что и она не смогла избежать больших потерь и теперь возвращается в партизанский район в истерзанном виде. Мне понятны были переживания Хан Хын Гвона, который сейчас, обхватив голову руками, страдает от мучившей его душевной боли.

— При мысли о потерях 5-й роты разрывается и мое сердце.

Но я утешаю себя больше всего тем, что бойцы роты оказали большую помощь товарищам Северной Маньчжурии. Да, мы все же добились больших успехов! Поймите, товарищ Хын Гвон, кровь пролита не зря. Мы еще восполним наши поредевшие ряды и будем беспощадно мстить за наших павших боевых товарищей!

Я высказал эти слова Хан Хын Гвону, но хорошо понимал, что адресую их и себе самому. Крепко сжав губы, Хан Хын Гвон продолжал молча всматриваться за горизонт, в сторону севера. Видимо, его душевные раны нельзя было вылечить несколькими успокаивающими словами. Да это и понятно, ведь ничем нельзя опре делить глубину исилу скорби мужчины. Молчание Хан Хын Гвона не расстроило и не обидело меня, а, наоборот, усилило мою глубокую веру в этого командира.

Через несколько дней, несмотря на настойчивые уговоры старика Чо Тхэк Чжу, я приказал отряду собираться в путь.

Бойцы, строгие исосредоточенные, выстроилисьпередбревенчатым домиком, чтобы проститься с хозяином.

— Дедушка, меня принесли в ваш дом на руках, а сего дня я возвращаюсь в партизанский район здоровым и хорошо окрепшим. Если бы не ваша семья, то я не смог бы ни выздороветь, ни выжить. Я никогда не забуду вашей заботы и вашей доброты по отношению ко мне.

Волнуясь, я не находил более красивых и емких слов, чтобы выразить свою благодарность, ту глубину чувств, которые испытывал в этот момент к старику и его семье. Бедность слов, возможно, прямо пропорциональна силе чувств волнения.

Старик Чо слушал меня со смущенным видом. Он произнес:

— Я не мог угостить вас даже кусочком мяса, а вы так восхваляете нашу заботу. Очень жаль, что не смог подольше задержать вас в нашем скромном жилище и вынужден расставаться с вами, командир Ким. Не смею больше задерживать вас так как хорошо понимаю, что вам надо идти на борьбу во имя Кореи. Когда наша страна станет независимой, мы бросим это захолустье и отправимся в родной край. Мы верим лишь вам командир Ким!

— Огромна вина сынов Кореи в том, что люди вынуждены скрываться в такой глуши без солнечного света, мыкаться даже на чужбине, куда пришли в поисках желанного приюта. Но непременно настанет день, когда вы, дедушка, будете жить под яркими лучами солнца. Хочу вам дать совет: как бы ни было трудно, переселяйтесь в сторону Лоцзыгоу. Не ровен час, весной будут усилены карательные операции врагов. И в этом ущелье тоже все чаще станут раздаваться их выстрелы. Та местность находится под сильным влиянием революции, так что вам будет там безопаснее.

После этих слов я покинул ущелье Давэйцзы.

Перед нашим отправлением Чвэ Иль Хва вложила в вещевой мешок каждого бойца трехдневный запас провианта из чумизы и ячменя. Целую ночь чисто молола зерно для этой цели. Хозяйка

снабдила каждого дорожным обедом, который состоял из комков каши, соевой пасты с молотым красным перцем. Все это было аккуратно завернуто в бересту. Ее старший сын Чо Ен Сон, прокладывая нам путь в снежных сугробах на перевале Лаоелин, провожал отряд до самого Бажэньгоу.

Сбылись наши худшие предположения. Спустя некоторое время недалеко от дома Чо Тхэк Чжу стали часто раздаваться приглушенные выстрелы карателей. Однажды глубокой ночью эта семья, спешно взяв с собой продовольствие, свои убогие пожитки, незаметно покинула Давэйцзы и переселилась в Тайпингоу, там стала арендовать землю у местного богача.

Вновь эту семью я встретил в июне того же 1935 года в Тайпингоу. Разгромив в горах Лаохэйшань одно из самых жестоких подразделений Цзинъаньской армии, наш экспедиционный отряд, прибывший туда из Восточной Маньчжурии, остановился напротив Тайпингоу, в селе Синьтуньцзы, развернул там активную работу среди масс. Мы направили и в Тайпингоу опытных политработников, которые вместе со мной получили бескорыстную помощь от старика Чо в ущелье Давэйцзы. Они случайно встретили на дороге старика Чо. Мне сразу же доложили об этом, я посетил дом старика в тот же день. Полгода назад в бессознательном состоянии меня принесли к нему на руках мои боевые друзья. В то время рядом со мной находилось всего 16 бойцов, измученных в бескрайних просторах Северной Маньчжурии. Но на этот раз я шел к старику совершенно здоровым и к тому же не с 16 бойцами, а с большим отрядом. Я шел к благодетелям, которые спасли меня от верной смерти, проявив тогда внимание и заботу, на какие только способен человек. Но слишком легковесной и скромной была ноша, с которой я направлялся к своим спасителям, — всего несколько килограммов мяса и незначительная сумма денег, которых могло бы хватить лишь на покупку запаса продовольствия на один-два месяца. Я даже подумал, как хорошо было бы, если эти несколько килограммов мяса

превратятся в десятки домашних животных, а скромная сумма денег — в тележку золотых монет.

Не знаю, как можно выразить стеснение и неловкость человека, когда он не в состоянии щедро отплатить человеку за его доброе дело. Но я торопил себя, выпятив широкую грудь и ускоряя шаги. Пусть легка и не богатамоя ноша, но ведь впереди большое счастье — мы остались живы и встретимся снова! Как хорошо, что сейчас все благополучно и у меня, и в семье деда Чо Тхэк Чжу!

В тесной неказистой комнате, свидетельствующей о крайней бедности ее обитателей, ютилась многочисленная семья. Все были одеты в лохмотья. Однако при встрече со мной их лица осветились радостными улыбками. Я тут же присел на завалинку и начал беседовать со стариком. Его внимание привлекали боевые успехи революционной армии при разгроме подразделения Цзинъаньской армии, а я в свою очередь интересовался жизнью его бедной семьи.

— Дедушка, как же вы без вола занимаетесь земледелием и запасаетесь дровами? — спросил я.

Этот вопрос беспокоил меня с той самой поры, когда я пребывал в Давэйцзы.

— Таскаем все на своих плечах. Все 14 человек семьи сделались волами и лошадьми. Тянем соху, доставляем на спинах дрова.

Старик, вовсе не жалуясь, говорило бедности и нищете —о бедах, которые он испытывал всю свою шестидесятилетнюю жизнь. В тотденьего облик казался мне чрезвычайно спокойным и великодушным.

— Вам, наверное, очень трудно прокормить такую большую семью?

— Конечно, нелегко. Но обработка земли, пожалуй, не намного труднее, чем лишения и испытания, которым подвергаетесь вы, Полководец Ким. Хотя я и живу впроголодь, в нужде, но в эти дни хо-ку с гордо поднятой головой.

— Может быть, приключилась какая-нибудь радость?

— Угадали, Полководец Ким. Я чувствую себя богатым, так как ваши бойцы непрерывно колотят япошек. Весть о победах революционной армии помогает забывать даже о пустом желудке. По правде говоря, я очень беспокоился, когда расставался с вами в Давэйцзы. Думал: ну что же сможет сделать отряд, численность которого равна численности моей семьи? Но вчера, когда вы возвращались с триумфом после боя на горе Лаохэйшань, я от души радовался, — увидел, что число ваших бойцов достигает сотен человек. Вот тут-то я и воскликнул про себя: «Ну, теперь-то порядок! Корея победит обязательно!»

Помнится, там, в Давэйцзы, старик вел разговоры главным образом на житейские темы. А в этот день, к моему огромному удивлению, его интересовал только один вопрос — о боевых успехах революционной армии. Минувшие полгода сделали его совершенно другим. Из бессильного непротивленца, с презрением отвернувшегося от проклятого мира и уединившегося от людей, он преобразился в оптимиста, который теперь вернулся в привычную для себя колею жизни и с улыбкой на лице возлагает радужные надежды на завтрашний день.

«Если успешно сражается армия, то и народ становится отважным»,—по думал я, когда встретил иузнал преобразившегося старика Чо Тхэк Чжу.

Прощаясь, я оставил крестьянину немного денег на житейские нужды, а на следующий день вновь послал к нему бойцов с белым конем, взятым в качестве трофея в бою в Лаохэйшане-Конь был пока что худым, но я был уверен, что в заботливых руках Чо Тхэк Чжу он станет исправным работягой в его хозяйстве. Конечно, по сравнению с проявленным ко мне вниманием этой семьи мой подарок был слишком скромным вознаграждением за доброту этих людей. Правда, невозможно

было ни деньгами, ни дорогими вещами достойно отплатить за лобпп этой семьи.

После этой встречи ирония су дьбы надолго разлучила меня с семьей Чо Тхэк Чжу—прервалась нить кровных уз между нами. В то время я главным образом действовал в районах гор Пэкту. После выступления в эти районы мне так ни разу и не довелось побывать вселе Тайпингоу. Весть о семье Чо Тхэк Чжу я получил лишь осенью 1959 года. Мне тог да сообщили, что направленная на Северо-Восток Китая группа экскурсантов по местам боевой славы антияпонской вооруженной борьбы нашла в Нинане Чвэ Иль Хва. Оказывается, где-то, на нашей планете, хотя бы за границей, все еще здравствовали благодетели из благодетелей, которых я искал десятки лет, досадуя, что не знал, где они проживали. Страстно хотелось тотчас же пересечь границу и отправиться в Нинань к этим добрым людям, чтобы отвесить спасителям моей жизни глубокий земной поклон, чтобы отвести душу, вспоминая вместе с ними на Родине, где сбылись заветные мечты павших борцов, о делах давно минувших дней.

Но между мной и той семьей пролегал барьер — государственная граница. Наша встреча могла состояться лишь после сложной процедуры оформления документов. Но это препятствие не охладило моего горячего желания увидеться со своими спасителями, ведь я терпеливо ожидал предстоящего свидания дни и месяцы.

Мне хотелось хотя бы на несколько месяцев вновь стать простым человеком и с обыкновенным паспортом в кармане осмотреть покрытые травами и густыми лесами места наших кровопролитных боев, хотелось покрыть дерном могилы павших боевых соратников и поблагодарить тех замечательных людей, что в трудный час помогли мне выжить, оберегали меня ценой своей жизни. Представлял я, как буду шагать в парусиновой обуви и гетрах, с вещевым мешком за плечами, проглатывая на ходу порцию скомканной каши, как это было во время

партизанской жизни. И представлял, как я снова, закатав штанины, перейду через бурную реку и ручей.

Тоска, неукротимая тяга к обыкновенной жизни, кажется, присуща любым политикам. Нет ничего удивительного в том, что глава государства, решающий судьбу страны, завидует жизни простых людей.

После освобождения страны я не раз посещал Китай и Советский Союз. В Маньчжурии, а также в СССР, в районах Средней Азии, проживало много соратников и добродетелей, с которыми я обязан был встретиться. Но пост главы государства, строгие рамки официальных визитов не позволяли мне включить личные дела в программу пребывания в той или иной стране. Все мои помыслы были направлены тогда лишь на восстановление Родины, разрушенной и разоренной в двух войнах — антияпонской и антиамериканской.

Другое дело, если бы я посещал Советский Союз или Китай на правах простого гражданина. Тогда, наверное, не так трудно было бы встретиться с людьми, которые были связаны со мной в годы антияпонской войны. То, что мы порой тоскуем по жизни обыкновенного человека, объясняется этой причиной.

Услышав, что руководитель страны, глава государства, испытывает в будни ограничения, некоторые люди могут недоверчиво покачать головой и засомневаться: «Да разве может такое случиться?» А ведь случается! Когда я решаю поехать в какой-либо район для руководства работой на месте, некоторые работники появляются тут как тут и сразу же говорят мне: «Уважаемый вождь, там плохая погода». Когда же мне хочется поехать куда-то, чтобы встретиться с людьми, они предостерегают: «Уважаемый вождь, там болото, распутица, туда нельзя проехать на машине». Разумеется, они по-доброму беспокоятся обо мне, желая оградить от неудобств, но для меня все это является своего рода ограничением.

Наконец, в 1960 году Чвэ Иль Хва вместе со своей родней вернулась на Родину. Полная страданий, скитальческая жизнь,

начатая в свое время стариком Чо Тхэк Чжу с переселения в Хэлун, только через 60 лет кровавых лишений и нечеловеческих испытаний закончилась прибытием его потомков в Пхеньян. Сколько же было счастья и радости у этой семьи, увидевшей образ Родины, ставшей теперь независимой и свободной, поднимающейся с гигантской силой из руин под знаменем самостоятельности!

Возвращение Чвэ Иль Хва на Родину по времени совпало с потрясающим историческим событием, когда вся страна ликовала по поводу репатриациисоотечественников из Японии, оцененной в мире как «крупное переселение нации из мира капитализма к социализму». Тогда же возвратились на Родину и наследники из рода Чо Тхэк Чжу.

В то время Чвэ Иль Хва было 67 лет. Ее волосы покрылись сединой, словно были усеяны белым снегом с теневой стороны ущелья Давэйцзы. Как и супруга Рян Сэ Бона, она не могла сдержать рыданий при нашей встрече и не отпускала моей руки.

— Матушка, зачем вы проливаете слезы в такой радостный день? Ведь мы остались живы и встретились снова!

Я как мог утешал ее, вынул платок, чтобы вытереть ей слезы, но она тотчас же поднесла к глазам тесемку своей кофты.

— Я разволновалась, вспомнила, как вы тогда страдали от жесточайшей простуды.

— Что вы говорите?! Наоборот, страдания выпали на вашу долю и, конечно, на деда Чо Тхэк Чжу. Я не могу забыть ваших благодеяний. И после освобождения Родины я посылал в Маньчжурию людей, поручив им найти вашу семью. Кажется, мы расстались с вами в Тайпингоу детом 1935 года? Мне сказали, что после этого вы, спасаясь от жестокого погрома врага, переселились в Нинань. Ну, и как же вы там проживали?

— Заготовляли и продавали дрова. Привозили их на том самом белом коне. Еле-еле сводили концы с концам и. Если бы не конь, которого вы подарили нам, все бы померли с голоду.

— Я рад что белый конь стал вам хорошей подмогой.

Слышал, что уважаемый Чо Тхэк Чжу умер в 1953 году. Это правда?

— Да, так и случилось. Пока был жив, все время вспоминал вас. Как бывало услышит, что американская авиация бомбила Пхеньян, так и говорит: «Дай бог, чтобы Полководец Ким Ир Сен был здоров и невредим... Какая у него тревожная жизнь!» А в такие ночи он долго не мог заснуть.

Струны моего сердца были больно задеты словами ЧвэИль Хва о том, что достопочтенный Чо Тхэк Чжу до последних минут своей жизни не забывал меня и от души желал моего здоровья.

Чувство народа всегда отличается неизменной верностью. Все на свете меняется, постоянной же остается только любовь народа к нам. Любовь эта передавалась и передается от давно минувших до сегодняшних дней, а завтра она будет еще сильнее и крепче. Это чувство бессмертное, вечное, напоминающее драгоценный камень, ибо сохраняет свои благородные оттенки при любых, самых трудных обстоятельствах, в бурях суровых испытаний.

— Да, очень жаль, что дедушка Чо Тхэк Чжу скончался так быстро. Прожил бы еще семь лет, смог бы вернуться на Родину.

И поныне я не могу позабыть тот бревенчатый домик в Давэйцзы. Вам не случалось там побывать?

— Нет, не приходилось. Теперь-то, кажется, я бы не смогла там жить,

—Зачем же вам опять в такую глушь? Всю жизнь ходили по мукам, значит, теперь в окружении заботливых детей можете спокойно прожить остаток своей жизни. Я лично выберу вам квартиру.

15 апреля 1961 года, в день, когда мне исполнилось 49 лет, Чвэ Иль Хва навестила мой дом — поздравила с днем рождения и подарила на память авторучку. В то время она, смущаясь и переживая, рассказала примечательную историю той авторучки.

— Уважаемый Председатель! Тот белый конь, что вы подарили нашей семье, превратился вот в эту авторучку. По вашему совету мы щедро кормили лошадку и стали использовать ее по хозяйству. Но вскоре пришлось обменять лошадь на вола: опасались, как бы ее не забрали военные. Тот вол и кормил всю нашу семью. После освобождения отдали мы его в артель.

Когда мы собрались возвращаться на Родину, в артели заплатили нам за вола. На эти деньги купила я вот эту авторучку. Дарю ее вам, чтобы у вас хорошо шли государственные дела, чтобы вы здравствовали долгие лета. Так что примите, пожалуйста, этот скромный подарок.

Я с глубоким волнением вспоминал необычную историю нашей многострадальной нации, которая была очень ярко отражена в жизненном пути семьи Чо Тхэк Чжу. Весьма символично, что подаренный старику белый конь вдруг превратился в авторучку.

— Благодарю вас, матушка! Как вы и желаете, я постараюсь жить долго и верно буду служить народу.

15 августа того же года, когда все жители страны отмечали 16-ю годовщину со дня освобождения Родины, я навестил дом Чвэ Иль Хва, что стоял на берегу реки Тэдон. В комнатах, где еще не выветрились свежие запахи новоселья, раздавался звонкий смех детей, радующихся празднику. Место для этого многоэтажного здания я выбрал сам, а чертежи проекта просмотрел с тщательностью. Дом был построен специально для писателей и ветеранов антияпонской революции. К тому времени в Пхеньяне не было лучших, чем этот дом. Жилой квартал Кенсан, где он находился, пхеньянцы образно сравнивают с желтком яйца.

— Вам нравится квартира, матушка?

— Да что вы! Я впервые в жизни поселилась в таком великолепном доме.

Как бы желая продемонстрировать прелесть вида, открывающегося из окон нового дома, хозяйка распахнула их настежь, и засверкала река Тэдон. Прохладный ветерок с реки шевельнул пряди ее волос, поседевших от неисчислимых жизненных тягот.

— Вы всю жизнь провели в горных захолустьях, поэтому я выбрал вам дом на берегу реки. Может быть, вы тоскуете по горам?

— Да нет, что вы! Мне лучше любоваться рекой Тэдон.

Какое счастье жить на берегу реки!

— Но все-таки, мне кажется, наступают минуты, когда вы тоскуете по горам. Давэйцзы-то сам по себе неприветливый край, мало уютный для человеческой жизни. А вот воздух там был прекрасен! Если захотите подышать лесным воздухом поднимитесь на гору Моран. Зная, что вы будете тосковать по горам, я выбрал для вас дом вблизи горы Моран. Так что почаще совершайте туда прогулки. Когда построим дом получше выберу для вас новую квартиру.

— Мы очень довольны этой квартирой, уважаемый Председатель. Нам достаточно и того, что мы живем очень близко от вас.

Чвэ Иль Хва проводила меня на улицу, аж до подъезда. Когда я протянул на прощание руку, она крепко обхватила ее руками и, волнуясь, задала многозначительный вопрос:

— Скажите, уважаемый Председатель, рядом с вами имеются искусные врачи?

Я даже чуть растерялся от неожиданного вопроса.

— Конечно, есть, даже их много. Но почему вы об этом спрашиваете?

— Вспомнила, как вы страдали от простуды. Вот и беспокоюсь, как бы вас снова не постигла такая чудовищная болезнь.

Берегитесь...

— Не беспокойтесь, пожалуйста, матушка. Я совершенно здоров. К тому же я теперь не боюсь простудиться, так как рядом со мной проживаете вы, матушка Чвэ Иль Хва, хорошо умеющая лечить простуду.

Расставшись с Чвэ Иль Хва, я погрузился в глубокое раздумье. С любопытством осматривал центральные улицы столицы, ликующие толпы людей в праздничном настроении. Улица Сынри (Победа — ред.), улица Инмингун (Народноармейская — ред.), все другие главные улицы столицы, где зажжен факел движения за строительство 20 тысяч квартир, создавали свой неповторимый облик города, вобрав в себя великолепные здания учреждений и многоэтажные жилые дома. За восемь лет после войны десятки тысяч жителей столицы переселились из землянок в новые жилые массивы, рожденные в ходе выполнения громадной программы восстановления и созидания.

Но эти стройки означали только наши первые шаги. К тому времени более половины жителей столицы все еще ютились в жилищах, далеких от цивилизации, — в полуземлянках и однокомнатных квартирах. Да, в горниле антияпонской и антиамериканской войн все они понесли такие горькие жертвы и пережили такие муки, которых ни одной нации в мире не приходилось переживать. Где же еще на свете найдешь такой народ, как наш, который пролил столько крови, вынес столько страшных мучений, страдая от пронизывающих до костей холодных ветров и голода? Поэтому на благо этих людей надо больше строить хороших домов, больше изготовлять хороших тканей, больше открывать великолепных школ, больше воздвигать домов отдыха и больниц. К нам, на свою Родину, пусть возвращаются с чужбины больше соотечественников. Их зовет к нам тоска по Родине. Содействовать этому—это и есть дело всей моей жизни во имя народа, тех, кто спас меня от той тяжелой болезни, от смертельно опасных моментов. Долго размышлял я ночью и не мог сомкнуть глаз.

К сожалению, Чвэ Иль Хва скончалась много лет назад. Сейчас прах ее погребен на Кладбище патриотов. Ее сын Чо Ен Сон, проводивший нас тогда до Бажэныоу, и дочь, носившая нам питьевую воду, стали уже дедушкой и бабушкой, которым самим уже стукнуло по семьдесят. Их счастье, что вторую половину своей жизни они проводят на освобожденной Родине.

От Пхеньяна до Давэйцзы тысяча ли. И прошло около 60 лет с той поры, когда я прощался с тем тихим ущельем покрытым толстым слоем снета. Но шум тайги, оберегавшей одинокий горный приют старика Чо Тхэк Чжу от свирепых снежных бурь, и сегодня неумолкающим эхом звучит в моих ушах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **Такаги Такэо** (1905 — 1981) — японец. Родился в префектуре Фукуи Японии. С 1930г. корреспондент, обозреватель газеты «Иомиурисимбун». С 1972 г. председатель Общества культурного обмена между Японией и Кореей. Неоднократно посещал Корею. Написал и опубликовал книги о революционной борьбе великого вождя товарища Ким Ир Сена «Разгорается пламя на горе Пэкту», «Биографический очерк о Ким Ир Сене в Маньчжурии», «Путь Ким Ир Сена к Родине». В основу произведений положены воспоминания участников антияпонской вооруженной борьбы, бывших военнослужащих японской армии и чиновников, секретные документы различных японских ведомств, а также материалы, собранные, услышанные и увиденные лично в его бытность спецкором «Иомиури симбун» в Чанчуне, при сопровождении войск.

2 Имеется в виду благословенная, идеальная страна без классовых различий между янбанами (дворяне) и простолюдинами. Название происходит из корейской старинной повести «Хон Гиль Дон». В произведении герой Хон Гиль Дон мечтает о вышеупомянутой стране, проклиная общество того времени. .

3 **Я. Т. Новиченко** — бывший офицер из охраны командования Советской Армии в Корее. Он закрыл своим телом гранату, брошенную реакционером на трибуну митинга, проходившего 1 марта 1946 г. в Пхеньяне, на привокзальной площади в честь 27-й годовщины со дня Первомартовского движения, и защитил руководство корейской революции. Потерял тогда правую руку, сейчас живет в России. .

4 **Ким Гван Чхор**(1965— 1990)—офицер Корейской Народной Армии. В январе 1990 г-во время боевой подготовки закрыл своим телом шипящуюгранату за мгновение до взрыва. Ценой своей жизни спас более 10 солдат.

5 **Хан Ен Чхор**—боец Корейской Народной Армии. В феврале 1992 г., когда ему шел 21 год во время подготовки к военному учению закрыл телом гранату перед самым взрывом. Своей смертью спас жизни товарищей.

6 Речь иде г об одной из патриоток Кореи. Помогла корейскому полководцу Ким Ын Со расправиться с главарем японских полчищ Кониси после захвата агрессорами Пхеньянской крепости в июне 1592 г. .

7 **Рон Гэ**—патриотка Кореи. Погибла во время Имчжинской отечественной войны (1592 — 1598). После падения Чинчжуской крепости она заманила на беседку Чоксок японского военачальника. Обняв его, бросилась вместе с ним в реку Нам. .

8 **Высота 1211** —гора в середине восточной части Кореи. Имела большое военно-стратегическое значение в годы корейской войны (июнь 1950 — июль 1953), спровоцированной империалистами США и их марионетками Южной Кореи. Враги пытались любой ценой захватить ее, подняв на ноги огромные контингенты солдат и боевой техники. Защитники высоты всем сердцем восприняли приказ Верховного Главнокомандующего товарища Ким Ир Сена — не отдать врагу ни пяди родной

земли. Бойцы, проявив беспримерное мужество и самоотверженность, отбили неоднократные атаки противника и таким образом отстояли эту высоту. Это явилось громадным вкладом в защиту Отчизны. Высота 1211 стала символом духа зашиты Родины, стала называться «высотой геройства». Потерпевшие поражение в боях, враги называли высоту «горой отчаяния», пережив чувство отчаяния при виде этой неприступной высоты. Ущелье у подножия высоты, откуда враги не могли выбраться живыми, получило название «ущелье-ловушка». .

9 **Чхун Хян,Ли-дорён**(дорён—парень в уважительном звучании)—главные герои старинной корейской повести «Сказание о девушке Чхун Хян». Произведение критикует сословное неравенство в феодальной Корее в годы правления династии Ли. Имеется в виду запрет молодым людям знатного рода и низкого сословия влюбляться друга друга. Одновременно в нем проповедуется свобода любви, не обусловленная имущественным цензом и различием в социальной принадлежности. .

10 **Кан Чжин Гон** (1885 — 1963) — деятель антияпонского движения за независимость Кореи, родом из Ривона провинции Южный Хамген. Участник Первомартовского народного восстания, организаторобщества «Хыньопдан», цель которого — борьба против японского империализма, за независимость страны. Командовал налетом на Ренсонский полицейский участок в уезде Самсу. В августе 1923 г. был арестован японскими оккупантами и около 20 лет находился в тюремном заключении. После освобождения Кореи с 1946 г. был председателем ЦК Крестьянского союза Кореи. Впоследствии член Народного Комитета Северной Кореи, депутат Верховного Народного Собрания КНДР, член ЦК ТПК. .

11 **Ли Ён** (1888 — 1954) — родом из Пукчхона провинции Южный Хамген, окончил Посонский коллеж в Сеуле. В 1918г. окончил офицерскую школу сухопутных войск в китайской провинции Чжэцзян, С 1921 г. командующий Добровольческой армии Коре и по совместительству начальник военного училища в этой армии. Участвовал и в операциях по ликвидации недобитых белогвардейских банд вместе с Красной Армией Советского Союза. В 1946 г. председатель Новой прогрессивной партии. С 1948 г. занимал пост за постом министра коммунального хозяйства, министра юстиции, министра без портфеля, а также ряд других ответственных постов. .

12 **Ли Су Бок** (1933 — 1951) — родом из Сунчхона провинции Южный Пхеньан. Боец Корейской Народной Армии. Во время корейской войны, развязанной империалистами США и их марионетками Южной Кореи, в бою за захват высоты «Безымянная», соединенной горной цепью с высотой 1211, этот 18-летний юноша закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота и тем самым обеспечил успех атаки своего подразделения. Погиб в этом бою. .

13 **Вдова Пэк** — так прозвали филантропку Пэк Сон Хэн в Пхеньяне. Уроженка Пхеньяна, миллионерша. Однако всю свою жизнь жида скромно, а свои деньги жертвовала на благо общества. Огромную сумму пожертвовала тогдашней Чхандокской школе. На ее деньги были построены мост и двухэтажный дом собраний. Овдовела, когда ей не было еще и 20 лет, после чего всю свою жизнь, а прожила она до 80 лет, оставалась одинокой. .

14 Имеется в виду инцидент, возникший в связи с разоружением китайского антияпонского отряда Гуань Баоцюаня. Секретный партизанский отряд из Ванцина под командованием Ли Гвана разоружил отряд Гуань Баоцюаня под предлогом пресечения попытки капитулировать перед японскими империалистами.

Происшедшее событие толкнуло бойцов отряда Гуань Баоцюаня к безрассудному возмездию по отношению к коммунистам, что привело к крайнему ухудшению отношений между партизанскими отрядами и Армией спасения отечества. Все это в значительной мере затруднило деятельность партизанских отрядов.

15 Имеется в виду кровавая междоусобица, возникшая в 1921 г. в городе Хэйхэ (свободный город), расположенном вблизи границы между Маньчжурией и Россией. Поводом для трагедии стала грызня за гегемонию в частях Армии независимости Кореи.

16 **«Корабль-черепаха»** — первый в мире броненосец, построенный в XVI в. в Корее. .

17 Имеются в виду пять продажных министров правительства феодальной Кореи: министр образования Ли Ван Ён, министр внутренних дел Ли Чжи Ён, министр обороны Ли Гын Тхэк, министр сельского хозяйства, торговли и промышленности Квон Чжун Хен, министр иностранных дел Пак Чжэ Сун. Они пали на колени перед японскими захватчиками, когда в ноябре 1905 г. японские самураи навязали правителям-феодалам Кореи неравноправный и агрессивный «корейско-японский договор) (так называемый «договор о протекторате года Ыльса»). .